

КАРИНА ДЕМИНА

УЖ ЗАМУЖ НЕВТЕРПЕЖ

Annotation

Невесты съехались ко двору. Выбирай любую – одна другой краше. И каждая готова хоть завтра под венец. Вот только мысли Ричарда то и дело сворачивают куда-то не туда. То на тайны древние, то на демоницу, что изо всех сил пытается задание выполнить, то и вовсе в голове дурное появляется. А еще и тьма предвечная очнулась, поползла по Замку, людей будоража.

- [Карина Демина](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Вместо эпилога](#)
-

Карина Демина

Уж замуж невтерпёж

Глава 1

Где начинается знакомство девиц с миром проклятым

«И женщине надлежно смирение проявить и разумение, ибо в том суть женская, и сила, данная свыше. Тогда как мужская суть зело придурью всякою испорчена, оттого и беспокойна, в движении пребывает, в поиске себя и великих свершений».

«Размышления о сути женской и мужской, а тако же о тяжком бремени супружества и прочих важных сутях».

Спящим государь всея Вироссы и земель прилегающий, выглядел до того мирным, что желание пнуть братца куда-то взяло и исчезло. Во сне он шевелил губами и пускал пузырьки, губы его то и дело растягивались в улыбке, а светлые реснички дрожали.

Мудрослава вздохнула.

И наклонилась.

Дернула за косу.

– Ай! – возмутился братец, косу к себе отбирая. – Совсем оторвешь, а её, между прочим, знаешь, до чего непросто крепить?

– Не знаю, – Мудрослава прижала палец к губам и огляделась.

Пусто.

Тихо.

Солнце только-только светом плеснуло. Небо серое. И на этой серости темными тенями проступают окрестные скалы.

Девки спят.

И боярыни, которых для порядку отправили, правда, выбравши из тех, что родом поплоче, а то и вовсе сироты. Сироты-то, небось, капризничать не будут.

И служанки.

– Рань несусветная, – Ярка поскреб ребро. Ночная рубаха сбилась, перекрутилась, и теперь из горла выглядывало это вот, чересчур уж мускулистое для девицы, плечо, рыжим пушком покрытое.

– Рань. Самое время оглядеться. Или тебе не интересно?

Мудрослава прищурилась.

Чтоб её неугомонному братцу и не интересно было? Вона, вскочил, рубаху обтянул, правда, резковато чересчур, отчего ткань затрещала, а плечо выглянуло совсем уж неприлично.

– Переодевайся.

Сама Мудрослава отвернулась, больше для порядку, чем из стеснения. А ведь вырос братец. Пусть и не так высок, как отец, и крепости ему не хватает. Вона, тощий весь, что кошка по весне. И взгляд такой же, задумчиво-блудливый.

Женить его надобно.

И поскорее.

Наследников опять же. Глядишь, появятся наследники, то и заговорщики попритихнут с планами своими. Вот только на ком...

Мудрослава подавила тяжкий вздох.

И вправду, что ли, смотрины устроить? Потом, после, по возвращении? Но Яр точно этакою мыслью не проникнется. Да и на кого там смотреть? Девочек худородных не допустят, а кого из знатных, тех он уж не по разу и не по два видывал. Все хороши, белы и румяны, да только за каждую родичи гурьбою стоят.

Отцы да матери.

Дядья с тетками.

Племянники, племянницы и все-то, кому надобно будет помочь, услышать, подсобить... этак и державы на подсобления не хватит.

– Эх, хорошо-то как! – Яр потянулся и рубаха, слабо треснув, поползла по шву.

То ли дело иноземная какая царевна. Она, конечно, тоже при родне, но та будет далеконько, за морем, за горами, а стало быть, коли и полезет вдруг в дела чужие, то не с тою прытью.

Вот только...

Вспомнились ладхемские принцессы, на коих Мудрослава, говоря по правде, весьма себе рассчитывала. Вспомнились и от воспоминаний этих зубы свело.

Не девки, а не пойми что.

Кружева, шелка и перья. Лица размалеваны. Волосья башнею уложены, а из нее перья торчат, будто не особа благородного происхождения – хотя тут-то тоже имелись вопросы – а девка худородная, в птичник кур блюсти поставленная.

И главное, что на саму Мудрославу обе поглядывали этак преснисходительно.

Островитянка была хороша. Особенно статью. Глянешь на такую и сразу ясно, что деток родит здоровых, крепких. Да и бояре с такою связываться поостереглись бы, особливо, если б пришла она с дружиною, как водилось в старые времена. Да только глянется ли она братцу?

Тут аккурат имелись некоторые сомнения.

– Скоро ты? – Мудрослава обернулась и вздохнула.

С рубахой и сарафаном Яр как-то да сладил, а вот с косою запутался. Усевшись на полу, скрестивши ноги – вид сделался самый что ни на есть непотребный – братец неловкими пальцами пытался косу заплести.

– Вот горе-то, – Мудрослава дала по пальцам гребнем. – Сядь ровно. И скажи.

– Чего?

– Как оно тебе тут?

Коса – откуда только взял такую, драную, словно из хвоста конского сделанную – плелась легко.

– Не знаю. Места много, только пусто как-то... а тебе как? Глянулся?

– Кто?

Сердце защемило. Всю дорогу на Мудрославу если и глядел, то не жених нынешний, которого, по правде, и женихом-то назвать невозможно было, но Старомысл.

И вроде бы ничего-то непристойного.

Просто... случайные встречи.

Осторожные взгляды, в которых обещание виделось. А от этого, увиденного, сердце сбоило. То вскачь несло, то замирало трепетно. И хотелось порой закричать. Велеть остановиться.

Повернуть обратно.

Но Мудрослава справлялась с собой. И со снами, которые случались после этих взглядов. Стыдные. Непотребные. Заставляющие

просыпаться в испарине, сгорая от непонятной страсти.

Вот диво, а ныне-то спалось спокойно.

– Да... не знаю пока. Какой-то он... не знаю.

– Не такой? – Яр дернулся и поморщился.

– Смирно сиди.

– Сижу.

– Не такой... или это оттого, что ворожба на мне? – Мудрослава затянула шелковую ленту, а после завязала бант попышнее.

Достала из шкатулки бусы.

Повесила на шею братцу. А тем еще одни и еще.

– Не многовато? – тот поднял бусы пальчиком.

– В самый раз. Видел, сколько на ладхемках? Как они тебе?

– Женить решила?

– Надо, Яр. Сам ведь понимаешь.

– Понимаю, – вздохнул братец, поднимаясь. А солнце за окном показалось, пока лишь краешком золотым. И золота этого хватило, чтобы выплеснулось оно окрест, окрасивши горные вершины. И те заискрились, засверкали. От такой красоты душа заныла. И слезы сами на глаза навернулись.

– Знаешь, умыть бы их... а то ж так размалеваны, что лица не видать.

– А островитянка?

– Не, – Яр замотал головой. – Этакая и пришибет ненароком, если чего вдруг. Да и наши не поймут. Чтоб жена крепче мужа была.

И вправду не поймут.

Хотя брехать поостерегутся. Мужа-то она, может, и не совсем пришибет, а кого постороннего, так и до смерти.

– Степнячка хороша, – он прищурился.

– Не вздумай даже, – Мудрослава уцепилась за округлое ухо и крутанула легонечко. – А то ведь и вправду женю!

Яр скривился.

Неслух... всегда-то таким был... может, оттого, что наследник? Вот и баловали, что мамка с няньками, что после. А он хороший, братец. Незлой.

Шебутной только.

Но это от молодости.

– Идем, – Мудрослава поняла, что времени почти не осталось. Еще немного и замок стряхнет оковы сна, и тогда-то станет в немлюдно. А ей хотелось посмотреть на это место в тишине.

И она на цыпочках вышла из комнаты.

Спят.

Тихо спят. Сопят, да боярыня Савровская, честная вдова, старшею над Мудрославиным двором поставленная, во сне похрапывает тоненько да жалобно. Прочие девки тихи. Не ворочаются даже.

Ступали на цыпочках. И что-то было такое в этом побеге, донельзя детское, напомнившее о прежних, почти забытых временах, когда не чувствовала Мудрослава тяжести венца царского.

И долга.

И прочего всего.

Яр ненадолго задержался над боярынею, склонился, будто поцеловать желая.

– Что ты...

– Т-с-с-с, – он прижал палец к губам и подмигнул, уголек из рукава доставая.

– Яр, не сейчас!

– А когда? Или думаешь, я забыл, как она меня веником гоняла?

Вот ведь...

Дверь отворилась беззвучно. И Мудрослава едва не закричала от страху, но вовремя совладала. Мертвяки. В доспехе. Вчера они тоже были, но там, во дворе замка и еще стражею в воротах. А ныне вот подле её покоев.

Охраняют?

Или стерегут? Или и то, и другое разом?

– Ух ты! – Яр вот в восторг пришел и застыл перед мертвяком.

Доспех хорош.

Черный угольный. Этакий внушает... правда, не страх. Первый испуг прошел, и Мудрослава поняла, что на самом-то деле ничего-то жуткого нет. На рыцаря похож, из тех, про которых в книжке писано.

Бронный.

Оружный.

Стоит и не шевелится.

– А он... вообще... как? – Яр оглядел рыцаря слева. И справа. Поплевал на палец и потер броню. Нахмурился так, с интересом и

осторожененько ткнул в броню пальцем.

Мертвец не пошевелился.

Яр обошел его кругом. И ткнул с другой стороны. Потом подпрыгнул и помахал ладонью перед шлемом.

– Он вообще живой?

– Вообще нет, – сказали Мудрославе. И теперь уж она подпрыгнула. И Яр подпрыгнул. А вот мертвец, он остался неподвижен.

– Доброго утра, – сказал Повелитель Тьмы.

Тоже не спалось?

Или он вовсе спит днем, а ночью вершит темные дела? И как узнать-то? А главное, что сказать?

– Я привыкла вставать рано, – почти не соврала Мудрослава.

– Ага, – Яр с трудом подавил зевок, отчего лицо его слегка перекосило, будто он рожи строил. Впрочем, Повелитель Тьмы предпочел сие потребность не заметить.

Или вид сделал.

– А вы? – Мудрослава решила быть вежливой. И раз уж осмотреть замок втихую не выйдет, то можно хотя бы с женихом этим побеседовать.

Наедине.

А то вчера он, конечно, речи всякие говорил, которые по протоколу положено, но по речам ведь не поймешь, что за человек пред тобою.

– Не спалось.

Не сказать, чтобы высок. Чуть выше самой Мудрославы. Но крепкий. Не красавец, но и глядеть можно без страха. И... и что еще надобно?

Спокоен.

Улыбается вот.

И живой, главное. Хотя как раз тут еще проверить бы, а то может он только с виду.

– В таком случае, буду рад, если вы разделите со мною завтрак, – Повелитель Тьмы поклонился.

– Конечно.

Мудрослава ответила улыбкой на улыбку. И почему-то зубы заныли. Нет, ничего-то отталкивающего не было в человеке, что стоял

рядом. И... и наверное, любая другая нашла бы его красивым. Или хотя бы стоящим внимания. Но сердце закололо.

И захотелось вдруг вернуться.

Но Яр, словно почуяв неладное, подхватил её под руку.

– А он, стало быть, совсем-совсем мертвый?

– К счастью, совсем.

– Почему «к счастью»?

– Потому как, если человек не совсем мертвый, то возникают всякие... сложности. Непредвиденного характера, – Повелитель Тьмы слегка замялся и порозовел, будто девица. – Живое перерождается. И превращается в то, что именуют нежитью. Хотя на самом деле оно остается именно живым. Однако суть самой жизни столь извращается, что обычному человеку проще назвать то, что выходит, нежитью.

– Ага... – Яр сунул палец в ухо, отчего вид у него сделался совсем уж придурковатый. И Мудрослава подумала, что, если кто вдруг узнает его, если случится разоблачение, то ни она, ни Виросса такого позора не переживут.

– Нежить? – это слово отозвалось эхом.

И в коридоре появился еще один человек.

– Здесь есть нежить?

Повелитель Тьмы вздохнул и как-то совсем уж тоскливо произнес:

– Чего только здесь нету...

Ричарду и вправду спалось плохо.

Сны были... суетливыми. Он то ли бежал, то ли пытался вырваться откуда-то, но не мог. И с каждым движением все больше увязал то ли в жиже, то ли вовсе в камне.

Перехватывало дыхание.

Мелькали смутные образы. И потом, пробудившись в постели, он еще долго отходил от непонятного этого сна, от ощущения, что он почти услышал.

Почти понял.

Что?

Не ясно.

И потому-то, проснувшись, он умылся ледяною водой, тщетно пытаясь избавиться от едкого страха, от предчувствия беды. Оделся.

Вышел.

Остановился в пустом коридоре, вслушиваясь в такую привычную тишину. Думал было постучать к демонице, но не стал. Она выглядела утомленной и какой-то растерянной, будто это обилие людей, вдруг появившихся в замке, смутило и её.

И Ричард отступил.

Он прошелся по коридорам. Проверил посты, пусть и не было в том нужды. Задержался на несколько мгновений на галерее, глядя, как медленно разгорается рассвет.

А потом встретил Мудрославу Виросскую.

И смутился.

Она была... пожалуй, хороша. И красива. Все-то по-своему оказались красивыми, и пожалуй что, реши он выбирать из портретов, любой выбор был бы удачен. Но вот...

Невысокая.

Ладная.

Именно такая, какой надлежит быть принцессе, хотя не сказать, чтобы Ричарду случалось так уж часто с принцессами дело иметь. Мудрослава Виросская держалась величаво. Каждое её движение было исполнено того сдержанного достоинства, которого так не хватало самому Ричарду. Рядом с нею он остро чувствовал собственную неловкость. И пытался прижимать локти к бокам, и шею тянул, плечи расправлял да так, что спина начинала потрескивать.

Или казалось?

Главное, пришло понимание, что долго он так не выдержит. И потому-то появлению человека, которого здесь вовсе не должно было быть, Ричард обрадовался.

А что, Светозарный Паладин и глава ордена, несмотря на ранний час, выглядел именно так, как никогда не получится у Ричарда.

И величаво.

И сурово.

В общем, именно так, как должен выглядеть глава великого – пусть даже Ксандр утверждал, будто величие давно осталось в прошлом – ордена. Мудрослава Виросская тоже оценила.

Слегка зарделись щеки.

Задрожали ресницы.

И... обидно? Только вместо обиды Ричард ощутил величайшее облегчение. А что? Почему бы и нет? Вместе они смотрятся весьма

неплохо. И если вдруг выйдет... нет, что-то не то в голову лезет. С недосыпу, не иначе, потому как ему бы о собственном долге думать, а не о том, как чужое личное счастье устроить.

– Доброго утра, – паладин изобразил поклон, на который Мудрослава Виросская ответила же поклоном. И оба были изящны.

И...

– Доброго, доброго, – отозвалась рябая девица, ныне облачившаяся в ярко-красный сарафан, расшитый ярко-синими же цветами. – Так чего там с нежитью-то? Плодится?

– Бывает.

– Ага... у нас-то только мошкара плодится иным часом, – девица дернула тощую косу и уставилась на бант из атласных лент. – Так от один боярин давече решил указом свыше запретить мошкаре плодится и люд честной грызть.

– А это возможно? – осторожно заметил Артан Светозарный, слегка отодвигаясь от рябой девки. А она наоборот, придвинулась поближе и доверительно так произнесла:

– Дык, боярин же ж. Чего ж невозможного? Указы мошкаре читали.

– И... помогло?

– Кому как, – девица перебросила косу с бантом за спину и вытерла ладони о сарафан. – Мошкаре точно не помешало. Боярин еще тот за послушание наказать велел. Отыскать смутьянов и высечь... да... необъятна дурь человеческая.

И все задумались.

Артан же Светозарный даже вздохнул, верно, собственный опыт имелся. Ричард же ощутил острый укол зависти. Абсолютно иррациональной, даже глупой, но все равно яркой донельзя.

– И вправду, – он вымученно улыбнулся. – Если уж все встали, то стоит озаботиться завтраком. Заодно и про нежить поговорим, если, конечно, прекрасные дамы не будут против.

– Не будут, – ответила за обоих девица и зарумянилась. Еще потупилась и этак, завлекательно ресницами хлопнуло, отчего у Артана Светозарного глаз дернулся.

Слегка.

А Мудрослава Виросская подавила вздох. И мелькнуло в ее глазах что-то такое... наверное, горячая родственная любовь.

Глава 2

В которой приоткрываются тайны прошлого

«Из всех средств – самое верное на молодую луну поймать жабу и посадить ее в кувшин, налить молока и сказать тайные слова. Мол, пою тебя досыта, а будь милостива, приведи к порогу моему жениха. Чем жаба толще будет, а молоко свежее, тем богаче сыщется жених».

Из рассказов старухи Анфири, кою сельчане почитали за ведьму, а потому советовались с нею по всяким великим и малым делам.

Я открыла глаза.

Твою ж... присниться же такое. А главное, не понять, какое именно. Тягостное. Кисельное. Мутное. Сердце колотится. Руки дрожат. Хвост трясется.

Лежу.

Пялюсь в потолок. Беленький такой.

– И... что это было? – интересуюсь осторожно так. А Замок молчит. Не знает? Или сказать стесняется. Я дрожащею рукой пот со лба смахнула, вздохнула и села.

Голова слегка кружилась.

Нахлынуло вдруг непонятное раздражение. Злость даже. А с ним и желание кого-нибудь убить. Причем такое четкое, осознанное почти.

– Так, Жора, спокойно. Дышим глубоко... представляем себе что-нибудь хорошее, – я и вслух-то заговорила, поскольку это несвойственное мне желание, которое и не думало исчезать, пугало до судорог. – Котиков там... солнышко. Полянку.

Перед глазами же вставала та мрачная картина с демоном, пожирающим город.

Не то.

Не так.

Я потрясла головой и рог поскребла. Надо выбросить это из головы. Подумаешь... приснилось дурное. И настроения нет? Тоже проблема. Бывает. И со снами, и с настроением. Тем более причина имеется, даже целых пять, одна другой краше.

Угораздило же ж.

– Угораздило, – призналась я себе со вздохом и выползла-таки из кровати.

За окном загорался рассвет.

Красиво, однако.

Горы. Солнце... там, дома, я только мечтала в горы поехать. Или к морю. Или вообще хоть куда-нибудь, за пределы такого обычного, привычного и родного городка. Но денег хватало лишь на съём да самое необходимое. Даже премии, которые моя незабвенная начальница выписывала щедро, куда-то да уходили.

На нужды неотложные.

А тут вот...

Стою. Любуюсь. Солнце поднимается из пропасти, огромный шар чистого золота, воплощение первозданной красоты и мощи. И смотрю, пусть даже от света глаза слезятся. Но я упрямо стою, вбираю каждую каплю этого вот...

– ...красиво как... – голос раздался будто издалека. Такой нежный, едва различимый. И я замерла.

Снова?

– Красиво, – согласился мужчина, склоняясь над ладонями девушки.

И я выдохнула.

Все-таки как-то это... неудобно подсматривать. Будто я узнаю что-то, чего знать не должна бы, слишком личное, слишком близкое.

А эти двое...

Её я узнала.

Тот, давно умерший Повелитель, и вправду был неплохим художником. Во всяком случае, свою супругу он изобразил весьма и весьма точно. А она красивая. Красивей, чем на том рисунке.

Бледное личико.

Глаза огромные, яркие, что те озера, как бы ни пошло звучало. И устремлены на мужчину. Только в них видится не любовь, а... ожидание?

И снова это ощущение потусторонней жути.

Холодом по хребту.

– Никак не привыкну к этому, – её губы почти не шевелились, а в полупрозрачной оболочке тела клубилась тьма. И странно было, почему мужчина, этот вот опытный мужчина, который лучше меня все знает, не видит тьмы? – Все кажется... кажется, это не настоящему... что я снова умираю... и...

И она умерла.

Не тело, душа. Давно уже. А тело осталось. И я это тоже вижу, а он почему-то нет. Хочется крикнуть, предупредить, но в его глазах столько любви, что губы мои склеивает немота.

К тому же это уже случилось.

Давно.

Очень давно.

И я лишь смотрю. На полупрозрачные пальцы, которые касаются щеки мужчины, оставляя на нем едва заметный след тьмы. На его, опьяненного, очарованного. На неё, понимающую, что будет дальше. И... и ей все равно больно.

Но почему?

Если она – тьма, то откуда эта боль?

– Все уже, – он обнимает её, столь бережно и осторожно, будто и сам боится, что она вот-вот истаёт. – Все уже закончилось...

– Твои братья... они порой так на меня смотрят. И Командор Лассар. Он хочет меня убить.

– Ты ошибаешься.

– Нет, – она покачала головой. – Я это чувствую. Просто... когда ты рядом, он держится. А когда тебя нет... он подходит. Близко так. И смотрит. Смотрит. Только смотрит, но я с ума схожу от его взгляда! Не уезжай!

Она хватается за его руки, будто ищет спасения. И столько отчаяния в хрупкой её фигуре, что даже мне становится жаль её.

– Я умру, если ты уедешь! Они все... они думают, что я должна была остаться там, в горах... они... они...

– Тише.

– И Командор... особенно он. Я знаю, что он тебе говорит! Что я одержима.

Мудрый Лассар.

И надо с ним поговорить. Он должен бы помнить. Такое хрен забудешь. И возможно, то, что сокрыто в его памяти, поможет мне разобраться в происходящем.

– Он ведь говорил?

– Он просто очень древний. И он видел, как рушилась Империя. Это оставляет свой след.

Его пальцы скользят по полупрозрачной щеке.

– Вот и мерещится всякое. А братья поймут. Мы ведь все проверили, правда?

Полувздых-полувсхлип. И я сжимаю кулаки. Мужчины. Самоуверенные. Влюбленные. Бестолковые. Все и сразу. И вновь же, закричать бы, предупредить. Только... он бы не послушал.

Наверное.

– Они согласились, что в тебе нет тьмы... а Лассар... ему давно пора отдохнуть. На этот раз он слишком уж задержался.

– Он не захочет уходить.

– У него не будет выбора, сердце мое.

Сердце его билось в груди. И я сглотнула, потому что стук его, вдруг ставший громким-громким, вызвал странный голод.

Рот наполнился слюной.

А девушка сглотнула, будто... будто и она тоже? Или это я слышу её голод? Твою ж... точно свихнусь здесь. Спокойно. Дышим.

Стоим.

Смотрим.

Запоминаем. Все запоминаем. Мельчайшие детали. Мягкий бархат платья. Двойные рукава с разрезами, сквозь которые выглядывает полупрозрачная ткань. Жемчуга в три нити. Сетка на волосах. И светлые локоны, что ниспадают на лицо. Восходящее солнце подсвечивает их, и складывается ощущение, что вся-то дева окутана светом.

Разве можно заподозрить в ней тьму? Правда, в глаза заглядывать не стоит. И тьма понимает. Прячется. Там, в самой глубине их.

– Но ты... вы... ты ведь вернешься? – снова дрожащий голос. Она говорит, словно задыхаясь. Отчаяние же выглядит таким до боли

настоящим.

– Обязательно, – мужчина вновь склоняется к рукам. – Я вернусь... к тебе... к нашему малышу.

При этих словах её лицо искажается, и я отступаю, ибо столько ненависти, столько ярости в нем, что мороз по коже.

– Мы будем ждать тебя...

...обещание прозвучало слишком уж... многообещающе.

А потом они растаяли.

И ко мне вернулась способность дышать, а заодно уж мыслить здраво. То, что я видела... думай, Жора, думай... не с неё ли все началось?

С этой вот хрупкой красавицы?

Тьма.

Зеркало... что, к слову, стало с тем зеркалом? О нем Ричард говорил, но потом-то? После того, как его предок вернулся в замок?

Его уничтожили?

По логике должны были... не совсем же они двинутые.

– Послушай, – я покусала губы и подумала еще, что надо бы собираться. Причесываться там и вообще себя в порядок приводить, а то ж принцессы.

И Ричард.

– Послушай... – мысль ускользала. – Раньше ведь... до того... они друг с другом не воевали, верно? Ричард рассказывал... братья восстали на отца. И еще один погиб, а второй ушел. Потом с его собственным отцом тоже не все было ладно, как мне кажется...

Я расхаживала по комнате.

– Я не уверена, но...

Замок заскрипел.

– Не в этом ли дело? Не в ней ли? И... ребенок! Конечно. Она родила. Об этом Ричард сказал. А еще, что ребенка не нашли... и как его искали?

Наверное, весьма настойчиво, как иначе? Влюбленный мужчина, который вернулся и обнаружил, что возлюбленная его свихнулась и сожрала всех, кто был в замке.

Тут и самому крышей поехать недолго...

– Так. Он был не один. Братья... Лассар... или Лассара отправили... куда там их отправляют, когда не нужны?

Стало вдруг тоскливо.

Он ведь живой, на самом-то деле. Лассар. И Ксандр тоже живой. Мертвый, конечно, но все одно живой. Стоп. Этак я и запутаюсь.

Они думают.

И чувствовать способны.

И... что еще? Не важно. Только мнится, что нет ему особой радости пребывать там, куда его отправили. А значит, подло это было.

– Ты должен знать, но... молчишь? Почему?

Вздых.

И скрип.

Скрежет, больше похожий на мучительный стон. Будто кто-то там, внутри, пытается докричаться. А я не понимаю.

– Не понимаю, – я положила обе руки на стену. – Прости, пожалуйста. Я очень постараюсь, но пока... ты не можешь да?

Хлопок двери.

– Вот, уже лучше, – стена под ладонями оказалась теплой, даже горячей. – Ты хороший Замок. И ты защищаешь хозяев. Пытаешься. Но нельзя защитить человека от себя самого. И ты ведь пытался сказать ему, да? Тогда, раньше? И Лассар. Только не послушали... я с ним еще поговорю. Если, конечно, захочет говорить.

Надеюсь, что захочет.

И эту красавицу он должен помнить. А раз уж любви с ней не сложилось, то и защищать не станет. В теории.

– Знаешь... а ведь где-то должна быть книга? Вроде учета?

Книга учета Повелителей Тьмы.

Звучит.

Но начальница моя, дай ей Боженька здоровья, повторяла, что учет – основа основ. Даже повелителей. Только объяснить надо внятно. А то, чувствую, нынешний замок до понимания сей премудрости не дорос.

– Чтоб там перечислялось... не знаю, кто родился. Когда стал Повелителем. И кто у него братья, сестры... или да, сестер, вроде бы как не было. Хорошо. Братья. Что с ними стало...

Задумчиво заскрипела дверь.

А я пригладила встопорщенные волосы. И вздохнула. Мне бы тоже какого куафера. Хотя бы во временное пользование.

Дверь хлопнула.

И приотворилась.

– погоди, – я замахала руками. – Сначала умыться, одеться и все такое. А то ведь сам понимаешь, народу тут полно. Встречу еще кого не того. Скандал случится.

Дверь снова хлопнула и закрылась.

– Вот и я о том... как они тебе, к слову? Невесты?

Вода была прохладной, но не сказать, чтобы вовсе ледяной. Самое оно.

Платье лежало на кровати.

– Как ты это делаешь-то? Хотя... извини. Лучше не знать.

Расческа.

И волосы торчат уже не так интенсивно. Но не отпускает ощущение, что все равно я выгляжу не так... не так, как принцессы.

Плевать.

Не мне же замуж. А стало быть легкая лохматость, она только на пользу делу пойдет. Мужчины ведь обращают внимание на такие штуки. Пусть и врут, что важнее всего душа, только смотрят почему-то на размер груди и длину ног.

– Так, – мысли с трудом повернули в нужное русло. – Кто из них тебе нравится?

Молчание.

И как это понимать? Никто не нравится? Или все сгодятся?

– А Ричард? Как думаешь, кто подойдет ему?

На стене возникло зеркало.

– Спасибо, но... – я коснулась резной рамы. Отражение, к слову, было вполне себе симпатичным. И к рогам я привыкла, и красноватый блеск в глазах не слишком пугал. Да и волосы... что я к ним привязалась? Обычные волосы средней лохматости. – Ему принцесса нужна.

Зеркало исчезло.

Вот.

А я еще и не налюбовалась.

Ну и ладно.

Как-нибудь переживу.

Летиция Ладхемская к завтраку готовилась тщательно. Она позволила омыть тело водой, в которую добавили розовое масло и еще

каплю особого золотого эликсира. Хотелось бы добавить лепестков, но лепестков в Замке не нашлось.

Дикое место.

Её вытерли.

Умастили драгоценным бальзамом. Облачили в тончайшую сорочку, поверх которой положили другую, из плотной ткани.

На нее уж – корсет из железных полос, чтобы выровнять фигуру и избавить её от пошлых изгибов. На корсете закрепили фижмы, а уж поверх их – юбки.

– Знаешь, пока ты соберешься, он уже женится, – Ариция с печалью наблюдала за священнодействием.

– На ком? – Летиция приподнялась на цыпочки, пытаясь разглядеть себя. Поверх нижних юбок легло нижнее же платье из переливчатой газейской тафты. И служанки старательно расправляли ткань, не оставляя место складкам. А прочие несли и верхнее платье, из плотного гладкого атласа, который ляжет ровно, придавая фигуре нужное изящество линий.

– На той, которая одевается побыстрее. Вон, виросска с утра, как мне сказали, на ногах.

– Ну и дура, – Летиция подавила зевок.

И нахмурилась.

Спалось на новом месте нехорошо. И вроде бы перины были мягки, пуховые одеяла легки, постели служанки согрели кирпичами, а вот все одно. Не то.

То ли снилось что-то мутное, беспокойное.

То ли предчувствия мучили.

То ли воспоминания вдруг очнулись, те самые, о которых не стоило бы. Касающиеся вещей, принцессы недостойных, а потому давным-давно изжитых, похороненных и вообще ненужных. Главное, что теперь раздражало все это вот. Маешься тут, терпишь ради красоты... лица коснулась пуховка и служанка осторожно заметила:

– Волосы отрастают.

Летиция вскинула руку и поморщилась. И вправду отрастают. Пока прощупываются легчайшим пушком и под пудрой, особенно если потолще положить, видно не будет. Но вечером придется брить.

Проклятье.

А могли бы и придумать зелье какое, чтоб ненужные волосы раз и навсегда исчезли.

– Не дура. Это скорее уж ты...

Летиция кинула в сестру туфлей, но та увернулась.

– Госпожа, стойте смирно, а то неровно получится! – возмутилась служанка, прикладывая к щекам круглые камни-румяна. – Замрите.

Летиция послушно замерла.

– Или мы... тебе не показалось, что мы смотримся как-то... не так?

– Цивилизованно? – поинтересовалась Летиция. Хотя камни прижимались к щекам и говорила она, стараясь не напрягать лицо. Оттого и получилось «филифизованно». Но сестра поняла.

– Скорее уж странно. Вироссцы одеты проще. Островитянка...

– Жуть! – передернуло Летицию, и служанка, наконец, отложила камни и подняла, поднесла зеркало. Получилось идеально. Два розовых круга расцвели на белоснежном полотне лица. Осталось нарисовать губы и глаза. – Я бы умерла, если бы родилась такой... такой... огромной!

Служанка встала на табурет и взялась за кисточку. Пришлось замереть.

– И степнячка...

Степнячка раздражала, вот истинная правда. Нельзя же на самом деле быть настолько отвратительно хрупкой и нежной.

И эти шелка, в которые она куталась, но они словно бы ничего и не скрывали.

И выглядела она... не как степнячка.

То есть, варварское великолепие имелось с золотом вкупе, но волосы светлые... личико такое, аккуратное на диво. И кожа белая без белил.

Кисточка порхала, создавая образ совершенной красоты.

Нет, степнячка, конечно, хороша... но папенькины фаворитки тоже прелестны. А женат он на маменьке. Почему? Потому что политика. А какая политика может быть со степями?

Летиция это и озвучила.

Когда ей позволили говорить.

– Вижу, ты начинаешь думать, – Ариция подошла к резной шкатулке, где на светлом бархате лежали три дюжины бархатных же

мушек. И какую выбрать?

Цветком?

Или пчелой?

Или...

– Вот эту, – Ариция указала на бабочку, крылья которой были украшены крохотными камнями. Пожалуй, и вправду будет неплохо. – Надо спросить, есть ли здесь портной...

А парик Летиция взяла розовый.

Под цвет платья.

И пусть он был не слишком пышен и даже почти неприлично низок, зато в него вплели шелковые розы и незабудки. Смотрелось это по-утреннему свежо.

Пара перышек, тоже окрашенных в розовый.

И золотая пудра.

– Зачем портной? Тебе мало платьев?

Хотя, конечно, платьев много не бывает.

– Кто-то же шьет наряды для демоницы...

Летиция фыркнула, но как-то неуверенно.

– Было бы там, что шить.

– Может, и просто, но ведь... ты видела, как он на нее смотрит?

Видела.

И это раздражало, пожалуй, больше степнячки с виросской принцессой, которая, пусть и одета была не по моде, но держала себя так, словно бы это она, Летиция Ладхемская, прибыла из неизвестной глуши.

Но ладно, виросска.

Демоница...

Сперва, конечно, она впечатления не произвела. Рога? Подумаешь, рога... помнится, в минувшем году папенькина фаворитка на карнавал явилась в высоченном парике с живыми птицами внутри. И еще поставили горшок с горошком, который парик оплел.

Вот это всех впечатлило.

А рога... так себе украшение. Хотя, может, если вызолотить и камнями украсить? Нет, о чем это она. Вот если у Летиции вдруг отрастут, тогда украшать и возьмется. А демоница пусть сама думает.

Именно.

Про демоницу им еще когда рассказали. И почтенная вдова еще велела выучить три молитвы пресветлым Сестрам, во избежание, стало быть, искушений.

Ну и от сглаза.

От него же повязала красную ленточку на левую щиколотку Летиции.

– И что?

– Может, конечно, и ничего...

– На демоницах не женятся!

– Нормальные люди, может, и не женятся, – Ариция одобрительно кивнула. – Но вот... беспокойно как-то.

Неспокойно.

И к завтраку, который почему-то объявили обедом, хотя вот лично Летиция никогда-то в этакую рань не обедала – только-только полдень наступил – демоница явилась.

В платье.

То есть, оно понятно. Явись она без платья, случился бы скандал. И дело даже не в самом факте отсутствия и явления, сколько... почему-то именно Летиция Ладземская почувствовала себя дурой.

А ведь она обладала врожденным вкусом.

И тонкостью натуры.

И в модах разбиралась получше некоторых.

И была изящна, прекрасна, подобна пресветлой Богине, снизошедшей до смертных. Ей об этом не раз говорили. А теперь вот она стояла. Смотрела на демоницу, раздраженно отмечая, что та, пожалуй, неплохо выглядит.

Без пудры.

Платье простое. И облегает... слишком уж облегает. Никакой прямоты и простоты линий, а сплошные изгибы. Те самые, пошлые, от которых должно избавляться во имя высокой моды. Юбка длинная, ниспадает мягкими складками. А из-под юбки хвост выглядывает.

То есть сперва Летиция решила, что ей показалось.

А он выглядывает.

Раз. И другой тоже. Высунулся змейкой с пушистой кисточкой на конце. И исчез. И снова высунулся.

Летиция моргнула.

– У... вас хвост? – вежливо поинтересовалась она, поскольку демоница не думала отступать и в свою очередь разглядывала саму Летицию.

Придирчиво так.

– Хвост, – согласилась та и в свою очередь спросила. – А вы лоб бреете?

– Для красоты, – почему-то Летиция ощутила, что краснеет. Благо, под слоем пудры этого не было заметно.

– Чего только люди для красоты не делают, – протянула демоница задумчиво.

И вздохнула.

Летиция тоже вздохнула.

Корсет давил на ребра и на грудь, которая была слишком велика, а потому, чтобы выпрямить линию приходилось утягивать её совсем уж плотно.

Фижмы были тяжелы.

Платье и того тяжелее. От пудры зудела кожа. Под париком парило.

– Это да, – раздался до отвращения бодрый голос. – Вот помнится у нас одна девка к щекам жаб прикладывала.

– Зачем? – Летиция с неудовольствием поглядела на тощую особу, чье лицо было столь отвратительно, что не понятно было, как ей с этим вот лицом, сплошь изрытым оспинами, вообще удалось войти в свиту цесаревны.

Дикие они люди.

Не понимают, что тонким натурам следует окружать себя прекрасным.

– Так для красоты же ж! Всем ведомо, что жабья слизь самое верное средство супротив морщин, – девица потянулась. – Ну да белила тоже хорошо. Рожу поплотней намазал и не видно, есть ли там морщины или другого чего.

– Нет там морщин! – взвизгнула Летиция, испытывая острое желание огреть сию наглую особу по голове.

– Да? – девка нахмурилась. – А так-то и не скажешь. Морда-то ладно намалевана. Аки на портрете!

И произнеся сие, повернулась задом.

Только сила воли удержала Летицию от того, чтобы не отвесить наглой девке пинка. Ну и наличие свидетелей. Почему-то подумалось, что пинающаяся принцесса – это не совсем то, что добавит Ладхему политического веса.

Глава 3

Где идет завтрак или даже обед и ведутся о пользе прогресса

«И нет хуже женщины, излишне увлеченной делом пустым, ибо тогда, в увлечении своем, слабость исконную женской натуры проявляя, забывает она и о доме, и о супруге, коий страдает премного, вынужденный влачить голодное существование, прозябая в тоске и неустроенности».

Трактат о дурных женских привычках, которые многие беды способны вызвать и брак разрушить, писанный достопочтенным магистром Нинусом на примере собственной неудачной жизни.

Ричард смотрел на потенциальных невест. Они смотрели на Ричарда. И как-то от этого становилось до крайности уютненько.

Ведь смотрели выжидающе.

И появлялось нехорошее ощущение, будто он совершил огромную ошибку. Будто взял и ненароком пообещал всем этим девицам что-то, чего не сможет исполнить при всем своем желании. Он поерзал и покосился на сидевшего рядом Ксандра. Тот тоже был отчего-то мрачен и даже как-то... поблек, что ли?

Такое вот появилось ощущение легкой неправильности.

Сидит, в тарелку уставился. Вилку серебряную в руке крутит, ничего-то не замечая.

– Простите, – раздался звонкий голос Ариции Ладхемской.

Она, в отличие от старшей сестры, облачилась в платье цвета молодой зелени. И парик выбрала желтый, кудряшками. Из кудряшек этих выглядывали перышки, а на самой макушке застряла крохотная шляпка в виде кораблика.

Наверное, это было красиво, но Ричард не мог отделаться от мысли, что кораблику в волосах грустно. Его бы вытащить и на волю.

...весенний ручей пробивался сквозь снежное покрывало. Темная вода летела по камням, спеша добраться до узкой трещины, а там, по ней, и к реке. Весной горные реки становятся злыми. Они вбирают в себя талые снега, и гремят, грохочут, тревожат скалы.

Страшно.

Но отец смеется. И Ричард делает шаг. Камни скользкие, покрытые не растаявшей еще наледью. Кораблик в руках. Легкий. Сделанный из щепок и обрезка ткани. Вода подхватывает его не сразу. Она осторожно пробует, касается темного борта, толкает в него, неловко так, будто смущаясь. И в конце концов, решившись разом, вдруг подсовывает ледяную лапу, поднимает на волну.

– Плывет! – Ричарду так радостно, что от этой радости он хлопает в ладоши. Смеется. И поскальзывается.

Он бы упал, в ручей или на камне, но сильные руки подхватили.

Удержали.

Подбросили.

– Конечно, плывет, – голос отца рокочет, как тот старый водопад, к которому они ходили зимой. – Отчего б ему не плыть.

И они стоят.

Смотрят.

Ричард моргнул, избавляясь от наваждения.

– ...значит, вы действительно мертвый? Полностью? Совершенно? – ладхемская принцесса даже привстала, то ли чтобы лучше видеть, то ли чтобы её саму было слышно.

– Ухо живое.

– Ухо?

– Левое, – Ксандр потрогал это самое ухо, в котором поблескивал огненный топаз. – Или правое. Простите, позабыл за давностью лет.

– Шутите, – догадалась принцесса.

– Пытаюсь.

– Извините мою сестру, – протянула вторая, которая ныне была тоже в кучеряшках, но розовых. К счастью, без кораблика.

Зато с цветами, что выглядывали из парика то тут, то там.

Интересно, а если парик снять, волосы под ним будут? Свои? И если будут, то какие они? Короткие? А может, они вовсе головы

бреют?

Мысль смутила.

Какое, собственно говоря, Ричарду дело. Но теперь почему-то, глядя на ладхемских принцесс, он не мог отделаться от мысли, что на лысину парик крепить проще. И... и вдруг они не потому лысые, что удобнее так? А наоборот?

Вдруг они просто лысые? А парики уже придумали, чтобы скрыть это?

И тогда... тогда зачем ему лысая жена?

А еще дети тоже лысыми могут быть.

И конечно, не сказать, чтобы это как-то повлияло на все остальное, в конце концов, местная нежить излишним эстетизмом не страдает, но... как-то оно не то, что ли.

– Если вы совсем мертвый, то зачем вам еда?

– За компанию, – ответил Ксандр, нисколько не смутившись. – Меня в свое время учили, что крайне невежливо смущать гостей отсутствием аппетита.

– А... – потянула Летиция.

Ариция же выставила вилку вперед:

– Ученые считают, что существование мертвой материи невозможно.

– Да ну?

– Именно. Вы ходите. Говорите. Думаете, надеюсь.

– Иногда. По праздникам.

– Не важно, некоторые и того не могут, – отмахнулась принцесса. – Вы потребляете пищу. Следовательно, вы живы.

– Нет.

– Но ученые...

– Привозите их сюда, – Ксандр одарил принцессу очаровательной улыбкой. Блеснули клыки и кто-то из сидевших за столом икнул, только не Ариция Ладхемская.

– Всех? – уточнила она.

– Можно начать с избранных. А там уж как пойдет.

– Пожалуй... а вы... дадите себя исследовать? Знаете, это было бы уникальным опытом... и помогло бы окончательно разрешить спор между Храмом и наукой.

Ксандр прикрыл глаза.

– Вряд ли, – прозвучал тихий голос Светозарного.

– Но почему?

– Иные вещи непознаваемы.

– Это вы просто познавать не желаете! – возмутилась Ариция Ладхемская.

Светозарный ответил мягкой улыбкой.

– Если подойти ко всему не просто так, а продуманно, то все можно познать. Вот к примеру, как мертвая материя может быть одновременно живой?

Ксандр закатил очи.

– Вспоминаю, – тихо пробормотал он. – Почему я старался пореже бывать дома. Когда еще был жив.

– Почему? – столь же тихо уточнил Ричард. А Светозарный чуть склонил голову, похоже, и ему было любопытно.

– Моя супруга... пусть покоится с миром... у нее был похожий характер. Никогда-то не умела признать свою неправоту.

– Может, потому что была права? – Летиция Ладхемская, лысая она там или нет, слухом обладала тонким. – Почему мужчины так не хотят признавать, что женщина права?

– Потому что иногда она бывает не права, – возразила островитянка.

Мягко.

Словно извиняясь, хотя не понять, за что.

– В чем?

– Он мертвый, – огромная рука махнула в сторону Ксандра. – И живой. Ибо древняя сила наполнила плоть. Он разумен, ибо смерть его была таковой, что душа не отделилась от тела.

Ксандр закашлялся.

И это не осталось без внимания.

– Он болеет! – возразила Ариция Ладхемская, которая категорически не желала отступить от своего. – И как понять, наступила ли смерть?

– Наступила! – рявкнул Ксандр.

– А вы откуда знаете?

– Прочувствовал!

– Ваши ощущения глубоко субъективны, а наука должна оперировать объективными фактами, – возразили ему.

– У меня сердце не бьется!

– Да? – она слегка нахмурилась. – А вы уверены?

– Проверьте.

Ариция встала и весьма решительно направилась к Ксандру. Она подняла голову, и шляпка-кораблик в кучеряшках волос опасно накренилась. Показалось даже, что еще немного и вывалится.

Кораблика было жаль.

– Очень... серьезная женщина, – тихо произнес Светозарный. – Берегитесь.

– Чего?

– Если она решит выйти за вас замуж, вам будет сложно ей отказать.

От девы пахло розами, и лилиями, и еще какими-то цветами. Вблизи её лицо, покрытое толстым слоем белил и пудры, казалось маской, причем довольно уродливой. Щеки горели алыми пятнами, а подведенные темной тушью глаза казались слишком уж страшными.

И...

Ксандр протянул руку. И Ариция Ладхемская взялась за нее. Двумя пальчиками.

За столом воцарилась тишина.

– Надо же... действительно... пульса нет. Но это еще ничего не доказывает!

– Да?

– Сердцебиение может быть столь слабым, что обычным способом его не услышишь. Я читала, что науке известны случаи, когда пациентов, впавших в глубокий сон, принимали за умерших. Это приводило ко всякого рода... недопониманиям. Вполне возможно...

– Я не сплю.

– Да погодите вы, – она махнула рукой, и кружево качнулось перед самым носом Ксандра. – Сейчас вы не спите, но вот... возможно то, что считается смертью, на самом деле лишь свидетельство глубокой перестройки организма под воздействием внешней энергии.

Она чуть прикусила губу.

Губы были красными. Слишком уж красными для белого лица. И это тоже пугало. Интересно, если Ричард попросит принцесс умыться и снять парики, это будет считаться неприличным?

А если будет, то насколько?

– Ваши жизненные процессы замедлились до крайности, что и позволило вам просуществовать столь длительное время. Конечно, вскрытие могло бы дать более точные ответы.

– Я не хочу, чтобы меня вскрывали.

– Наука требует жертв!

– Пожертвуйте ей кого-нибудь другого!

– Кого? – кажется, принцесса отнеслась к предложению весьма серьезно.

– Себя!

– Я живая.

– Это временно. Умрете, вот тогда пусть и исследуют.

– Между прочим, ваше непонятное упрямство вредит прогрессу. К слову, если вы мертвый, то вскрытие вам не повредит.

– Знаете, я прямо-таки почувствовал, как оживаю. Особенно ухо. Правое.

– Вы же говорили, что левое.

– И левое тоже, – Ксандр развернул чересчур уж прогрессивную принцессу. – Поэтому вы правы. Я только что понял, что был жив и буду... надеюсь. Как-нибудь.

– Вот видите, – сказала Летиция Ладхемская с упреком. – И ничего-то нет страшного в том, чтобы признать женскую правоту. Кстати, мне сказали, что здесь имеется сад. А погода стоит отличная. И можно устроить музыкальный вечер на открытом воздухе.

– Соглашайся, – Ксандр толкнул Ричарда в бок. – Лучше уж музыкальный вечер, чем вскрытие... а то с них станется... на открытом воздухе.

– Я прекрасно музицирую! – Летиция оглядела всех с видом победительницы. – На трех инструментах.

– Сразу? – серебряный голосок Теттенике был слышен везде.

– Поочередно... но если с сестрой... мы можем на всех разучить небольшую пиесу, если, конечно, это не слишком сложно для вас...

Её поспешили заверить, что ничуть.

– ...для нашего дорогого хозяина, который заслуживает самого лучшего.

Ричард посмотрел на потолок.

На стену.

На полотно, которое завесили шелковой тканью, чтобы не портить дамам, с местным творчеством незнакомым, аппетит. А теперь ткань взяла и тихонько съехала. С правого угла. К счастью, никто из девиц, увлеченно обсуждавших грядущий вечер и особенности музыкальных инструментов, на эту мелочь внимания не обратил.

– ...и я вам говорю...

– А я играть не умею, – произнесла демоница печально.

– Счастье-то какое, – сказал Ксандр.

И даже, кажется, без издевки.

А полотно еще немного опустилось, намекая, что обед несколько затянулся. И надо бы завершать. Только Ричард успел подумать, как шелковое покрывало шевельнулось, а после и вовсе съехало, обнажая бессмертное творение безумного мастера.

Тихо икнула Летиция Ладхемская.

Заворчала островитянка.

Покачнулся хрупкий цветок степей. Ариция же, привстав, осведомилась:

– Какая на удивление подробная работа! Просто чудо! Значит, вот он каким был... если, конечно, был.

Тихий стон Ксандра слышал, кажется, лишь Ричард.

Икнула Летиция, прикрыв глаза, потом взмахнула руками:

– Ах, мне дурно...

– Это от того, что едят мало, – заметила рябая девица, разглядывая стену с превеликим интересом. – Оттого и случается... всякое.

Она облизала ложку.

– Даме благородной следует проявлять умеренность, – заявила пухлая женщина, которая сидела рядом с ладхемскими принцессами. И с решительным видом отодвинула третье пирожное, правда, проводив его печальным взглядом. – Ибо потакать телесным слабостям значит развращать душу. Мир полон искушений. И только человек, готовый преступить через страсти земные, познает...

– Вот, значит, как это было, – Светозарный поднялся. А с ним и островитянка, и человек в мятом камзоле, который выделялся среди свиты какой-то слишком уж бросающейся в глаза неказистостью.

– Боюсь, точно сказать, как это было, невозможно, – вынужден был признать Ричард. – Это... создали много позже.

– Ужас ужасный, – Летиция ладхемская старательно обмахивалась веером. – И аппетит портит.

– Зато умеренность проявлять легче, – не согласилась рябая девица, вытирая пальцы о платье. – Вот глянешь и сразу осознаешь, что надо скромнее быть. А то же ж... восстанет.

– В нашей библиотеке, – заговорил человек в мятом камзоле, этот камзол одергивая. Он подошел почти вплотную к барельефу. – Сохранились лишь некоторые упоминания. Да и то достоверность их весьма... сомнительна. Знаю, что весьма многие ученые мужи склоняются к тому, чтобы признать падение Империи следствием великих природных бедствий. А демоны... в демонов, уж извините, мало кто верит.

И почему-то поглядел на демоницу.

И так поглядел, что Ричарду донельзя захотелось отвесить наглецу затрещину. Желание было острым и совершенно неподобающим.

Но чего он смотрит?

И так... внимательно? И главное, с интересом, причем не только научным. А... в общем, желание росло.

Глава 4

О вере в сверхъестественное и прихотях памяти человеческой

«В гостиницу «Белый лебедь» требуется ввиду начала сезона разная прислуга, в особенности горничные. Прислуга безусловно должна быть опрятная и трезвая»

*«Ладхемские новости», раздел
«Объявления»*

– Совсем не верят? – уточнила рябая виросска, старательно пережевывая кусок ветчины. На вилке перед носом её висел еще один, а взгляд девицы был устремлен вовсе не на Ричарда, потенциального супруга, но на тарелку, где оставалась еще ветчина.

– Скажем так, многие склоняются, что во времена прежние люди обладали куда более примитивным разумом, а потому неверно толковали всякого рода естественные проявления силы, – гость произнес это и покраснел.

Густо.

– Но вон же ж... демоница, – девица махнула в мою сторону вилкой, и ветчина сорвалась, но упасть ей не позволили. Кусок был пойман и отправлен в рот. Она и пальцы облизала. – Сидит. Мается.

– Почему мается? – поинтересовалась степнячка, тоже на меня поглядев. Осторожненько так, словно стесняясь собственного любопытства.

– Тварям бездны, – возвестила круглощекая дуэнья, – немочно в мире людей, особенно, когда в одном месте собираются люди благочестивые.

И подбородки задрала.

Все три.

Отчего на меня сразу благочестивостью повеяло.

– И вообще, – Ариция Ладхемская отвлеклась от барельефа, чтобы одарить меня ревнивым взглядом. – Может, она не демоница даже.

– А кто? – удивилась островитянка.

И тоже поглядела.

Недружелюбненько так. Будто примериваясь, как меня секирой приложить, чтоб наверняка.

– Не знаю, – принцесса пожалала плечами. – Как понять, демоница она или нет?

– У нее рога, между прочим, – заметила старшая ладхемка.

– Может, приклеенные...

– Трогать не дам, – предупредила я на всякий случай. И когти выпустила. А то ишь, освоились. Сперва потрогать дай, потом поскрести. Опомнится не успеешь, как вовсе отпилят. А я к ним, между прочим, привыкнуть успела.

– Но даже если и настоящие, – ладхемка не собиралась сдаваться. – Это еще ничего не значит! Может... может, она много скорлупы яичной ела.

– А от этого рога растут? – степнячка распахнула и без того огромные глаза.

– Наш целитель утверждал, что скорлупа яичная очень полезна для волос и ногтей. Некоторые дамы принимают порошок с нею. И еще с толчеными ракушками, – снисходительно пояснила Ариция. – Но вот возможно, что если слишком уж увлечься, то происходит... всякое.

– По-моему, – осторожно заметила виросская красавица, до того державшаяся словно бы в стороне. – Крайне невежливо обсуждать кого-то в его или её присутствии.

Именно.

– Даже демона.

– Это еще доказать надо... – не отступилась ладхемка.

– Тем более. Не имеет значения, демон или нет, это... нехорошо, – она явно собиралась сказать что-то иное, но в последний момент передумала. – Что же касается прочего, то... у нас не столь древние библиотеки, однако в храмах помнят темные времена, когда земля рыдала огненными слезами и исторгала мертвецов. А те, поднимаясь из могил, несли смерть и разрушения.

Она поднялась и подошла к полотну, которое разглядывала внимательно.

И не только она.

Мрачно гладила толстенную косу островитянка. Перебирала круглые бусины дочь степей, и пусть на лице её застыла маска безмятежности, я все одно ощущала скрытую внутри тревогу. Неестественно алыми губами улыбались ладхемские принцессы, вновь же похожие друг на друга, что близнецы. Но это из-за косметики. Я понимаю, что красота – страшная сила, но иная чересчур уж страшна.

– Это было давно, – голос Ричарда разрушил такую тяжелую неудобную тишину. – Очень давно. Но мы помним.

Он коснулся ладонью груди.

А я... я встала.

И подошла.

Не знаю, зачем. Это... это неправильно и глупо. И вообще о другом думать надо. Но мне показалось, что мое место здесь, за его плечом. И Ксандр отвернулся, скрывая выражение лица. А Светозарный слегка нахмурился. Кажется, по долгу службы, к демонам он относился без симпатии.

Плевать.

И на него.

И на девиц. Смотрят тут. Ричард ведь не привык, чтобы на него смотрели. Столько людей и разом. Это... это действует на нервы. Я осторожно коснулась руки, и Ричард посмотрел, как показалось, с благодарностью.

– Тьма еще там. В сердце города. И Младший бог спит. Сон его будет длиться, пока сильна старая кровь, – это он уже произнес куда спокойней. – Но она не способна связать всю тьму.

Снова тихо.

И слышно, как ровно, спокойно, бьется его сердце. Мое стучит нервно. Я тоже не люблю, когда на меня смотрят. Особенно так, скептически. И... ревниво?

Смешно. Ревновать и ко мне?

– Есть предсказание. Пророчество, если хотите, – заговорил Светозарный отводя взгляд. Только угол рта его дернулся. – Сделано оно было много сотен лет тому, юной девицей, на которую снизошла благодать.

Сочувствую.

Девиге. С благодатью не всякий справиться способен.

– Она была чиста и принадлежала знатному роду...

– Вы говорите о Кессарии Благословенной? – уточнил тот, в камзоле. Надо будет имена выписать, на бумажку. И выучить. Или хотя бы бумажку с собой таскать, а то неудобно как-то.

– О ней.

– У нас многие спорят, была ли она и вправду благословенна... храмы... храмы не считают её святой.

– Может быть, – не стал спорить Светозарный. – Ей было пятнадцать, когда она покинула отчий дом, чтобы основать обитель-прибежище...

– Говорят, потому что отец её отличался крайне жестоким нравом, – уточнил тот, в камзоле. И смутился. – Извините. Дурная привычка.

– Ничего. Он и вправду был очень жесток. Тогда еще вольный владетель, хозяин земель... – Светозарный слегка запнулся. – Он пролил много крови. И был проклят. Так говорят. На самом деле я понимаю, что мы ничего не знаем о временах минувших. И о ней тоже. Если он был и вправду так жесток, то как позволил дочери уйти? Кто выстроил ей дом? Тот, из темного камня? Он ведь по сей день стоит. Кто привез цветы и птиц, которые живут и растут лишь там и нигде кроме?

Сложные вопросы.

Неудобные.

– Возможно, это не так и важно, но... – Светозарный протянул руку. – Она принимала людей. Всех. Одним помогала, другим отказывала. Слава о ней пошла по миру...

Что-то не завидую я этой самой Кессарии. Слава – штука такая.

Опасная.

– Говорят, что многие желали получить её себе. И отправляли... кто людей, кто войско целое. Однако благословение Светлых Сестер было сильнее коварства людского. Или войска.

– Мой прапрапрапрадед, – заговорила островитянка. – Однажды отправился в вихольд, чтобы снискать славу и жену. Он прослышал о деве, чьи волосы были из золота, а кожа бела, как снег в горах. О силе её и мудрости, а еще о том, что доступны ей и минувшее,

и грядущее. Он взял дюжину братьев, кровью связанных. И еще мужчин, каковые были сильны и желали храбростью снискать милость богов.

– И что дальше?

– Они отошли в день, когда из вод поднялось красное солнце. И долго шли туда, в земли, где море убирается в синие одежды и не ведает льда на водах своих.

– Этак мы до утра слушать будем, – проворчала Летиция Ладхемская, но кажется, кроме меня, её никто не услышал.

– И море открылось им. Привело к острову. Он написал, что не было во всем мире острова зеленее. Что там росли диковинные цветы и меж ними порхали диковинные же птахи, столь крохотные, с комара. Врал, наверное...

– На южных землях такие имеются, – тихо произнес человек в мятом камзоле. – Не с комара, конечно, но с крупного шмеля будут. Они питаются цветочным нектаром.

– Да? Стало быть, не врал. Тот остров окружали воды, но когда корабли приблизились к нему, море взъярилось, и подняло волны столь великие, что корабли были на них подобны щепкам в руках детей. Обнажилось дно морское. И с него восстали чудовища превеликие.

Тогда-то, чувствуется, славный викинг, как бы это выразиться, осознал, что был немного не прав.

– И позабывши о гордости, он встал на колени, и молил пощадить братьев его по крови и тех, кто пришел следом, обещая, что сам останется служить, богам ли или же той, которая была ими избрана. И море вняло. Оно успокоилось, и корабли прошли к острову.

– Это описано. Чудо смирения варваров, – заметил Светозарный.

– Сам ты варвар, – прогудел заросший черным волосом викинг и весьма выразительно погладил топор. Вот интересно, с топором к обеду, это норма этикета или уже нет?

– Она явила себя им. И говорила с моим предком. И желала ему удачи, а еще подарила деву с волосами золотыми и кожей белой, словно снег, сказав, что вот она, которую должно беречь и почитать. И пусть сокрыто было для этой девы предначертанное, но никто и никогда бы не упрекнул Бруннара Свирепого в том, что дурно обходился он со своей женой, Кримхильд Златокосой.

– Если в-верить хроникам, – человек в камзоле погрозил варвару пальцем и тот убрал руку с топора, даже, как мне почудилось, слегка смутился. – У Кессарии имелись сестры...

– Одна из которых стала женой князя Вессарского, Иннора...

– Иннора Великого, – поправила Летиция.

И парик тоже. Съехал он немного. Самую малость. А вот от поправки тоже съехал, но уже на другую сторону, отчего вид у прекрасной принцессы стал несколько разбойничий.

– Первого государя Ладхемского...

– А другая, – продолжил Светозарный. – Вышла замуж в страну снегов, где и кровью своей благословенной принесла весну в край вечных морозов.

– У Иоганна Благостного была супруга из далеких краев, – Мудрослава чуть склонила голову. – Интересно... получается.

Очень интересно.

И выходит... а что, собственно говоря, выходит?

– Все просто, – прогремыхал знакомый голос. И все обернулись. А рябая девица и рот разинула да так, что я заволновалась: как бы она челюсть не вывихнула ненароком-то.

Командор Лассар, конечно, на людей неподготовленных впечатление производил.

И ладхемцы в алых мундирах поспешили вытянуться, островитяне вновь к топорам потянулись, а старший из числа степняков руку на плеть положил.

Нет, надо с этим что-то да делать, в смысле, с местною дурною привычкой являться к обеду во всеоружии. Этак ведь недолго поубивать друг друга.

А оно нам надо?

Оно нам не надо. Вот совершенно.

– Спокойно! – как-то голос мой прозвучал вот совершенно неспокойно. Нервно даже прозвучал, да. – Это всего-навсего Командор Лассар...

...лягушонка, мать его. В коробчонке.

Командор соизволил изобразить поклон.

– Воплощение тьмы... – пробормотал Светозарный каким-то вот таким нехорошим тоном, который будил в моей душе подозрения, что поздновато я спохватилась.

При входе надо было изымать оружие.

И столовые ножи.

И вилки убрать. Так, на всякий случай.

– Проклятое творение некроманта... – Светозарный выступил вперед и плечи расправил. И главное вид у него сделался донельзя героическим.

Принцессы оказались за широкою спиной.

– Это...

Я удержала Ричарда.

Что-то подсказывало, что угрозы Светозарный не представляет, да и справится с ним Лассар. Тот и хмыкнул. И голову набок склонил.

То есть шлем склонился.

Тьма в нем качнулась, за клубилась.

Летиция Ладхемская охнула и поспешно замахала веером.

– А он тоже мертвый? – уточнила Ариция Ладхемская, сделав попытку вылезть вперед, но была остановлена рукой Светозарного. Тот разом сделался вроде как выше, шире и желанием защитить всех да вся от него за версту разило. Как и благочестием.

Даже вон нос зачесался.

– Мертвый, мертвый, – Лассар спорить с девицей не стал. – А что до этой вашей... так просто все. Отсюда она. И не сестры то были, а правнучки.

– Я... вызываю тебя на бой! – прозвучал не слишком уверенный голос Светозарного.

– Обойдешься, – Лассар отмахнулся. – Не дорос ты еще со мною биться.

Рыцарь света и благородный паладин моргнул.

Наверное, этакое он не ожидал. Он оглянулся на Ричарда и в глазах его читался вопрос и даже возмущение. Я развела руками: что поделаешь, жизнь, она такая.

– Это... это не честно!

– Зато удобно, – Лассар взял со стола виноградину. – Если бы ты знал, мальчик, как я устал биться со всякими там...

– Я не всякий!

– Это ты так думаешь. Я вон... еще первые пару сотен лет, так тихо было. Спокойно. Нежить одна. А потом понеслось. Каждый год какой-нибудь придурок да явится с фантазией больной. Повергнуть

меня... и главное, сперва-то еще пытался вразумлять, говорить... так нет... напрямую не выходило, так начали, то какой-то трухи в саркофаг напихают.

– Это были мощи, – зачем-то пояснил Ксандр, который до того стоял тихо. – В хрониках указано. Мощи святой Агнелии.

– Вот... никакого сочувствия к бедной женщине. И у меня потом почесуха. То артефакт кинут, то голову чью-то, небось, тоже несчастного святого, то еще какую пакость... успокойтесь уже. Глянешь, вроде и взрослые люди, а ведете себя, что дети...

Стало тихо так.

Неудобно.

Светозарный покраснел.

Плотно так. С гарантией. Принцессы поспешно отвернулись, делая вид, что очень уж их живопись местная заинтересовала. Викинги и те, кажется, смутились. Правда, не понять, с чего.

– Погодите, – и в этой тишине голос человека, что держался подле островитянки, прозвучал донельзя звонко. – Так вы утверждаете, что та женщина...

– Последняя дева из рода Архаг. И не Кессария её звали. Кессериан-ора Архаг, дочь Ричарда Архаг...

Стало еще тише.

– Но это... простите... это... – человек прикусил губу. – Это же все меняет!

Глава 5

Повествующая о тайнах минувшего

И изрекла дева так: «Прильни же к персям моим, облобызай уста мои, слаще которых нет, назови меня своею женой, и тогда открою я тайну великую, кою храню уж многие годы». Но отказался мудрец, ибо прозрел истинный лик демоницы. Извлек он меч и поразил отродье тьмы!

«Нравоучительное повествование о славных деяниях воинов Света, кои, не щадя живота своего, берегли мир от всяких напастей, писанное отшельником Савутием по разумению его».

– Она появилась на свет в год, когда великий город пожрала тьма, и с ним – сильнейших из сильнейших. В год, когда мы вынуждены были заплатить кровью и жизнью за все-то, сотворенное, во благо ли оно было сотворено или во вред, – Лассар поднял на ладони красный камень. Откуда взял?

Ричард не видел.

Камня так точно.

Он был невелик, чуть больше перепелиного яйца, но горел ровным ярким светом. И казалось, даже солнечный свет сделался тусклее.

Погасли драгоценности принцесс.

И появилось огромное желание – коснуться этого вот огня. Он должен принадлежать Ричарду! И только ему! Желание было столь сильным, что он почти решился шагнуть.

Потребовать.

Но чьи-то пальцы опустились на руку. И наваждение схлынуло.

– Это не может быть правдой, – Светозарный упрямо мотнул головой. И подумалось, что все-таки, наверное, зря его Ричард приглашал.

Вызов этот неудачный.

И насмешка.

Проигрыш паладин принял бы, как и смерть, а вот сумеет ли простить отказ от боя? И насмешку? Стоит. Смотрит. Желваки ходят. И в глазах обида. Хотя вот зря. Лассар, он... его и демон одолеть не сумел, что уж о человеке говорить.

Сам Ричард точно не рискнул бы вызывать.

– Я еще был живым человеком. Я помню это дитя с волосами белыми, что лебединый пух. Она росла... она была нашей надеждой, и каждый, кому случилось уцелеть, боялся, что однажды не сумеет эту надежду защитить. И дарил ей силу, – голос Лассара звучал глуше обычного. – Мы, те, кто еще недавно тряслись над каждой крупницей, жизни свои тратили на преумножение этой силы, могущества, теперь готовы были отдать всю, до капли, лишь бы уцелело это дитя.

– Почему? – и вновь голос человека в камзоле прозвучал слишком уж громко.

Неуместно.

– Почему... – протянул Командор, одарив человека взглядом. От взгляда этого и у Ричарда руки цепенели. А человек, вот странность, выдержал. Спокойно так, с интересом даже. – Ричард был младшим сыном. Не самым способным, не самым сильным. Оттого и сослали его подальше от столицы. В ином разе ему бы до конца жизни владеть старым замком на окраине. И да, море там было... он отправился в столицу на свадьбу брата. Как он думал.

...только свадьба эта, должная стать кровавой, такую и стала. Правда, в жертву принесли вовсе не демоницу.

Демон ухмыльнулся с барельефа.

И наверное, почувствовал это не только Ричард, если девушки отступили. Все и разом. Пахнуло тьмой. И Светозарный обернулся, застыл, вперившись взглядом в белоснежную резьбу.

– Мы сражались бок о бок. А еще он сотворил меня, – Лассар поднял руку, и пламя алого камня отразилось в темных пластинах доспеха. – Когда стало понятно, что земной мой путь завершен. Бедный мальчик.

– Некромант, – резко бросил Светозарный.

– Думаешь, у него был выбор? Ты вот решил и стал паладином. благородным рыцарем. Защитником сирых и убогих, спасителем,

одолетелем...

– Почему-то мне кажется, что вы надо мной издеваетесь, – проворчал Светозарный. – Артан.

– Лассар, – Командор склонил голову. – Будь проще. Чувство юмора – вещь полезная. Особенно, когда тебя в вечности заперли. У него не было выбора. И у меня. Точнее мы могли бы умереть с честью, уйти, оставив вас разгребать последствия. Да вы присаживайтесь, прекрасные девы. Давненько уж мне не случалось бывать в обществе, столь великолепном.

Он умел быть любезным, оказывается.

И девы зарделись.

Переглянулись.

Ариция Ладхемская даже сумела удержаться от очередного неуместного вопроса. Хотя видно было, что принцессу снедает любопытство.

– Самые первые годы тьма бушевала. Не было ни дня, ни ночи, лишь бесконечная темная буря за стенами замка. Ярость мира, чье равновесие было нарушено. И здесь, в Замке, что стал единственным нашим убежищем, появилась на свет она. Наше солнце. Глядя на нее, мы вновь вспоминали, что есть жизнь. Что такое эта жизнь. И... ребенку было плохо. Она была такая слабенькая, такая крохотная... – Лассар замолчал. – И мы делились силой, ибо не представляли, что будет с нами, если её не станет. Тьма ведь страшна не та, которая снаружи, за стенами замка. Опасна та, что живет внутри у каждого.

– Это... совсем не то, что пишут в хрониках, – на щеках Артана полыхали красные пятна. Но держался он спокойно, со сдержанным достоинством.

– Можно подумать, в них когда-то что-то толковое писали, – отмахнулся Лассар и стул отодвинул. – Присаживайтесь, солнцеликие. Удостойте меня великой чести разделить с вами трапезу.

Первой на место вернулась Мудрослава Виросская, рядом плюхнулась её родственница, которая приобрела несвойственно задумчивый вид. И молчание её пугало, намекая, что в голове этой бродят какие-то совсем уж загадочные мысли.

И во что они выродятся?

– И не знаю, виной ли тому стала сила наша, которой было слишком много, или Замок, или сам мир, чьи границы истончились. Но

она выросла совершенно особой. Никто и никогда прежде не обладал даром столь ярким. Ей были подвластны силы и земли, и вод, и неба.

– Тогда почему она их не использовала?!

Летиция Ладхемская поглядела на Светозарного с упрёком, но тот, кажется, не заметил.

– Если она была столь сильна, то почему... почему она не изгнала тьму? Почему не освободила земли? Почему... – Артан не спешил садиться.

– Сильна, но не всеильна. Она сделала главное: закрепила печати, что удерживают того, кого вы называете Младшим богом. Она разорвала связь его с нижним миром. И заперла город, отравленный тьмой. Она дала шанс нам всем.

Теперь этот голос гремел, заполняя зал.

– Но она же и сказала, что в час, когда кровь Архаг почти иссякнет, мир встанет на краю нового испытания.

Под ложечкой засосало. Так... выразительно. С намеком.

И еще взгляд этот, в котором теперь мерещится откровенная насмешка.

– Она сказала, что шанс будет... что она сделает все, дабы он был.

Принцессы переглядывались. Неуверенно. С удивлением. С растерянностью. С нежеланием... верить? Да и как вообще поверить в такое-то?

– Нет, – помотала головой Летиция Ладхемская. – Вы же не хотите сказать, что вот мы... мы все тут...

– Родичи? – Брунгильда нахмурилась.

– Она ушла. Последняя, кого Замок отпустил. И само это место. Она не хотела уходить. И сказала напоследок, что однажды я еще увижу тех, в ком есть её кровь, – Лассар откинулся на спинку стула и тот затрещал, намекая, что не создан для таких упражнений. – И права оказалась.

– То есть... все-таки... мы тут... все... – Ариция Ладхемская запинаясь на каждом слове. – В самом деле родственники?

– Дальние, – поспешила успокоить её Мудрослава Виросская. – Очень и очень дальние.

– Все равно охренеть, – выдала рябая девица.

И в кои-то веки все с нею согласились.

Цветок старуха держала в руках. Она сидела, скрестивши ноги, разложив вокруг птичьей кости, камушки и прядку волос, заплетенную в косицу. Сидела и баюкала цветок.

– Отдай, – сказала Теттенике, вдруг поняв, что здесь она старухи не боится.

Совершенно.

Старуха подняла глаза и протянула руку, чтобы ущипнуть Теттенике. А та взяла и ударила по этой руке. Впервые. И запоздало обожгло страхом, что вот сейчас последует наказание. А потом пришло понимание: некому наказывать.

– Тварь! – зарычала старуха, вскидываясь на ноги. И зазвенели бубенцы в седых космах её. Заговорили, запричитали на разные голоса.

Глаза её сделались страшны.

И сама-то она...

Ахху, благословенные, они никого не пугают. Напротив, люди сами к ним тянутся, силу чуя, пытаясь коснуться её хоть бы краешком. А тут... тут изрезанное морщинами лицо вдруг стало уродливым до крайности. Пахнуло гнилью и больной плотью.

И пальцы вцепились в плечо. Сдавили больно.

А те, кто должен бы защитить Теттенике, кто послан был беречь и хранить её, просто отвернулись. Всегда ведь отворачивались. Она же думала, что так и должно.

Что дело не в них.

В ней.

Что это она, Теттенике, и вправду вела себя плохо и заслужила щипок. Или затрепину. Тычок, от которого останется темное пятно синяка. Она шумела. Или веселилась, когда нужно быть тихой. Она криворука и неумела, некрасива, недостойна зваться...

Она долго училась вести себя правильно. А только все никак не выходило.

– Уходи, – сказала Теттенике старухе. – Зря ты сюда пришла.

И сумела выдержать взгляд. Только удивилась, сколько же в нем ненависти. А разве ахху, те, кого коснулась благословенная длань великой Матери, могут ненавидеть?

– Ты принадлежишь мне! – взвизгнула старуха и почему-то попятилась. Правда, словно опомнившись вдруг остановилась и руки

подняла, завывала протяжно. – Проклятая! Проклятая!

И голос её окреп.

Он наполнил коридор замка, отразившись от стен его.

– Проклятая, проклятая! Силой данной мне... я взываю...
взываю...

– А оно все никак не взывается, – сказал кто-то достаточно громко, чтобы люди вздрогнули.

И старуха.

И сама Теттенике.

– Это у вас от перенапряжения, – сказала рыжеволосая и ужасно некрасивая девица, сунув палец в ухо. – У нас от тоже был жрец один. Любил повзывать спозаранку. Только-только петухи проорутся, и он следом. И главное же ж каждый божий день!

– П-петухи? – почему-то переспросила Теттенике.

– А то. Петухи-то у нас еще те. Голосистые – страсть просто! Вот лежишь бывало на перине, маешься, то ли вставать, то ли еще чуточек полежать, а они как возорут! Ну и этот потом со взываниями своими. И главное, петухи-то ладно, им чего?

– Чего?

– Ничего, – девица вытащила палец из уха и отерла о платье. – Они же ж птицы. Пожрать да погулять. А вот жрец... со жрецом тяжело. Если не взовешься, так он скоренько тебя кадиллом да поперек спины перетянет. Не поглядит, что ты...

Она осеклась.

– В общем, тяжелый человек был.

– Ты кто? – старуха попыталась ткнуть пальцем уже в эту вот, рыжую.

– Ярослава я, – сказала та, палец перехвативши. И сжала этак, упреждающе. – Яркой люди кличут. И ты можешь, почтенная женщина... а жрец вот одного разу взывать вышел и все. Удар хватил. Покраснел и рухнул. Потом уж целители поведали, что это у него от излишнего рвения жила какая-то внутри лопнула. Так что, любезная, ты б побереглась со взываниями. Опасное они занятие.

Ахху попыталась руку выдернуть.

И оглянулась.

Но охрана, которая была приставлена к Теттенике, с прежним рвением разглядывала стены. И... почему-то это порадовало.

А Яра руку разжала.

– Старость-то уважать надобно, – сказала она и, присев, принялась собирать зачарованные предметы, складывая в подол платья. – Нате от...

Она попыталась высыпать собранное в руки старухи, но та шарахнулась, подтверждая самые мрачные догадки Теттенике.

Зачаровала.

– Проклятая! – взвыла та, снова ткнув Теттенике. – Слушайте! Слушайте все!

– Слушаем, – Яра шмыгнула носом. – Вы только того... жилу не порвите какую. А то потом сестрица попрекать станет, что я старость недоуважила.

Лицо старухи налилось кровью. И сделалось еще страшнее, хотя недавно Теттенике казалось, что страшнее уже и некуда.

– Слушайте все!

– Слушаем! Говори ужо.

– Проклята она Великой Матерью, – старуха крутанулась, и взлетели, чтобы опасть, грязные юбки её. – Ибо обман великий свершился! Слово было дадено! Слово не исполнено!

– Ишь ты... – восхитилась Яра.

– А потому пусть падет гнев Великой Матери на головы тех, кто дерзнет... – старуха слегка закашлялась. А Теттенике поняла, что не способна и шагу сделать.

И руки онемели.

Ноги.

Сама-то она словно застыла.

– Чего дерзнет-то? – уточнила Яра. – А то же ж не понятно, чего дерзать можно, чего нельзя. В проклятиях, оно ж как, конкретика нужна.

– Ты... тоже проклята!

– Жуть какая!

– Да сгниет нутро их! Да иссохнет оно! И не родятся от проклятой крови дети! И всем-то, всем, кого коснутся они, дерзновенные, принесут лишь смерть в мучениях.

– Да? – Яра поскребла нос, а потом быстро, так, что Теттенике и моргнуть не успела, ткнула пальцем старухе в лоб.

– Ты...

– Проверить надобно, – палец прочертил линию по носу. – А то вдруг не сработает?

Старуха вновь завывала.

– Смерть! Смерть я зрю!

– Где? – Яра обернулась, рот приоткрывши. И вид у нее был столь потешный, что Теттенике не выдержала и хихикнула. От переживаний, наверное.

Или от того, что переживать устала.

Это, оказывается, донельзя утомительное занятие, переживать.

– Смерть! – громче завывала старуха, хотя куда уж громче, казалось бы. Вытянувши руки, она затрясла ими так, что костяные браслеты на запястьях забренчали. – Смерть идет... смерть грядет... вижу, вижу... близка она! И бедствия многие случатся! И тьма падет на мир...

Она вдруг замерла, раскрывши рот.

Глаза её закатились, а лицо скривилось. И показалось вдруг, что вот-вот лицо это треснет, что выглянет из-под желтой, разрисованной морщинами кожи, нечто до того жуткое, что человеку обыкновенному глядеть на это никак невозможно.

Да только и взгляда отвести не выйдет.

Старуха моргнула.

Дернула шеей.

Руки вытянутые опали и она словно сгорбилась под тяжестью их.

– Тьма, – голос вдруг сделался сух и скрипуч, что старая арба. – Тьма близко. Тьма рядом.

– А вот это уже серьезно, – Яра перестала улыбаться. Да и Теттенике поняла, что сейчас видит... иное? Ахху способны прозревать грядущее.

Не все, лишь некоторые, но... но как тогда?

– Уже близко. Кровь ушла. Кровь вернулась. Кровь отворит запертое, – рот закрылся и губы задрожали. А из уголка потекла тонкая нить слюны. Теттенике смотрела на эту нить и думала, что надо что-то сделать.

На помощь позвать.

Только... кто придет? Никогда и никто не помогал. А теперь вот...

– Она вернется! Она обязательно вернется... – старуха захрипела и схватилась обеими руками за горло, а потом, покачнувшись, осела на пол мешком грязного тряпья.

Глава 6

В которой задается риторический вопрос о том, кто виноват

«Трижды произнес он запретные слова, и окропил камень кровью черной курицы, возложил на него три ветви болотной полыни и перо ворона. Тогда-то и загремели небеса, гневом упреждая безумца, что пожелал свою душу бессмертную низринуть в пучины тьмы и беззакония»

«Поучительное повествование о юноше, желавшем обрести власть невиданную, однако претерпевшему многие бедствия с того, писаное во наставление и предупреждение юных отроков»

Я стояла и смотрела на труп.

Задумчиво так. И ведь самое интересное, что никаких особых эмоций этот труп не вызывал, разве что раздражение. Приехала тут. Померла. А нам теперь думай, что делать и как девиц успокоить. Хотя... девицы тоже стояли и смотрели.

Презадумчиво.

– Сердечная жила не выдержала, – сказала Летиция Ладхемская и, подхвативши юбки, подошла к покойнице. А я еще подумала, что, может, она вовсе и не мертва.

Нет, лежит себе, рот перекривился, глаза распахнуты, в потолок пялятся, но... вдруг да просто приступ какой?

Или еще чего.

– Или мозговая, – добавила Ладхемская принцесса, старательно обминая юбки. – Мне потрогать её надо.

– Вы... уверены? – поинтересовался Ричард.

– Само собой. Как иначе я могу определить причину смерти? – в раздражении принцесса дернула юбки. – Как же это все не вовремя...

Точно.

Вот был обед.

Душевная беседа о прошлом, как-то мило и незаметно перешедшая в разговоры о настоящем и архитектуре. Когда о прошлом и родстве говорить стало неловко. Еще, кажется, музыку пытались обсуждать, но без особого успеха.

О погоде поговорили.

И кто-то предложил прогуляться во двор. Предложение это даже поддержали, особенно Ариция Ладхемская, которая не спускала с Лассара глаз. Причем смотрела этак, с прищуром и плохо скрытым желанием заглянуть под доспех.

И ведь желание это, которое заметила не только я, Командора смутило.

Потому-то и гулять он не пошел. Делами отговорился.

Необходимостью что-то там проинспектировать. С ним сразу захотели инспектировать и прочие, сперва ладхемцы, которые определенно не отличались скромностью, там и степняки с островитянами, и виросцы. И как-то у всех вдруг сразу дела нашлись.

Кроме Ричарда.

Он на меня поглядел тоскливо, подавил вздох и пошел гулять. В сад. То есть, во двор, потому как сад выглядел слишком уж первозданно. В такой не всякую девицу гулять поведешь.

Ну а я...

Я тоже пошла.

На всякий случай. Ричард, он, конечно, может, и Повелитель Тьмы, но все равно добрый и немного наивный. И как знать, что случится может. Принцессы-то на диво хваткие. За такими глаз да глаз нужен.

Гуляли мы.

Гуляли.

Ладхемки щебетали о чем-то. Мудрослава Виросская беседовала с Брунгильдой и как-то так, что та позабыла о смущении и говорила тихо, но страстно. Сопровождавший её мужчина – звали его Никасом – время от времени задавал вопросы... а потом как-то так получилось, что раздался крик.

Тонкий такой.

Женский.

Но за мгновение до него Ричард вдруг остановился и, резко развернувшись к Замку, рявкнул:

– Тихо.

Все и замолчали. Включая единственного попугая, огромную птицу с ярко-красным оперением, принесенную дэром Гроббе, дабы несколько оживить пейзаж. Ну и придать парку хоть какой-то налет цивилизованности.

Попугай имел массивный клюв, мрачный вид и обыкновение тихонько, но с душой, материться вслед принцессам. Причем это его свойство обнаружилось только сегодня.

Принцессы сделали вид, что не слышат.

А я даже не разозлилась.

Но главное, что, когда Ричард сказал это вот свое «тихо», то замолчали все, включая нахохлившуюся птицу. А Повелитель Тьмы, развернувшись, бросился прочь.

Бегом.

За ним я.

Принцессы.

И вот... стоим в коридоре. И главное, людно так.

– Да помогите же! – Летиция опять дернула платье и ткань слегка затрещала. А она все-таки сумела присесть.

Сперва присесть. Потом встать на четвереньки, опираясь одной рукой на кружево. Вторую принцесса вытянула и осторожно коснулась пальцами старухи.

Выругалась.

Почти как попугай. Вот, говорю же, глаз да глаз. С виду-то приличная принцесса. Классическая даже. А такие выражения знает! Я тоже запомнила. Для общего развития.

Жизнь – штука сложная, никогда не знаешь, что в ней пригодится.

– Она умерла, – торжественно провозгласила Летиция Ладхемская, пытаясь обуздать мешающее ей кружево.

– Заметили, – отозвалась Брунгильда, хмурясь.

– Она уже давно умерла.

– Быть того не может! – воскликнула рябая девица и подпрыгнула от переполнявшей её энергии. – Мы ж только что вот говорили!

– Договорились, вижу, – прошипела Мудрослава Виросская, пытаясь к девице подобраться, а та попятилась, тихонечко так, будто

бы разом вспомнивши о каком-то весьма важном деле, о котором позабыла.

– Дня три уже как, самое меньшее, – продолжила Летиция Ладхемская и, снова дернув юбки, которые норовили раскрыться, погребая несчастную принцессу в шелках, подползла поближе. Теперь часть покойницы скрылась под кружевами, а я восприняла это как-то... спокойно, что ли? – Или нет...

Надушенные пальчики ловко ощупали лицо, ненадолго задержавшись на лбу. Потом повернули голову влево.

Вправо.

– Мне нужно будет осмотреть её тщательнее, – сказала принцесса, пытаясь подняться.

И Ксандр любезно подал руку.

– Благодарю. Сложный случай. Интересный. До крайности.

Почему-то я вздрогнула. От неожиданности, не иначе, ибо как-то не укладывались в моем представлении прекрасные принцессы и ужасные покойницы.

– Она будто изъедена тьмой и, главное, органы пострадали в разной степени. Ощущение такое, что она умирала давно... очень давно. А теперь, наконец, взяла и упокоилась!

Это было произнесено донельзя радостным голосом.

А принцесса повернулась к Ричарду и поинтересовалась:

– У вас анатомический театр имеется?

– У меня и обыкновенного-то нет, – повинился Повелитель Тьмы, чуть склонив голову. – Извините.

– Плохо, – взгляд Летиции сделался донельзя задумчивым. – Как можно жить без прекрасного?

– А что прекрасного, извините, в анатомическом театре? – осторожно уточнил Ксандр, глядя на пальчики, что лежали на его руке. Верно, прикидывая, сколь прилично будет от этих пальчиков избавиться.

Если осторожно.

– Прогресс! – отозвалась Ариция Ладхемская. – Прогресс всегда прекрасен, как и путь к познанию.

– Так... а все-таки, – Летиция выпустила жертву. – Где у вас тут трупы вскрывают?

– Ну... – Ксандр и Ричард переглянулись.

И вид у них сделался несчастным.

– Только не говорите, что не вскрывают! – Летиция и ножкой топнула. – Это... это в конце концов, обитель зла и порока!

– Да? – рябая девица начала оглядываться. – Тут?

– Нам так говорили, – поспешила сгладить неловкость Ариция. – Наверняка, преувеличивали... в отношении порока.

– Да, да, – закивала рябая. – Верю. Совершенно беспорочная обитель зла.

Ричард издал сдавленный звук, то ли стон, то ли с трудом сдерживаемый, но совершенно неуместный в данной ситуации смех. А я сказала:

– Думаю, тут найдется какая-нибудь... лаборатория. Или просто комната со столом?

Комната нашлась.

Летиция Ладхемская переодевалась.

И делала она это с совершенно неподобающей облику и положению поспешностью. Молча суетились служанки, и в каждом прикосновении, в каждом жесте их ей чудилось то самое неодобрение, которое Летиция, как ей казалось, преодолела. Вместе с неподобающими принцессе склонностями.

Преодолела.

Забыла.

Давно уже забыла. А тут взяла и вспомнила. Вдруг.

Но... но разве могла она поступить иначе?

Спину жег неодобрительный взгляд дуэньи, которая поджала губы, что, впрочем, не мешало ей жевать. Жевала она чеснок, изредка обмакивая дольки в освященный мед.

Платье сняли.

И нижнее тоже. Убрали часть юбок. Фижмы. И ослабили корсет.

– Ты тоже думаешь, что я зря? – тихо поинтересовалась Летиция и закрыла глаза, позволяя стереть с лица своего краску. Стирала теплыми надушенными полотенцами. – Матушка была бы недовольна.

У нее, может, опять бы сердце прихватило.

– Несомненно, – проскрипела дуэнья, выдыхая теплый чесночный аромат. – Вы, ваше высочество, уж позвольте, но проявили совершенно

непростительную неразумность, показав столь неуместный интерес к... случившемуся.

Она чуть запнулась, а физия сделалась еще более торжественной и одухотворенной.

– Но это можно еще объяснить.

Летиция поморщилась.

Всегда объясняли. Во всяком случае еще в детстве, когда она не знала, что титул – это прежде всего ограничения. И пусть принцессе многое проститься, но... не это.

Лучше бы она тогда и вправду любовником обзавелась.

Любовник – это хотя бы жизненно.

Понять можно.

– Нет, – Ариция покачала головой. – Напротив, я думаю, что ты все правильно сделала.

– Я? – Летиция выхватила полотенце из рук служанки и сама стерла с лица краску. Закрывает глаза, наслаждаясь таким недоступным ощущением чистой кожи. И продляя его.

Она действительно забыла, как это возможно, вот так...

Пожалуй, от белил она откажется.

И от румян.

Не станет рисовать ресницы. И краску для век оставит на вечер. Немного пудры, чтоб совсем уж приличия не нарушать, и помада, но та, которая посветлее.

Именно.

– Ты, дорогая сестра.

– Ариция, вы-то должны поступить разумно! – возмутилась почтенная дуэнья, едва не подавившись очередным ломтиком чеснока.

И вот как у нее изжога-то не начинается?

Летиция покосилась на дуэнью с интересом. Хотя... она привезла с собой целую корзину всяких склянок с зельями, иные весьма сомнительного свойства, если бы кто поинтересовался мнением Летиции. Но им никогда-то не интересовались, вот она и молчала.

Привычно.

– Убедите вашу сестру, что её поведение будет неподобающим!

– Почему? – Ариция подала простое платье, которое подошло бы служанке. Вероятно, у служанки и было взято. – Напротив. Оглянитесь! Где мы находимся?

– В сердце зла! – отозвалась дуэнья и даже привстала, должно быть, для пущей солидности. И руку вытянула к потолку.

– В месте, где к мертвым отношение совсем иное, нежели то, к которому мы привыкли. Здесь мертвые ведут себя как живые.

– И это противно богам!

– Если бы богам и вправду было противно, – отозвалась Ариция, сама помогая Летиции застегнуть махонькие пуговицы. – Они бы нашли способ высказаться. На деле же думаю, что нам сказали и показали далеко не все. Если рассуждать здраво, вряд ли из обычного мертвеца можно создать нечто, подобное этим темным рыцарем, силою молитвы.

– Вы недооцениваете силу молитвы, ваше высочество! – дуэнья окончательно оскорбилась и замолчала, надувшись от обиды. Отчего сделалась похожей на жабу, правда, в высоком парике.

А все-таки до чего по-дурацки эти парики смотрятся.

И не понятно.

Нет, парики – очень даже понятно, но... как Летиция могла забыть?

– Пускай. Но думаю, у них есть способ более надежный и требующий некоего вмешательства в структуру плоти. Следовательно, что?

– Что?

– Увлечение моей сестры может оказаться очень даже полезным. Это ведь хорошо, когда муж и жена получают удовольствие от вещей сходных.

– Я не получаю от этого удовольствия! – возразила Летиция, помогая закрепить скромный узкий воротник из жатого кружева. Мешать он не должен, а вот наряд преобразил.

Служанки кружев не носят.

Вот волосы под сеткой лежали ровно. Летиция несколько мгновений раздумывала, но все же отказалась от парика. Не хватало, чтобы пудра с него попала на образцы.

– Мне просто интересно, как устроено тело...

...с этого все началось.

Или с разбитой коленки. Ей так рассказывали, про коленку и про то, как Летиция сидела, замороженно глядела на кровь и не пыталась даже её остановить.

Как приставала с вопросами к целителю.

А тот не прогонял, но отвечал. Сперва отвечал, потом, верно, утомившись, вручил принцессе книгу. И другую. Третью. Когда книг стало слишком много, а в речи её высочества начали проскальзывать слова, совершенно неподобающие, непонятные, нянюшки забеспокоились.

Но Её величество отмахнулись.

А Его величество никогда не снисходил до дел столь незначительных. И дочерей он любил. И когда Летиция попросила разрешения учиться целительству, дозволил.

Отчего бы и нет?

Кто ж знал, что учеба – это не только книги, но и госпитали. Раны. Разные раны. А еще мертвецы, с первым из которых Летиция столкнулась в четырнадцать лет. Это был плотник, который свалился пьяным в пруд и захлебнулся. А Летиция, прикоснувшись к телу, увидела.

И то, что пьян был.

И падение.

И смерть. И тогда еще в обморок упала от избытка чувств, а списали на тонкость души. Она же смолчала, ибо тонкая душа – ей об этом рассказывали – куда более подходит принцессе, чем жадное непристойное любопытство.

Летиция подавила вздох.

Целых два... два чудесных года она занималась делом, которое полагала весьма и весьма любопытным. Ведь, как выяснилось, смерть таила в себе загадок едва ли не больше, чем жизнь.

И еще мертвые не могли себя защитить.

Это она поняла, коснувшись руки бледной хрупкой девицы, горничной, которую все полагали самоубийцей, а Летиция увидела, как бедолагу топят. И из-за чего.

И кто.

И... увидев, не сумела смолчать, потому что это было бы несправедливо. Она рассказала, сперва целителю, добродушному почтенному мастеру Эвусу, который уже успел привыкнуть к странностям и капризам принцессы. А потому выслушал.

Внимательно выслушал.

И изложил услышанное на бумаге, чтобы передать другому надежному человеку.

– Вы, ваше высочество, – в тот день Эвус сделался донельзя печален. – Обладаете редким даром, но... не вижу, чем он может быть полезен принцессе.

– А не принцессе?

– Если... если вы решитесь.

У мастера Эвуса имелись друзья среди городской стражи. И следующие несколько месяцев стали одновременно и страшными, и увлекательными, ибо выяснилось, что и за пределами дворца есть жизнь.

Разная.

Когда все вылезло наружу? Слухи пошли. Правда какие-то такие, неопределенные, ибо правды никто-то не знал, но когда это мешало людям эту правду выдумывать?

Слухи множились.

Обрастали самыми чудовищными подробностями. И добрались-таки до матушки. И до отца. И... и был неприятный разговор, после которого мастер Эвус отправился в собственное поместье, а Летиция – в гости к герцогине Хаммоншир, славившейся своим изысканным вкусом и умением воспитывать юных девушек должным образом.

Голова заболела.

И Летиция привычно коснулась пуховкой лица.

Глава 7

Где у добра появляются сомнения

«А ежели сомнениями преисполниться душа, на какую женщину глядя, в том, что доброго она роду и себя блюдет, душу и тело от искуса оберегая, поступить надлежит так. Собрать людей достойных, среди прочих известными разумностью своей, крепостью веры и благородством души, числом не менее трех. И в день, когда луна идет на убыль, а с нею и сила всякая, особу ту, что подозрения внушала, подвергнуть испытанию, кое выявит, чиста ли душа у грешницы, и не отдала ли она её демонам во пользования на беды людского рода великие».

«Наставления о выявлении одержимых и тако же иных людей, в сношениях с силами темными виновных»

Артан Светозарный чувствовал себя неловко. Вот с того самого момента, как вовсе оказался в месте подобном.

Месте, которое должно было бы быть воплощением зла, как и его хозяин. Но следовало признать, что если сам Замок был необычен, то хозяин его производил впечатление удручающе обыкновенного человека. С другой стороны, обыкновенному человеку не служат мертвецы.

А ими не повелевает древнее создание.

Стоило подумать о создании и спина зачесалась.

Задница тоже.

Как тогда, когда Артан в очередной раз сбежал от наставников, чтобы спрятаться в саду с книгой. Книга была увлекательной, о благородных подвигах и не менее благородных рыцарях, их совершавших. Её немного портила неразделенная любовь рыцаря к

прекрасной даме, без которой по мнению Артана можно было бы обойтись, но в целом он увлекся.

Так увлекся, что пропустил момент, когда стоило бы вернуться.

В общем, дома он оказался на закате, и выяснилось, что его ищут. Давно и усердно. Матушка волнуется. Её компаньонки тоже волнуются. И тетушки. И дальние родственницы, которых отец держал при доме, потому что так прилично. И вообще все-то вокруг.

Даже сам отец.

Тогда он лично порол Артана. Это запомнилось. Забылось. И теперь вдруг выплыло с тем самым неясным чувством вины, хотя и не понять, за что.

Он ведь прав.

Зло должно быть уничтожено. И подло было с его стороны на вызов не ответить. А главное, теперь не понять, что самому Артану делать. Нападать? Но без вызова это как-то... подло.

Неправильно.

Какой пример он людям подаст?

Мысли угнетали. Гнали... куда-то. В сад. В саду он и сам не понял, как очутился, причем в дальней части его, если это вообще было частью сада. Здесь замковая стена роднилась со скалой, которая поднималась еще выше, чтобы истаять среди облаков.

Внизу было прохладно.

Расползались колючие плети какого-то растения, толстого и с мясистыми листьями, под которыми прятались розовые ягоды. Пробовать их Артан не рискнул.

Здесь пахло землей. И самую малость – морем, до которого было не так и далеко. Он огляделся. Хмыкнул. Надо же... это все девицы, которые то и дело поглядывали на Артана и чудилось в их интересе нечто донельзя земное.

Внушающее опасения.

И главное, ладно бы только принцессы, но у них же свита имелась. И как-то вдруг после обеда Артан обнаружил себя окруженным прекрасными девами. Весьма милыми очаровательными страстно желающими продолжить знакомства и очень-очень прекрасными.

Девы щебетали.

Вздыхали.

Трепетали веера. Расползались облака чего-то душистого и трепетного. И от запахов, от избытка красоты, от щебета этого закружилась голова.

Артан сбежал.

В сад.

Но когда это женщин останавливало? Правда, в саду ему удалось куда-то свернуть. И опять. И... где-то рядом раздался взрыв смеха. И Артан нервно оглянулся. Нет, здесь сад выглядит совсем уж для прогулок непригодным, но кто их знает-то.

Зашумело старое дерево.

Развернулись колючие плети, убрались, обнажив узкую тропинку. И... ловушка? Сердце радостно ёкнуло. Его хотят заманить и...

Артан решительно встал на тропу. Благородный рыцарь никогда не откажется от подвига. Раз уж возможность подвернулась. Он положил руку на клинок и огляделся.

Сад.

Замок.

Ничего не изменилось и все же... все же не покидало ощущение что он все делает правильно. Тропа вела. А ведь казалось бы, куда идти? Стена рядом. И скала за нею. А нет, поди ж ты. С тихим шелестом один за другим расползались плети кустарника, и каждая была толще предыдущей. Листья стали жестче. То тут, то там в колючках их виднелись клочья паутины.

Под ногами хлюпало.

Артан остановился.

Оглянулся.

Вернуться? С братьями? В доспехе? Какой подвиг без доспеха. Из горла вырвался нервный смешок. И разумно, ведь он уже не тот мальчишка, который верит в прекрасное. Он взрослый. И обязан поступать разумно. Но... если тропа исчезнет?

А ему что-то подсказывало, что она исчезнет.

Тогда... тогда Артан никогда не узнает, куда она ведет. Почему-то вспомнились кипы бумаг. Отчеты. Проблемы, которые никуда не делись. Другой старый замок. И унылое, но донельзя правильное существование.

Артан мотнул головой.

Нет уж.

Он дойдет. Он... он просто дойдет и все. Взглянет. И... и какие ловушки? Ему обещали безопасность. И он обещал. Речь не о подвигах, о подвигах в его годы мечтать по меньшей мере недальновидно. Какие подвиги, когда у него обязательства? Просто... просто посмотреть.

И ветви закачались над головой, сплетаясь друг с другом.

Тропа... вела.

К стене.

И в стену упиралась.

– Это все?! – обида была такой горькой, какой, наверное, бывает детская обида. И Артан вновь ощутил себя мальчишкой, тем, которому обещали на день рожденья меч, а подарили бархатный камзол и пай в двух кораблях. И ладно бы сами корабли. Кораблей ему даже не показали, но сунули в руку лист бумаги.

Проклятье.

Артан коснулся стены.

Кирпич?

Нет.

Скала. Гладкая. Серая. Слишком уж гладкая для природной скалы. Значит... что это значит? Он оглянулся. Тропа за спиной никуда не исчезла. Вон, лежит темной лентой, пробираясь сквозь колючки. И те сомкнулись? Или кажется, что сомкнулись?

Стоп.

Это просто загадка. Тропа не могла вести к скале, если в этой скале ничего не было. Это напрочь лишено смысла, если, конечно, его не пытаются разыграть. Артан ненадолго задумался, но мысль отбросил. Как-то это... несерьезно, что ли.

Ладно бы проклясть там.

Искушать.

Или и вовсе коварно убить. А тропинку к камню протаптывать... нет, это ни в какие ворота не лезет. И он повернулся к скале. Ощущение близости тайны будоражило.

Артан провел по каменной поверхности ладонями.

Так и есть. Гладкая, будто её шлифовали.

Зачем кому-то шлифовать скалу? Если только... тропа подходит и обрывается. Скрытый проход? Но как его открыть? Артан отступил. Прищурился. Нет. Ничего. Ни выбоин, на которые нажать бы, ни

рычагов, требующих, чтобы за них потянули, ни статуэток, ваз и прочих элементов, какие можно было бы сдвинуть.

И...

Что дальше?

Он отступил.

Еще на шаг.

Прищурился. Склонил голову. Показалось? Еще отступил. Хмыкнул. И подошел вплотную. Так и есть. В одном месте гладкая скала была будто бы и не гладкой, словно царапина. И еще одна. И третья. Они складывались в рисунок, понять который не получалось. Их бы подкрасить, но... чем?

Артан зачерпнул горсть влажной земли, но та скатывалась с камня.

Он попытался вдавить, втереть и, кажется, слишком уж рьяно. Острая боль опалила пальцы.

– Твою... – Артан сунул кровавый палец в рот и... и кровь не стекала с камня. Та капля, что осталась на нем, впиталась в тонкую полосу, почти проявив её.

Конечно.

Ему стоило подумать раньше. Что еще может быть ключом в подобном месте, как не кровь. Вот только... безопасно ли это? Артан вытащил руку изо рта.

Тьма и кровь – не то сочетание, к которому можно отнести бездумно.

Или...

Вернуться? Задать вопрос хозяину? Потребовать ответа. Хотя какое право имеет Артан что-то требовать? И в целом неудобно получится. Его пригласили, а он в чужие тайны лезет.

Тогда что?

И пока здравый смысл не возобладал, Артан Светозарный с неподобающей титулу его поспешностью прижал палец к скале. Его вновь опалило. И стало быть, порез не случаен. Кровь потекла. Она полетела по тончайшим нитям царапин, связывая их воедино.

Паутина?

Нет.

Знак. Но... где-то его Артан видел. В рукописи. В очень древней рукописи, но... что за она? Линии сомкнулись, и Артан отступил, а

скала издала протяжный просто душераздирающий скрип. Часть её сдвинулась, открывая черный зев-проход.

Из него пахло сыростью и гнилью.

– Это неразумно, – пробормотал Артан Светозарный, озираясь.

Будь здесь брат или кто-то из паладинов, они бы наверняка сказали, что соваться в одиночку в незнакомые проходы, запертые древними символами и древней же магией, совершенно точно неразумно. Но он был один, а ветер донес веселые девичьи голоса. И Артан шагнул во тьму.

Тьма, правда, весьма скоро расступилась. По стенам побежала дрожь, и один за другим, медленно, словно спросонья, загорались светильники.

Тоже старые.

Древние даже.

Артан остановился, чтобы посмотреть. Он такие тоже видел, но вот где... не важно. Здесь, внутри, стены не были отшлифованы. Обычный камень, даже грубой обработки. Ни барельефов, ни росписей.

Ни золота.

Коридор.

Ступени.

Снова коридор. И опять ступени, уводящие под землю. Запоздалая мысль, что врата могут и закрыться, что Артан понятия не имеет, как их открывать изнутри и вообще возможно ли это. И если они действительно закроются, он умрет. Вряд ли его отыщут здесь. Но светильники дрожали, да и тяжелая дверь, к которой его вывело, дразнила близостью тайны.

Дверь была железной.

Или это не железо? Медь? Металл кажется то красным, то желтым. Но главное не это. Створки плотно сомкнуты. И нет ключа, как нет и отверстия, в которое этот ключ вставлять.

Ручек тоже нет.

Зато есть пластины из металла, на которых живы картины прошлого. Очень давнего, забытого всеми прошлого.

Вот... карта. Империя? Страна, которой давно уже нет? Настолько давно, что многие и не верят в её существование. И Артан сам,

признаться, сомневался, уж больно странным было все, что о ней писали. Сказочным. Но вот она, лежит... знакомые очертания морей и континентов, россыпь островов. И драгоценные камни, которыми очерчена граница. Другие камни, поменьше – это, вероятно, города. У каждого свой символ.

Герб?

Что-то иное? Главное, теперь видно, сколь огромна была эта, ушедшая в прошлое, империя.

А вот дерево имен. Все-то Артану незнакомы. И имена эти переплетаются, связываются друг с другом странным узором. Родословная? Родовое дерево?

Похоже, хотя и не совсем.

Надо бы уходить.

То, что за дверью, не предназначено для Артана. Это принадлежит хозяину Замка. Но знает ли он? Почему-то было ощущение, что проход в скале давно не открывали. А стало быть, вежливый гость понял бы неуместность своего интереса.

И рассказал бы хозяину о находке.

Артан вежливостью не отличался.

Да и с воспитанием, похоже, у него не заладилось. Матушке точно было бы стыдно. Но матушка, к счастью, находилась далеко, пребывая в уверенности, что сын её старший – человек в высочайших духовных достоинств.

Артан вздохнул.

И почти решил, что не станет лезть дальше. Только дверь рассмотрит. И потом, вернувшись в замок, подробно опишет увиденное. Для архивов. И истории.

Это ведь важно, оставлять подобные записи для истории.

Еще пластина. И море, которое отступает от берегов. Из кипящей воды поднимается ужасающая фигура демона, столь отвратительного с виду, что рука сама на меч легла. От ладоней демона тянутся нити к воде, а от головы – еще одна, к человеку, что стоит на вершине скалы. Рядом с демоном человек этот глядится совсем уж крохотным. Однако теперь у Артана нет сомнений, что именно он повелевает чудовищем.

Во благо рода людского.

Вот тот же берег. И усмиренное море. Корабли. Высокие башни порта. Вновь же люди. И еще пластина, с демоном, что двигает скалы,

освобождая путь.

Значит ли, что так оно и было?

Люди призывали существ Нижнего мира, мира проклятого, дабы те служили им? И ведь служили. Вот холмистая местность становится равниной, и её разрезают тончайшие нити рек, дабы поить землю. И преисполнившись благодарности, земля родит...

Много.

Слишком много всего. Слишком оно настоящее, чтобы счесть все выдумкой.

Артан разглядывал каждую пластину тщательно, силясь запомнить все в мельчайших деталях. И уже понимал, что не сумеет, что сюда надо будет вернуться.

Зарисовать.

Рисовал он не слишком хорошо, но среди братьев есть и те, кого боги наградили талантом. Только... пустят ли их сюда?

Демонов становилось больше.

Вот они, сомкнувшись, встали над городом, и кривые когтистые руки касались друг друга, и казалось, что они кружат за высокими стенами ужасающим хороводом. Наверняка это что-то да значило. Что-то весьма важное, пусть пока и не доступное понимаю Артана.

А вот дворец.

И люди.

Они тоже стоят кругом и есть в их обличьях нечто донельзя нечеловеческое. И люди ли это вовсе? Пусть они малы, пусть не видно ни рогов, ни когтей, но не отпускает ощущение, что сами они подобны ужасающим порождениям Хаоса.

Те же позы. Те же выражение лиц.

Артан осторожно коснулся пластины.

И перешел к следующей.

Повествование. Вот, что он нашел. Не важно, что укрыто за дверью, главное, что сама она важна. И снова люди. Храм? Или дворец? Зал огромный. И украшен богато. Трон. А перед ним алтарь, на котором лежит девушка. Она обнажена, и эта нагота заставляет Артана краснеть.

И переводить взгляд на мужчин.

Двое держат руки.

Двое ноги.

И еще один склонился над животом.

Жертва? Они приносили в жертву людей? Это... это отвратительно. Лицо девушки безмятежно, а на губах улыбка, будто не понимает она, что происходит.

Одурманена?

Проклятье...

А пластины изменились. Стали более... грубыми? Металл отличается по цвету, да и изображения утратили свое изящество, будто кто-то пожелал продолжить эту вот историю, но не сумел найти настоящему хорошему мастеру. С другой стороны, понять все одно можно.

Кровь.

И кубок, который наполняют ею. Человек, что пьет из этого кубка. Артан ощутил приступ тошноты, но, слава Светлым богам, не опозорился. Однако с неподобающей поспешностью перешел к следующей пластине. И трон. Человек на нем. От него расходятся тонкие нити, то ли лучи, то ли еще что. Не понять, что именно, но, верно, это важно.

Другие люди по обе стороны трона. И те же нити, но уходящие вверх и вниз. Внизу корчатся уродливые фигуры демонов, пронизанные этими нитями.

И снова жертва.

Жертвы.

Их становится больше? Женщина, в чьем обличье слишком много иного, чтобы усомниться в нечеловеческом её происхождении. Она садится у ног Императора, а на голове её появляется корона.

Вот она же, но с характерно большим животом.

Следующая картина заставляет отворачиваться, потому что в голове человеческой не укладывается такое. И Артан понимает, что ему одновременно и жарко, и холодно. И дрожит он совершенно не по-рыцарски. И дрожь эту пытается унять. Ладони взмокли.

По спине потекли струйки пота.

Возвращаться.

То, что было... это слишком мерзко, слишком отвратительно... но он поворачивается к пластинам. Снова карта, но теперь рядом с драгоценными камнями городов стоят черные бусины. И он не сразу понимает, что это.

Демоны.

Проклятые демоны... хотя Артан начинает сомневаться, кто же на самом деле проклят.

– Сколько их... – его голос тает в пустоте подземелья. И он вздрагивает от ответа, который произносит сам: – Много...

С тихим шелестом дверь открывается.

Глава 8

О неприличных увлечениях приличных принцесс

«А девам благородным, дабы не ронять достоинства своего и не учинять ущерба чести родовой, надлежно соблюдать благонравие во всем, особливо в делах вольных. И потому из дел бездельных допустимо им читать книги духовные, нравственность воспитующие, играть музыку, но лишь на инструментах приличного свойства, и вышивать драгоценными нитями»

«Слова о благонравии и девичьей чести, коию надлежно блюсти»

Мудрослава Виросская все же ухватила братца за косу, когда тот слишком уж сунулся вперед.

– Стоять, – прошипела она, стараясь при этом улыбаться. Широко и радостно. Показывая всем видом своим, что несказанно счастлива находится в столь чудесном месте и в компании всех этих удивительных людей.

– Стою, – Яр потупился, правда все одно косил.

Влево.

На степнячку.

Та стояла, ни жива, ни мертва. Побелела, посерела даже. И губы дрожали, и ресницы дрожали, и казалось, что того и гляди расплечется.

Красивая.

И степняки – народ крепкий, хотя вовсе не похожа она на смуглых и желтокожих детей Степи. Да и те будто бы сторонятся красавицы.

Почему?

– Что здесь произошло? – Мудрослава косу не выпустила, а то с братца станется заговорить её и сгнуть, растворившись где-то среди ладхемских девок, которых в замке было слишком уж много.

Куда больше, чем при ней боярынь.

И гляделись те наряднее, хотя, конечно, странными были их наряды. С виду неудобными, а то и вовсе стыдными. Где это видано, чтоб платье шею открывало? И ладно бы шею.

Вона, и грудь почти голая, правда, странно плоская.

И руки.

– Так... ругалась старушка, а потом померла, – как-то не очень искренне ответил братец. – От злости, видать.

– И ты не при чем?

Неугомонный. Вот вроде ж был рядышком, гулял по саду, чинно да прилично, как оно положено, в разговоры не лез и вовсе сделался столь тих, что Мудрославе бы заподозрить неладное, а она не заподозрила. Увлеклась.

Что-то такое рассказывал этот вот Повелитель Тьмы, который оказался вовсе не страшен, то ли про историю, то ли про нежить, то ли еще про что, главное, что рассказывать умел.

И слушали его.

Мудрослава тоже.

А потом вот крик. И мертвая старуха, над которой склонился Яр. И степнячка эта. Суета... суета унялась, старуху перенесли в лабораторию, причем весьма даже просторную. Места вот в ней всем хватило.

– Совершенно! – соврал Яр, и Мудрослава за косу дернула.

Огляделась.

Степняки.

И ладхемцы рядом. Их красные мундиры выделяются яркими пятнами. Там же бояре, которые вчера пить изволили, но прилично, памятуя, что в гостях. Из Ижицкого хороший глава посольский вышел. Крепко всех в руке держит, не позволяя честь государеву уронить.

Еще бы самому государю этакого понимания.

– Потом поговорим, – прошипела Мудрослава и улыбнулась еще шире, кивнула кому-то, сама не разобравшись кому.

Островитяне держались наособицу.

А к столу, на котором уложили покойную, никто-то не смел приближаться.

Кроме ладхемки.

Сперва-то Мудрослава её и не узнала. Мудрено ли! Оказывается, среди всех этих тряпок золотых человек прятался. И главное, нормальная-то девка, если помыть.

Невысокая.

Не худая, не толстая, самое оно. И волосья у ней, оказывается, имеются. Рыжие. Только обрезаны коротко больно и зачесывает она их гладко. Да сеткою сверху прикрывает. Только непослушные прядки сквозь сетку пробиваются, ложатся завиточками.

Переоделась опять же.

– Ишь ты! – восхитился Яр как-то даже громко, пришлось опять за косу дернуть. – Ай!

И шепотом добавил:

– Оторвешь, потом сама клеить будешь.

– Веди себя прилично, – Мудрослава косу отпустила, с неудовольствием отметив, что в прежнем, размалеванном виде, ладхемка ей нравилась куда больше. Прежнюю-то её ни один нормальный мужик всерьез не примет, а теперь вот глядят.

Все.

Шепчутся.

Хмурятся ладхемцы, и глава посольства даже выступает вперед, склоняется, говорит что-то, явно неодобрительное.

– Мою сестру боги одарили щедро, – голос Ариции Ладхемской не оставляет шансов расслышать, что же такое втолковывали её сестрице. – Но дар её весьма... своеобразен.

А вот сама Ариция осталась в прежнем виде.

К счастью.

– Она способна заглянуть в человека и понять, отчего умер он.

Тихо стала.

– Некромантка, что ли? – осведомился Яр шепотом. Но услышали, кажется, все.

Боги, когда же он молчать научится-то?!

– Ладхемская принцесса не осквернила бы себя прикосновением к проклятому искусству чернокнижия! – громко отозвался глава посольства, вперившись в Яра свирепо. А тот плечами пожал.

– А я чего? Я так... спросить.

– Некромантия не имеет отношения к чернокнижию и тьме, – заметил Ричард, отводя взгляд. А ведь ладхемку рассмотрел, как и

прочие.

Все-то смотрели.

Старомысл.

Он тоже. Вперился тяжелым взглядом. И... и Мудрослава ощутила прилив ярости. Как смеет он? Как... на эту вот... тощую.

Бледную.

Моль.

– Некромантия учит тому, как работать с мертвой материей. Сохранять её. Изменять. Использовать. В ней множество разделов и большая часть их далека от истинной тьмы. И потому в таком даре нет ничего стыдного, – это было сказано громко и на диво жестко, отчего шепоток, родившийся было среди людей, стих. – Напротив, дар этот весьма редок. И оттого ценен.

И замолчал.

А Старомысл все смотрит и смотрит. Отчего он смотрит? На ладхемку? Он ведь говорил о любви. Разве тот, кто любит, будет глядеть на другую женщину? И так, бесстыдно?

Сердце заныло. И зубы. И появилось недостойное желание завизжать, затопать ногами.

– Спокойно, – Яр почувствовал и подхватил под руку. – Дыши глубже. Это морок. Только морок.

Морок.

И Мудрослава понимает. Разумом. Вот только сердце сбоит. Сердцу разум не прикажет. А во рту сделалось кисло, будто она ненароком порченного молока хлебнула.

Она прикрыла глаза и стояла.

Долго?

Верно, долго, а Яр стоял рядом. Вот так и за руку держал, сжимая крепко, отчего на душе словно бы легче становилось. Главное, что когда Мудрослава открыла глаза, то все переменялось.

Нет, старуха лежала на столе, только избавленная от лохмотьев.

Она была вовсе не страшной.

Напротив, она гляделась ненастоящею. Желтая кожа. Какое-то сухое легкое тело, глядеть на которое стыдно, но Мудрослава вперилась взглядом.

Зацепилась.

– И все-таки, – чей-то голос нарушил затянувшуюся тишину. – Возможно, не стоит юным девам видеть...

– Бросьте, – отмахнулась Ариция Ладхемская. – Я не раз и не два бывала в анатомическом театре. Это весьма познавательно.

– Я мертвецов не боюсь, – островитянка нахмурилась.

Степнячка лишь покачала головой и прижала к подбородку кулачки. А вот рядом с ней людей почти и не было, только один, невысокий хмурый и в роскошном халате, наброшенном поверх другого столь же роскошного, из-под которого, кажется, и третий выглядывал. Он стоял, обнимая хрупкую девушку, и что-то настойчиво говорил ей на ухо.

А остальные?

– Потом расскажу, как оно вышло, – Яр отпустил руку. – Старуха свое получила. Девочку вот жаль. Слухи пойдут.

Мудрослава кивнула.

Расскажет.

Все странно. Не так. Не как должно.

Ладхемская принцесса склонилась над телом. Она осторожно коснулась головы старухи. Прислушалась к чему-то...

Пальцы пробежали по лицу. Замерли на закрытых глазах. Переместились на грудь.

На живот.

Они рисовали странные узоры, и Мудрослава вдруг ощутила острую зависть. Выходит, что вот эта, разряженная в пух и прах ладхемка, что-то умеет? Что-то такое, недоступное самой Мудрославе?

У Мудрославы тоже дар.

Но... её не учили им пользоваться. К чему? Разве совместно царевне ворожить? Она-то и должна, что силу свою детям передать, род укрепляя. В том её истинное призвание, а все прочее – от демонов.

А в Ладхеме, выходит...

Мудрослава прикусила губу. И поглядела на Яра. Тот смотрел. Все смотрели. На тело. На принцессу, ныне саму на себя не похожую. На то, как спокойно, умело двигались руки её. А на лице играла безмятежная улыбка.

И вот она отступила.

С благодарностью кивнула Ксандру, который подал влажное полотенце. И долго старательно вытирала им руки.

Каждый палец.

Каждый, чтоб его, палец... будто и не замечая ни людей, ни ожидания их.

– Она умерла, – сказала, наконец, Летиция Ладхемская.

– Мы заметили, – Мудрослава прикусила губу, кляня себя за вырвавшиеся эти слова.

– Давно. Это... сложно объяснить, но она... – Летиция уставилась на свои руки. – Она была мертва. И в то же время жила. Не понимаю!

В этом голосе было столько отчаяния.

– Я видела, как она умирала. Она... отравила кого-то. Убила. Смерть оставляет отпечаток на человеке. Но та, другая, забрала её с собой. Так тоже бывает. А эта женщина не захотела уходить. И осталась. Только все равно умерла. А чтобы жить... она... она убивала.

Тихо.

Очень тихо. И слышно, как колотится сердце.

– Девушек. Она их забирала и убивала.

А степняки слушают внимательно. И с каждым произнесенным словом лицо мужчины темнеет. И вот уже не он поддерживает Теттенике, но она цепляется за руки его, словно пытаюсь удержать.

Остановить.

Что?

– Она забирала их жизни себе, но этого было мало. И она пришла сюда. Она... хотела забрать её жизнь, – Летиция Ладхемская повернулась к степнячке. – Но почему-то просто так сделать этого не могла. Извините. Смерть, она всегда слегка размывает восприятие. Всякий раз по иному. Но... кем бы ни была эта женщина, тело лучше сжечь.

Она протянула полотенце к Ксандру.

– И еще... – Летиция задумалась ненадолго. – Могу я поговорить с вами? Наедине?

– Это неприлично! – взвизгнула пухлая женщина, которая, верно, выполняла ту же роль, что и боярыня Никитская при Мудрославе. – Наедине! Это... это вас скомпрометирует!

– Я думаю, этот вопрос можно решить, – Ричард подал руку принцессе, и это вновь же резануло по сердцу. Конечно... темный дар некромантии там, в мире обыкновенном, привычном Мудрославе, стыден. А здесь? Не выйдет ли так, что этот дар, про который

Повелитель говорил, что он редок, станет тем самым аргументом в пользу Ладхема?

И не то, чтобы Мудрославе вдруг захотелось замуж, нет.

Просто... обидно.

– Что бы вы ни хотели сказать, – Ричард протянул другую руку демонице. – Мы выслушаем.

А еще подумалось, что демоница тоже не выглядит счастливой.

Почему?

Летиция Ладхемская давно не чувствовала себя настолько неудобно. Наверное, с того самого раза, как матушка, узнав о её даре, о недостойном её поведении, слегла. И впервые не ругалась, не читала мораль, но просто лежала, такая непривычно бледная и несчастная.

А в покоях остро пахло лекарствами.

Батюшка гляделся мрачным и хмурым.

И сама Летиция чувствовала себя виноватой. Правда, не понимала, в чем именно провинилась. Она ведь никому не причинила вреда.

Она... только пользу.

Она помогала.

Это ведь важно, помогать людям. Но отец был бледен.

– Дорогая, – матушка говорила слабым голосом и руку протянула, и Летиция коснулась этой руки, цепenea от страха. Вдруг да увидит на ней, на белой коже, привычную тень смерти? Но нет. Руки были чисты. И даже задышалось легче. – Дорогая, мы не сердимся... мы понимаем, что ты не виновата.

Только почему-то Летиция ощутила себя еще более виноватой.

– Однако ты должна понимать, что...

...разговор тот был долгим.

Муторным.

И запомнился лишь отчасти. Матушка вот. Отец. И еще маг, который выглядел очень расстроенным и тоже глубоко несчастным.

Почему?

Голова заболела. И Летиция поморщилась. Не хватало. Мало того, что она взяла и вот так... и теперь все знают, что Летиция Ладхемская владеет проклятым даром. Так еще и здоровье у неё слабое.

А перед глазами плывет все.

Будто туман.

И сестра в кои-то веки молчит, поддерживает под руку. Не от избытка родственной любви, никогда-то этой любви меж ними не было, но тоже хочет услышать.

Надо ли?

– Прости, – Летиция высвободила руку. – Но это и вправду... я потом. Ладно?

Когда станет понятно, можно ли вообще говорить о подобном.

Хмурится.

Ариция.

И почтенная вдова, которая теперь точно заставит есть чеснок и молиться. Остальные... и главное, у нее и в голове-то не было про остальных. Все-таки стоит признать, что ума Летиции никогда не доставало. Можно ведь было промолчать.

Удержаться.

Притвориться... а она вот полезла. Как-то разом и вдруг. И как быть теперь?

Пальцы Повелителя Тьмы кажутся необычайно теплыми. И прикосновение к ним успокаивает. А вот демоница смотрит хмуро. Недовольно. Летиция успела и её прогневить?

Хотя... отцовские фаворитки точно также на матушку смотрели. Те, которые были слишком глупы, чтобы этим можно было компенсировать красотой. Как правило, они весьма скоро покидали двор.

Была ли демоница глупой?

Или, возможно, стоит побеседовать и с ней? Договориться. Сказать, что Летиция – женщина цивилизованная, широких взглядам. И не станет возражать, если у мужа появится сердечное увлечение. Она ведь понимает, что брак – это вовсе не про сердечные увлечения.

И спорить им не о чем.

Нечего делить.

Леди Севальго, пусть даже давно уж покинула, что отцовскую опочивальню, что вовсе двор, удалившись на побережье, до сих пор с матушкой переписывается. И дружат они. Настолько, насколько сие возможно.

С демоницами и вправду лучше дружить.

– Прошу, – Ричард открыл какую-то дверь. – Вам принести чего-нибудь выпить?

– Выпить?

– Вы явно потратили много сил. Вас кто учил управляться даром?

– Целитель.

Ричард приподнял бровь. Он все-таки не слишком красив. В нем нет ни изящества, ни утонченности. И хорошо.

Почему?

Она сама не знала. Но вдруг поняла, что та прошлая её жизнь, она отчасти ненастоящая.

Как такое возможно.

– Извините, – Летиция потеряла виски. – Голова... болит.

– Не удивительно, – пробурчал Ксандр, закрывая дверь. И он здесь будет?

– Я всецело доверяю моему другу. И... – Повелитель Тьмы запнулся, посмотрел на демоницу и покраснел. – Доверяю всем, собравшимся здесь.

Смешной.

Хотя... матушка говорила, что в годы юные отец тоже краснел легко. Потому и пудриться начал. А потом не только он. Мода случилась. И все никак выслучиться не могла.

Головы коснулись холодные пальцы.

Просто ледяные.

И смертью обожгло. И последнее, что успела подумать Летиция, так это, что и вправду было глупо разговаривать наедине. А потом стало больно.

И главное, сказать-то она не успела!

Не успела сказать!

Глава 9

О том, что принцессы бывают разные

«Хорошая жена не станет изводить супруга домыслами и сомнениями, задавать вопросы, которые смутят его или же подвергнут сомнениям его добропорядочность. Ибо памятуя, кто есть хозяин в доме, она ни словом, ни даже мыслью не усомниться в том, что он всегда честен и справедлив»

«Слово о доброй жене и приметах её, а тако же наставления мудрые для девиц юных, пожелай оные долгой и счастливой семейной жизни»

Ксандр ловко подхватил сомлевшую девицу.

Я поглядела на Ричарда.

Он на меня.

– Если вы собираетесь устранять свидетелей, – осторожно заметила я. – То это как-то... грубовато. Слишком много будет других свидетелей. А всех не устранишь. Ну или долго объяснять придется.

– Ксандр! – рев Ричарда заставил меня подпрыгнуть.

И хвост, конечно, шибанулся о шкаф.

– Ай! – я подхватила его, бедненького, и подула. – Не ори на ухо!

– Вот-вот, – поддержал Ксандр. – Не ори на ухо. Лучше помоги.

– С чем? – боль сменилась любопытством. А и вправду?

– С ней.

– Жрать будешь? То есть, потреблять кровь невинных дев?

С ладхемкой на руках Ксандр выглядел то ли зловеще, то ли героически.

– Я не потребляю кровь невинных дев! – он огляделся.

И я тоже.

Гостиная. Очередная. Сколько их в Замке, понятия не имею. Главное, что нынешняя в бирюзовых тонах, с серебром. Этакая тихая

камерная обстановка, настраивающая на доверительную беседу.

– На софу её положи, – посоветовала я. А то смотрит на принцессу хмуро, и вправду сейчас употребит от избытка эмоций. А нам потом придумывай правдоподобное вранье.

– Это козетка.

– Положи на козетку, – согласилась я. – Или тебе нравится так стоять?

Принцессу он не положил – уронил. И не скажу, что я преисполнилась сочувствием к несчастной. Нет. Не нравилась мне она. Чем дальше, тем больше.

Умылась вот.

И выяснилось, что под толстым-толстым слоем белил скрывается вполне себе симпатичное личико. Добавим статус.

Дар редкий.

В общем... категорически она мне не нравилась.

Ричард подошел к девушке и взял за руку.

– Жива.

– За кого ты меня принимаешь? – Ксандр опустился на колени. – Сюда глянь.

И в лоб ей пальцем ткнул.

– Видишь?

– Вижу.

– А я? – я тоже сунулась посмотреть, но ничего-то не увидела. –

Что?

– Ей закрыли часть памяти. Точнее не совсем убрали, а как бы... сделали неважной, что ли? Тонкая работа.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

На принцессу поглядела я... нет, не с сочувствием. Что-то сложно у меня с сочувствием стало, никак сила демоническая сказывается, но вот... лежит она, бледненькая.

Осунувшаяся.

Просто-напросто почти и неживая.

– Дверь запереть надо, – сказала я.

– Зачем?

– На всякий случай.

Как маленькие, право слово! Или просто от людей отвыкли?

– Вдруг зайдет кто, а вы тут с обеспамятовшею девицей, – я указала на Летицию Ладхемскую. – То ли кровь невинную вкушать изволите, то ли еще чего. И если кровь вам простят, то еще чего – нет.

– И в мыслях не было! – возмутился Ксандр, от принцессы отодвигаясь.

– Это ты у алтаря доказывать станешь, что у тебя в мыслях было, а чего не было.

А то и вправду, сунется кто из беспокойства или любопытства великого, потом то ли свидетеля изничтожай, то ли фантазируй, пытаясь объяснить необъяснимое.

– Какого алтаря? – Ксандр задумчиво поглядел на дверь.

– Свадебного. Или где у вас тут свадьбы устраивают?

– Я не... я не собираюсь жениться!

– Тогда тем более двери закрывать надо, – я подошла к двери и потрогала ручку. – А тут ни замка, ни щеколды захудалой.

Ксандр молча придвинул к двери комод. Массивный такой. Дубовый. Или еще из какого дерева, главное, что точно не ДСП, а значит, и весу соответственного. И ведь сдвинул-то легко, одной рукою.

Вот что значит не желает человек семейное счастье обрести.

А ведь...

Чем не мысль, в самом-то деле? Если глобально, то... вот женится Ричард. И поселит супругу в Замке. Мысль о том была категорически неприятна, но я нахмурилась и усилием воли её подумала. Только ей ведь одиноко тут будет.

А вот если и Ксандра женить.

И Лассара...

Всяко веселее. Тогда-то и мне можно будет уйти с чистой совестью. Куда? Понятия не имею. В закат.

Я подавила тяжкий вздох и вернулась к лежавшей девице, раздумывая, подходит она Ксандру или нет. Теоретически потенциальный некромант и лич – это вполне себе душевная пара...

Осталось донести эту мысль до них самих.

Я потеряла руки, чувствуя, как где-то там, в глубинах разума, где еще обретается дурь молодецкая и гениальные планы, зарождается великая мысль.

– Так что там с нею? – поинтересовалась я презаботливо.

А что, помощь девице в беде – первый шаг навстречу счастью. Главное, не спугнуть перспективой. И потому пусть лучше о деле думают.

Да.

Ксандр покосился на дверь и комод, явно прикидывая, достаточно ли тот тяжел, чтобы предотвратить появление свидетелей, но все же вернулся к девице. А та, как водится приличной девице, лежала себе тихонько, бледна и болезненна с виду.

Самое время спасать.

А вот то, что Ричард присел рядом, это уже... не подходит она ему.

Категорически.

Несмотря на редкий дар. Слишком самолюбивая и самоуверенная.

– Ты, пожалуй, прав, – он провел ладонью над лицом. Потом осторожно, с нежностью даже, отчего у меня зубы свело, повернул голову принцессы влево.

И вправо.

Потом приподнял веко и заглянул в глаз. Я бы тоже заглянула, ну, чтобы в курсе дела быть. А то вдруг пропущу чего важного, но глаз был один, да и места рядом с козеткой не осталось.

– Воздействие имело место. И подкреплялось не единожды... – он веко отпустил и поглядел на Ксандра. – Странно только, что оно взяло и слетело.

– Чего тут странного. На ней вон, твои игрушки.

Ксандр приподнял вялую руку, на которой переливался яркими камушками драгоценный браслет.

– А заговаривал ты их на защиту. Вот и защитили.

– Да нет, защита внешняя, хотя... – Ричард руку перехватил и пробежался по камушкам пальцами. – Скорее уж их энергия вошла в противостояние с тонкими оболочками заклятья. Тем более, было оно не блокирующим. Добавим еще само поле замка, близость Проклятых земель.

– А мне объяснить? – я скрестила руки на груди.

Еще ногой бы топнуть, но это уже совсем по-детски. И тотчас даже стыдно стало за свою несдержанность. Но Ричард осторожно уложил руку принцессы на грудь её.

– Подойди, – он посторонился, и я подошла.

Опустилась на ковер. Поглядела... нет, все равно не сочувствую. Вот ни капли.

– Смотри. Ты ведь видишь?

– Что?

Я прищурилась. А ведь... будто дымка над головой вьется, только какая-то странная, рваная. Я хотела потрогать кусок её, но Ричард перехватил руку.

– Не надо. Это может быть опасно.

– Что это?

– Остаточные эманации заклятья. Только странно, конечно... придворный маг должен был бы его увидеть.

– Может, и видел, – как-то все взяло и сложилось одно к одному.

– Думаешь? – Ричард сам коснулся дымки, и она осторожно обняла его пальцы. А потом впиталась в кожу. Сперва один клочок, потом другой.

– Может, он вообще его и сделал. Это вот заклятье.

– А знаешь, – задумчиво произнес Ксандр. – Я, пожалуй, соглашусь.

– Но зачем?

– Из-за дара, – Ксандр обошел козетку и склонился над лежавшей девой. – Ты заметил? Она была вся такая... правильная. Очень правильная принцесса. А потом увидела мертвеца и раз, будто взяла и...

– Переменилась.

– Именно.

И замолчали оба.

А я... я смотрела на бледное лицо.

– Там, во внешнем мире, некромантию, мягко говоря, не любят. И некромантов. Считают проклятыми. Темными. Боятся, – Ксандр говорил медленно, растягивая каждое слово. И честно, эта вот его манера изрядно действовала на нервы. – Хорошо, что вовсе не закрыли.

– Если запереть дар, человек умрет.

– Знаешь, далеко не для всех это было бы аргументом. Нет... допустим, дар проснулся. И судя по тому, как ловко она обращалась с этой покойницей, она точно знала, что делает. То есть, где-то как-то её успели обучить. Хоть чему-то. Как? И кто?

Принцесса слегка нахмурилась и застонала.

– Вряд ли с разрешения родителей. Скорее уж наоборот. А потом все вскрылось.

И опять замолчал.

Нет, я его бодну, честное слово. Я уже даже начала сочувствием наполняться, а он тут опять туманы напускает. К слову, туман аккуратно почти и исчез.

– Вот и выходит, что заблокировать дар не рискнули, а вместо этого сделали так, что она забыла о неподобающем увлечении. Скорее всего заменили чем-то другим. Более приличным.

Ричард кивнул и вытер руки о козетку. Потом смутился запоздало и спрятал их за спину.

– Пожалуй, ты прав. Тогда понятно. Действительно... дворцовому магу проще, чем кому бы то ни было наложить заклятье, а потом поддерживать. Возобновлять время от времени.

– Именно.

– И... что мы ей скажем?

Спросил и оба на меня поглядели, будто я знаю, что нужно говорить в подобных ситуациях. Хотя... что уж тут.

– Правду, – решительно ответила я. – Ей и так ввали, выходит. И не только ввали.

Я поежилась, представив, что моя матушка... ладно, моей матушке на меня было глубоко плевать, но оказывается, что и в этом подходе есть свои преимущества. А вот так... взять и влезть в голову.

Даже для блага.

– Её потому и сорвало при всех, что границы размылись, – добавил Ксандр. И теперь он точно смотрел на принцессу с жалостью. – Она просто не понимала, что такое при всех не показывают, что...

Принцесса тихо вздохнула.

И открыла глаза.

А глаза у нее оказались просто-напросто огромными. И черными-черными, как... как та тьма, что пряталась в зеркале. Только длилось это едва ли мгновенье. А потом чернота отступила, откатилась, растворилась в столь же неестественно-яркой зелени.

– Что... со мной? – спросила Летиция Ладхемская почти шепотом. А я присела рядом и взяла её за руку.

– Ничего страшного. Обморок.

– Обморок? – хлопнули длиннющие ресницы, пробуждая в моей демонической душе зависть.

– От волнения. Вы труп ощупывали. Вот и переволновались, – я помогла ей сесть. И принцесса коснулась головы. Поморщилась.

– Болит.

– Это просто мозг развивается. Как разовьется, так и пройдет, – уверила я, поглядев на Ричарда. – Воды подайте.

Подали.

И я помогла принцессе напиться. И мелькнула мысль, что не такая она... в общем, не такая... и злиться на неё, беспомощную, сложно.

И вообще.

– Матушка расстроится, – вздохнула Летиция Ладхемская презадумчиво. – Ей ведь донесут. Я не понимаю, что со мной и... и как оно вообще... я умела, а потом... это неподобающе. А я забыла. Но вы должны рассказать.

А вот это было произнесено совершенно иным тоном.

Как-то даже поверилось, что вот сидит принцесса.

– Понимаете... – Ксандр поглядел на Ричарда.

– Дело... весьма тонкое... – а Ричард на меня.

А я что?

Я вообще во всей этой магии ничего не смыслю.

– На вас заклятье наложили, – сказала я, понимая, что эти двое так и будут ходить вокруг да около. А каждая минута, между прочим, приближает их к скандалу.

Или браку.

– Ментальное, – сказал Ричард и коснулся лба. Собственного. Правильно, нечего тут всяких посторонних принцесс трогать. – Мы полагаем, что дело в вашем даре.

– Даре... – она потеряла этот самый лоб и нахмурилась. И застыла, явно пытаясь вспомнить. И судя по тому, как менялось выражение её лица, вспомнить-таки удалось. – Даре... конечно... даре...

Она резко поднялась, но тут же села.

– Голова кружится.

– Так бывает после отмены. Заклятье давнее. И поддерживалось долго. Вот вы к нему привыкли, – Ричард говорил извиняющимся

тоном, будто и вправду чувствовал себя виноватым. – Это пройдет. Я снял остатки.

– Не помню.

– Тоже временно. Память восстановится, – это уже Ксандр и говорит спокойно так, без тени издевки. – Но отдохнуть вам все же стоит. Так что... музыкальный вечер сегодня стоит отменить.

– Музыкальный вечер? – какое искреннее недоумение.

И смущение.

И...

– К-какой вечер? Извините, – она подняла руку, и жест этот вышел донельзя рассеянным. – Извините... мне и вправду... надо... все обдумать. Решить...

– Главное, не спешите.

– Куда уж, – а вот усмешка получилась донельзя кривой. – Только... вы... поможете?

И взгляд этот беспомощный. И мое раздражение, потому что мужчины очень недооценивают опасность, исходящую от женской беспомощности.

– Конечно. Но вы хотели о чем-то сказать. Поговорить.

– Я? – и вполне искреннее удивление. Принцесса хмурится. Морщится, явно пытаюсь вспомнить. Но потом вздыхает и признается. – Извините, но это я, кажется, тоже забыла.

Вот ведь.

– Ничего. Думаю, вспомните.

– Да... конечно... отдохну и... – встала она, опираясь на руку Ричарда. И от этой картины у меня зубы свело. И подумалось, что если бы принцесса под макияжем оказалась чуть более страшной, а то и вовсе лысой, я бы... я бы была рада.

Точно.

Ксандр с легкостью сдвинул комод. А потом, когда эти двое удалились, произнес:

– А ведь ей нельзя возвращаться.

– Почему?

Вот уж не было печали.

– Некромантов на самом деле не любят. В людском сознании некромантия прочно связана с чернокнижием. И новость, что

принцесса обладает темным даром... в общем, любви к королевскому дому она не добавит.

И вздохнул.

Я тоже.

Скрыть чудесную новость? После того, как она устроила показательное выступление для всех? И думать нечего. Разве что закопать все четыре дипломатические представительства где-нибудь в саду. Но нынешний сад не столь велик. Да и... нехорошо это.

Не говоря уже о том, что вряд ли осуществимо. Гости точно воспротивятся.

– Так что ей теперь или замуж, или в монастырь... – завершил Ксандр.

А я подумала, что монастыри-то бывают очень даже неплохие.

Глава 10

Где добро продолжает постигать тайны прошлого

«Привези мне, батюшка, зеркало чудесное, из серебра да злата сотворенное, самоцветами убранное. Такое, что глядишь в него, а красоты прибавляется».

«Сказ о коварной деве и зачарованном королевиче».

Артан недолго колебался.

Точнее только подумал, что если и падет в неравном бою с каким-нибудь чудовищем, то не того ли он искал всю жизнь? В смысле, не смерти, но подвига.

Не ими ли, чужими, вдохновлялся.

Правда, появилось такое вот нехорошее чувство, что, возможно, подвиг и погодить может. Скажем, лет так на пару. Что не все вопросы решены и вовсе давно он уж дома не был. И пусть даже с отцом отношения не заладились, но матушка всегда встречала Артана пресердечнейше. И слушала его. И вздыхала. И даже не пыталась уговорить вернуться к делам мирским.

А он письма ей не написал.

Все герои перед подвигом всенепременно писали письма родным и близким, в которых признавались в любви и просили прощения. А он вот так пойдет.

Неудобно, однако.

Но Артан силой воли подавил позорную мысль о бегстве. И решительно шагнул во тьму очередного коридора.

Нет, залы.

Большой такой залы, которая вовсе показалась необъятною. Медленно, один за другим разгорались светящиеся камни на колоннах. И желтоватый свет их кое-как разгонял тьму.

Пахло... цветами.

Камнем и цветами. От запаха этого странного голова кружилась, а во рту появился кислватый привкус. Артан силой воли попытался усмирить бьющееся сердце, но вышло плохо. Следовало признать, что до героев древности ему далековато. Те-то колебаний не знали. А он прямо весь какой-то исколебавшийся.

Он сделал шаг.

И остановился.

Каждый звук, даже самый слабый, рождал эхо. И тьма оживала. Метнулись тени по стенам, зашевелились, передразнивая Артана.

Что это?

Он сделал еще шаг. И третий дался уже многим легче.

Зал.

Просто зал.

Зачем?

Кому понадобилось выдалбливать в толще скалы такую вот... пещеру? И для чего? Артан подошел к стене. Гладкая. Не такая гладкая, как та, что снаружи, но все же камень обработан. И главное, что ни тебе письмен таинственных, ни какой иной инструкции для случайного героя.

Стены вот.

Колонны.

Одни малые, в человеческий рост, с кристаллами, другие высоченные, уходят ввысь, выпуская тонкие дуги арок, которые пересекают потолок, чтобы опереться на другую такую вот колонну. И в пересечении их видится сходство то ли паутиной, то ли крыльями летучей мыши.

Жуть, в общем.

И голова кругом идет. А главное... главное все одно не понятно. Зачем? Замок вон рядом. Там залов всяких, больших и малых. А тут еще один. И кем построен?

Артан дошел до середины и остановился. Голову задрал, вглядываясь в потолок. С него свисали на цепях огромные круги, а уже с них – светящиеся камни. Правда, эти загораться не спешили, то ли иссякли за многие годы, то ли требовалось что-то сделать, чтобы пробудить их к жизни.

– Эй, – он осмелел и крикнул. – Есть тут кто?

– Кто? Кто? – заволновалась тьма, и тени засуетились. А кристаллы под потолком ожили. Сперва один блеснул искрой, потом другой, третий, они разгорались стремительно и силы набирали.

Становилось светлее.

В какой-то момент света стало так много, что от избытка его возникла резь в глазах. Артан потер их. И закрыл. Постоял, позволяя слабому телу привыкнуть.

Сердце успокоилось.

Чем бы ни было это место, в нем не чувствовалось угрозы. Но... все равно не понятно. И потому он осторожно двинулся вдоль стены. И рукой её касался, боясь пропустить что-то важное, но неприметное. Однако стена была гладкой.

И простой.

И зал... длился и длился. Колонны. И снова колонны. Пол... пол тоже без узоров. Несостоявшийся подвиг наполнял душу некоторым разочарованием. Все-таки от тайных проходов в скале ждешь чего-то большего, нежели огромная пустая и забытая, что людьми, что богами, зала.

Артан вздохнул.

И тьма подхватила его вздохи, склоняя на многие голоса. В какой-то момент даже будто засмеялась, но тотчас смолкла.

А потом, смилостивившись над глупым нетерпеливым человеком, отползла. Она отступала медленно, пятясь, выпуская одну статую за другой. И сперва-то Артан принял их за очередные колонны. Но вскоре понял ошибку.

Статуи.

Огромные фигуры. Богов? Нет, людей. Узкие у основания, они расширялись кверху, почти сталкиваясь друг с другом невообразимо большими плечами. И на них головы казались совсем уж махонькими.

Чудные одежды.

То ли платья, то ли просто материя, что вольно стекала, обнимая гигантские эти фигуры.

Артан задрал голову и отступил, пытаясь разглядеть хоть что-то.

Но лица терялись в сумраке, а фигуры казались слишком уж похожими друг на друга. Разве что... вот одна держит щит. Круглый, иссеченный то ли ударами, то ли временем.

А в руках другой – клинок.

Свиток держал третий.

У ног четвертого раскинулся целый город человеческий.

Посох пятого попирал каменные волны, и на них застыл крохотный корабль, у которого Артан задержался надолго, до того умело был этот корабль исполнен. Правда, он гляделся непривычно узким и длинным, и оскаленная пасть чем-то напоминала лодки островитян, как и квадратный парус. Но сходство было отдаленным.

Что это?

Храм?

Не похоже.

Где алтарь? И боги, если это боги, выглядели слишком уж земными.

Он продолжил путь в тишине, которая больше не пугала. Напротив, снизошло на душу успокоение, какое случалось с Артаном лишь в храме да и то давно, когда не переполняли его еще все нынешние заботы.

Женщина.

Точно женщина. Она тоньше и будто бы изящнее, хотя вряд ли статую подобной величины вовсе можно назвать изящною. И наряд мало чем отличается от мужского, разве что ткань перехвачена под грудью и облегает выпуклый живот. Его женщина и придерживает обеими руками.

Артан поклонился ей.

Им.

– Простите, если оскорбил присутствием своим ваш покой, – сказал он громко и четко. Пусть даже никто и не слышит, но героям к лицу вежливость.

Да и матушка одобрила бы.

А письмо написать стоит. Потом. Когда вернется.

Статуи молчали.

А он...

Зал превратился в узкую галерею, по обе стороны которой возвышались статуи. И с каждым шагом становились они будто... меньше? Определенно, меньше. Артан шел. Не спешил. То и дело останавливался, разглядывая то одну статую, то другую. Вот воин в причудливом доспехе. Голоногий, облаченный в некое подобие юбки, тот, однако, не гляделся смешным. Теперь, когда воин возвышался над

Артаном но не так, чтобы совсем уж высоко, он сумел и лицо рассмотреть, пусть даже то почти скрывалось под шлемом.

Станным тоже.

Кто носит такие? Со щеткою наверху? Зачем она надобна?

Не важно.

И снова человек с посохом, правда, не один. К ногам его жались чудовища, только гляделись они отчего-то жалко.

Людей сменили... демоны?

Нет, демоны тоже были, но изображенные вдали, смутными тенями. Они скорее угадывались в каменных нишах, что стали для статуй вместилищем.

Но и люди...

Женщины.

Изящные. Несомненно, прекрасные, только красота их не привлекала, скорее уж заставляла пятиться, ускоряя шаг. Вот у одной появились рога. Точь-в-точь, как у демоницы, что повсюду следовала за Повелителем тьмы. И сама-то похожа.

Немного.

Хвост.

И... имена. Артан пропустил момент, когда у подножия статуй появились медные таблички. Металл потемнел от времени, да стерлись многие символы. Но Артан сумел-таки прочесть.

– Ар-рей Архаг, – он опустился на колени и пальцами повторил изгибы рун. Слова старого языка прозвучали в тишине резко. И тени тотчас пришли в движение, засуетились.

– Ирей Архаг. Арана...

Он читал, не понимая, что читает. Могли бы для несчастных потомков оставить не только имя, но пару слов о том, кто это был и чем занимался.

А то и вовсе лучше бы не пару слов, но мемуары там.

Или жизнеописание.

Хотя бы кратенькое.

– Эрея... – женщина выгнулась словно от боли. Она стояла, раскинув руки, в позе совершенно неестественной. И прекрасное лицо её исказила уродливая гримаса.

Снова мужчина.

И... статуи закончились.

А он оказался в очередной пещере. Сколько же их скрывается в скале? Впрочем, Артан слышал, будто в южных морях есть острова, где скалы сплошь изгрызены пещерами. И блуждать в оных можно годами.

Артан призадумался и оглянулся.

Перспектива блуждать годами его не вдохновляла. Вот совершенно. Правда, тут же подумалось, что блуждания его на столь длительный срок точно не затянутся, раньше он умрет от голода и жажды.

Но...

Пещера была невелика.

И иных выходов не наблюдалось.

– И что это такое? – спросил Артан вслух, ибо тишина изрядно давила на разум.

– Такое, такое, – отозвалось вялое эхо.

И смолкло.

Здесь не было статуй. И колонн тоже. Неровные стены. И столь же неровный пол. Потолок, с которого свисали белые тускло светящиеся нити. Они почти касались... чего?

Сперва Артан принял это за алтарь, но вскоре понял свою ошибку. Саркофаг.

Саркофаги ему случалось видывать. В той же обители во времена древние братьев в саркофагах и хоронили, это уже потом места не осталось, да и дорогое удовольствие – саркофаги, вот и нашли способ попроще.

Артан мотнул головой.

И сделал шаг.

Сердце вновь заколотилось. А во рту сделалось кисло. Вспомнилось вдруг, как они с братом играли в поиски сокровищ, как забрались в подвалы старого дома и там блуждали. Правда, нашли старую подкову, три гвоздя, один из которых пропорол Артану ногу и пару дохлых крыс. Ну и розги, уже потом, по возвращении, ибо отец сокровищами не проникся.

Как и пропоротой ногой.

Надо будет помириться.

Давно надо было помириться. Он ведь неплохой человек. И всегда желал Артану добра. А что у них о добре разные представления, так

кто ж в том виноват-то?

Еще шаг.

И знакомое вдруг давящее ощущение. Тьма, до того притворявшаяся обыкновенной, по-настоящему оживает. Она клубится. И манит.

Она здесь.

Рядом.

Всего-то и надо, что подойти. Заглянуть. Даже не надо заглядывать, достаточно будет коснуться крышки. Руки сами потянулись к ней.

– Нет, – Артан стиснул зубы. Сердце колотилось, что сумасшедшее. А тьма... тьма хохотала. Беззвучно.

Кого ты хочешь обмануть, мальчик?

Ты притворяешься.

Ты всегда притворялся. И все тебе верили. Светозарный... какой из тебя светозарный, если ты всегда, с самого рождения своего, с первого вздоха, принадлежал именно тьме?

– Неправда.

– Правда-правда, – отозвалось эхо.

Правда. Иначе она бы не отозвалась. Тогда. Чернокнижниками не становятся. Ими рождаются. И ты родился таким.

Помнишь?

Все ли помнишь?

Или напомнить? Тот черный-черный коридор. Свечи. Зеркало.

– Это была детская глупость!

Книга, найденная в библиотеке. Теперь, спустя годы, кажется, что она сама в руки скользнула. И раскрылась на нужной странице. Древний язык, который Артану не давался, вдруг тоже ожил. И руны сплелись заклатьем.

Ты ведь его прочитал.

Ты и никто другой.

И ладно бы только прочитал. Кто решил испытать? Кто пробрался ночью в библиотеку? Кто принес зеркало. И склянку с кровью. Свиной кровью, которую хранили на кухне, чтобы делать колбаски? Помнишь, как тряслись руки, когда ты на эту кухню пробирался.

– Это была глупость. Детская глупость, – губы шевелились. И Артан слышал свой голос, словно со стороны.

И видел.

Их.

Мальчишек. Сколько им было? Ему пятнадцать. А Кристофу чуть меньше, но он всегда-то с радостью участвовал во всех проделках.

А уж такое приключение, как пропустить?

Босые. В белых ночных рубашках. С кровью этой. С зеркалом. Матушкиным, серебряным, на длинной ручке. Книга раскрытая. Грязная, то ли в жиру, то ли еще в чем испачканная.

Свечи.

И собственный голос, который нервно зачитывает старое заклятье.

– И что? – брат хмурится, потому как заклятье было произнесено, но ничего не изменилось. – А дальше?

– погоди, – Артан зубами пытается вытащить пробку из склянки. В склянке тоже хранилось что-то матушкино, то ли масло розовое, то ли еще какая ароматная гадость. Но оставалось там мало, а склянок у матушки была дюжина, если не две.

Она и не заметила бы.

Она и не заметила.

Пробка выскочила, и руки дрогнули. Свиная кровь выплеснулась и на них, и на зеркало, и на книгу. Темные пятна впитались в страницы.

– А... дальше чего?

Он всегда был нетерпелив, младший брат.

– Не знаю, – Артан подвинул зеркало к себе. – Ждать, наверное. И думать.

– О чем?

– Ну, о том, что ты увидеть хочешь.

Кристоф нахмурился и постучал по лбу. А потом спохватился.

– А думать одному? Или двоим? И как оно тогда поймет, кому чего показывать?

– Не знаю. Может... давай я?

– Давай, – с легкостью уступил Кристоф. – Только ты, может, еще раз зачти? А то вдруг оно не поняло?

Артан кивнул и, облизав пересохшие губы, заговорил. Во второй раз слова древнего заклинания сплетались друг с другом. И каждое произнесенное меняло Артана. Оно тянуло изнутри.

Что-то.

И темная кровь, лившаяся на зеркало – хорошо, додумались и таз принести, в который зеркало и положили – завораживала.

В какой момент это случилось?

Будто внутри Артана что-то лопнуло. И из носа тоже полилось. Его кровь хлынула потоком, таким необычайно ярким, что Артан удивился. И запнулся.

Качнулась нить заклетья.

И впиталась в зеркало. Вместе с кровью. А потом... потом зеркало потемнело. Оно стало черным-черным, как тьма, что жила в глубине старого колодца, подходить к которому им строго-настрого запрещалось, но они все одно бегали. Даже когда в колодец провалился поваренок, и слуги стали шептаться, что это дом взял свою обычную жертву.

Но та тьма спала.

Эта же... она клубилась, она выползала. Она... Кристоф вдруг замолчал. А тьма потянулась к Артану. И он к ней. Он видел себя со стороны. Безумный взгляд. Приоткрытый рот, который растянулся в улыбке. Тоже совершенно безумной. И когда пальцы коснулись зеркала, Артан и в самом деле увидел.

Он... забыл!

Он ведь увидел! Действительно увидел! Книга не обманула. Тьма редко лжет, ей этого не нужно. Правда тоже бывает на диво многообразной.

И здесь.

Туман.

Горы.

Он никогда-то раньше не видел таких гор. Они казались стеклянными. Город. Очень и очень древний город. Артан это понял сразу. Он видел его. И видел себя. Там, на опустевшей улице. Он шел мимо мертвых домов, по вымощенной белым камнем дороги.

Солнце слепило глаза.

Но он шел.

Он должен был.

Туда, где возвышался то ли храм, то ли дворец. Строение столь прекрасное, что сердце замирало от предвкушения.

– Артан! – крик брата донесся откуда-то издалека. А он все смотрел.

На мраморную лестницу, покрытую трещинами. Но сквозь них не проросли травы. Здесь, в этом городе, у трав не было сил.

На распахнутые двери.

На кости, что остались лежать перед ними. И обратились в прах от легчайшего движения воздуха. На залу, что ждала годы и годы.

Кого?

Артана?!

Тот же мрамор пола. И белые стены, изрезанные золотыми символами, столь древними, что слабых знаний Артана не хватает, чтобы прочесть их.

Но он идет.

И отмахивается от тени за плечом, той, что пытается остановить его.

Он точно знает, что должен добраться.

Куда?

К дюжине колонн, что выросли в центре зала, подобны диковинным деревьям, если в мире существуют мраморные деревья. Они образовали круг, а в центре этого круга, на полу, испещренном все теми же золотыми символами, лежала дева.

Она была столь прекрасна, что дух захватывало.

– Артан, очнись! – этот крик заставил его задержаться. На мгновенье. И мгновенья хватило, чтобы на плечи пала невыносимая тяжесть. – Стой!

Артан дернулся, а потом ударил.

Он должен.

Он побежал, опасаясь, что тот, кто за спиной стонет, что он остановит Артана. Нельзя было допустить этого. Нельзя! И звуки шагов его, и сорванное дыхание нарушили многовековую тишину. А он, переступив границу, которую охраняли мертвецы – впрочем, Артан знал, что ему они не повредят – остановился перед девой.

Она была обнажена. И тогда великолепие женского тела вновь поразило Артана. Он устыдился и этого великолепия, и собственных глубоко постыдных желаний, что возникли в душе его.

А дева открыла глаза.

И улыбнулась.

Её губы шелохнулись, но ни слова не произнесла она, лишь тяжело, словно пытаясь превозмочь некую силу, сковавшую её,

подняла она руки.

И с них потекла кровь.

Алая-алая, нарядная. Кровь наполнила её ладони, и струи скользнули по запястьям, оставляя на белоснежной коже узоры. К локтям. И ниже. Кровью вдруг вскипела кожа девы, а тело изогнулось. Из губ вырвался рык.

– Стой! – эхо крика осталось где-то там, во внешнем мире.

Артан же склонился над девой.

– Чем тебе помочь? – его душа раскалывалась от боли. А дева вдруг рванулась навстречу и губами коснулась губ его.

Тьма опалила.

И...

...и он очнулся. Там, в библиотеке.

Таз.

И кровь в нем, черная, свернувшаяся. Зеркало, которое будто оплавилось. Он сам, едва способный сидеть от слабости.

Кристоф, что скулил, свернувшись рядом.

– Крис, – просипел Артан. Губы горели. Тело горело, ломило от слабости и еще чего-то. А чего? Он понять не мог. – Ты... ты...

– Ты? – Кристоф сел и вытер разбитый нос. – Ты... нормально?

Артан хотел было кивнуть, но слабое это движение заставило застонать от боли. И он сдержал стон.

– Что тут...

– У тебя глаза вдруг черными сделались. Я звал, звал, а ты никак... и кровь. Кровь шла все время. Из носу. Ты... видел? Что ты видел?

– Нет, – зачем-то соврал Артан, чувствуя, как сама суть его сжимается от ужаса. – Ничего. Наверное... что-то не так пошло.

– Наверное, – с некоторым сомнением произнес Кристоф.

И помог встать.

Тогда, ночью, уже почти перед самым рассветом, они сумели вытащить таз из библиотеки. И свечи. И остатки крови. И матушкино зеркало. Они бросили все в выгребную яму. И молча вернулись домой, чтобы никогда больше не заговаривать о той ночи.

Правда, на следующий день Артан слег.

И маялся горячкой целую неделю. А брат не отходил. Брат говорил, говорил... что-то говорил... и читал. И рассказывал. И будто

боялся, что если замолчит, то Артан не справится.

Но все равно не рассказал.

Никому.

Артан же выздоровел. И решил стать паладином. Не оттого, что был столь уж наивен, как полагал отец. И подвиги... мысль о них появилась позже, ибо надо было объяснить произошедшее не только отцу и прочим людям, но и себе.

А потом он вовсе взял и забыл.

– Видишь, – прошептала тьма ласково. – А теперь вспомнил.

– Нет, – он покачал головой.

– Да. Ты знаешь, что будет. Ты ведь уже понял... хороший мальчик. Хороший-хороший славный мальчик... мой мальчик.

– Никогда.

– Уже, – она отступила, отползла, позволяя Артану вновь осмыслить себя.

Вот он.

Стоит.

Где?

Пещера. И саркофаг. Камень. Черный. Артан такого не видел. И под руками камень кажется гладким, словно шелк. Его приятно трогать. И на прикосновения он отзывается ласковым теплом.

Саркофаг...

Огромен.

И в нем похоронен мужчина. Точно. Резчик постарался, и камень почти ожил. Мужчина крупный и даже в смерти выглядит величественно. Руки его покоятся на длинном мече, который посверкивает сталью. А на голове лежит корона.

Странная корона.

Артану случалось бывать при дворах. И короны он видывал, всякие, но те были неизменно золотыми и украшены камнями щедро. Эта же...

Пальцы коснулись её. И Артан не удивился, увидев, что на темном металле осталась более темная полоса его крови. Кажется, в этом месте кровью и платили. За что?

Как знать.

Кровь вошла в камень, и мертвый мужчина открыл глаза. Взгляд его вперился в Артана. Губы дрогнули было. Но... то ли сил было

мало, то ли крови.

Артан не отступил.

А мертвец улыбнулся. И веки его сомкнулись. И... и это тоже что-то да значило.

– Прости, – сказал Артан. – Что потревожил твой покой, но... мне страшно.

Это признание далось ему не легко. Но стоило сказать, и стало легче.

– Я узнал эти горы. И город... он ведь именно такой, верно? И она там. И... и я приду к ней?

Ладонь его накрыла руки мертвеца. И меч. И... и тот ответил Артану. А потом вдруг тот осознал себя, сидящим подле саркофага, сжимающим в одной руке меч, а в другой корону. Ту самую, железную, с кривоватыми зубцами, будто сделанную безумным деревенским кузнецом.

Артан стоял.

Держал эти вещи и смеялся.

Подвиг? Он хотел подвига? Что ж, он его совершит... или уничтожит весь этот гребаный мир окончательно.

Глава 11

В которой прогулка по саду получает неожиданное продолжение

«И как девка в возраст невестин входит, надобно родителям приставить к ней доглядом вдову какую или иную женщину почтенную, ибо девичье сердце слабо да влюбчиво. Случится порой какой девке увидеть на ярмароке скомороха или иного пустобреха, она и влюбится, и вот уж, любовью этою одуренная, не слышит ни отца, ни матери, ни иных родичей. От женихов годных нос воротит, слезы льет да еще порою грозитя руки на себя наложить, ежели не дозволено ей будет браком с негодником сочетаться»

«Книга, писаная для пользы и правильного воспитания дев звания всяческого, дабы оберечь их от тягот любовных и иных сущеглупостей»

Мудрославу поймали в саду. Нет, она не пряталась, просто... стало вдруг невыносимо душно в замке. Появилось желание выйти, хотя бы этот сад, который некогда, надо полагать, был роскошен, но ныне о былой роскоши напоминали лишь белесые статуи, порой почти сокрытые плющом.

Здесь и пахло не цветами.

Скорее уж лесом.

– Слав, ну не злись, – Яр увязался следом. – Ну кто ж знал-то? Смотрю, старуха эта девчонку обижает. И главное, охрана есть, а будто и не видят. Как так можно было не влезть?

Можно было.

Наверняка, можно было. И... и не тому ли её учили, что порой стоит пройти мимо. Только от мысли о том тошно. Вот и не выходит

злиться.

– Заступился?

– Да не трогал я её! Она там сама... начала выть про проклятье какое-то, руками трясти. А потом раз и померла.

Яр вздохнул и поскреб шею.

– Не нравится мне все это.

Мудрослава согласилась. В самом деле подобное мало кому понравится может. И старуха... до чего не вовремя. Откуда она вообще взялась?

Мудрослава не помнила в свите степнячки старух.

– Я... – Яр остановился и поднял ветку, что свисала слишком уж низко над тропой. – Может... пойду, поговорю с девчонкой?

– Как она тебе?

– Да обыкновенно! Ну... ну ты меня уже оженить хочешь?

– Почему нет? Степь богата. Видел, сколько лошадей она привела? А у нас, сам знаешь, добрых коней днем с огнем. Разумовский давно говорил, что надо бы вопросом заняться. Вот и положишь начало.

– Меня на коней обменяешь?

– Дурак, – вздохнула Мудрослава. – Жениться все одно придется, так что лучше, если с выгодой. И тебе она нравится? Нравится ведь?

– Не знаю, – Яр тоже вздохнул. – Так-то оно, конечно, такая... маленькая, тихенькая... только на меня она не смотрит.

– А с чего ей глядеть на непонятную девку.

– Вот... скажешь тоже!

– И скажу, – Мудрослава чувствовала непонятное раздражение. – Иди уже... только осторожно, ладно? Если вдруг выплывет, что ты... в общем, скандала не оберешься. И постарайся, чтоб без трупов.

– Постараюсь! – Яр подпрыгнул. – Честное слово!

И исчез.

А она осталась. Нет, не одна. За спиною на приличном расстоянии держалась пара служанок, с ними и стража, но чувство одиночества было до того острым, что слезы в глазах закипели. И нет, Мудрослава не собиралась плакать.

Она сильная женщина.

Она... вот влюбится Яр в эту степнячку. Женится. То есть, сперва посватает, и ему не откажут. Кто в здравом уме будет отказывать

государю Виросскому? То-то и оно... привезет её во дворец.

Разберется с чернокнижником.

И заживут они с женою молодой в любви и согласии. А Мудрослава? Что с нею?

– Славушка, – зашелестели листья. – Слава, Славушка...

...вновь отошлют к любящим мужниным родичам? Или нет? Нет, Яр, он... не такой. Мужа подыщет. Хорошего. Или не очень. Главное, что такого, который на трон претендовать не станет. И отправит подальше куда, наградит губернией, землями и велит в них сидеть да носу не казать. А думать, будет ли тот муж по сердцу, никто не станет.

Или... вовсе в монастырь?

А то и еще хуже, сидеть при Яре перестарком-пустоцветом, нянчить чужих детей, о своих и не помышляя. Да зависти переполняться.

Она шмыгнула носом и обернулась.

– Славушка...

Нет никого.

Ни служанок, ни стражи, будто... будто взяли да сгнули. Сердце ёкнуло, и обида отступила. Ненадолго.

Яр не такой.

Яр...

– Славушка, – вздохнули над самым ухом, и крепкие руки, те самые, надежней которых в мире не было, обхватили её, закружили. – Как же соскучился я по тебе, Славушка.

И она, позабыв про честь и гордость, прильнула к его груди. Заглянула в глаза, разом потерявшись, позабывши обо всех обидах.

Если попросить брата... он ведь не откажет.

Он... надумал себе всякого про Старомысла. Но это ведь неправда. Сплетни. И та лесная колдунья тоже ошиблась. Или не ошиблась, но со зла оговорила. Бывает же такое? Бывает.

Конечно.

– Тише, родная моя... тише, – её гладили по голове, и Мудрослава успокаивалась.

Сердце в груди колотилось пойманною птицей.

Да, она поговорит с Яром.

Объяснит.

И...

– Все-то у нас будет хорошо, – заверили её и осторожно коснулись щеки. Отчего-то поцелуй этот заставил вздрогнуть, и на коже будто след липкий остался. Впрочем, ощущение этой липкости, самого следа, длилось недолго, сменившись тем же счастьем.

Тем же, но... не тем.

– Осталось немного потерпеть, – человек, лучше которого во всем мире не было, отстранился. Но рук Мудрославы не выпустил. – И помочь. Ты ведь сделаешь для меня кое-что?

Все, что угодно!

И сбежит, и... и Мудрослава прикусила губу, пытаясь выбраться из этой розовой безумной влюбленности, которая появилась слишком уж вдруг.

– Конечно, – говорить и то получалось с трудом. Казалось, что каждое произнесенное вслух слово разрушает их счастье.

А еще билась в голове мысль, что... много мыслей.

Про колдунью.

Яра.

Разговор. Потом. После. Надо молчать. Про колдунью и Яра так точно. Но если вдруг он спросит, Мудрослава не сумеет промолчать. И это тоже неправильно.

– Вот и чудесно, – в голубых глазах мелькнула тень.

Скука?

Разочарование? Обида опять заклокотала в груди. Да как смеет он...

– Тихо, тихо... – её руки перехватили и сжали. – Извини. Переборщил немного. Тут сложно силу чувствовать. Смотри на меня, девочка. Вот так. Только на меня. Ты видишь?

– Ви-жу, – выдавила Мудрослава, не способная отвести взгляд.

– Слышишь?

– Слышу.

– Слушай сюда, маленькая царевна. Ты любишь меня, я люблю тебя, – это было сказано в сторону и на диво скучным тоном. Правда, от слов этих сердце пустилось вскачь, но что-то внутри Мудрославы отметило и этот вот тон, и что глядит Старомысл уже в сторону. Не на неё. – Мы обязательно поженимся и будем жить долго и счастливо. Ясно?

– Д-да, – получилось донельзя жалобно.

– Вот и хорошо. Но для того ты мне должна помочь. Вот, возьми, – в руку что-то вложили. – Отнеси это ладхемке. Старшей. Той, которая некромантка. И подари. Проследи, чтобы взяла и надела.

– Зачем?

– Не твоего ума дело, – раздражено бросил Старомысл и все-таки отпустил Мудрославу. – Так нужно. Для нашего с тобой счастья. Ты же хочешь быть счастлива?

– Да.

– Вот видишь. И я. Не надо. Не ревнуй. Она ничего для меня не значит. Я люблю лишь тебя одну.

Вот теперь Мудрослава не поверила. Ни на мгновение. То ли чары ослабли, то ли здравый смысл очнулся, но не поверила. И вдруг увидела его словно со стороны.

Красивый?

Пожалуй. Она-то ничего в мужской красоте не мыслит. Высок. Статен. Широко в плечах. Чуть тяжеловесен, но эта медвежья тяжеловесность нисколько не портит его. Избалован. И видно по лицу, по взгляду, по тому, как держится он, будто... будто не с Мудрославой Виросской беседует, но с какой-то девкою дворовой, которая готова за красивые глаза барину отдаться.

Мерзко стало.

До тошноты.

– Сделаешь, – он не спрашивал, он приказывал.

И Мудрослава с трудом, сдерживая рвущуюся наружу ярость, разлепила губы.

– Да.

– И не ищи встречи. Надо будет – сам найду. Никому о нас не говори. Об это – тоже. Будут спрашивать, соври, что твое. Подарок в знак симпатии.

– Да.

– И ладно, – он потянулся, как-то лениво ущипнул Мудрославу за щеку и бросил тихо, в сторону. – Царевна, царевна... баба – она баба и есть.

А потом ушел.

Как-то вдруг. Мудрослава же осталась. Она стояла, сжимая в руках что-то холодное и гладкое.

Камень.

Синий камень на цепочке. Цепочка красивая, витая, тонкой работы. А камень драгоценный огранен каплею. Оправа его тонка, почти незаметна. И сам хорош. Глубокого цвета, той морской удивительной синева, которая и придает цену.

Надо же...

А ей хоть бы колечко поднес или там ленту для волос.

Баба...

Как он сказал?

– Мать, мать, мать... – душевно выразился попугай, слетая на ближайшую ветку. – Ять?

Первые буквы слова Мудрослава тактично недослышала, но в душе с попугаем всецело согласилась. И протянув руку, погладила птицу по ярким перьям. Попугай же склонил голову и осведомился хриплым голосом:

– Зар-р-раза?!

– Еще какая.

– На р-рею! На р-рею!

Мудрослава подняла синий камень. Может, вариант и неплохой. Но где ты тут рею-то найдешь?

Теттенике смотрела на воду.

– Пей, – велел брат, и она подчинилась, поднесла к губам и сделала глоток. Правда, от глотка этого малого её едва не вывернуло.

Брат встал.

Бросил что-то, отчего убралась и служанки, и рабыни, и прочий люд, который теперь глядел на Теттенике не со страхом – с ужасом.

– Хочешь, уедем? – сказал он, обнимая. И Теттенике всхлипнула.

Когда-то она плакала. Много. Но слезы лишь злили старуху, и она щипалась сильнее, и шипела, и говорила... много говорила.

Стоило моргнуть, и слезы унялись.

– К-куда?

– Куда-нибудь. Я тут говорил... мир велик. Я знал, что велик. Есть острова. Там холодно и камень, но красиво. Море вот. А есть Виросса, там тоже море имеется, но еще земли. Много земель. У меня тут спрашивали, как лошадей купить.

– А ты меня продашь?

– С лошадьми возьмут охотно, любого выбирай.

– Не хочу любого, – помотала головой Теттенике. – Да и нехорошо это. Сюда позвали. Я пришла. И теперь другого? Неправильно так. Я... я просто испугалась. Очень.

Она тихо-тихо вздохнула.

И брат разжал руки. Нахмурился. Потер подбородок.

Что сделаешь, если Теттенике с рождения такая вот... пугливая безмерно? И главное, даже сейчас ей страшно. Слухи ведь пойдут. И про проклятье... предсмертные проклятья всегда сбываются. И стало быть, не найдется среди детей степи никого, кто рискнет взять Теттенике в жены.

Да и не только среди них.

Даже если вдруг польстится кто на лошадей, то... то все одно, разве можно будет довериться такому человеку? Брат, верно, то же самое решил.

И тоже вздохнул. Печально.

– Со всем мы справимся, лунолика, – и улыбнулся мягко-мягко. – С людьми я поговорю. Молчать станут.

Кто-то – несомненно, он и без просьбы слова не скажет, но всех ведь не заставишь. Вернутся в степь, понесут с собою истории разные. И про Теттенике тоже. Отец опечалится.

Верно, и вправду лучше бы Теттенике отдали Матери Степей.

– Не думай даже, – грозно произнес Танрак. – Набрала в голову всяких глупостей. Не слышала, что ли? Старуха не была ахху.

– Но...

– Шамайя, – это слово, сказанное шепотом, заставило Теттенике содрогнуться. Разве... вот так...

– Это... только... сказки.

Зубы почему-то мелко клацали.

Конечно.

Страшные сказки о мертвецах, которые не желают уходить, и восстают, притворяясь живыми. О мертвецах, что возвращаются к другим людям, чтобы красть их тепло.

– Сама подумай. Ладхемка же сказала, что она давно умерла. Да и тело... я поглядел.

Кровь стучала в висках.

– У нее на ступнях черные пятна. И на спине тоже. Такое вот, круглое.

Надо и вправду успокоиться.

Шамайя... что о них Теттенике знает? Только то, что в сказках рассказывают, страшных, которые еще страшнее оттого, что рассказывают их шепотом и ночью, сгрудившись у костра. Теттенике никогда не позволялось подходить к тем кострам, близ которых собирались дети. Но порой она сбегала. И подбиралась близко-близко, так, чтобы слышать.

Шамайя...

Живет человек. Живет себе. Только нехорошо живет, не по заветам великой Матери. И копит в себе злобу, обиду и ненависть. Собираются они в сердце, наполняя его тяжестью. А потом, когда случается такому человеку помереть, то и не дают душе уйти к великой Матери. Привязывают её к телу.

И тело это восстает.

Как живое.

Только мертвое. И человек-то сам, сказывали, порой не понимает, что мертв он. Только злее становится. И начинает изводить иных, силу из них вытягивая.

Как... старуха?

– Но она ведь была ахху!

– Была, – согласился Танрак все-таки отпустив. – Только получить дар и пользоваться им – разные вещи, сестричка. А уж любой дар извратить можно. Вот, видать, и лишила её Мать своего благословения. Я ведь говорил с людьми. И все-то пытались вспомнить, когда же в последний раз Шаушан сделала благое дело. И знаешь, что?

– Не вспомнили?

– То-то и оно. Изрядно всем головы заморочила. Зато за последние два года пятерых девок извела. Якобы Великая Мать гневается. Да только... сомневаюсь я, что они отошли по закону.

Страх опять очнулся. Но тут уж Теттенике с ним справилась. И с дрожащими своими руками тоже.

– Если она и вправду шамайя, то выпила их. И тебя собиралась. Ты-то не рабыня, ты сильной крови...

...шамайя долго притворяться может, да только мертвое тело все одно живым не будет. Вот и распадаться начинает. А для того, что остановить гниение, надобна сила.

Сперва мало, но всякий раз больше.

И больше.

И... и насколько хватило бы ей Теттенике?

– Нам все одно не поверят, – Теттенике опустилась на край кровати. – Станут говорить, что придумали мы. Что сгубили ахху, оговорили, что...

– Станут, – согласился Танрак. – Но и пускай себе говорят. Найдутся и те, кто услышат правду.

Но сколько их будет?

Впрочем... что еще может сделать Теттенике.

– Не думай о плохом, – брат осторожно провел ладонью по волосам. И от ласки этой почему-то слезы опять подступили к горлу. – Просто не думай.

– Я не думаю, но... если она и вправду шамайя, то почему ушла? Умерла? То есть, она была мертвой, и выходит...

...не так просто изгнать дух из тела, особенно, если он сам уходить не желает.

В сказках лишь старый мудрый шаман или ахху могли пленить мертвеца, ибо сила их суть жизнь, а жизнь противна смерти.

– Выходит, что что-то пошло не так, – Танрак произнес это весьма и весьма задумчиво. – Но что... тут место такое. Может, в нем дело?

И Теттенике с радостью согласилась, что именно в месте и причина.

И в хозяине его.

И... быть может, в той рыжей некрасивой девушке, которая заступилась за Теттенике? И надо бы поблагодарить её. И подарить... что подарить?

Эти мысли неожиданно отвлекли.

И увлекли.

О подарке Теттенике думала, когда брат-таки ушел, а служанки вернулись и молча, стараясь не смотреть на Теттенике, поднесли шкатулки и коробочки. А Теттенике, устроившись на полу, где было куда как удобнее почему-то, раскрывала их и вытаскивала драгоценные камни, оправленные в золото.

Серебро.

Белый звездный металл.

Отец был щедр. Но отчего-то все-то казалось... не тем.

Неправильным.

И утомившись, так и не найдя нужного подарка, Теттенике складывала драгоценности обратно, уже вовсе не замечая того, что осталась одна. Или почти не замечая. Все-таки служанки боялись.

Пускай их, глупых.

А вот на постели, на подушках, которые поправляли рабыни, лежал цветок. Этот совсем не походил на хрупкие степные цветы, что и существуют-то доли мгновенья после дождя. Этот был на тяжелом стебле, мясистом и жестком. И сам-то крупный, какого-то темного, почти кровавого цвета. Он источал тонкий аромат, который дурманил. И Теттенике, прижав цветок к сердцу, подумала, что тот, кто сорвал его, рисковал.

Нехорошо рвать цветы в чужом саду. Но...

Почему-то ей было радостно.

Глупая какая.

Глава 12

Где демоническая кровь оказывает влияние на разум и чувства

«Демоны – суть создания мира иного, столь от нашего отличного, что разум простой человеческий не способен принять сих отличий. И оттого, будучи призванными в мир наш, демоны испытывают величайшую ярость, кою норовят обрушить на головы всех, а паче прочих, на человека, их призвавшего. И горе тому, ежели в обряде ли, в заклятье ли, в ином каком действе, совершит он ошибку, пусть даже самую малую. Ибо тогда цепи, демонов удерживающие, обратятся в прах, а тварь получит волю.»

«Введение в демонологию»

– И что думаешь? – осведомился Ричард, склоняясь над телом. Старуха по-прежнему лежала на столе, а вот зрителей поубавилось.

Ушли ладхемки, и младшая обеспокоенно заглядывала в глаза старшей, а та гляделась задумчивой, рассеянной. С ними убралась и свита, правда, стараясь держаться подальше от принцессы.

Сгнули степняки.

Вежливо растворились в просторах замка островитяне.

Только рыцарь в сияющих белизной доспехах мозолил глаза. Но Ричард рыцаря будто и не заметил.

– Не знаю, – я пожала плечами. – Она была вполне живой.

Я вспомнила, где видела эту старуху. Возле конюшен, а еще там, где собирались слуги и рабы. И заодно еще подумала, что что-то надо с рабством делать.

Ричард-то отменил, а вот прочие не спешили.

Намекнуть бы.

Или еще рано? Сперва свадьба, а потом уже скандал с отъемом живого движимого имущества? В общем, не важно. Главное, старуха была среди них. Я еще тогда удивилась тому, ибо даже среди рабов она выглядела убогой. Хотя... к чести хозяев местные рабы выглядели вполне себе сытыми и одеты были, если не столь же роскошно, как хозяйева, то вполне прилично.

Оно и понятно, выбирали-то в свиту.

В общем, опять все в голове моей смешалось. Главное, что старуха и вправду была живой.

– Она что-то там рассказывала. И еще руками трясла, – я подняла руки, показывая, как именно ими трясла старуха. – Её слушали. С другой стороны, Ксандр тоже мертвый, а вон двигается и говорит. Руками потрясти, думаю, тоже способен.

– Это другое! – обиделся Ксандр.

А почему? Я же ничего такого не хотела. Я просто вот...

– Вскрыть надо, – вздохнул Ричард и ясно стало, что удовольствия процесс ему не доставит. – Жаль, Летиция пока не помнит, что увидела.

Мне жаль не было.

Разве что самую малость. И вообще, это доказать надо, что она вообще что-то там видела, а не придумала. Тут мне на самом деле стало слегка совестно.

Девушка ведь не виновата...

– А ты так не можешь? – поинтересовалась я.

Он ведь все-таки Повелитель Тьмы и все такое. И должен разбираться в некромантии.

– Увы, – Ричард развел руками. – Дар нужен.

– А... у тебя нет?

– Есть сила. Есть способности, но немного иные.

Понятно, что ничего не понятно.

– Я могу работать с плотью. К примеру, создать Легионера. Или просто поднять мертвеца.

– А в чем разница?

– Возвращенные мертвецы – медлительные и туповатые твари, которых нужно жестко контролировать. А Легионеры разумны. И обладают свободой воли. В определенных рамках. Они... мало чем от живых отличаются. Только мертвые.

Правильно. Поезд вот на апельсин совсем не похож. И главное, не поспоришь. Аргументация убойная.

Ричард улыбнулся.

– Тебе не обязательно присутствовать. Мы с Ксандром справимся.

– Зачем вообще... – я запнулась. – Вскрывать. Живее она от этого не станет. Или проклятье ищешь?

– Нет никакого проклятья. Проклятье наложить не так и проста, – он покачал головой. – Но имеются у меня кое-какие сомнения. Хочу убедиться. А ты...

– Погуляй, – озвучил Ксандр. – К девам сходи. Поинтересуйся невзначай, что они думают.

Вот к девам мне идти совершенно не хотелось. Более того, сама мысль о непринужденном общении с упомянутыми девами внушала почти ужас.

И злость.

Нехорошую такую. Темную. Очень-очень темную.

– Я... – я сглотнула и прикрыла глаза, пытаюсь совладать с внезапным приступом ярости. – И вправду, пожалуй... пойду... погуляю. В сад. Там солнышко и все такое... и дэра Гроббе найти надо.

– Зачем? – вот теперь нахмурился Ричард.

– Чтоб попугая своего забрал.

– А что не так с попугаем? – Ксандр явно удивился. – Хорошая птица.

– Хорошая. Но матерится, как... как будто он не в приличном обществе находится, – нашлась я.

– В ином приличном обществе, – мрачно произнес Ксандр, – только и остается, что материться.

До сада я не дошла.

Дверь прикрыла. Прижалась к стене. Сделала глубокий вдох. И выдох. Надо успокоиться. Что со мною вообще творится? Откуда это желание... убить?

Убить.

Я весьма ярко представила, как сжимаю руки на белоснежном горле ладхемки, которая... которой... представила и задрожала, что от ужаса с отвращением, что от яркого желания реализовать эту вот фантазию.

Мать твою...

Я что, и вправду демоницей становлюсь?

И... и надо бы поговорить. С кем? Надо... поискать способ... должны же быть какие-нибудь, не знаю, успокоительные. Да. Валериана для демонов.

Должна быть такая?

Или не должна?

– А ты что скажешь? – поинтересовалась я у Замка. И тот заскрипел, протяжно, тоскливо, окончательно вгоняя в депрессию. – Понятно, что ничего не понятно. Принцессы наши как там?

На стене появилось зеркало.

Вот лучше бы не появлялась, ибо в нем возникла Летиция Ладхемская, которая весьма задумчиво разглядывала меня. То есть, сперва я подумала, что меня, а потом поняла, что разглядывала она как раз собственное отражение в зеркале, будто впервые видела.

И главное, теперь она мне нравилась куда меньше прежнего.

Тонкое аккуратное личико. Нос чуть длинноват, но это несколько её не портит. Скулы высокие, глаза огромные, губы в меру пухлые, как раз, чтобы это не казалось пошлым. На подбородке ямочка, а у уголка левого глаза крохотная родинка.

Настоящая.

И волосы рыжие. Рыжий ей к лицу, подчеркивает естественную белизну кожи.

Я подавила вздох. Некромантка, стало быть... и дар редкий. За спиной Летиции маячила Ариция, что-то там рассказывая, но, сдается, слушали её вполуха.

– А остальные? – я от зеркала отвернулась.

И ярость ушла.

Была вот. И сгинула. Куда? Как? Не важно. Главное, что теперь навалилась тоска, и такая, что хоть волком вой. Выть я не стала, но вот рог о стену почесала. Надо же, чувствуется... и чесать приятно. Я даже зажмурилась от удовольствия.

А в зеркале появилась островитянка, которая с мрачным видом расхаживала по комнате. Влево вот. Вправо. И снова влево. Комната у нее была просторною, хотя и прочие не в тесноте ютились, а еще пустой. Может, оттого, что явилась она без слуг, служанок и куаферов? Надо будет, к слову, отправить кого. Может, конечно, местный люд

тонкостей этикета не знает, но, сдается мне, и сама дева не больно-то избалована.

Так что...

И про наряды спросить.

Или неудобно о таком спрашивать? Она-то второй день кряду носит просторную юбку и блузу, вышивкой украшенную. Вышивка-то, конечно, красивая, но вот по сравнению с остальными смотрелась островитянка откровенно бедной.

Это её мучит?

– Три есть, а четвертая и пятая? – я погладила стену рядом с Зеркалом. – Извини. Что-то я распсиховалась.

Зеркало мигнуло, отразило степнячку, что вытянулась на постели. Главное, ровненько лежала, прям как в саркофаге. Даже мелькнула дурноватая мыслишка, что и она вдруг того... но нет, моргает вроде.

И цветок на груди гладит. Цветок такой... внушительный.

Монструозный, я бы даже сказала.

Мясистый стебель и такие же лепестки темно-желтого цвета. И главное, не покидает ощущение, что не стоит в этот самый цветочек пальцы совать. Отхватит. Но это так, зависть, наверное.

Точно, зависть.

Они молоды. Красивы. И принцессы. Настоящие. А я кто? Пожирательница душ?

Ну-ну.

Смех один...

И цветов мне не дарят.

А в зеркале отразилась Мудрослава Виросская. Сидела она в саду, и на плече её устроился тот самый попугай-матерщинник, который что-то явно наговаривал на розовое ушко принцессы. Она же слушала весьма рассеянно.

И к лучшему.

Мало ли чему он научит. Потом доказывай, что случайно оно и вообще разобраться надо, кто и кого там чему учил. Но внимание мое привлекло иное.

Цепочка, что обвила руку принцессы.

И камень на ней. Темно-синий, вытянутый, похожий на каплю. Очень и очень красивый камень.

Что за он?

Я протянула руку к зеркальной глади, желая прикоснуться к этому чуду. А камень даже в отражении показался просто-таки удивительным. Но поверхность зеркала вдруг пошла рябью, и принцесса исчезла. Вместе с камнем и попугаем, что характерно.

А стекло вдруг вздулось радужным пузырем, внутри которого за клубилась тьма. И этой тьмы становилось больше и больше. И надо было позвать на помощь.

Или просто.

А я стояла.

Смотрела. Стояла и смотрела, замороженно, не смея шелохнуться, боясь даже дышать. И в какой-то миг там, в клубящейся тьме, появилось лицо. Оно слепилось на долю мгновения.

Женское.

Красивое. Знакомое такое. И пузырь стекла натянулся. И я подумала, что он все-таки не выдержит, лопнет, и тогда... тогда случится страшное. Женщина по ту сторону улыбнулась.

Предвкушающе так.

А потом исчезла. И она, и замок, и... и все-то... и только тогда я поняла, что снова могу дышать. И главное, я жива.

Все еще жива.

– Т-твою... – я выдохнула. И оперлась руками в стену, которая, как показалась, тоже дрожала. Мелко. Испуганно. – Твою же ж... что это вообще было?

Ответа я не дождалась.

В лаборатории царила привычная тишина. И Ричард наслаждался ею и покоем, казалось бы, уже позабытым. Надо же. Еще недавно ему казалось, что в замке слишком уж тихо и мертво.

Не угодишь, называется.

– Мне не нравится твоя улыбка, – проворчал Ксандр, вытирая руки ветошью, пропитанной в травяном настое.

– Чем?

– Неуместностью. Знаешь, нормальные люди не улыбаются, глядя на совершенно посторонний труп.

Труп лежал тихо и смирно, как труп, собственно говоря, и полагалось.

– С другой стороны, – Ксандр вздохнул. – Где они существуют, эти условно нормальные люди...

И в этом тоже была своя правда.

Ричард тоже руки вытер. И приступил к делу, стараясь сосредоточиться именно на нем, а не... от демоницы остался легкий запах трав и еще камня. И этот запах, возможно, существовавший исключительно в воображении Ричарда, изрядно мешал процессу.

Хотя...

– Кто из них тебе нравится? – Ксандр, подававший инструмент, нарушил молчание.

– Не знаю.

– Это плохо.

– Они только-только прибыли.

– Вот-вот, и потому чем раньше ты определишься, тем лучше.

– Для кого?

– Во-первых, для тебя. Определенность, она нервы успокаивает. Во-вторых, для нас тут. Лишним торжественно вручим подарки. Подпишем договора о вечной дружбе и отправим по домам. Станет тихо и хорошо.

Звучало на редкость... привлекательно.

Ни слуг, ни рабов, ни служанок с фрейлинами и непонятного назначения девицами, что на Ричарда взирали с благоговейным ужасом, но при всем том ужас этот совершенно не мешал им подглядывать.

За Ричардом.

– В-третьих, для них. Это они сейчас смирные, приглядываются, что к тебе, что друг к другу. А как приглядятся, начнут козни строить, интриги плести, одна другую выталкивая. А там уж до чего дойдет, то и не предскажешь. Женщины – существа опасные.

Старуха и вправду была мертва.

То есть, в том смысле, что смерть её наступила давно, и это обстоятельство, весьма странное, позволило не отвечать.

– Посмотри, – Ричард указал на почерневшее, словно обугленное, сердце. – И тут...

Часть органов истлели, часть тьма лишь затронула, некоторые и вовсе преобразовываться начали.

– Надо же, – Ксандр склонился над распахнутым нутром и ноздри его дрогнули, а по лицу будто судорога прошла. Он оскалился и попятился, беззвучно рыча.

– Стой! – Ричард поднял руку. – Что с тобой.

– Это... – Ксандр дернул головой и успокоился, столь же быстро, сколь изменился вновь. – Ты не чувствуешь?

– Что именно?

– Тьма, – он закрыл глаза, ставшие темными, что окна в бездну. – Она была мертва, верно. И начала перерождаться. Во что – сложно сказать, степная нежить может изрядно отличаться от той, что привычна нам.

Ксандр сделал вдох.

И выдох.

Снова вдох.

– Но дело не в ней... она коснулась тьмы. Той самой. Первозданной, той... что изменила меня.

Его лицо вновь исказила судорога.

– Убери. П-пожалуйста, – Ксандр прижался к стене. – Она зовет... зовет снова... опять... убери!

Крик его увяз в камне, а Ричард повернулся к телу. Он видел? Видел ли? Тьма? О да, она была. Но она была везде, разлитая в Проклятых землях, отравившая их, но все-таки за многие годы привыкшая к людям. Одомашненная? Или лишь притворяющаяся таковой?

Тьма свернулась клубком внутри тела.

И Ричард раскрыл руку.

– Иди ко мне, – тихо сказал он. И тьма откликнулась, потянулась, коснулась руки. Пальцы обожгло холодом, и Ричард сумел-таки сдержать стон.

Первый.

Но холод проникал внутрь. Тьма выползала из своего укрытия, спеша получить новое убежище. Она не пыталась повредить, нет. Но сама была слишком иной, а может, Ричард был слишком слабым, чтобы принять её безболезненно.

Холода становилось больше.

И...

Он еще помнил, как тело приподнялось, а потом стало осыпаться серым жирным пеплом. И тот кружился, будто снег...

...снег в горах.

И мама смеется, загребая его в ладони. Пальцы её краснеют, но она подносит пушистую гору к губам и дует. От её дыхания снежинки поднимаются, кружатся.

Ричард смеется.

И отец тоже.

– Совсем замерзла, – он берет мамины руки в свои и осторожно сжимает. – Перчатки надо надевать. Здесь холодно.

– Ничуть.

– Споришь? – он грозен, но это лишь притворство. И отец не выдерживает первым. На его смех отвечает эхо, и начинает казаться, что это сами горы хохочут.

А снег кружится.

Кружится.

И...

И Ричард тоже кружится. С мамой. С отцом. Он бесконечно счастлив, и счастья так много, что оно вырывается из горла протяжным криком. А отец сгребает его в охапку и подбрасывает. Высоко-высоко. К самому небу.

Почему...

Кто и когда забрал все это? Изменил? И... тьма плачет. Ричард теперь слышит её голос. Такой знакомый, такой до боли родной.

Глава 13

Почти мирная, в которой речь идет о комплексах и помощи ближнему

«Была она столь хороша собою, что всякий, кто кинул взгляд на лицо её, забывал обо всем, кроме этой вот красоты, пробуждающей в душе огонь, а в чреслах желание»

«Повествование о прекрасной девице морской и семи рыцарях, ею загубленных».

Брунгильда чувствовала себя лишней.

Даже не так... она и была лишней. В Замке этом, который сам походил на гору, а может, горой и был, только возведенной людскими руками. И в ней нашлось множество пещер-покоев.

Она остановилась у окна.

Огромное.

И стекло прозрачное, будто его, стекла, вовсе нет.

Мебель... красивая. Там, дома, тоже есть. Сундуки вот. Столы и лавки. Иные резьбою покрыты, но той тоже не достаёт изящества.

И камин белым камнем выложен.

На нем всякие штучки стоят, вроде бы просто так, но... она взяла в руки фарфоровую лошадку. Красивая. Такая, что и трогать-то страшно. А в руках Брунгильды и вовсе хрупкою кажется.

Коснулась гривы пальцем.

Вздохнула.

И вернула на место.

Именно. Все здесь слишком уж хрупкое, изящное, как эта вот лошадка. И принцессы... настоящие. А она?

Зеркало отразило Брунгильду во всей неприглядности. И драгоценное ожерелье, надетое Брунгильдой, лишь подчеркивало нелепость её. Слишком высокая. Слишком... могучая?

Из горла вырвался нервный смешок.

Там, дома, все-то было правильно. И она гордилась, что ростом, что статью. Разве слабая женщина принесет мужу сильных детей? И вовсе-то, что толку с той, которая ни весло не удержит, ни копыя не подымет. А тут? Тут вот...

В дверь постучали.

И Брунгильда с радостью отвернулась, правда, появилось вдруг ощущение, что в спину ей смотрят. Из зеркала. Она даже оглянулась. Нет, никого, только её собственная тень.

Смеется.

Или...

Почудилось. Нервы. Впору этих... солей нюхательных попросить. Вот дома-то посмеялись бы. Дома... дома ей не будут рады. Ушла и... и ушла. И дальше-то что?

– Мне подумалось, что вы устали сидеть в одиночестве, – за дверью стоял Никас все в том же мятом зеленом камзоле, который еще и потерял на локтях.

И вот ему-то точно есть, чего одеть.

Тогда почему он выглядит настолько... поношенным? Неправильно это.

– Так заметно?

К Никасу Брунгильда уже привыкла. Безвредный он. Спокойный. И главное, странный, не боится ни мертвецов оживших, которых сам Ворон сторонится, ни хозяина их.

Ничего вовсе из того, чего бояться надобно.

– Немного, – он потер локоть. – Может, вы согласитесь составить мне компанию и прогуляться?

– А это...

Девушки, окружавшие принцессу, много говорили. Громко говорили. Нарочно громко говорили, что Брунгильда не сразу поняла.

Про одежду.

Манеры.

Изыщество. Изыщества Брунгильде не доставало, как и манер. Но манеры манерами, нужны они на Островах, как чайке лишние крылья, а понимание у Брунгильды имелось. И наверное, не очень хорошо гулять с другим мужчиной, находясь в доме жениха.

А с другой стороны... какая из нее невеста-то? Вот то-то же. И главное, что все-то понимают. Даже Ворон. Давече явился, вздыхал,

взгляд отводил, а после бросил, мол, нечего переживать. И от слов его стало только переживательней.

– Я не думаю, что кто-то здесь рискнет усомниться в вашей добродетельности, – сказал Никас и руку подал. А Брунгильда приняла.

Как так поменялось?

На Островах он был лишним. Не таким. Слишком мелким. Слабосильным. Неудобным. А теперь вот выходит, что сама она... не такая.

– И куда пойдём? – а вот руки у него были белые и гладкие. Собственные показались вдруг Брунгильде огромными. И ещё пальцы загорели, а на иных и сухие пятна мозолей виднелись. – Только не в сад. Там эти...

– Фрейлины?

– Они самые.

– Что ж, понимаю... на редкость никчемные создания, – Никас сам прикрыл дверь. – Но положение обязывает. Без свиты путешествовать как-то... не принято, что ли. Принцессе.

Замок производил впечатление.

Сперва размерами. Уж на что общинный дом казался Брунгильде большим, но он и пятой части двора не занял бы. А тут вот...

...и внутри все иначе обустроено.

Коридоры эти.

Комнаты.

Золото и мебель такая вот, которую тронуть страшно. А приходится, и Брунгильда первый день вовсе маялась, опасаясь ненароком что сломать или там разбить.

– Скажите, – Никас шел, глядя под ноги. – Как вам спалось?

– Нормально, – Брунгильда пожала плечами. – Крепко.

– А сны... видели?

– Я?

Сны-то ей прежде снились. Раньше. Давно. Когда она была совсем маленькой и забот не ведала. И оттого сны были яркими, веселыми. Порой она даже будто бы птицею становилась, поднимаясь над морем высоко-высоко. И глядела с небес на Острова, на корабли.

А еще...

Почему он спросил?

– Видите ли... – Никас остановился. Огляделся.

И Брунгильда поглядела.

Коридор.

Длинный такой. И полутемный. Окно одно и где-то там, позади. Тускло светятся камни, плодят призраков. И как-то стало не по себе вдруг.

Будто холодом по спине потянуло.

– Я бы хотел попросить вас о помощи. Честно говоря, не уверен даже, что получится, но... – он слегка замялся, отчего вид у него сделался вовсе несчастный. – И что это не есть та самая авантюра, против которых меня предостерегал дядюшка. Однако...

– Дурное снилось, – нашла в себе силы сказать Брунгильда.

А еще подумала, что, возможно, этот вот человек, неказистенький, слабый телесно, мог бы стать хорошим мужем.

И жаль, что не получится.

– Понимаете... мой дед... вернее его жена... её полагали ведьмой. Она и вправду обладала силой, пусть и не такой, как у вас.

– А какая у меня?

– Яркая, – теперь Никас глядел на неё. – Вы не видите, а я вот... оказывается, вижу. Здесь. Там-то нет, а тут... вот...

Он развел руками.

– Вы многое умеете.

– Я? – Брунгильда хмыкнула.

Вот уж и вправду многое. Сети плести. И укладывать. Разбирать. Чистить рыбу. Сушить. Солить семью способами. Еще лодкой править. Или вот с ветрами говорить. Но кто ж этого не умеет-то?

Разве что эти... наряженные.

Но им и не надобно.

Брунгильда представила ладхемку с кривым ножом в одной руке и тушкой трески в другой, и фыркнула. Вот уж и вправду, нелепица.

– И если вы согласитесь поделиться... – он замялся. – Понимаете... я бы хотел узнать, что произошло с моим отцом.

Брунгильда кивнула.

Похвальное желание. И понятное. Ей-то уж точно.

– И что надо делать?

Только под сердцем кольнуло. Выходит, пришел он вовсе не потому, что о ней, Брунгильде, беспокоился. Нет. Пришел он, ибо

понадобилась.

Уколело и... отпустило.

– Немного вашей крови. И силы. Поверьте, это очень простой обряд. И я уверен, что у нас получится... – Никас явно ожил.

– И когда?

– Сейчас, если вы не имеете других дел. Чем скорее... не знаю, у меня просто предчувствие такое, что нужно поспешить. И... я никогда не прощу себе, если не попробую.

Он моргнул и поглядел виновато.

– Я... извините, пожалуйста. Я взял на себя труд все приготовить. Но... вам придется... заглянуть в гости. Клянусь, что и в мыслях не имею оскорбить вас! Или покуситься на вашу добродетель.

Вот уж... смешной человек.

Покуситься.

А еще подумалось, что, может, Брунгильда была бы и не против, сыщись кто, кто рискнул бы покуситься. Да только... вряд ли.

Обидно.

Зеркало.

Черное. Круглое. В оправе из серебра. Оправа изящная, с цветами и дивными птицами. Птицы расправляют крылья, а цветы сделаны столь тонко, что вовсе кажутся живыми.

– Это зеркало было подарено отцом моей матушке в день их свадьбы, – его Никас держал на ладонях весьма бережно.

И на круглый стол укладывал осторожно.

А ведь тяжелым выглядело. И выходит, что не так он слаб, каким кажется.

Брунгильда наблюдала.

Из короба появились черные свечи, толстые и уродливые с виду. К ним совершенно не хочется прикасаться. И Брунгильда убирает руки за спину.

– Я прочитал в одной книге, – Никас свечи расставляет вокруг зеркала. – Что душу умершего можно призвать.

Склянки.

Он ведь готовился.

Точно готовился, ведь здесь откуда было бы взяться всему вот этому?

Никас осторожно вылил содержимое первой склянки на зеркальную гладь, и та покрылась чем-то черным.

– Я хотел провести обряд дома, но... честно говоря... Храм весьма не одобряет подобное. Они полагают сие чернокнижием, хотя я ведь не собираюсь подчинять дух!

Еще несколько капель из другого фиала.

Из третьего.

И поверхность зеркала становится прозрачной.

Одна за другой загораются свечи.

– Я почти даже решился... отыскал одну штуку, которая могла бы закрыть меня от глаз Храма... не успел. Дядюшка появился... вот... я тогда подумал, что так даже лучше. На Островах нет храмовников.

Два клинка. Узкие и тонкие.

Хищные.

Рука сама потянулась к тому, что ближе. Рукоять его украшала драконья пасть, вновь же серебряная, пусть даже металл потемнел от времени. Глаза дракона сияли алым.

– А потом вот... все закурилось. И мы тут оказались. Вы не стесняйтесь.

– А можно?

– Отчего нет? Это весьма старый артефакт. Как меня уверили. Хотя, конечно, – из Никаса вырвался нервный смешок. – Никогда нельзя быть полностью уверенным. Ритуальный нож. Вроде бы даже принадлежал кому-то из чернокнижников.

Он был красивым, этот нож.

Тонкий, что игла.

Острый.

И дракон почти как настоящий. То есть, наверное, если бы в мире сохранились драконы, они бы выглядели аккурат, как этот.

– Я проверял у... одного верного человека. Тот клялся, что нет на нем следов темной силы. И обряд совершенно безопасен.

Пламя свечей выровнялось.

– Его в прежние времена использовали весьма широко. Для поиска пропавших, если имелись подозрения, что человек мертв. Или вот для того, чтобы выяснить обстоятельства дела, особенно, когда совершено было убийство. Вы извините, я когда волнуюсь, делаюсь

чрезмерно говорлив. Теперь нужна кровь одаренного и кровь близкого родственника. Нет, нет, для меня вот этот.

Второй клинок выглядел более... простым, что ли?

Ни драконов на рукояти, ни драгоценных камней.

Рука дрожит. И Никас смущается.

– И-извините... никогда прежде... я вообще боли боюсь. И многого боюсь. Не только боли. Но... не приходилось как-то. Мне представлялось, что это будет проще. Вы... вы не могли бы? Мне до крайности неловко просить.

– Давай, – Брунгильда взяла нож. – Сколько крови надо?

– П-признаться, я н-не уверен. Это от волнения. П-простите. Написано было, что нужна кровь, а вот количество.

Нож лежал в руке. Рукоять удобная, а вот сам клинок какой-то никчemuшный. И коротковат, и форма такая, что ни мяса порезать, ни рыбу выпотрошить.

– А ты уверен?

Запястье было белым.

– Вдруг да вся понадобится?

Никас слегка побелел. Но губу прикусил и головой мотнул.

– Нет. Если бы так, то была бы заметка. В той книге... имелись всякие обряды... честно говоря, Храм очень не одобряет подобные книги. Точнее совсем не одобряет. И... и она попала случайно. Да. Так вот, когда нужна вся кровь, то так и пишется, что смертная жертва. Вы... вы режьте, чтобы она текла.

Порезать-то не сложно.

Он губу закусил, отвернулся и видно, что теперь боится. Чудак-человек. Как на Проклятые земли отправится, так ему не страшно, а как царапину получить, так прямо весь трясется.

Брунгильда хмыкнула и полоснула клинком по коже.

Острый.

И полоса вспухла кровью. А та закапала на зеркало. И капли сперва расплывались черными кляксами, чтобы после впитаться в серебряную гладь.

– Теперь мне понадобится и ваша кровь. На самом деле можно и без нее обойтись. Но я читал, что кровь человека с ярко выраженным даром способна усилить любое заклятье, – на руку свою Никас глядел. И только на неё. И на кровь, что продолжала течь.

Брунгильда протянула руку.

– Хватит и пары капель. И... и кажется, я совершенно ни на что не способен. Только клинок... да, тот, второй. Он не отравлен. Если хотите, попробуйте на мне...

Пробовать Брунгильда не стала.

И боли она не боялась.

Да и не было её. Только глаза дракона полыхнули алым. И голова закружилась. Запахло вдруг...

– Смотрите в зеркало, – неожиданно жестко произнес Никас.

Кровь падала.

Капля за каплей.

Капля... красные. Нарядные. Красные бусы были у матери. А ей достались они от её матери, и той – от её. И никто-то на островах не помнил уже, откуда они взялись. Поговаривали, что их принесла в своих сундуках прекрасная Кримхильд, чьи волосы были подобны золоту.

Золота тогда хватало.

И в матушкиных сундуках тоже. Брунгильда любила перебирать его, примеряя то тяжелые запястья, слишком большие, слишком тяжелые для тонких рук её. И не менее роскошные массивные ожерелья, вес которых сгибал шею.

Она надевала перстни.

И примеряла серьги, а матушка смеялась, говоря, что когда-нибудь все-то будет её, Брунгильды. Но вот остались лишь бусы. Оказалось, что красный камень, из которого они были сделаны, ничего не стоит.

Или дело в том, что Брунгильда не нашла в себе сил расстаться с ними?

Они ведь помнили тепло матушкиных рук.

– Смотри. Что ты видишь?

Ничего.

Темноту.

Кромешную. И страшную. Было время, когда она боялась темноты. И крыс тоже. И ветра. Грома. И всего-то, не понимая, что жизнь и вправду страшна.

– Сосредоточься. И позови его.

Кого?

– Повторяй за мной. Силой, данной мне, я призываю душу твою...

Она повторяла, не находя в себе сил отказаться. Или отвернуться от тьмы, что задрожала и расползлась, как расползается предрассветный туман. И как он, тьма оставляла на скалах ошметки. Те таяли.

– Покажи, что произошло!

Этот приказ отзывается болью в голове. Но Брунгильда повторяет его. И тьма окончательно покоряется её слову.

Глава 14

Об опасности старых городов и старых знакомых

«Сказала ведьма слова заветные, и покатилося колечко да по тарелочке, запертый путь отворяя. Глядел королевич, и открывались пред ним все тайны, какие только в мире были»

«Сказ о проклятом царевиче и хитрой ведьме»

Город.

Пред Брунгильдой открывается город. Огромный. И очень-очень старый. Она видит каменные колонны, покрытые зеленым мхом. И древние строения. Некоторые разрушены, иные уцелели, но выглядят так, словно вот-вот развалятся. В городе душно.

И пахнет лесом.

Этот запах Брунгильде одновременно знаком и незнаком. Она дышит им. Влажным. Распаренным. Полным самых удивительных ароматов, которые, сплетаясь воедино, перерождаются в ужасающую вонь. И дышать приходится ртом, правда, прикрыв его платком.

Город... тонет в болотах. Там, с краю. Они подошли вплотную и даже пересекли черту, добравшись до древнего храма. Или это не храм?

Брунгильда видит его чужими глазами. И чувствует непередаваемый восторг.

Тоже чужой.

Он был прав!

Она?

Он! Он знал! Он всегда знал, что город существует. А отыскать его – дело времени. И вот теперь осталось всего ничего. Добраться до храма. Он идет по улице, сквозь каменные плиты которой проросли диковинные деревья. Он сгибается, пробираясь через петли лиан. И

мелкие мартышки орут. Им вторят птицы, которые привыкли, что место это принадлежит им.

Пускай.

Он не собирается оставаться здесь надолго. Город... интересен. И потом, позже, он зарисует его во всем мертвом великолепии. Но сейчас нужно добраться до храма.

Он останавливается, чтобы разглядеть получше огромные статуи. Люди? Боги? Они колоннами устремляются к небесам, и лиц не разглядеть. Хотя он пытается. Но те высоко, да и покровы зеленых мхов не знают уважения к богам.

Или все-таки людям?

По лбу течет пот. И по спине. Одежда вся промокла, то ли от этого пота, то ли от влажности. Местные бояться идти сюда. Проклятое место.

Наивные дикари.

Глупые.

Пускай. И даже то, что сбежали носильщики, уже не имеет значения. На наемников тоже плевать. Труссы. Ничего. Он справился. И вернуться сумеет. Город, что удивительно, оказался не так уж далеко от побережья. Так что выберется. Но сперва – храм.

Чем ближе к нему, тем сильнее затхлый запах болота.

И мартышки замолкают, а с ними и птицы. Становится тихо. И эта тишина заставляет тянуться к оружию. Нет, он не боится гнева забытых богов. Скорее уж джунгли – такое место, в котором следует быть осторожным.

Хищники здесь водятся.

– Хищники, – шелестит вдруг налетевший ветер. И в какой-то момент кажется, что статуи оживают. Это заставляет ускорить шаг.

Немного.

И еще немного. Остатки древней колоннады. Статуи... уже не богов. То ли люди, то ли странные существа, в облике которых явно проглядывают звериные черты. Впрочем, в мире много удивительного. И он проходит мимо.

Идет к двери.

Останавливается.

Одна створка сорвана, лежит, зарастая грязью, а другая уцелела, но опасно накренилась, повиснув на древних петлях. Створки

огромны. И украшены сложным узором. Его он рассмотрит позже, а то и вовсе... если выйти к берегу, подать сигнал, его услышат. И можно будет вернуться сюда с командой.

С людьми, которые понимают, сколько ценностей может скрываться в подобном месте.

Именно.

Но пока... он заходит внутрь. И останавливается. В храме царит сумрак, и глазам нужно время, чтобы привыкнуть.

А Брунгильде плохо. Она теперь понимает, что она – это не тот человек, который ведет её улицами мертвого города. Она... она там.

В другом месте.

Она сидит. И смотрит в зеркало, на котором расплывается озеро из её крови. И не только её. Эта кровь и становится нитью. Но её надо оборвать.

Только...

В храме гулкая пустота. И божественная прохлада, которая заставляет человека зажмуриться от наслаждения. Там, где и днем, и ночью царит невероятная жара, прохлада ценнее золота.

Но и золото есть.

Вон оно, на полу, как и описывалось в книге. Надо же... огромные плиты... интересно, они покрыты золотом или же на самом деле сделаны из него? Золотом окованы колонны, что поддерживают свод. Золотом убраны статуи, скрывающиеся меж колонн.

Золота много.

Его хватит, чтобы окупить экспедицию. Да и не только окупить. Он вернет долги и станет богатым человеком. Очень богатым. Он докажет, что все они ошибались. И еще заставит завидовать его успеху. Человек подходит к ближайшей статуи и морщится. Золото... золото – это хорошо, но неудобно. Тяжелое оно.

Другое дело драгоценные камни. А их нет.

Человек переходил от статуи к статуе, исполняясь разочарования. А Брунгильда – гнева. Разве можно так? Это ведь чужой дом... старый, заброшенный, забытый, но ведь дом! И он в нем – лишь гость.

А гости не ведут себя так.

Вот человек довольно хмыкнул.

– И все-таки оно того стоило, – сказал он, потирая руки. – Какое чудовище.

Сам он... чудовище.

На каменном троне, там, где уже подобралось болото, протянуло зеленые лапы гнили и слизи, выбираясь на золото пола, сидела женщина. Она была... пожалуй, страшна.

Многорука.

И волосы её падали на плечи тугими локонами. То есть, сперва показалось, что локонами, но затем Брунгильда увидела, что это – змеи. И исполненные с таким мастерством, что казались они живыми.

Как и сама женщина.

Она была огромна, выше обычного человека.

И нага.

Но нагота её не казалась стыдной. Напротив, она была столь естественна, что иного и представить не выходило. Руки и ноги женщины украшали браслеты.

А браслеты – камни. Крупные. Темно-синего густого цвета.

Еще один, размером с кулак взрослого человека, крепился во лбу.

– А вот это – совсем другое дело, – сказал человек и, вытерев вспотевшие руки об одежду, подошел ближе. – Какая красота...

Он вытащил нож и, вставив между драгоценным сапфиром и металлом, надавил. Камень вышел легко. И следующий.

Брунгильду била дрожь.

И желание отвернуться. Но тот, кто держал её, сжимая голову в своих ладонях, требовал:

– Смотри!

И она смотрела.

Вор! И мерзавец! И разве можно вот так... разве...

Можно.

Камни исчезали в особом отделении пояса. И когда были собраны все, человек задрал голову, прикидывая, как добраться до последнего. Высоковато, конечно, но если подтянуться.

Он оперся на руку.

Вот так.

И еще выше.

Хрустнула и рассыпалась каменная змея, обдав мелкой пылью. И человек выругался. Но не отступил. Острие вошло в голову каменной богине, чтобы застрячь.

– Твою же... – человек подергал нож, но тот держался крепко. – Ну же...

Мелькнула мысль отступить. Того, что он взял, достаточно. Хорошая добыча. А за этим, последним, можно и вернуться. Потом. Когда он выйдет к побережью.

Но сама мысль о том, что придется бросить это сокровище раздражала до крайности. И человек подналег. Он надавил на клинок всею тяжестью тела. И тот вошел в камень.

С тихим хрустом.

По каменному лицу богини пробежала трещина. И Брунгильда заплакала от жалости к ней. Разве можно так? Вот так... разве...

– Отлично, – алый камень упал на ладонь и человек потерял его об одежду. – Просто отлично...

Он сунул добычу в кошель.

Спрыгнул.

Огляделся с явным сожалением. Больше не было рядом ничего-то, что могло бы представить интерес. Вот и все.

Человек отвернулся и направился к выходу.

Шаг.

И шелест.

Он остановился. Тишина. Ничего. Ни теней, ни... конечно, ничего. Нервы.

Шаг.

И снова шелест. Чуть громче... еще шаг. Он спешит. Он уже переходит на бег, понимая, что нельзя оставаться. И страх, первозданный, первобытный, гонит его вперед.

А шелест становится громче. И он знает, что это шелестит.

Змеи.

Они стекают с головы богини, падая на пол тонкими нитями медных гадюк, и толстыми шнурами старых кобр. Они пока медлительны.

И сонны.

Они сплетаются узлами, обнимаются, согревая друг друга. И повинуюсь воле той, что все еще прекрасна, несмотря на трещины, спешат покарать наглеца.

А он, оглянувшись на свою голову, замирает, ибо весь пол вдруг, все плиты золотые, все узоры на них, вдруг покрываются ковром

змеиных тел.

А умирать от яда не больно.

Оказывается.

И только Брунгильда кричит. Она слышит свой крик. И хрип, раздирающий горло. Слышит и ничего-то не может сделать.

Она бьется.

И тонкая нить, сплетенная из крови и силы, ломается.

Оглушает.

И Брунгильда почти задохнулась. Она тонула где-то.

В нигде.

Во тьме, что сделалась плотной, тягучей. И тьма обнимала её. Тьма шептала многими голосами, повторяя имя Брунгильды. Тьма окутывала, тянула в себя. Она раскрылась голодной пастью водоворота, и Брунгильда поняла, что не выплывет. Что утянет её в глубины.

Хорошая смерть.

Тьма – то же море, только силы. А она... она ведь любит море.

Надо бороться.

Плыть.

Но... она слаба. Куда слабее, чем ей казалось. И зачем? Чего ради? Тут спокойно. Тут она дома. Никто не станет смеяться. Или шептаться. Глядеть с отвращением. Что ей терять? Здесь она не нужна, да и дома её не ждут... не примут... и пусть мир велик, но достаточно ли велик, чтобы в нем нашлось место для Брунгильды?

Она почти сдалась, когда покров тьмы вдруг треснул, высвобождая тень.

Та возникла перед Брунгильдой.

И вскинула руки, заставляя очнуться.

Губы тени дрогнули.

И Брунгильда услышала:

– Борись...

Бороться.

Именно.

Она дочь Торвальда. И внучка Харальда. Она дитя Островов и моря. Она ходила к Огненным скалам и ныряла в разлом, пытаясь найти хоть что-то, что можно было бы продать.

Она...

Выплывет.

Вот так.

– Спасибо, – Брунгильда не знала, как говорить здесь, где бы она ни находилась, но тень протянула руку и коснулась её. И тьма коснулась. И прикосновение это подарило боль.

А боль подстегнула.

И Брунгильда рвалась вверх. Выше. Быстрее. Туда, где дребезжал слабый огонек. Высоко. Слишком высоко. Но она сумеет. Она... она смогла выплыть тогда, из водоворота, когда ногу свела судорогой. И лодку провести сквозь бурю, что налетела с севера. Она... она на многое способна.

На то, что не сумеют те слабые хрупкие девицы, которые смеялись над ней. И когда у нее почти получилось, силы иссякли. Это было так обидно, так...

Тьма рассмеялась.

И... и превратилась в дорогу. В тонкую-тонкую, словно нить, тропу.

– Прочь, – жесткий голос заставил её отступить. А другой, мягче, позвал:

– Возвращайся.

И Брунгильда вернулась.

Изменения Ричард почувствовал шкурой. Будто за шиворот горсть битого стекла сыпанули, ко всему со льдом перемешанного.

Тьма вдруг пришла в движение.

И Замок забеспокоился.

– Что за... – Ксандр закрутил головой, явно чувствуя, если не то же самое, то нечто весьма сходное. – Что тут происходит.

– Ритуал, – Ричард поднял палец к губам и застыл, прислушиваясь.

Кровь.

Кровь была пролита.

Слово сказано. Запретное. Кем? Здесь, в Замке... и ритуал еще длился. Тьма же, приняв дар, играла с глупцом, который решил, будто он умнее прочих.

А значит, оставался шанс.

– Вот ведь... – проворчал Ксандр, отряхиваясь. Черты лица его заострились, а в глазах блеснула опасная краснота. – А я говорил, что от этих гостей одни проблемы...

Ричард не дослушал.

Тьма звала. И требовала. И... он шею свернет тому придурку, который решил поиграть с ним и с Замок. И... он сорвался на бег, боясь одного, что не успеет. Но Замок, до того молчаливый, даже равнодушный к Ричарду, спешно открывал двери.

И эту вот, явно запертую, распахнул, вывернув засов.

Комната.

Чья?

Взгляд зацепился за смутно знакомого человека, кажется, он с Островитянами пришел, пусть и отличался от них разительно. Сейчас человек сидел на полу. Зеленый камзол лежал тут же, грудой мятого бархата.

Пахло кровью.

Могильные свечи чадили, выпивая проклятый воск. И дым их сплетался сетью, накрывая искореженное заклятьями зеркало. Над ним, замерев, вцепившись обеими руками в оправу, да так, что та помялась, склонилась островитянка.

Брунгильда.

Крупная, но такая тихая, застенчивая девушка. Что за...

– Не мешайте нам! – человек вскинул голову и посмотрел на Ричарда красными глазами. – Уже почти...

Почти догорели свечи и в дыме их появилась характерная горечь, свидетельствующая о том, что черта пройдена. И ритуал должен быть завершен.

Ритуал...

– Что ты ей дал? – Ричард рывком поднял человека.

А тот, глупец, попытался отмахнуться.

– У меня получилось! А вы мешаете!

От пощечины голова его – Никас, человека звали Никас – мотнулась, а губы лопнули, подкармливая дым кровью. И человек ойкнул, прижал ладонь к этим разбитым губам.

– Что за ритуал?

– Она видит, вы понимаете?! Видит...

Островитянка сидела и слегка покачивалась. И говорила. Тихо. Шепотом. Так, что и разобрать-то слова получалось с трудом.

– Она его нашла! Моего отца и... и я тоже видел! Сейчас она пойдет дальше, и покажет мне, где искать.

– Убери его, – Ричард швырнул идиота Ксандру. – Запри. Внизу. Пока. Потом разберемся.

– Вы не имеете права! Я гражданин...

Ксандр перехватил гостя за горло и тот заткнулся.

Потом и обмяк.

Плевать.

Ричард опустился рядом с девушкой и коснулся её шеи. Холодная. И сама бледна. Эта бледность проступает сквозь загар, отчего кожа кажется серой, словно пеплом припорошенной. Щеки запали. Губы обескровлены, но шевелятся, пусть слов уже и не разобрать.

А свечи того и гляди погаснут.

Думать.

Зеркало.

Кровь. Клинки... заговоренный, прикормленный смертной жертвой в том числе. Он рядом с девушкой, как и второй. Зачем второй? Или... точно, Никас использовал его для себя.

А Брунгильде подсунул проклятый.

И... его кровь? Её кровь. Она проводник. Куда?

– Он привязал её к мертвецу, – выдохнул Ричард и попытался вытащить зеркало из закованных рук. – Спроси, он позаботился о том, чтобы привязать её душу к телу?

– Слышал? – Ксандр слегка разжал руку на горле и дружелюбно заметил: – Говори, или сердце вырву.

– 3-зачем?

– Сожру. Так-то я на диете, но для тебя исключение сделаю.

– Я... я не знаю! Я хотел лишь, чтобы она посмотрела... посмотрела, что случилось с моим отцом. Я читал, что в зонах аномальной связи между миром живых и миром мертвых особенно сильна. И можно посмотреть... призвать душу к ответу! Но нужен кто-то сильный. И ритуал я нашел...

– То есть, не привязал, – Ричард понял, что и его сил не хватит, чтобы разжать пальцы. Разве что ломать. Но и то не факт, что поможет. – Убери его. Хотя нет. Постой. Кровь нужна.

– К-кровь... – попытался взвизгнуть мужчина, но снова захрипел.
– Не задави ненароком, – Ричард попытался заглянуть в глаза девушке. Так и есть, затянуты тьмой. И... где она?

Далеко.

Очень далеко.

И сумеет ли вернуться?

Проклятье... и ведь обвинят-то Ричарда. А главное, что будут правы. Он виноват. Он не досмотрел. Не уследил. Не... успокоиться надо.

– Сколько? – Ксандр поднял придушенного мужчину с легкостью. – Крови?

– Лей. Сколько... не важно. Надеюсь, хватит. И свечи. Быстро.

– погоди, – Ксандр огляделся. – Так не успеем. Давай иначе. Я открываю. Ты держишь. И... если вдруг, то вот.

Он снял с шеи цепочку с круглой бляхой медальона.

– Там. Игла. Освященная. Действительно освященная. Мне её дал один хороший человек. Если вогнать в тело, я... умру окончательно.

Медальон был холодным. Металл нагревается от плоти, но если плоть жива. И... почему-то особенно несправедливым это показалось.

– Ты ведь сам все понимаешь, – Ксандр уложил тело мужчины, который еще дышал, но был тихим и спокойным, рядом. И сел возле принцессы. Красные глаза его уставились на дым. – Там чужак. Мешает вернуться.

Ричард понимал.

И сдал в руке медальон.

Он убьет эту сволочь... ту, из-за которой девушка почти ушла, а Ксандр... Ксандр долго жил, но это еще не повод умирать за других.

Нет.

Ничего. Они справятся.

Кровь мужчины полилась на зеркало. И девушка покачнулась.

– Держись, – Ричард взял её за руку. – Ты слышишь меня?

Нет.

– погоди... – Ксандр полоснул себя когтем по запястью. У личей кровь темная, тягучая, что деготь. И падала капля с оглушительным звоном. От этого звука, слышимого лишь Ричардом, мир покачнулся. И границы его поплыли.

Привычно.

Знакомо.

Мерзковато. Ричард никак не мог отделаться от ощущения, что сама тьма, там, на той стороне, липка и грязна. И грязь эта просачивается в самую душу.

Потерпит.

Оглядеться.

Отыскать нить, истончившуюся до предела. Сил у девушки почти не осталось.

– Возвращайся, – позвал Ричард, сделав шаг на путь тени. – Возвращайся...

Но когда перед ним возникла туманная фигура мужчины, чем-то донельзя похожего на Никаса, он сказал:

– Прочь.

А потом вновь позвал:

– Возвращайся.

И сила его вплелась в нить, укрепляя её, создавая в то, что будет понятно разуму человека, который никогда-то не сталкивался с миром иным.

Тропа развернулась, пробиваясь сквозь туман и пыль, готовая вести... куда? Не важно.

– Возвращайся, – теперь, когда нить окрепла, Ричард осторожно потянул за ней. Вот так... и снова... границы дрожат. Тьма ищет выход. Тьма беспокоится. И надо бы спешить.

Ксандру опасно вот так касаться её.

Надо...

– Возвращайся.

И она услышала.

Глава 15

Об особенностях ритуалистики и родственной любви

«А королева та собою хороша. Ростом не велика, но и не мала. Стройна и пригожа. Ликом бела. Глаз её светел, и волос тако же светел. Ходит она неспешно, держится с немалым достоинством, что явно говорит о величии рода ея. Люди знающие бают, что сама она и нравом кротка, и разумна зело. Учена. Ведает пять языков, хфилософию и музицировать обучена.»

Из письма одного посла.

Летиция Ладхемская стояла перед зеркалом, смотрела на себя и не могла отделаться от мысли, что все-то неправильно. А что именно? Она не знала.

Поэтому просто стояла и смотрела.

Болела голова, но не сказать, чтобы совсем уж невыносимо. Скорее уж боль эта была далекой, словно эхо. И она изрядно мешала сосредоточиться.

И все-таки какое платье надеть?

Муаровое, вердепешевого цвету? Или другое, из тяжеловатого бархата того палевого оттенка, который весьма подчеркнет её благородство.

Глупость какая.

Она и вправду думает об этом всерьез?

Служанки держали платья, ожидая, когда Летиция примет решение. А она... она не могла! Не могла и все тут! Она подняла руку, потрогала лоб.

– Ваше высочество, – проскрипела вдова, не скрывая своего недовольства. – Если позволите заметить, ваше поведение породило некоторые слухи весьма неприятного свойства.

Слухи.

Девушка благородного происхождения должна быть особенно осторожна, ибо любое слово, действие, даже взгляд способны разрушить её репутацию.

Маменька огорчится.

– Подите прочь, – выдохнул Летиция. – У меня мигрень.

И болеть ей никак невозможно. Точнее можно, ибо хрупкость здоровья весьма отлично укладывается в образ тонкий и легкий, но не лишь бы чем. Вот, взять, к примеру, сопли. Разве у благородной дамы могут быть какие-то там банальные сопли?

Веселый голос герцогини Хаммоншир зазвучал в ушах, порождая новые приступы боли.

А служанки закрутились, завертелись, пытаются схватить за руки, уложить, раздеть, одеть, обтереть розовой водой. И в этом круговороте Летиция потерялась.

На какое-то время.

– Вон! – крик был совершенно недостойным, ибо девушка хорошего рода...

...эту девушку она почти ненавидела.

– Оставьте мою сестру, – вот Ариция умела говорить спокойно и так, что послушаться её не смели. Даже почтенная вдова поднялась с козетки, всем видом своим выражая крайнюю степень недовольства.

Маменьке, небось, отпишется. С жалобой. И отцу.

И...

– Голова болит, – пожаловалась Летиция, пытаясь выбраться из-под одеяла, поверх которого зачем-то набросали подушек. – Ноет и ноет... ноет и ноет...

– Полежи, – сестра присела рядом. – Воды? Или шторы задернуть?

– Задерни.

Ариция с трудом подняла тяжеленную палку для штор. А уж крюк зацепить и вовсе не сразу вышло. Шторы сомкнулись с протяжным скрежетом, который отчего-то раздражения не вызвал, и в комнате стало сумрачно.

– Что ты об этом знаешь? – Летиция откинулась на подушки.

Мягкие.

И перины тоже. И... и чем дальше, тем больше ей нравится это место. Какое-то оно... спокойное, что ли.

– О чем? – голос сестры дрогнул.

– Не надо. Ты поняла. Ты ведь всегда раньше понимала. И вот... он сказал, что я вспомню. Со временем. А мне кажется, что я забыла что-то донельзя важное. Пытаюсь, пытаюсь, а она только болит. Так что?

Ариция вздохнула.

И взгляд отвела.

– Еще мне кажется, что мы раньше... мы не ругались. Почти.

– Почти.

– А потом... как-то все изменилось. Когда? Почему? Из-за мага, да? И матушки... я... – Летиция приняла и кубок с водой.

Сделала глоток.

Стало легче. Тошнота отступила, а боль нет. И главное, все-таки не понятно, какое платье выбрать, ибо мигрень мигренью, а к ужину выйти надо. Другие-то будут.

А к платью еще парик.

И перчатки.

Драгоценности, чтобы сочетались и с платьем, и с перчатками, и с самой Летицией, да еще и соответствовали моменту. Кто бы знал, до чего тяжело быть идеальной принцессой.

– Мы и вправду дружили. Наверное. Я теперь и сама не уверена в том, что было и...

...если придворный маг поработал с Летицией, то и сестре уделит бы внимание.

– Я тебе помогала. Раньше. Уходить... вечером. Говорила, что мне спать одной страшно. И мы ложились вдвоем. А ты тихонько убегала. И потом возвращалась. Рассказывала... мне все это казалось жутко романтичным. И вообще... таким настоящим... моя сестра ловила преступников.

Ловила?

Нет... она, конечно, рассказывала... и память, да, память... она не вернулась. Не совсем. Но Летиция вдруг увидела ту картину, из прошлого. Огромную кровать.

Служанок, что не спешат уходить, и медлительность их страшно раздражает. Арицию в белой ночной рубашке. И на ней, на Летиции,

такая же. Кружевом отделана, пахнет лавандой.

Как и вода, которой они умываются.

Щетка скользит по волосам, тогда еще длинным. Очень длинным. И ловкие пальцы горничной заплетают косы.

– Потом расскажешь, – тихий шепот Ариции будоражит сумрак. А сама она с трудом сдерживает зевок.

– Расскажу.

Платье, то, другое, хранили здесь же, спрятав в старом шкафу. Там много чего было. Вот и... они себе казались такими умными.

Дурочки.

Но Ариция помогала одеть этот скучный наряд из грубой ткани. Башмаки такие же. Плащ глубокий. Полумаску. Никто бы не догадался...

...она выскальзывала за дверь, мимо сонных служанок. Сон получалось насыпать легко, пожалуй, только это и получалось. Может, потому что сам по себе сон сродни смерти?

Главное, там, в коридоре, её ждали.

И был знакомый путь, не тайный, нет. К чему? Кто обратит внимание на еще одну девицу, которых во дворце без счета. А там... экипаж.

Поездка.

Запахи моря и города. Старый дом, в подвале которого оборудована мертвецкая. И там-то её ждали. Знали ли те люди, кем была Летиция? Кто-то должен был, но для большинства она была девицей, в которой проснулся неудобный, но такой нужный дар.

И которая помогала.

Ведь просто. Коснуться мертвеца. Позвать его. И задать вопрос, даже не нужен вопрос, ей и без того охотно открывали, что случилось.

А она уже рассказывала.

И... бумаги оформлялись там же. В них не стояло имени Летиции Ладхемской, но разве это имело значение? Главное, что те, чьими глазами ей позволено было видеть, получали желаемое – справедливость. А она, утомленная, порой обессиленная, возвращалась.

И спала.

Долго.

До полудня часто. А потом они вместе с Ари завтракали. И Летиция рассказывала очередную страшную историю, которая Ари казалась выдумкою.

Да и самой Летиции... она ведь тогда не понимала, насколько все серьезно.

Пока...

Она потеряла лоб.

– Мы обе потеряли осторожность. Не только мы, – Ариция сидела рядом, сторбившись, и выглядела такой несчастною. – Сперва ты уходила не так часто. Раз в две-три недели...

– На особо сложные случаи.

– Потом чаще... потом... стала почти каждую ночь.

– Их было так много, – развела Летиция руками. – Как я могла отказать? Тем более, что чем раньше, тем четче память. А в мертвецов, которым несколько дней, сложно заглянуть. Те же, кто пару недель пролежал, и вовсе...

И вновь же разговоры о мертвецах не пугают.

– Однажды меня позвала матушка. И начала расспрашивать. Ты знаешь, когда она по-настоящему хочет что-то узнать, умолчать не выйдет. Да и было мне тогда... я пыталась. Врала. А меня ловили на вранье. И матушка сердилась. Она... она лучше бы кричала, честно. А она взялась за сердце. И сказала, что умрет. Тебя же отправит в монастырь, пока ты не сбежала с любовником.

– И ты...

– Рассказала. Прости. Я ведь не думала, что все будет так. Ты ведь не делала ничего плохого. Не было любовника. А остальное... это же на пользу только!

– Твоей вины нет, – покачала головой Летиция. Странно, но боль почти прошла. Внутри было пусто и ощущение этой пустоты не пугало. – Это мы заигрались. Я и... и если бы меня не остановили, рано или поздно, обо всем узнали бы... и так знали.

Вдова.

Она тогда сказала о... о неподобающем увлечении. А Летиция не удивилась, хотя, казалось бы, откуда ей знать. И... и что с ней сделали?

– Тогда тебя тоже пригласили к матушке. И говорили с тобой. Долго. А потом объявили, что ты заболела. Меня не пускали. Никого не пускали. Только нескольких дам, кому матушка доверяла.

...как почтенной вдове...

– А когда ты пошла на поправку, тебя отослали. К герцогине Хаммоншир. Мне же строго-настрого запретили разговаривать с тобой о том... что было.

– И как объяснили?

– Сказали, что все это... что может разрушить наше с тобой будущее. Что некромантия – это почти чернокнижие. И узнай об этом простые люди, они не поймут. Тогда тебя придется запереть в монастыре. И меня тоже. А это... сама понимаешь, кому туда охота?

– Никому.

– Она... что она делала? Герцогиня?

– Ничего, пожалуй, – Летиция села. – Такого ужасного точно не вспомню. Никто меня не бил, не запирали, не морил голодом. Наоборот. Она была очень милой. Такая вся... веселая, как птичка. И воздушная. И нарядная.

Ариция забралась на кровать с ногами.

– Я помню. Вы ведь вдвоем вернулись. И... прости, я тебя не узнала. Ты совсем другой стала.

– Наверное. Знаешь... там все разговоры были только о красоте. О музыке. О поэзии. О мире, о том, как он прекрасен... о любви. И еще о нарядах, конечно. Я пытаюсь... – она поморщилась. – Не представляю, но... я ведь и вправду целый день могла разглядывать и обсуждать ткани. И фасоны. Мушки эти... перья... я училась изящно говорить. Ходить. Стоять. Дюжина дюжин изысканных поз на все случаи жизни.

– Что?

– Была у герцогини такая книга. Очень познавательная. Еще меня учили правильно смеяться.

– А можно неправильно?

– Естественно. Смех тоже бывает очень разным. Презрительным. Одобрительным. Дающим надежду. Завлекающим. Выражающим неодобрение. Или вот горечь. И... и самое странное, что мне это было интересно! Не понимаю.

– Думаю, дело в заклятье, – Ариция обняла себя за колени. – Я так ждала твоего возвращения, а когда ты вернулась... это была не ты! Понимаешь? Платья, корсеты, ленты... раньше тебя это не интересовало, а тут ты ни о чем другом и говорить не желаешь. Я

пробовала... намекала, а ты не услышала. И ощущение, что в твоей голове только и остались, пудра да блески.

– Н-наверное.

– Вот... я к матушке пошла, а она велела не лезть не в свое дело. И запретила напоминать. Я бы, может, и послушалась, но она сказала, что ты вполне счастлива. И зачем менять?

– Зачем? – эхом отозвалась Летиция.

И вправду, она ведь была счастлива. Выбирая наряды и парики, меняя их, рассуждая о красоте поэзии, разглядывая альбомы, позируя... боги, какие глупости! Но ведь была же!

– Я попыталась говорить с магом. Он сперва не хотел, но я пригрозила, что пожалуюсь дедушке. Он бы... он бы, не знаю... будь я уверена, что он встанет на нашу сторону, я бы рассказала. Он вдруг бы испугался? Вдруг бы тоже решил, что принцесса не может быть некроманткой.

– Но пригрозить пригрозила.

Она всегда была решительной, маленькая упрямая Ари.

– Именно. Маг сказал, что исполнил свой долг. Что... заклятье... ты ничего не забыла, нет. И дар твой вполне жив, просто заклятье заменило одно другим. Что... ты испытывала большой интерес к смерти, а теперь вот к тому, что более подобает принцессе. А что дурой стала, так это побочный эффект. Но ведь к чему принцессе лишние мозги.

– И вправду, – пробормотала Летиция.

– Помнишь, я тебя в анатомический театр затащила? Я надеялась, что ты возьмешь и вспомнишь, а ты со своими фрейлинами обсуждала новые мушки. Или подобную ерунду. И тогда я решила, что они... в общем, оно и вправду все, как есть. Извини.

Летиция покачала головой.

– Ты точно не виновата.

– Не злишься?

– На тебя? Нет.

– А...

– Матушка тоже хотела как лучше. Наверное. И права, узнай кто... случился бы скандал.

– Он и случился. Теперь-то скрыть точно не выйдет, – как ни странно, но огорченной Ариция вовсе не выглядела. И помявшись,

добавила. – Я ведь... тоже...

– Что?

– Ты смерть видишь, а я... в общем... когда ты уехала, то и началось. Но никто не знает. Я... испугалась, что меня и вправду в монастырь отправят. Вот и молчала. Понимаешь... кажется, я могу поднимать мертвецов.

Вот тебе...

Летиция вздохнула. И подумала, что не везет Ладхему с принцессами. Определенно.

Глава 16

Где тьма встречается и не со светом

«И люди, осквернившие себя прикосновением ко тьме, повинны самой лютой смерти, ибо только она и муки телесные способны очистить душу и вернуть её к Богам в виде перводанном».

Из проповеди одного жреца

Лассара я отыскала в библиотеке. И ничуть не удивилась. А что, самое тихое место, если подумать. Где еще от гостей скроешься?

Он устроился на полу, скрестивши ноги, и положивши на колени тяжеленный том. Книга выглядела довольно зловещей, а еще тяжелой.

Я такую и не подняла бы.

– Доброго дня, – сказала я, раздумывая, как бы так половчее нужный вопрос задать. В голове царил пустота, а на языке вертелось совершеннейшие глупости. – Скажите, а вы...

На меня уставилась Тьма.

– Вам удобно? В доспехе?

Говорю же, глупости.

– Сидеть и все такое. Носить? Он вообще снимается?

– Нет.

И хмыкнул так, насмешливо.

– Чего ты хочешь, дитя?

Дитя? Хотя... наверное... с его точки зрения и вправду... сколько мне? А он уже не одну сотню лет застрял.

– Поговорить, – вздохнула я. – Я присяду, ладно?

И бочком, бочком, под внимательным этим взглядом, подобралась к креслу. Села. Вспомнилось вдруг, что спину надо держать прямо, а руки на коленях. Правда, хвост нервно подергивался, к этикету неприученный.

Лассар ждал.

– А... что вы читаете? – опять не то. И не выходит у меня сосредоточиться.

– «Описание земель дальних и народов, их населяющих», – Лассар развернул книгу.

Карта какая-то... и никакой зловещести.

– И как?

– Врет, сволочь. Но забавно.

– Это...

– Что на краю мира есть острова, где живут люди с песьими головами.

– А... – понимающе потянула я. – И еще одноглазые великаны?

– Читала?

– Нет. Там... в общем, где я была, тоже писали... всякое. И пишут, – я вздохнула и поерзала. – Вы... извините, я ни в коем случае не желаю задеть ваши чувства, но... просто...

– Мои чувства задеть крайне сложно, – Лассар чуть склонил голову.

– Тогда хорошо. Наверное. То есть... в общем... в тот, в прошлый раз... вас... отправили... не знаю, как это называется. Отключили... ну...

– Отдых. Это считается отдыхом, – помог Лассар и книгу закрыл.

– А на самом деле?

– На самом деле разум остается меж сном и явью. Просыпается память. Оживает. И порой ты не понимаешь, где ты. И что происходит. Я снова и снова вижу ту нашу жизнь. И иную. Свою смерть, которая не была приятной. И перерождение.

– Извините.

– Ничего. Я привык. Так что?

Я сделала глубокий вдох.

– Та девушка, которая... которую спас предок Ричарда, а потом на ней женился... из-за неё все началось? Понимаете, Замок, он показывает мне... кое-что. И я видела её. И её разговор с мужем. Она говорила, что боится вас. Вы ведь видели, её, настоящую?

– Вот оно что, – огромная рука в латной перчатке накрыла книгу. И показалось, что сейчас продавит. И эту вот обложку темной кожи, и рыжие страницы, и каменные плиты пола. – Что еще он тебе показывает?

– Я...

– Это важно, девочка. Она никогда не беспокоит по пустякам.

– Она?

– Когда-то давно... очень давно... так, что будь я иным, я бы и забыл, наверное, я видел, как женщина... самая удивительная женщина, которая только существовала в этом мире... она отдала свою жизнь, а с нею и душу, и посмертие, чтобы защитить тех, кого любила.

– А вы любили её? – я прикусила язык.

И так понятно, что любил. О таком не спрашивают.

– Это не имеет значения. Но рядом с нею мне легче быть таким вот, – Лассар поднял руку, и её окутала тьма, которая, впрочем, тотчас почти впиталась в перчатку. – Так что?

И я рассказала.

Обо всем.

О той комнате.

И обрывках видений, которые никак не складывались в одно. Всех видений. О зеркале. О тьме в ней. И душе.

– Ты говорила Ричарду?

– Нет.

– Почему?

– Как-то вот... не знаю... понимаешь, получается, будто я подглядываю. Я не нарочно! Но ведь получается же. К тому же хотела разобраться, что я вижу... а не выходит.

– Женщины, – вздохнул Лассар тяжело. – Как с вами... непросто.

– Зато интересно, – я поерзала. И хвост сам лег на колени, ткнулся пушистой кисточкой в руки, ластясь. – Надо рассказать, да?

– Надо.

Сама знаю. Это ведь не меня касается. Я во всей истории человек случайный, даже не человек, а... додумать не успела. Что-то произошло. Что-то такое, в корне неправильное. Будто... будто воздух в замке содрогнулся, а потом взял и исчез.

И я попыталась сделать вдох.

И поняла, что не могу. Никак. И открыла рот, чтобы закричать от ужаса, но тоже поняла, что не могу. А Лассар покачнулся вдруг, и огромную фигуру его окутала тьма. Она была плотной и живой, и мне показалось, что она его пожирает, что...

И я встала.

Я понимала, что не проживу долго. Без воздуха. И все равно встала. Сделала шаг.

Еще.

В онемевшем горле клокотало. И болело оно. И... и надо позвать. На помощь. Надо что-то сделать. А я шла. К Лассару. Шаг за шагом. Шаг... и почти дошла. Протянула руку к этой оплывающей тьме, будто... будто кровь сочиться сквозь щели в доспехах.

– Не надо, – ко мне вернулся голос, сиплый и надорванный. А еще возможность дышать. Только воздух отчего-то сделался горьким. И невероятная горечь эта дурманила. – Не уходи...

Я не понимала, что происходит.

Я просто села рядом.

И потянулась ко Тьме, а она ко мне, ласковая вдруг, как котенок. Она прилипла к рукам, она поползла по коже, такая обжигающе холодная. И я держала её, баюкая.

Она же пила из меня силы.

И...

И потом замок вновь содрогнулся, теперь уже каменным телом своим. А еще граница между мирами треснула, но не здесь, а где-то там, далеко. Только я услышала.

И тьма услышала.

И взбесилась, вцепилась в меня голодной пастью. Боль обожгла. Холод проник внутрь. И я поняла, что и вправду могу умереть.

На самом деле.

Поняла и... не испугалась.

– Нет, – голос мой закрипел, а хвост нервно дернулся. – Не смей...

И на нем вспыхнули алые искры, заставив тьму попятиться. А потом я сама вспыхнула, руки и волосы, и... и кажется, одежда тоже полыхнула, осыпаясь пеплом, а я еще подумала, что это полный беспредел получается. Что... не напасешься.

И встала.

Повернулась ко тьме, которая клубилась в углу, сворачиваясь кольцами огромной змеи.

– Не смей, – я говорила негромко, но была услышана. И змея поднялась, раздувая призрачный капюшон, зашипела, только... только теперь она меня боялась.

Меня!

И...

Граница миров вернулась на место, а пламя... пламя взлетело выше, складываясь в огненные крылья. И я подумала, что что-то надо с этим делать. Что оно, наверное, красиво до невозможности, но люди посторонние эту красоту могут и не оценить.

Девушка упала на руки Ричарда.

И открыла глаза. В них еще таяли тени забытого, но эти глаза не были пусты. И губы её дрогнули. И сама-то она... дышит?

– Дышит? – повторил Ксандр вопрос, присаживаясь с другой стороны.

Он-то как раз не дышал. Но выглядел вполне нормально. Для нежити.

– Ты как?

– Да... не знаю пока. Оно ведь не сразу. Вроде ничего... она меня увидела.

– Тьма?

– Да. И хотела сожрать. А потом ушла куда-то. Может, ты был рядом, а может...

– Лассар?

– Он. Если Лассар свихнется, будет невесело, – Ксандр потер лоб и поморщился. – А я уже, признаться, и отвык, что голова болеть может.

Принцесса была бледна.

Даже не так, кожа её обрела сероватый оттенок, лоб покрыла испарина, а щеки провалились. Вот ведь...

– Я... – она моргнула.

Раз и другой.

И попыталась сесть, вцепившись в руку Ричарда, но не сумела.

– Я...

– Живы, – проворчал Ксандр, который тоже выглядел довольно потрепанным. Драгоценные камни его наряда и те погасли. К вечеру вовсе прахом осыплются. Да и не они одни.

Комнату нужно будет почистить.

Жаль.

Ричард поглядел на человека, который тоже очнулся, но теперь забился в угол и сидел тихо-тихо. Только взгляд его метался от Ричарда к принцессе, от нее – к Ксандру. И снова к Ричарду.

– Но это вам повезло, – Ксандр огляделся и снял с пояса флягу, которую протянул Ричарду. – Дай ей выпить.

– Что это? – светлые брови сошлись над переносицей.

– Травы.

– Какие?

– А ни все ли вам равно? – проворчал Ксандр, снимая с пояса кошель. Он вытащил круглую пилюлю, которую засунул за щеку, и зажмурился.

– Нет.

– Странно. Стало быть, отвары вы принимать опасаетесь. А вот в запретных ритуалах участие принимать, так нет.

– Я...

– Вы, вы... вроде взрослая девица. И вам родители не говорили, что нехорошо это, чернокнижием заниматься.

– Я не занималась!

– Ага, я занимался, – Ксандр сунул еще одну пилюлю.

А принцесса все же приняла флягу, только удержала её с трудом. Ричарду пришлось помочь. Она сделала глоток. Скривилась. И сделала еще один.

– Я просто... меня попросили помочь. Поделиться каплей крови. У... у него отец пропал. Только... – девица потерла лоб. – Он сам виноват... он... я видела... видела... я на самом деле это видела?!

– А то как же, – Ксандр встал на корточки. – Видели. Еще как видели. Странно, что живы остались... эй ты, как там тебя...

– Никас, – ответила принцесса, отобрав флягу. И её осушила, правда, пила и морщилась, но ведь допила все. И только икнула. – Его зовут Никас... и он...

– Редкостная скотина.

– Я должен был узнать.

Человек вжался в стену и оскалился. Больше он не выглядел ни нелепым, ни слабым. Скорее уж опасным, какой бывает загнанная в угол крыса.

– Должен, должен... а то как же... рассказывай, – велел Ксандр и, побуждая к содействию, добавил. – А не то шею сверну.

И так душевно это прозвучало, что человек икнул.

Принцесса тоже икнула, но поспешно прикрыла рот ладонью. А Ричард оперся на стену и глаза прикрыл. Он вдруг почувствовал, что

устал.

От всего этого.

И от людей, и от проблем, которые они принесли. А ведь недавно еще жаловался на одиночество. Где оно теперь, то блаженное одиночество?

– Я не знал! – взвизгнул Никас, пытаясь подняться. – Не знал я, что так будет... там... я лишь пытался узнать, что с отцом!

– Ты любишь драгоценности? – поинтересовался Ксандр.

– Что?

– Смотри, какая штука, – он вытащил из рукава цепочку и камень на ней. Камень был сапфиром. Кажется. Крупным таким, величиной с перепелиное яйцо.

Круглым.

Гладким.

Переливчатым.

– Красивый, правда? – Ксандр крутанул цепочку, и камень тоже повернулся. – Нравится?

– Вы... в своем уме?

– Вполне. Хотя за столько лет сложно не свихнуться, но я постарался. Не дрожи. Просто поговорим. Надо ведь все выяснить. Верно? Я тебе верю. Ты не хотел зла, так?

– Так, – человек смотрел то на Ксандра, то на камень.

И все чаще, все дольше на камень.

– Ты хороший парень. Просто воспользовался шансом. А кто бы не воспользовался... на, посмотри, если нравится.

Камень упал в протянутую ладонь.

И та задрожала.

– Это аметист, – Ксандр опустил на пол и ноги скрестил. – Ты когда-нибудь видел аметисты?

Значит, не сапфир. Хотя одно с другим перепутать – это уметь надо. У Ричарда вот получилось.

– Д-да...

– Дорого стоят. А этот и вовсе бесценен.

– Н-не бывает...

– Бывает. Мне подарил его один святой. То есть люди его полагали святым. А может, и правы были, – Ксандр говорил задумчиво.

Пальцы островитянки сжали руку Ричарда.

Крепкие пальцы. И сжали так, что еще немного и кости захрустят. Ричард посмотрел на девушку, которая была бледна и мелко дрожала. Он покачал головой.

Не стоит мешать.

Ксандр все делает правильно. Можно, конечно, иначе, но к чему пытки и насилие, когда есть волшебный камень на веревочке?

– Когда-то давно я еще не мог понять, то ли я мертв, то ли жив. И чего, собственно говоря, хочу. От мира. От людей. Вообще... я прожил там полгода. Помогал. Смотрел на людей. Пытался... не важно. Главное, что получилось. Не то, чего я ожидал, но что-то да получилось...

Камень переливался всеми оттенками радуги, и это завораживало. Даже Ричарда. Что уж говорить о Никасе. Он гладил камень нежно, поворачивал его то влево, то вправо, и камень вспыхивал изумрудной зеленью, которая тотчас сменялась глубоким алым оттенком, а в нем уже плясали, готовые делиться золотом, искры.

Опасная игрушка.

Но полезная.

– Вот и подарил мне. А я тебе. Только сперва поговорим, ладно? Ты ведь не откажешь в разговоре другу?

– Другу? – Никас попытался оторвать взгляд от камня.

– Конечно. Я ведь хочу сделать тебе подарок, – с бесконечным терпением произнес Ксандр. – А это ли не лучшее доказательство дружбы?

– Д-да...

– Смотри... хорошенько смотри... ты сможешь продать его... дорого.

– Д-дорого.

– Тебе ведь нужны деньги?

– Деньги?

– Они самые. Они всем людям нужны. Так уж вышло, что без золота сложно жить. Верно? Ты об этом знаешь?

Глава 17

В которой речь идет о золоте, родственных чувствах и порядочности

«О Неасиаре Ассирском, более известном людям, как Нессиар Проклятый или Богоотступник, достоверно известно лишь, что был он сыном купца, кой с юных лет испытывал немалую страсть к познанию, а потому жизнь свою посвятил собиранию книг. Его коллекция, после сожженная прилюдно, по дошедшим до нашего времени описаниям, была воистину удивительна. Также свидетели упоминают, что и сам Неасир создал несколько трудов, посвященных реставрации и оценке старинных рукописей, что, на наш взгляд, явно свидетельствует о незаурядном уме и многих достоинствах этого человека. Существует версия, что эти труды до сих пор хранятся в библиотеках храма, однако доказательств сему нет. Главное, что не представляется возможным точно сказать, искал ли Нессиар целенаправленно труды, посвященные проклятому искусству, либо же случайно попалась ему рукопись, что совратила сего, несомненно, умного и достойного человека с пути богов»

«Жизнь и судьба известных чернокнижников», трактат, созданный магистром Лаусесом во изучение проблемы, который был запрещен Храмом, однако, невзирая на запреты, снискал немалую популярность в научной среде.

Брунгильда осторожно придвинулась ближе. В глазах её читался немой вопрос. Но Ричард снова покачал головой. Морок – штука нестойкая, даже если наводится тем, кто изрядно поднаторел в нелегком деле. И на всякий случай прижал палец к губам.

Брунгильда кивнула.

– Ты из хорошей семьи. Богатой, так? – голос Ксандра звучал мягко, вкрадчиво. – Я слышал про твоего дядюшку. Но ты – не он.

– Нет.

– Тебя там не понимали.

– Никогда, – Никас всхлипнул. – Все думали, что я никчемный... слабак... только и гожусь, чтобы в библиотеке порядки поддерживать. Книжник... презирали.

– Это они зря. Ты в книгах обряд нашел?

Плечи Никаса напряглись. И он усилием воли попытался отвести взгляд от камня. А силен. Несмотря на эту внешнюю сутуловатость, кажущуюся слабость, он на самом деле силен.

– У нас здесь большая библиотека. Если, конечно, тебе это будет интересно. Но тебе будет. Ты умный человек. Ты понимаешь, сколько всего скрывают книги. И дурного ты не хотел. Так? Ты не убийца. Ты просто... что?

– Отец.

– Расскажи о нем, – попросил Ксандр. – Может, мы сумеем тебе помочь? Ричард ценит достойных людей.

– Отец... уехал. В экспедицию. Он... он ценил книги.

– Как ты?

– Да.

– И в них нашел что-то... интересное?

– Город. Древний город. Времен Империи... может, даже ей принадлежавший. Один... путешественник забрел... и описал... дома и храм. Тоже древний.

Дыхание принцессы сбилось. И она нахмурилась, потеряла лоб рукой, словно пытаясь вспомнить.

– В этом храме пол был золотым. И колонны. И стены. И статуи забытых богов. Тот путешественник, он написал, что местные боялись места. Что полагали его проклятым. Они верили, будто статуи способны ожить.

– Способны, – едва слышно произнесла Брунгильда.

– И потому ни в город, ни в храм не заглядывали. И тот... путешественник... он оставил дары богам. А взамен получил камень. Огромный рубин, величиной с сердце курицы. Чистой воды и немалой стоимости. Он полагал, что камень несет силу богов. И потому отдал его храму. Идиот! – это Никас высказал резко и искренне.

– Ты бы так не сделал.

– Нет.

– И твой отец?

– Он... тоже был... младшим в роду. Младший сын. Бестолковый. Ничего не понимающий в торговых делах. Не способный... он всем бы им доказал, что годен, что... они бы еще пожалели. Брат отказался давать ему денег. Сказал, что это все сказки! Выдумки! – Никас говорил и распалялся с каждым произнесенным словом. Он наново выволакивал старые обиды, переживая их. И эти переживания исказили лицо. Губы Никаса дрожали. Лоб прорезали морщины, а подбородок выпятился вперед. – Он... он вынудил... отца... искать деньги на экспедицию! Обратиться к другим людям. Экономить!

– Он занял?

– Да! А что еще оставалось! Выждать, когда мой дорогой премудрый дядюшка отправится в очередное путешествие... к дикарям... к многоуважаемым дикарям... – он издал смешок. – Он всегда так трепетно... относился... собирал подарки... говорил, что нужно проявлять понимание, что они тоже люди... что... много чего. Но это все...

Никас подался чуть вперед и взгляд его сделался безумен.

– Ложь! На самом деле он врет! Во всем! Он отдает им стеклянные бусы, а взамен получает золото! Он меняет железные топоры на самоцветы, он... он и рабов покупать не брезгает. А туда же, в моралисты.

Было мерзковато.

И не только Ричарду.

– А отец... когда нужна была помощь родному брату, отказал. И отец взял денег в долг. Собрал свою экспедицию. Ему поверили... как же... имя семьи что-то да значило. Только вот пришлось экономить. Поэтому и людей нанял... таких себе. Он ведь добрался! Он оставлял письма. Вестников. На вестников не поскупился, знал, что это важно. И путь описывал подробно. Как добрался до Огненного берега. И там

встал лагерем. Нанял местных... из тех, которые согласились. Дикие люди. Пробовали воевать. Ранили кого-то... потом еще болезнь приключилась. И матросы отказались идти в джунгли. А наемники тоже... сперва согласились, а потом стали говорить о проклятии... но отец не отступил бы. Он должен был найти этот город! Там, в книге, подробно описаны приметы. Были. Я её спрятал. Чтоб никто больше. А он искал. Он искал путь! И нашел древнюю дорогу. Но носильщики сбежали. И все сбежали. С ним пошли лишь трое... наемники. Одного укусила змея. Второй заболел... пришлось бросить.

– Бросить? – тихо переспросил Ксандр.

– Он все одно был обречен, – отмахнулся Никас. – Началась кровавая рвота. И понос. А стало быть, он бы не прожил и трех дней. Отец не имел права задерживаться. Он мог бы сам заболеть.

Лицо Брунгильды исказилось. Она с трудом сдерживала гнев.

– Третий... остался с тем. Его выбор. Их... пускай. Отец пошел. Последнее письмо он написал уже там, в городе. Он увидел его. Он отыскал. Он не ошибся! А потом... потом исчез! И у матушки не осталось ничего, кроме этих писем.

– И ты решил найти отца?

– Храм. Тот храм, где пол выложен золотыми плитами... – Никас начал раскачиваться. – И камни... огромные камни! Я видел! Её глазами!

Ричард тихо выругался.

– Столько золота... отец не вернулся... и люди, у которых он брал деньги, пришли в наш дом. Забрали его. Все забрали. Матушкины украшения. И вещи. Мои вещи! А дядюшка только сказал, что нужно платить по долгам, что... он мог бы помочь! Мог! Но нет, не захотел... он взял матушку в свой дом, но кем? Сделал из нее прислугу. Я же... мне никогда не позволяли забыть, что я живу лишь в долг, что я всем обязан! Всем! А я... я не хотел! И потом продали... жену нашли!

Он добавил пару слов, от которых и без того бледная островитянка стала еще бледнее.

– Мне жениться на дикарке? Ради укрепления отношений? Перспектив? Уехать куда-то на край мира? Провести жизнь там? На забытых всеми богами островах? Коз растить? – его голос почти сорвался на крик. – Но разве мог я отказать дядюшке?

– Нет, конечно, – произнес Ксандр успокаивающе. – Но и слепо подчиняться ты бы не стал. Ты слишком умен, верно?

Умен.

Возможно. Вот только наличие ума еще не говорит о порядочности.

– Д-да...

– И что ты решил?

– Я... я... я бы... овдовел... с женщинами вечно что-то случается... я бы выдержал... год бы выдержал... может, позволил бы родить ребенка. Дети вызывают сочувствие. А потом отписался бы... сказал бы, что любил жену, что... все-то о ней напоминает. И ребенок. Ребенку лучше расти в цивилизованном мире.

На душе стало невыносимо мерзко. И появилось желание убить. Но Ричард справился. Он встал, стараясь двигаться осторожно, чтобы не разрушить чужие чары.

– Дядюшка к старости стал чувствителен без меры. А еще островитяне неплохие мореходы. Я бы предложил им... сокровище... им нужно было золото, а мне – люди. Мы бы сумели договориться.

Ричард подал руку девушке, которая тоже поднялась. Её пошатывало от слабости, а в глазах было что-то такое... такое... что сложно выразить словами.

Особенно, когда ты отвык от общения.

Он потянул островитянку за собой. И только переступив порог комнаты, кажется, задышал нормально.

– Он ведь... он серьезно ведь, – Брунгильда заговорила первой. – Он... он бы и вправду...

– Возможно.

– То есть?

– Одно дело планировать чью-то смерть, и другое – осуществить план. Убить человека не так и просто.

– Но... – она покачала головой. – Я же с ним... говорила... обо всем. И он со мной. Он не казался мне... подлым. А тут...

– Потому и опасно заглядывать в чью-то душу. Никогда не знаешь, какие чудовища там живут. А что до подлости, то... сложно судить о том, что могло бы быть. Ведь ничего-то не случилось.

– Этот обряд... голова болит. Что это было? – она потерла ладонями лицо. – Почти не чувствую.

– Запретный обряд. Истинное чернокнижие, – Ричард подал руку. – Позвольте, я провожу вас в ваши покои.

Отказываться островитянка не стала.

Она большая. На голову выше Ричарда, и потому рядом с нею он чувствует себя на редкость неуютно. Но в то же время она женщина.

Слабая.

И обиженная. Она кусает губы и отворачивается, а ресницы предательски дрожат. Она влюбилась в этого... Никаса? Или почти влюбилась? Или просто подпустила его ближе, чем следовало бы? С женщинами такое бывает.

Да и не только с женщинами.

Но ей сложно. А что Ричард может сделать? Он понятия не имеет, что принято говорить в таких вот ситуациях. Только и молчание невыносимо.

– Мир на самом деле весьма сложен. И он хранит память о многих событиях. При должном умении памятью этой можно воспользоваться. Заглянуть в прошлое. Однако цена подобного высока.

– Смерть?

– Не думаю, что он понимал, с чем связывается.

– Я тоже не понимаю, – Брунгильда остановилась. – Погодите.

– Может, лекаря позвать? – предложил Ричард, а потом вспомнил, что нет у него в замке лекаря, даже самого захудалого. С другой стороны, в свите ладхемок должен был быть. Или у вироссцев? Если попросить, то не откажут.

– Не надо. Пройдет. Давно уж слабой такой не была. Один год такое случилось. Аккурат, как вошла в возраст, – сказала Брунгильда и осеклась, покраснев. Но все же продолжила. – Тогда-то и слегла. То ли молока холодного выпила, а может, еще чего приключилось. Не помню уж. Помню только слабость вот эту, будто кто внутри жилы тянет-вытягивает...

– Возможно, ваш дар пробудился.

– Дар? – она поглядела на него с недоумением. И Ричард вздохнул.

– Дар. Он вам помог. Вы не просто сумели заглянуть на изнанку мира. Вы прошли по нити крови. И открыли увиденное другому человеку.

– И?

– На такое способны лишь Вещуни.

– Что?

Она огладила волосы. И взглядом поискала зеркало. Женщина. Пусть с секирой, которую она зря с собой не захватила, а все одно женщина.

– Думаю, если Лассар не соврал, то в вас пробудилась та, старая кровь. И вот так вот... Летиция Ладхемская способна коснуться смерти. Вы Вещунья...

– Нет, – Брунгильда затрясла головой и мягко так, словно болезному, сказала. – Это все он. Никас. Удумал какой-то обряд. И... провел. А я глупая, что поверила. Дома... там будет неправдою сказать, будто бы на Островах люди иные, что только правду говорят и чести держатся. Люди, они везде разные. Хватает и у нас подлецов, но вот... путается все. В голове.

– От усталости, – Ричард предложил руку. – На самом деле ваш... знакомый...

Почему-то показалось, что другом того человека называть не стоит.

– Многое узнал. Хотя, конечно, в книгах пишут далеко не все. Главное отличие чернокнижия от некромантии состоит в том, что некромантия использует силу тьмы. Тьма суть явление природы. Она существует вовне, как существует свет. Ибо там, где есть жизнь, смерть неизбежна. На самом деле кое-кто из моих предков полагал, что изначальная сила вовсе едина, что лишь тот, кто берет её, он и придает «окрас». Скажем так.

Она слушала внимательно.

Медленно ступала и... пожалуй, в какой-то момент эта неловкость, которую Ричард ощущал постоянно, исчезла.

– Чернокнижник же не имеет возможности использовать сам силу мира, однако он может забрать кровь и жизнь другого существа, обменяв их на эту силу. В том помогают ритуалы.

– У нас говорят, что чернокнижник уродлив.

– Становится. Со временем. Сила меняет, особенно такая. Ваш... знакомый... еще предстоит выяснить, понимал ли он, сколь опасен этот ритуал. И что проводник обречен.

– Но я...

– Другой бы человек остался бы там. Он бы не сумел отыскать обратной дороги. И его жизнь, его душа была бы платой тьме. Тьма... она весьма своеобразна. Но плату берет. Всегда разную.

– И все-таки... – у дверей в свои покои Брунгильда остановилась. – Он... он, наверное, не хотел... не собирался.

Только почему-то показалось, что и сама она в сказанное не верит.

– Я разберусь, – пообещал Ричард.

Глава 18

Где случается важный разговор с непредсказуемыми последствиями

«И взяла тогда ведьма горшок, бросила в него три мышинных хвоста, толстую жабу и светлый волос. А после плеснула черной-черной крови. И, поставив котелок на огонь, стала варить зелье, костью помешивала да приговаривала: «Через солнце, под луной, будешь ныне только мой»».

Детская сказка о злопакой ведьме, которая притворилась прекрасною принцессой, и добром королевиче.

Мать, мать, мать...

Что еще сказать?

Стоило мне выглянуть из библиотеки, как навстречу попался рыцарь. Такой вот типичный рыцарь в сияющих доспехах. Причем доспехи и вправду сияли.

Белизной.

С плеча красиво стекал плащ, а в руке виднелся меч. Серьезный такой. Я только икнула. И рыцарь тоже. Хотя получилось гулко, как из бочки.

– Здравсьте, – сказала я, пытаюсь понять, как бы поплотнее в крылья завернуться, если они огненные и полупрозрачные. – А вы не подскажите, что за ерунда тут происходит?

– Демоны.

– Да? – я стрельнула глазами влево. Вправо. Даже вверх. И рыцарь тоже поглядел. Я еще подумала, что ему, бедолажному, на диво неудобно должно быть голову задирать.

В шлеме.

– Где? – поинтересовалась я, раздумывая, что мне делать, если вдруг крылья погаснут. Я же ж... это даже не неглиже, это полное ню.

А менталитет тут такой... ню не искореженный.

– Не знаю, – он потер мечом лоб, вернее шлем. – Вы же демон?

– Местами, – не стала отрицать я. – Убивать будете?

– Не знаю, – растерянно произнес рыцарь. – А надо? Вы же ж вроде бы тут...

– Тут.

– Ну вот... и не собираетесь душу мою пожрать?

– Я на диете! – почти искренне ответила я.

– Это хорошо... а.... – он, наконец, что-то такое разглядел. Или понял.

Отступил.

Оглянувшись и почувствовала такая вот неуверенность.

– Может... вам помочь чего?

Меч отправился в ножны, а вот плащ слетел с плеча, чтобы опуститься поверх моих огненных крыльев. И вовремя, поскольку те взяли да погасли.

– С-спасибо, – выдавила я, вцепившись в этот самый плащик обеими руками. – Оно как-то... вот... получилось. Я стояла, стояла, а потом что-то вдруг раз... и нехорошо так.

– Тьма перевозданная очнулась, – пояснил рыцарь, отступая. И еще немного.

– Вот-вот. И крылья... а платье взяло и осыпалось. И командор.

– Осыпался?

– Нет, но... что-то с ним было не то. Не так.

– Наш тоже пропал.

– Это тот, который... Светозарный? – дурацкий, если подумать, разговор получается. Тем паче, что я даже имени этого славного рыцаря не знаю. – Жоржетта.

Я решила представиться первой.

И присела.

Руку не протяну, во избежание.

– Брат Янош, – сказал рыцарь и шею потянул, пытаюсь разглядеть хоть что-то. – Так вы не видели?

– Вашего Светозарного? Нет. К сожалению. Но можем поискать.

– Будем весьма вам благодарны.

Вежливые они. Но вот спиной поворачиваться все одно не тянет. Потому как вежливость вежливостью, а меч на поясе у него все одно

висит.

– Так а что с Проклятым?

– Ну вот зачем сразу так? – укорила я. – Что за предрассудки? Он нормальный человек...

– Только мертвый и душу продал за бессмертие.

– Можно подумать, выбор у меня имелся, – прогудел знакомый голос и как-то вот даже дышать стало легче.

Лассар... в общем, не знаю, можно ли сказать, что он ожил, но вот тьмою больше не истекал, и вообще вся груда железа опять воедино собралась.

– Да и не продавал я душу. Её просто привязали к телу. К тому, что от него осталось, – мне почудилось, что великий Командор поморщился. – Так куда там ваш мальчик вляпался?

– Пропал, – уточнил брат Янош, красиво возложивши руку на меч.

Это он зря. У Лассара тоже меч имелся, и куда как посолиднее. Но рук возлагать он не стал, только поправил:

– Вляпался. Поверь моему опыту, добрый брат Янош, такие именно вляпываются. Вечно им на жопе ровно не сидится, подвига ищут.

И по тому, как брат Янош вздохнул, я поняла, что глубокую сию мысль он разделяет. И даже поддерживает.

– Последний раз его в саду видели, – сказал он куда более спокойно. – Вроде как гулял... от девок бегал, небось.

– Это он зря. От хорошей бабы не сбежишь.

Я сделала шаг к двери. А что, пока они тут баб обсудят, Светозарного и прочие мелочи бытия, я схожу и переоденусь.

А то ведь как-то оно... пусть под плащом, но неуютненько.

– От хорошей, может, и не стал бы. Мы сперва-то не больно волновались, но дневную молитву пропустил. А он никогда-то прежде... очень уж благочестивый.

Сказано это было с неясною тоской.

Понятно.

Слишком благочестивое начальство своим существованием своим дает понять, сколь несовершенен подчиненный.

– А потом это вот...

– Выброс, – голос Лассара проникал и за дверь. – Тьма ожила. А стало быть, вляпался ваш Светозарный...

– Может, не он еще...

– Может, и не он. Но был выброс. И разобраться стоит...

Дальше я слушать не стала. Плащ подхватила, пока еще кто не встретился, и к себе... ну как, к себе... пыталась.

И шла.

Да почти бежала, благо, полы в замке чистые, ибо по грязным босою бегать – удовольствие пресомнительное. И добежала даже... ну... почти.

Чтобы у дверей столкнуться с Ричардом.

Взять и...

Я входила в комнату, он выходил и... и ненарочно получилось. Столкнуться. Плащ еще этот... я в нем почти запуталась даже. И упала бы. Только не позволили.

Подхватили.

И...

– Жоржетта? – осторожно спросил Ричард.

– Я, – я моргнула, чувствуя, что еще немного и расплачусь. Вспомнились вдруг все принцессы разом. А я тут... почти голая. Точнее голая, только плащом прикрытая. Только и осталось, что распахнуть жестом профессионального эксгибициониста.

Я вцепилась в плащ покрепче.

– Извини, я... я подумал, что и тебя задеть может. Беспокоился. Стучал. А ты не отвечала.

– Меня здесь не было.

– И дверь приоткрылась.

А вот это уже точно не я. Это Замок. И... и не знаю, радоваться или нет, потому что... ну вот ничего хорошего не получится.

– Я и решил, что, возможно, тебе плохо.

– Мне – нет, только... у меня крылья появились. Огненные. А одежда взяла и... и это когда я прикоснулась. Я в библиотеке была.

Сбивчиво получается.

А он держит. Осторожно так. И чувствуется, что готов выпустить, стоит мне пошевелиться. А я не шевелюсь. Замерла. Смотрю вот. В глаза смотрю и не моргаю, пусть даже слезиться начинают.

– С Лассаром. Хотела с ним кое о чем поговорить... и хорошо, что ты тут. С тобой тоже надо. Это... это касается Замка. И тебя. Твоих родителей. Зеркала... в общем, я запуталась. Думала, он прояснит. А

потом вдруг что-то случилось такое... как не знаю... и он упал. И тьма потекла. Как кровь. Из доспехов. Злая такая. Ко мне. Я её коснулась, а она меня сожрать хотела. Но это не точно. Хотя все равно мне кажется, что хотела. Тогда-то крылья и появились. Вот... и еще Светозарный пропал.

– В библиотеке? – уточнил Ричард.

– Говорят, что в саду. Но Лассар... он теперь опять, как был... в общем, искать пойдет. С братом Яношем. Это он мне плащ дал, потому как в одних крыльях разгуливать неприлично. Вот.

Я выдохнула и уставилась на Ричарда.

А он на меня.

И... и стоим.

Пялимся друг на друга. Краснеем почему-то. Во всяком случае, я краснею. И он. Немного. И... и надо что-то делать, а то я под плащом себя очень неудобно чувствую.

Категорически.

И хвост нервничает, так и норовит из-под плаща выглянуть. А там и плащ приподнять.

– Я... наверное... мне надо идти? А тебе вот...

– Одеться, – подсказала я.

– Д-да.

– Надо. Только... не уходи далеко, ладно? Нам и вправду давно стоило бы поговорить... обо всем.

– А...

– Светозарного ищут. Или Лассару не доверяешь?

– Доверяю, – вынужден был признать Ричард. – Главное, чтоб не пришиб, когда найдет.

Ну это да, конечно. Не без того. Но, глядишь, и обойдется. Он старый. Сиречь, опытный.

– Подожди меня, ладно?

Ричард кивнул.

И обещание выполнил. А я... я одевалась очень быстро. Так быстро, что едва не запуталась в юбке. И волосы опять дыбом поднялись.

Рога зачесались.

В общем... выглядела я далеко не принцессой. Хотя... демоница – она демоница и есть. И в кои-то веки собственное отражение

развеселило меня настолько, что я не удержалась и показала ему язык.

А оно обиделось и отвернулось.

И... проклятье, разве это нормально? С другой стороны, какое место, такие и отражения. Я погладила зеркало и сказала:

– Извини.

Отражение показало мне язык. А потом еще и подмигнуло, успокаивая.

А Ричард дождался. Устроился в кресле, откинулся и даже задремал. И в полудреме этой он выглядел настолько умиротворенным, что я замерла, опасаясь разбудить. Стояла и смотрела.

Долго.

Может, целую минуту даже.

– Что-то не так? – поинтересовался он, не открывая глаз.

– Нет. Просто... показалось, что ты спишь.

– Нет. Здесь как-то спокойно, что ли, – он погладил гнутый подлокотник. – Так о чем ты мне рассказать хотела.

О чем...

Обо всем. И вопрос тут скорее в том, как рассказывать о подобном?

Я вздохнула. Опустилась во второе кресло, посмотрела на свои руки с длинными черными когтями и заговорила. Как-то... если не смотреть, то оно проще.

Ричард прикрыл глаза.

Наверное, можно было уйти. Сослаться на какое-нибудь важное, очень важное дело. Светозарный ведь пропал. И искать надо. Брунгильду проведать, хотя она пришла в себя, но все равно ведь прогулки на ту сторону не проходят бесследно.

И Летицию Ладхемскую.

Прочим девам внимание уделить. А он вот сидит и... слушает сбивчивый рассказ. И главное, верит. А ведь она могла бы... соврать?

Демоны часто врут.

Лукавят.

Нет, Ричард сам не сталкивался, но во всех книгах, которые ему в руки попадались, прямо говорилось, что демонам нельзя верить. А не верить не получается.

Он ведь помнит.

Многое.

Или... голова заныла. Так мерзко, протяжно. И в ней будто голоса очнулись.

– ...хватит уже! – матушка кричит, но голос её тонет в пустоте зала. – Ты не видишь себя! Ты совершенно обезумел!

Кто?

Отец.

Он стоит, возвышается над нею. Словно гора. Он в черном доспехе, отчего кажется еще более внушительным.

– Я устала, – она же хрупка и бледна, почти полупрозрачна. – Я так устала от этого...

– Ты лжешь.

– Нет, – она покачала головой и коснулась губ.

Сухие.

И когда они касались кожи, то слегка царапали её. Ричард помнит. Он, оказывается, многое помнит.

– Что с тобой произошло, Дан? Ты ведь не был таким. Не был, – она приближается медленно и осторожно. Так подходят к зверю, который опасен.

И отец тоже опасен.

Его рука лежит на мече, но он не ударит.

– Ты любил меня.

– Ты меня приворожила.

– Да? А разве это возможно? – она останавливается. – Вспомни... это ты меня увидел. И... и предложил убежать. А я отказалась. Я тебя боялась. Раньше. Как же... Повелитель проклятых земель. Про них столько всего рассказывают. А ты принес мне цветок. Мне посылали подарки. Ткани. И масла. Однажды даже серебряные серьги. Давно. Отец принимал. Говорил, что так нужно. А ты принес мне цветок. Удивительный. Я никогда не видела таких.

– Ты...

По лицу отца прошла судорога. И он зарычал.

– Ты обещал, что будешь любить меня.

– Я люблю!

– Это не любовь, – она покачала головой. – Что бы это ни было, это не любовь. Ты стал другим. И я знаю, когда все случилось. Только не знаю, как помешать. Изменить. Как вернуть тебя!

– Анна...

– Это мое имя, – рука ложится на доспех. – Ты помнишь. И то, кто я, тоже помнишь? Это все тьма... тебе не стоило ходить туда. Она лжет.

– Ты лжешь, – рука была отброшена и с такой силой, что женщина не удержалась на ногах. – Завтра тебя не должно здесь быть.

– Нет. Я не оставлю сына...

– Это мой сын. И он принадлежит мне...

– Ричард! – голос её мешается с другим. – Ричард, что с тобой...

Ричард, очнись! Ну же... проклятье, Ричард...

Он хочет отозваться.

Только тьма мешает, та, которая снаружи, и та, что обжилась внутри. Она другая, колючая, она не собирается признавать Ричарда хозяином.

Разве может быть хозяин у тьмы?

Глава 19

О том, что важные решения даются нелегко

«Взмахнул проклятый чернокнижник рукою, и вышли пять молодцев, один другого краше. И сказал тогда он девице: Выбирай любого, твоим станет. Будете жить-поживать и горя не знать.

Но покачала девица головой:

– Не надобны мне твои молодцы замороженные, и любовь наведенная их тоже не нужна. Иссушит она душу, измотает сердце. Думаешь, не знаю, что счастья этого год отпущено, а после и он, и я в могилу сляжем?

– Чего же ты хочешь, девица? – удивился чернокнижник. – Нет тут иных женихов.

– Как нет? А ты?»

Сказ о чистой душой деве и проклятом чернокнижнике.

Яр поднял цепочку и пальцем ткнул в камень. Камень качнулся. Влево. И вправо. Крутанулся.

– Красивенький, – сказал Яр и камень вернул. – Что делать станем?

– Мне вот тоже интересно, – Мирослава сунула вещь в кошель. – Что нам делать-то?

– Выкинуть?

– А Старомыслу что я скажу?

– Ну... что потеряла? – с робкою надеждой поинтересовался Яр.

– Ну да... взяла и потеряла, – Мудрослава фыркнула и вздохнула. – Надо рассказать.

– Кому?

– Хозяину. И обо всем.

– Обо всем не надо, – Яр поспешно сарафан разгладил. – Еще не так поймет.

– Как будто это можно понять так. Но нет, тут сам решай, а вот остальное... он ведь чего-то добивается, Старомысл. Если бы хотел трона, он бы мог и иначе. Я ведь... в одно время, предложи он венчаться, я бы побежала, не глядя, не думая, – признаваться в том было мерзко. – И счастлива была бы. Некоторое время точно.

Она прикусила губу.

Наведенная любовь, она ведь хуже порчи. Порчу-то снять можно, а эта любовь, она в душу ядом проливается, мучит, дурманит, травит.

– Думаю, если бы он все время рядом был, я бы и вовсе ни о чем не думала. Делала бы, что скажут. И... и радовалась. Пока могла бы. Захоти он от тебя избавиться, избавился бы... и я бы тоже помогла. Молчи, Яр. Сам знаешь, что помогла бы. Только... стало быть, не трон им нужен.

– Полагаешь? – он протянул руку, и Мудрослава забрала тот самый камушек, который разглядывала и так, и этак, сиюсь обнаружит хоть что-то необычное. Да только ничего не видела. Красивый, да. И из рук выпускать тяжко.

Может, в этом суть?

– Почти уверена. Желай он трона, не позволил бы мне замуж выйти. Уехать. Или...

– Или у него не было еще той силы? – предположил Яр. – А может, решил, что еще не время? Небось, твою женитьбу с ним тогда многие не поддержали бы. Я ведь тоже думал. Всерьез. Древояр тогда заговаривал, что, мол, надо бы жениха тебе сыскать... и про него тоже упоминал. Но как-то словно невсерьез.

– А ты?

– Я перемолвился парой слов с Морозовым. И с Кудыкиными. Да и в целом... все-то против были. Морозова же знаешь, он еще тот старый сыч. Так вот, сказал, что, ежели я тебя вздумаю тут с кем оженить, то женихов череда до самое границы выстроится. И кого бы ни выбрал, прочие жизни не дадут. Что надобно где-нибудь там мужа искать...

Звучало до отвращения логично.

Только больно отчего-то.

– А можно подумать, в заграницах нас только и ждут, – проворчал Яр. – Да и... тоже... я-то не женат, а случись чего? И тогда твой муж станет на царство.

И одно дело, ежели будет он из державы крепкой, которая не удержится расширить границы свои, и совсем другое, коль происходит жених из мелкого княжества, где только и есть, что гонор родовой. Этакого укоротить просто.

Да.

И сама Мудрослава, разве она иначе бы сделала?

– И ведь не сам я до него додумался. Подказали. А кто? И не упомню. Как бы не сам Древояр. Я тогда и подумал, что хорошо выходит. И тебя отошлю подальше, и сам разберусь, и заодно уж вправду муж-то показался. Молод, собою хорош.

– А он взял да помер.

– Или померли, – Яр крутанул цепочку и камень тоже закрутился, разбрызгивая синие искорки света.

– Думаешь?

– Почти уверен. Он ведь... я ведь говорил с ним. Гонористый, конечно, но при том вроде толковый. И пить не сказать, чтобы пил много. Немного. И здоровый он был. Первым делом же целители осмотрели. На кой мне больной зять? А тут взял и... помер.

Не сказать, чтобы теперь Мудрослава так уж переживала по этому поводу.

– Я вот думаю, что, может, и не сам... что уж больно вовремя... жрец вас в храме сочел, назвал мужем и женою. А стало быть, так оно и есть. Брак состоялся, но не свершился, – сказав это, Яр посмотрел в сторону. – Вот... а потом уже Древояр заговаривать стал, что надо бы тебя вернуть, что не дело это... почему?

– Не знаю.

– И я не знаю. И спросить не у кого. Если и вправду чернокнижник...

– А еще сомневаешься?

– Нет, – покачал головой Яр. – Какие уж тут теперь сомнения. Так что... может, и права ты. Наши-то вон, замороченные... то есть, я не уверен. Не может же он всех морочить. Но как угадаешь, который сам собою дурень, а который под мороком? А эти... местные, здешние

стало быть. Или вот рыцари. Слушай, а ты за рыцаря замуж не хочешь?

– А ты на принцессе жениться не собираешься? – отозвалась Мудрослава.

И оба вздохнули.

Одновременно.

А ведь прав он. Рыцари-то, они, небось, вон сколько уже с проклятыми сражаются и должны разбираться в чернокнижниках всяко получше их с Яром. Но... но камушек покачивался, дразнил синевою, просился в руки.

Нельзя.

Отдавать ладхемке, сколь бы она ни злила, точно нельзя. А что можно?

Мудрослава и сама не знала.

– Поговорю, – решила она и встала. – С кем-нибудь, потому что сами мы не справимся. Помощь нужна.

Не отпускала мерзкая мысль, что за помощь-то платить придется и как знать, что в плату-то потребуют.

А с другой стороны, что делать-то?

Оставить, как есть?

Так чем оно обернется-то? Вот прикажет он ей в следующий раз убить кого, и как знать, сумеет ли Мудрослава перед наваждением устоять?

То-то и оно.

– Это не игра, Яр, – она убрала опасный камушек с глаз долой. – И игрой никогда не было. А ты все никак не повзрослеешь...

Земля вдруг качнулась под ногами.

Вздрогнула.

И Мудрослава поняла, что падает. Она летит. Куда? Куда-то в пропасть, которая распахнулась под ногами её. И в этой пропасти клубится тьма, желающая принять Мудрославу.

Нет!

Она взмахнула руками, и те превратились в крыла. Как будто она не царская дочь, а царевна-лебедь. Только крыла отчего-то были черны.

Пускай. Черная лебедь – это даже красиво. Главное, что еще взмах, и подняли они Мудрославу выше.

И еще выше.

И вот уже она не падает, но кружит. Над чем? Внизу не пропасть, но горы. Они поднимаются огромною чашей, на дне которой уместилось много всего. Вот река вьется синею лентой, пробивается сквозь зелень лугов да полей, чтобы исчезнуть под сенью леса. Мудрослава спускается ниже.

Страх ушел.

Осталось удивление и... предвкушение? Это ведь не просто так! Просто так у нормального человека крылья не отрастают. Значит... она не знала, что это значило. Дар? У нее тоже дар имеется?! Правда, не понять, какой и есть ли от него польза.

Мудрослава даже задумалась. Какая может быть польза от того, что жена в лебедь превращается? Ну ладно, пусть не жена, но все одно.

А река раскрывалась, приближаясь. Она играла светом, бликовала и резала глаза яркостью своей. На водной глади скользили лодки, большие и маленькие. И Мудрослава видела их, как и людей, которые в свою очередь увидели Мудрославу.

Закричали, засуетились.

И небо разорвали всполохи стрел.

Это они зря! Мудрослава взмахнула крыльями, чувствуя, как в душе закипает обида. Разве ж можно в лебедей стрелять? Ничего, вернется и все расскажет Повелителю. А то ишь, волю взяли, бедных птиц обижать.

Выше.

И еще выше.

Собственная сила пьянила и радовала. И от этой радости из груди вырвался хриплый клетот. Кажется, лебеди так не клеточут. Но подумать о том Мудрослава не успела, потому как впереди скользнуло что-то мелкое, и тело само рвануло навстречу. Когти впились, раздирая птичью тушку. Раззявился клюв.

Нет, нет, нет... Мудрослава не станет... она извернулась всем телом, выхватив в полете из когтей комок в перьях. И щелкнул клюв.

Кажется, она не лебедь.

Совершенно точно не лебедь. Лебеди – птицы в высшей степени приличные. И других птиц не жрут. Не заглатывают их целиком, не боясь подавиться перьями.

Мудрославу замутило.

Слегка.

Она повернулась влево. И вправо... и... и крылья действительно были черными. А еще гладкими, кожистыми, покрытыми мелкой чешуей.

Нет!

Да что ж это такое!

И клекот из горла на сей раз вырвался весьма и весьма возмущенный. Хлопнули крылья, поднимая выше. И еще выше. И... И Мудрослава увидела замок, который издали показался совсем уж крохотным. Она хотела повернуть к нему, но почему-то полетела совершенно в другую сторону.

Так, надо успокоиться.

Мало того, что она превратилась в... в не понятно что, так оно еще и не слушается! С другой стороны, верно. В замок пока возвращаться нельзя. Если уж люди на реке в нее стрелять стали, то и в замке могут не узнать.

Еще убьют ненароком.

Надо где-то приземлиться. Сесть и подумать.

Только вот тварь, кем бы она ни была, тряхнула головой и полетела дальше. Куда? Внизу клубилась зеленая грива леса. Но вот тот поредел, а после и вовсе отступил перед остатками огромной некогда стены.

– Вниз, – приказала себе Мудрослава.

Или... не себе?

Тварь вновь замотала головой. И взмахнула крылами.

– Вниз!

Теперь Мудрослава ощущала волю этого создания. Как... как жеребец упертый. Был у них на конюшнях один, который притворялся ласковым, но стоило расслабиться, так и норовил какую гадость учинить. И этот не лучше.

Нет уж, с жеребцом Мудрослава управилась. И с этим вот сумеет.

– Вниз, – она уже потребовала, и тварь, издав хриплый протяжный звук, в котором послышалось возмущение, сложила крылья. Она кувыркнулась и устремилась к земле, столь быстро, что Мудрослава завизжала бы.

Если бы могла.

Пугает.

И у него выходит. Но она же, тварь, сама не желает умирать. А стало быть, и Мудрославу вывезет. Вот развернулись паруса крыльев, наполняясь тягучим воздухом. Их повело, вывернуло, и тварь качнулась, однако все же сумела справиться.

Когтистые лапы ударились о камень.

Больно.

И твари тоже.

– Ничего, пройдет, – поспешила успокоить Мудрослава. И поделиться силой, и тварь приняла. Вздохнула так, совершенно по-свойски, и ловко вскарабкалась на вершину старой стены.

Город.

Неужто тот самый, проклятый? Верно, он. Тут иных городов нет, особенно, чтобы таких.

Мудрослава оглянулась. То есть тварь. И Мудрослава с нею. Там, по за стеной, виднелся лес, но вдали. Он словно опасался приближаться к проклятому месту, выпуская редкие деревья, да и те вырастали махонькими, тоненькими да чахлыми.

Стену же обвивали темные плети то ли плюща, то ли винограда.

– Вперед, – Мудрослава подтолкнула тварь своей волей.

И подумала, что если так, если чувствует она себя отдельно от этого создания, кем бы оно ни было, то сама Мудрослава не превратилась. А что тогда произошло? Камень? Она слишком долго его держала и... и что теперь? Где она? Верно, там, в саду. Лежит где-нибудь на дорожке... хотя нет, Яр не позволит ей вот так разлеживаться.

На помощь позовет.

Только чем ей помогут? Раньше надо было искать помощи. Раньше. А теперь как бы поздно уж не было. Тварь, послушная воле, потрусилась. Она шла, как-то неловко переваливаясь с боку на бок. Крылья, прижатые к спине, мешали.

Да и стена была неровною.

Где-то кладка обвалилась. И Мудрослава слышала искры жизни, скрытые там, в глубинах камня. Эти искры беспокоили тварь, и она нервно дергала хвостом, отчего теряла равновесие и едва не падала.

– Тише, хорошая моя... или хороший? Я уж не знаю.

Девочка.

То есть, женщина. Тьфу, и кобылой не назовешь, как и по иному. Тварь-то... главное, что женского роду. И добралась до самого края стены. Там, дальше, виднелся черный провал, оплавленный будто. И от него тянуло недобрым.

Тварь зашипела.

И попятилась.

– Хорошо, хорошо, – поспешила её успокоить Мудрослава. – А вперед можешь?

Тварь молча распахнула крылья. Мощные лапы оттолкнулись от стены, и тело распласталось в воздухе. Правда, полет был недолог. Он завершился на крыше здания.

Что это было?

Дом? Или что-то иное? Несколько этажей. Провалившаяся крыша, сквозь которую тянет сыростью и плесенью. Остатки колоннады. И даже мутное зеркало старого пруда. К нему-то Мудрослава и отправила тварь. С каждым мгновением та подчинялась все более охотно, будто признав за Мудрославой право управлять. Ниже.

И еще ниже.

Когти цеплялись за трещины и выбоины. Длинный хвост скользил по стене, сбивая каменные уступы. Кожистые крылья нервно подергивались, но все же тварь спустилась.

И двор показался тесным.

И... и какого же она размера-то? Пруд для нее – странно, конечно, что он еще не высох – лишь плоска. Тварь потянулась было к зеленой воде, но фыркнула. Запах был гнилостным и неприятным.

Но вот...

Мудрослава закрыла глаза. И тварь с нею.

Открыла.

Повернулась одним боком.

Другим.

В зеленоватой глади отражался... дракон?

Глава 20

Где оживают воспоминания и появляются новые вопросы

«Приворотные зелья бывают разные, но большую частью они пробуждают в душе не любовь, а низменную страсть или же вовсе похоть. Тако же они дурманят разум, отчего человек делается излишне ревнив к объекту своей страсти, а еще гневлив без меры, что зачастую приводит вовсе не к тем результатам, кои ожидает заказчик. И оттого разумно перед тем, как соглашаться на исполнение подобного заказу, брать расписку, ибо в ином разе через год или даже раньше того женщина, желавшая любви, обвинит вас же в том, что сия любовь вовсе не такова, как ей мечталось».

«Большая книга ведьмы, часть первая, посвященная людям и пониманию их».

Ричард молчал.

Было... пожалуй, обидно. Замок ведь мог показать и ему. А он взял и... как будто предал. А еще демоница смотрит... нет, не с жалостью. Хорошо, что не с жалостью. Жалости он бы не перенес. А так в темных глазах её видится печаль.

И тошно.

Надо что-то сказать. Или не надо? Встать и уйти. Он ведь в своем доме.

В своем праве.

В...

– Я плохо помню его, – признался Ричард, потерев пальцами переносицу. Нос зачесался. – Это тоже странно, если подумать. Матушки не стало, когда мне было одиннадцать.

– Мне... жаль.

Наверное.

Или нет? Демоны притворяются. Демоны выискивают слабости, чтобы потом использовать их против людей. Демоны...

Что вообще он знает о демонах, если не из книг?

– Отца не стало позже. Но я все одно плохо его помню. И это не нормально, – он сжал голову в ладонях. – И главное, почему раньше мне это не казалось не нормальным?

Вопрос.

И вопросы множатся.

Как получилось, что...

– Не спеши, – мягко произнесла демоница. – То, что я видела... понимаешь... точнее я вот ничего не понимаю, но это как-то связано. Все связано. Та девушка, про которую ты рассказывал. И произошедшее в замке. И потом, позже... зеркало.

– Зеркала опасны.

– Да уж, поняла, – она поежилась и протянула руку. – Пойдем.

– Куда?

– Не знаю.

Рука её лежала на столе. Бледная. Тонкая. С черными когтями и запястьем, на котором проступали темные ниточки сосудов. И отчаянно хотелось прикоснуться к этой руке.

Взять её.

Поднести к губам. Согреть. Из-за бледности кожи казалось, что демоница мерзнет. И... И Ричард решился. Осторожно тронул пальцы. И когти тоже.

– Острые, – сказал он.

– Извини, – она вдруг смутилась.

Нельзя верить демонам.

Нельзя.

Людям тоже. Тогда кому можно?

– Нет, просто... ты первый демон, которого я вызвал. И не только я... и наверное, ты права. Сидеть тошно. Хочешь, я покажу тебе башню?

– Хочу.

– Даже не спросишь, какую?

– А мне это надо знать?

– Понятия не имею.

Отпускать её руку не хотелось. И Ричард позволил себе не отпустить. В конце концов, и у него могут быть слабости.

А наверху гулял ветер.

Эта башня, самая дальняя из всех, и стояла-то словно наособицу. Тонкая, будто спица, с темною крышей и совершенно несуразным, каким-то кружевным флюгерком. Флюгер изображал птицу с расправленными крыльями и неестественно-длинным хвостом. Некогда хвост был позолочен, но теперь от позолоты остались лишь искорки.

Ричард сделал глубокий вдох.

Дышалось тут, наверху, легко. Ветер пах морем и снегом, и будоражил душу. Почему-то хотелось то ли кричать, то ли плакать, пусть последнее было вовсе нелепо.

Недопустимо.

– Красиво, – тихо сказала демоница, а Ричард понял, что так и держит её за руку. Что и отпускать-то не хочется, что сама эта рука будто спасение.

– Красиво, – согласился он.

И подумал, что... если обнять, то никто не увидит. А потом устыдился этой мысли, потому что было в ней что-то донельзя подлое. Будто он... стесняется?

Её стесняется?

А демоница словно почувствовала и осторожно сжала пальцы.

– Я сюда часто убегал. В детстве.

Не стоит о таком говорить.

Не с демоном.

А с кем? С Ксандром? С Лассаром, который по сути незнакомец? С кем вообще здесь можно поговорить? И почему возникла сама эта необходимость? Сколько лет Ричард жил и как-то даже без разговоров душевных обходился.

Теперь вот...

Это демоница на него так влияет. И рассказы её. И еще память. Память дремавшая... почему? Это тоже не нормально.

Неужели...

Но кто?

Ксандр? Отец? Больше некому... и тоже... думать о подобном тошно.

– Я не знаю, когда все изменилось. И почему. Самые ранние воспоминания, они были вполне счастливыми. И Замок тоже. Он был другим. Совершенно. Здесь жили люди. Рыцари... у отца были рыцари.

Запах железа и масла, которым натирают доспех. Легкий – конюшни. Конюшни он тоже помнит. И лошадей. Могучий жеребец темной масти склоняет голову и осторожно берет хлеб с руки Ричарда. И вздыхает. Его горячее дыхание щекочет ладонь.

Шея жеребца чуть влажная. А грива, которая кажется шелковой, на самом деле жесткая. Ричарду доверили важное дело – чистить коня. И щетка скользит по такой гладкой глянцевой спине. Конь спокоен. И лишь иногда, играясь, пытается дотянуться до мальчишки, ухватить зубами за куртейку.

Отец тут же. Он тоже чистит, ибо рыцарь сам должен ухаживать за своим конем.

Хотя, конечно, на конюшне людно. Здесь и конюхи есть, и их помощники, и много кого.

Странно, но говорить об этом легко. Правда, как бы не запутаться, потому что одно воспоминание сменяется другим.

Вот он, Ричард, стоит. И пытается натянуть тетиву. Лук небольшой, но тугой до крайности, как ему кажется. И Ричард пыхтит от натуги. А рядом возвышается огромный человек.

Каллес.

Его звали Каллес. И он был старшим над рыцарями. И Ричарда учил. Пожилой. Неторопливый. Обстоятельный.

– Тогда... Легионы существовали, но как бы отдельно от людей. Они несли службу там, на границе с проклятым городом. И еще в горах. У реки. Везде, где людям было бы сложно. А отец с рыцарями время от времени выезжал. Когда приходили жалобы. Или нежить поднималась. Или какие твари выползали, – Ричард все-таки сумел отпустить руку. – И я помню, как они уходили. И возвращались. Он всегда что-нибудь привозил.

Огромный клык, с руку Ричарда, того, который еще ребенок. Клык белоснежный и гладкий, и Ричард в восторге. Он не выпускает этот клык из рук.

Где он?

И куда подевалась коробка с остальными сокровищами? Осколок черного камня, в котором будто звезды жили, особенно, если сквозь этот камень на солнце посмотреть. Наконечник стрелы.

Монетка с полустертым профилем древнего властителя.

И что-то еще, казавшееся таким важным. Очень важным... а он забыл, что именно... он взял и забыл! Как так можно?!

– Тебе плохо? – этот голос помешал вспомнить. И Ричард вскинулся было, чтобы огрызнуться, но его обняли. Мягко. Нежно. – Не нужно лезть в прошлое, если плохо.

– Нужно, – он вдруг понял, что боль не прошла.

Затихла.

– Нужно, если я хочу понять, что здесь происходит. Куда подевались люди. Почему отец изменился.

– Он изменился?

– Да.

Она теплая. Горячая даже. И не пытается отстраниться. Стоит. Уперлась острым подбородком в плечо. И держит его. Словно Ричард глупец, который рискнет подойти к краю.

Он бы и рискнул.

Когда-нибудь.

– Не знаю, когда, правда. И отчего. Это надо... мой наставник исчез. И его люди тоже. Зато появился Ксандр. Женщины... раньше в Замке были женщины. Не скажу, что много, но у матушки имелся свой двор. Они вышивали. И ткали. И еще разговаривали. Мне их разговоры казались такими глупыми.

Если дышать осторожно, если замереть и не шевелиться, она не разомкнет кольцо своих рук.

– Потом и они куда-то подевались... зато Легионеры... ты их видела. Нет, они не страшные. Я не боялся их даже тогда. Я их ощущаю немного иначе. Как... пожалуй, как людей. Только они молчат. Почему? Не спрашивай. Сугубо теоретически они должны бы говорить. Способность сохранилась, но ни разу никто из них не произнес ни слова.

Ричард мотнул головой и получилось слишком резко.

Она отступила.

– Нет. погоди, – если перехватить её руки. Удержать. Не силой. Нет. Просто... ненадолго. – Извини. Так легче.

И тихий вздох стал ответом.

– Отец... появлялся все чаще. И они с мамой ссорились. То есть он с ней, а она терпела. Она так долго терпела... в голове такая каша. Будто... помню, как мы сидели. И я её утешал. Она плакала. А я не знал, что делать. Я почти ненавидел его, хотя до этого...

Ричард коснулся губ.

Кровь?

У него кровь идет?

– Пожалуй, мне стоит поговорить с Ксандром. Если кто-то и может объяснить, что произошло, так это он.

И Ричард решил, высвободился из кольца рук.

– погоди, – в голосе демоницы звучало искреннее беспокойство. И платок она протянула. Сама прижала к его лицу. Сказала. – Голову вниз. И давай просто посидим.

Ветер поет.

О чем?

– А... – надолго её не хватило. – Скажи, пожалуйста, а та история, с зеркалом... зеркала ведь... иногда через другие словно что-то рвалось. И если предположить, сугубо теоретически... смотри, та женщина, на которой женился твой предок. Ты говорил, что она была заражена тьмой. Так?

– Так.

О далеком прошлом говорить легче.

А демоница отступила. И присела. На вершине башни имелась лавка, каменная, с коваными боковинами. И те, изогнутые, казались застывшей лозой. Кое-где появилась ржавчина, да и сам металл потемнел от времени.

А ведь Ричард уже бывал здесь. С мамой. И помнит, как она сидела с вышивкой, но не вышивала. Смотрела. Вниз. Вдаль. И выражение лица её он помнит. Такое... печальное. И задумчивое одновременно.

Что она вышивала?

– Смотри, мне кажется, что все это связано. Сначала один твой предок находит женщину, в которую влюбляется. И берет в жены. А она оказывается зараженной, но... почему-то никто этого не видит. Такое возможно?

Ричард задумался. И с облегчением, поскольку голова перестала болеть, словно он... отступил от запретной черты? Стало быть, все-таки и в его голове покопались. Кто?

Отец?

Или Ксандр? Ричард спросит. И Ксандр ответит. Правду.

– Нет. Пожалуй, что нет.

– Уверен?

– Не до конца, но все же пожалуй, что да. Тьмы боялись. Еще тогда, давно, она показала, на что способна. И поэтому мои предки искали способы определить её. В людях ли. В иных созданиях. Хотя с другой стороны и мы, я вот, они, Ксандр, ты... Лассар опять же. Легионеры. Они тоже в какой-то мере тьма.

– И как тогда?

– Есть та, первозданная, которая несет в себе отпечаток силы Младшего бога. И та, которой я могу повелевать, – Ричард раскрыл ладонь и потянулся к силе. На руке за клубился туман, сперва сизый, он постепенно обретал плотность. И форму менял.

Мгновенье, и черная гладкая ящерка с любопытством крутит головой.

– Она... не настоящая?

– Вполне настоящая. Правда, тьма плохо держит форму сама по себе. Поэтому чаще всего некроманты используют физическое вместилище, которому тьма придает новые свойства.

– Как Легионерам?

– Именно. Она позволяет им сохранить разум. Она делает плоть нетленной. Она помогает удержать душу на краю, как у Лассара и Ксандра, хотя вряд ли те довольны.

– Вечная жизнь?

– Жизнь ли это? Если бы жизнь... никто из моих предков не рискнул пройти тем путем. Слишком велик риск провалиться в безумие. Слишком непредсказуем и опасен результат. Да и душа, как говорят, тоже требует отдыха. И Лассар, будь у него шанс, ушел бы.

Ящерка скользнула меж пальцев, чтобы скрыться в рукаве.

– Но как бы то ни было, мы научились слышать ту, другую, тьму. Появились обряды. Артефакты... и девушка, как я думаю, была чиста.

– Тогда... зеркало?

– Именно. Зеркала в целом опасны.

– Чем? – демоница протянула ладонь, и ящерка, высунувшись из рукава, осторожно её обнюхала.

– Есть мнение, что они крадут жизненные силы. И открывают пути. В никуда. Правда, тот, кто это писал, был не совсем нормален.

– Но кто здесь нормален, – проворчала демоница и, не удержавшись, провела по спине ящерки пальцем. – Стало быть, девица была нормальной, но себе на уме, если приволокла эту гадость да еще соврала.

Ричард кивнул.

– Возможно... возможно, она решила, что её выставят прочь. Отошлют. Отец погиб. Брат тоже. А одинокой девушке сложно жить в большом мире. Артефакты ведь дорого стоят?

– Весьма.

– Она и решила продать зеркальце... а пока спрятала среди вещей. Твой же предок, уж извини, лохом оказался.

– Кем?

– Дураком. Девицу проверил, а вещи её нет. Вот как так?

– Не знаю.

– Любовь отупляет, – проворчала демоница, но не зло, скорее уж печально. – А Замок? Почему он не всполошился?

– Возможно, тьма скрывалась? Замок ведь... он удивителен.

– Она.

– Она?

– Лассар сказал, что это была женщина. Да и ты знаешь, ты сам мне говорил. Душу отдала женщина, значит, и замок – женского рода.

– Никогда об этом не задумывался, но скорее всего ты права.

Ящерка переползла на ладонь к демонице и свернулась клубком.

– Она развеется через час или два.

– Жаль.

– Это не значит, что она исчезнет. Просто изменит форму, – поспешил утешить Ричард. – А что до Замка, то... тут возник небольшой парадокс. С одной стороны он защищает нас от порождений Хаоса и первозданной Тьмы, но с другой, как я уже говорил, тьма присутствует в каждом из нас. Поэтому и получается... что получается. Он может не пустить тварей внутрь.

– Но если тварь внутри, она бессильна?

– Именно.

– То есть, она не увидела?

– Не почувствовала. Или не сумела остановить. Их же принес в Замок мой предок. А он был хозяином. И возможно, что тьма спряталась во тьме.

Наверное, можно было бы объяснить иначе. Или вовсе не объяснять.

– Допускаю даже, что зеркало это вовсе было мертво.

– А потом ожило?

Ветер налетел с новой силой, толкнул Ричарда, потянул демоницу за волосы и рассыпался, оставив такой невозможный запах весны.

Глава 21

В которой царица Мудрослава понимает всю глубину тлетворного влияния шила на отдельно взятый организм

«И жили они долго и счастливо, а ведьму проклятую предали суду честному, опосля чего сожгли на площади всем людям в назидание»

Обычный финал сказки

Мудрослава осторожно перебирая лапами обошла пруд. Сунула морду в пахнувшую тиной воду. Высунула. Отряхнулась. Дракон не исчез. Он изогнул шею, и Мудрослава получила возможность разглядеть чешуйчатую лапу с длинными острыми когтями, под которыми крошился камень.

И кусок крыла.

Кожистого.

Хвоста, чем-то донельзя похожего на змеиный.

Да уж, не лебедь точно.

Дракон согласно клацнул зубами.

– Тише ты, – Мудрослава задумалась. А собственно говоря, дальше что? Возвращаться? Что-то подсказывало, что приближение когтистой зубастой твари к замку будет воспринято несколько превратно.

– Они нам не обрадуются.

Дракон поскреб лапой морду и вздохнул.

– Но я – не дракон. Точно. Я каким-то образом... из-за камня, похоже. Да, я помню, что камень крутился, вертелся, а потом раз и я тут. Но назад мне тоже надо.

Дракон вытянулся на берегу, примяв какую-то жухлую, словно выгоревшую траву. Ему никуда не было надо.

– Но я же не могу до конца дней своих летать, жрать птиц и... – Мудрослава вовремя замолчала, ибо воображением обладала живым. – Нет, так не пойдет. Ты здесь живешь?

Дракон свистнул. И нехотя поднялся.

– Если назад нельзя, тогда пойдем вперед.

Он потянулся, явно выражая, что вперед ему хочется ничуть не больше, чем назад. И вообще, зачем суетиться? Можно полежать, отдохнуть. Тут тихо и мухи не кусают.

– Как будто они твою шкуру прогрызут, – проворчала Мудрослава. И конечно, оставаться на месте было бы вполне разумным, но...

Впервые она понимала Яра.

Хорошо понимала.

Да он бы не устоял. И Мудрослава... она честно попыталась быть разумной. Даже села, правда, оказалась, что сидеть на драконьей заднице не совсем удобно, и тогда она позволила твари лечь. Даже пару минут полежала, уговаривая себя не искать приключений на эту самую свою-чужую задницу, но почему-то не помогло.

И вот теперь тварь бодро вскарабкалась на стену.

С нее перелетела на крышу.

И еще на одну.

– Да просто в воздух подымись! – потребовала Мудрослава, но до нее докатилось эхо страха. В воздух подниматься было нельзя.

Почему?

И чего могла бояться настолько громадная, клыкастая, когтистая тварь, какою был дракон?

Выяснить Мудрослава не стала. Они так и ползли, пробиваясь сквозь трещины в белокаменных оградах, порой проползая под сплетенными намертво ветвями деревьев, мертвых, окаменевших. Иногда дракон замирал, прислушиваясь к чему-то.

Слушала и Мудрослава.

А еще смотрела. И с запахами разбиралась. Вообще разбиралась. Чем дальше, тем полнее становились ощущения. Вот уже именно её раздражает прикосновение мягкой брюшной чешуи к кирпичной кладке стены. Или ветка, что норовит хлестануть по глазам. И дракон щурится.

Скалится.

А она вместе с ним. Вот она вдыхает воздух и замирает, прислушиваясь к запахам. Где-то рядом находится гнездо, но твари, его свившие, не опасны. Они скорее добыча, пусть даже охотится в городе дракон брезгает. Здешнее мясо едкое. И переваривается с трудом.

– Ничего, вот подружимся, и буду тебя кормить парною говядиной, – пообещала Мудрослава, подумав, что ручной дракон в делах государственных точно лишним не был бы.

Дракон вздохнул и пополз дальше.

Он выбрался на дорогу, по которой и затрусил. Выходит, что бы ни внушало страх, оно было там, в воздухе. А внизу было безопасно.

Относительно.

Пару раз из трещин высовывались крысopodobные существа, которые подбегали, громко твякая, и всякий раз дракон разевал пасть, и твари прятались.

А он шел дальше.

Ближе.

К огромному белоснежному дворцу, который возвышался над прочими. Он казался хрупким до невозможности. А еще будто тонул в тумане. И этот туман заставил дракона замереть.

– Тише, хороший мой. Или хорошая? Мы туда не полезем. Мы только подойдем немножечко ближе. Самую малость. Ладно?

Туман сочился сквозь белый мрамор, расплзаясь по камням. И дракон сделал шаг. Второй. На третьем вдруг оказалось, что туман повсюду. Он был мягкий и пах приятно, что успокаивало зверя, пусть даже он и продолжал нервничать.

Не он один.

Мудрославе тоже было беспокойно.

– Тише, тише, – повторяла она, пытаясь сообразить, что делать дальше. Туман расплзался, и в нем-то менялось все.

Сперва запахи.

Они сперва почти исчезли, а после вернулись, но другие. Незнакомые. Дракону. Но это ему, а Мудрослава поняла, что пахнет... городом.

Только ожившим.

Свежим хлебом. Рыбой. Людями. Скотом. И голос донеслись откуда-то издали, таким смешанным гулом. Но вот будто кто-то

закричал, только крик перебили медноголосые колокола.

Красиво.

А туман... поредел.

Он вылепливал тени, одну за другой, спеша, оттого и выходили они, пусть и узнаваемыми, но все же нелепыми, недоделанными какими-то.

– Тише, – повторила Мудрослава, прижимаясь к стене. Мимо тяжело прогрохотала телега водовоза. Из бочек пахло водой, и дракон заворчал.

– Этого нет. На самом деле, – Мудрослава пыталась успокоить зверя, который мелко дрожал. И явно бросился бы прочь, если бы знал, куда. – Это лишь кажется... иллюзия. Понимаешь?

Вряд ли дракон знал, что такое иллюзия, но постепенно дрожь отступала.

А туман... нет, не исчез. Он стал редким. И в нем оживали старые дома. Зарастали провалы в стенах, даже на мертвых деревьях будто листва появилась, пускай и белая, словно седая.

– Вперед, – Мудрослава решила.

И право слово, опасности она не чуяла, а вот стоять так, ожидая, можно долго. И не факт, что вовсе дожидаться выйдет.

Дракон подчинился, пусть и неохотно.

– Вот и умница... вернемся, я тебе... я тебя так накормлю, что двигаться не сможешь. И заботиться буду. Обязательно.

Город жил.

Мимо скользили тени людей, иные сгорбленные, почти обнаженные, другие одеты в диковинные одежды. Люди несли корзины и катили бочки. Медленно плыл паланкин, сопровождаемый немалою свитой.

Как оно все... удивительно.

Будто позволили заглянуть в прошлое. И Мудрослава смотрела. Шла. Натыкалась на туманные фигуры, и те рассыпались, чтобы вновь собраться, но уже там, за спиной.

А она все шла.

Она знала, куда ей надо, ибо слышала зов, с каждым мгновением все яснее. И пусть в нем не было слов, пусть он вовсе не являлся звуком, но отступить не было возможности, ни у нее, ни у зверя. Тот

лишь крыльями хлопнул, когда рядом оказалась когорта голоногих воинов.

И те рассыпались.

Лестница.

Белый мрамор... или туман? Или и то, и другое разом? У подножия её скалятся каменные звери. Ступени широки и низки. Но их много. И наверное, Мудрослава в своем исконном обличье устала бы подниматься. Но зверь ступает. Осторожно. С опаскою. Но и он не может свернуть с пути. Лишь время от времени распахивает крылья, пытаясь отпугнуть туман.

Все заканчивается. И лестница тоже.

На вершине её вновь встречают звери, в одном из которых Мудрослава узнает дракона. Он исполнен с большим мастерством и кажется живым. Зверь застыл, упиравшись когтистыми лапами в мрамор, выгнув спину и почти распахнув крылья. Блестела чешуя и острый гребень, а вот глаза были мертвы.

Дракон заворчал.

– Это только статуя, – сказала Мудрослава ласково. – Он тоже не настоящий.

Здесь удушающе пахло цветами. И колючие стебли роз, что некогда росли в огромных каменных вазах, вывалились, поползли по камню, преграждая путь.

Зверь сделал шаг.

И еще один.

Эти розы, сотворенные из тумана, не спешили рассыпаться. Наоборот, Мудрослава ощущала под лапами жесткость стеблей. И хрупкость шипов, которые все же норовили пробить толстую шкуру.

И чем дальше, тем более плотным становился ковер.

А ей надо...

Распахнуты ворота. Некогда золотые – она не знала, откуда взялась эта уверенность, но они точно были золотыми – теперь створки побелели, выцвели. Хотя с золотом такое невозможно.

Зала.

Огромная.

И даже дракон в ней теряется.

Стебли на полу. И розы. Они поднимались из сплетения колючих ветвей, огромные ужасающе прекрасные цветы на тонких ножках.

Поднимались и покачивались, и движение это рождало тонкий нервный звук. То ли звон, то ли стон.

Дракон тряхнул головой и оскалился.

– Надо, – сказала Мудрослава. – Нас позвали. И не отпустят. Так мне кажется.

Зала казалась бесконечною. В нее, пожалуй, мог бы вместиться весь их виросский дворец. Половина так точно. Но вот одна сменилась другой.

И третьей.

Здесь не было теней. И людей тоже. Напротив, теперь остро ощущалась пустота. А зов обрел плоть. Будто... будто кто-то пел песню. Такую печальную, что сердце сжималось. И на глаза наворачивались слезы. Только вряд ли драконы умели плакать.

Еще проход.

И снова зала.

Эта невелика. И дракон с трудом протискивается в двери. Трещит каменная кладка. Сыплется пыль. Но им надо. И Мудрославе не приходится подгонять зверя.

Здесь снова розы.

На полу.

И по стенам расползлись колючие плети, будто... будто клетка. А в клетке – звезда, выложенная серебром на полу. К ней розы подобрались, однако не посмели переступить черту. А в звезде сидела женщина. Маленькая. Хрупкая.

Обнаженная.

Она сидела, обнимая руками огромный свой живот, покачивалась и пела, пела... и чем дальше, тем громче звучала её песня. И отзываясь, розы роняли белоснежные лепестки, а те прорастали новыми колючими плетями.

А женщина все не замолкала.

Но вот она вздохнула. И уставилась на Мудрославу. И тогда-то стало понятно, что кем бы ни была эта женщина, человеческого в ней осталось мало.

Узкое лицо. Острые скулы. Тонкие губы отчего-то черного цвета. А глаза, что золото расплавленное. И волосы белые-белые, как туман, стекают с острых плеч. Они и есть туман, они рожают его.

– Пришла? – спросила женщина, слегка прищурившись. – Наконец-то. Я так устала ждать...

– Ты кто?

– Императрица, – она подняла руку и коснулась тонкого венца на голове. – Видишь. Он обещал мне, что сделает Императрицей. И не соврал.

Венец был полупрозрачным, да и она сама.

– Это тебя должны были принести в жертву, – догадалась Мудрослава и села. Точнее сел дракон. А после и лег, осторожно, стараясь не пораниться об острые шипы. Были ли розы туманными или же настоящими, но кололись они больно.

– Нет, – она покачала головой и накрыла свой живот ладонью. – Его. Моего сына.

– Но ты...

– Он их убил, – сказала она печально. – Всех. А потом нас заперли. Разве это справедливо?

Мудрослава похолодела.

– Я так устала, – женщина закрыла золотые глаза. – Я больше не хочу быть императрицей. Скажи, что пришло время отпустить... здесь очень холодно.

И чуть тише добавила.

– И очень грустно.

– Я... скажу. А ты... ты...

Что спросить у демона?

У очень древнего демона, который оказался заперт? И... и ведь её действительно хотели убить. Не только её.

– Смешная, – сказала демоница, вытянув руку. – Подойди.

– Я...

Как-то желания переступить через серебряную черту не возникло.

– Я не причиню тебе вреда. И ему тоже... раньше здесь было много драконов. Их создали маги. Маги были сильными. Очень. И он тоже. Мой муж. Такой красивый.

– Ты тоже красива.

– Иначе быть не могло. Моим отцом был маг, – тонкая рука зависла в воздухе. И она, в отличие от цветов, казалась плотной, настоящей. – Он меня любил. Так мне казалось. Он меня познакомил с ним.

– С кем?

– С Императором, конечно. Он сказал, что ему нужна жена, но... не просто, а такая, которая подарит наследника, – вторая рука накрыла живот. – И что я, если поведу себя правильно, могу стать Императрицей. Нас ведь было семеро. Семеро девиц из сильнейших родов. Семеро, кто добровольно согласился на ритуал.

Дракон вытянул шею.

Он не хотел приближаться ни к женщине, ни к звезде.

Но подчинился Мудрославе.

Осторожно так... и наверное, это вновь же было в высшей степени неразумно.

– Моя сестра его не пережила. И не только она.

– Что за ритуал?

– Вызова демона. Вы забыли, да?

– Да, – честно ответила Мудрослава. – В мире больше никто не вызывает демонов. Почти никто.

– Это правильно. Знаешь, как им здесь плохо?

– Нет.

От руки слабо пахло розовым маслом. И еще чем-то, до боли знакомым и неопасным.

– И я не знала. Я была хорошей дочерью. Я во всем подчинялась отцу. Я верила, что он знает лучше. И когда мне отдали сердце демона, я его съела. И выпила кровь. Она черная и густая. А еще приняла силу. Отец собрал всю, до капли. Он был мною доволен. А потом я заболела. И болела, болела... а когда перестала, то оказалось, что еще двое умерли. Силу демона не так просто принять. Нет, когда демон слабый, то можно, а вот если сильный... но я справилась. Папа был доволен.

И теплые пальцы коснулись драконьей чешуи. Осторожно так, будто она сама не верила, что подобное возможно. Странно, но Мудрослава ощущала это прикосновение едва ли не острее, чем шипы под брюхом.

– Я стала... красивой. Очень красивой. Правда?

– Правда.

– Только спала много. И голова болела. Все болела и болела. Отец варил зелья. А потом он отвел меня к нему.

– К Императору?

– Да. И я взошла на его ложе.

– Без брака?

– Смешная. Кто будет сочетаться браком, если не уверен, что невеста способна понести? Я и еще одна... она тоже была красивой. Это были хорошие ночи... и дни тоже. Но она первой понесла, и мне пришлось убить её.

Это было сказано совершенно спокойно.

Мудрослава вздрогнула.

– Я ей позавидовала. И выпила её силу. И силу её демона. Это оказалось... не сложно. А еще сладко... так сладко. Сладше, чем мед, – черный язык скользнул по черным же губам. – И голова болеть перестала. Я поняла, что если убить кого-то сильного, то она не болит!

Демоница убрала руку.

– Он понял. Но не разозлился. Немного. Но я тоже была... – руки накрыли живот, и дракон отступил с немалым облегчением. – И тогда мы стали готовиться к свадьбе. Мне обещали венец. И сделать Императрицей.

Её голосок стал капризным.

– А ребенок все рос и рос. Внутри. Быстро так. Отец вызывал демонов и кормил меня. И кажется, не только ими. Я спала, спала... а тут свадьба. Так мне сказали.

Страх мешался с жалостью.

– А оказалось, что нас хотят убить. Я бы не поняла, нет. Но мой сын... он такой умный... и сильный. И мы убили их. Это ведь честно, правда?

– А остальных зачем?

– Остальных? – светлые бровки сомкнулись над переносицей. – А... он был голоден. Маленький. Маленькие всегда хотят есть. И я тоже... но ты скажи, что мы устали ждать. Демонам тяжело среди людей.

Она тяжело вздохнула.

– Люди такие подлые...

А потом золотые глаза вперились в Мудрославу.

– Иди! – слово упало камнем, и неведомая сила вырвала Мудрославу, закружила и отшвырнула прочь. И она снова падала. Падала, падала в такую синюю-синюю бездну, только на сей раз крыльев не имела, чтобы замедлить падение.

А когда все-таки упала, то не сдержала крика.

Глава 22

Где количество проблем увеличивается

«И на бал тот собрались девы со всей страны, одна другой прекраснее. Были они кротки нравом и душой чисты, однако ходил меж них королевич, и спокойным оставалось сердце его, ибо не узнавал он среди дев черт лица той, которая проникла в сны его и грезы. До тех пор, пока не вошла в залу незнакомая девица удивительной красоты в платье из ткани драгоценной, в башимачках, мехом отороченных»

«Сказка о влюбленном королевиче и ведьме-сиротке»

Я бы вечность стояла, там, наверху.

Или даже две. Если подумать, две вечности – всяко лучше одной. Особенно, если рядом человек... который... которому.... Проклятье, правильный человек. Просто правильный и все тут.

Может, и не самый красивый.

И не сказать, чтобы харизматичный. И брутальности у того же Лассара точно побольше, но только с ним мне спокойно. И даже пропасть, раскрывшаяся под замком, не пугает.

А главное, я чувствую, что тоже нужна.

Вот всей своей демонячьей, чтоб ей, шкурой чувствую. И от этого только гаже. Потому что... потому. И сказать-то нечего.

Молчу.

Слушаю. И тихо радуюсь, потому что ни одной из принцесс, сколь бы прекрасны и талантливы они ни были, он этого не расскажет. Не в ближайшее время.

Эгоистично?

Я ведь демоница. Пусть немного, на кончике хвоста, но все-таки... а демоницам эгоизм к лицу.

– Тьма могла попасть туда... очень и очень давно. Я читал, что в Империи многие вещи были измененными, – Ричард вытянул ноги. И на меня он не смотрел. А я вот на него посмотрю. Пока он не видит, потому что... не стоит обольщаться. И травить себя ложной надеждой. – Там создавали удивительные артефакты. Мечи вот...

– Зеркала?

– И они. Наверное. Главное, что со временем зеркало очнулось. Не знаю, что его разбудило. Может, время пришло, а может... она сама? Решила разобраться? Или просто держала рядом, поила силой, пока той не стало слишком много. Какая теперь разница?

Никакой. В этом он прав.

– Но тьма позвала её. И она откликнулась. Потом... тьма подчинила её разум. Хотя, конечно, все равно не понятно. Куда подевался ребенок? – он посмотрел на меня, будто я могла знать. А я... я не отвела взгляда. И мы так сидели, пялились друг на друга.

Два подростка на завалинке.

И странно, и смешно, и страшно взгляд отвести, будто... будто предашь кого-то этим.

– Я не видела, – я нарушила молчание шепотом. – Но если допустить, что она... он... она могла его спрятать?

– Куда? В Зеркало?

– Нет. А... – мысль показалась на диво логичной. – Твой предок, ты сказал, что он вернулся в замок и нашел только мертвецов.

Ричард осторожно кивнул.

– Но... он проверял?

– Мертвы ли они?

– Все ли мертвы. Смотри, она ведь не сразу забеременела... а потом и беременность – это же не быстро. Это девять месяцев целых. За девять месяцев многое успеть можно. Например, найти помощника. Или помощников.

Кого-то, кто тоже взглянет в проклятое зеркало. И коснется спрятанной в нем тьмы. А потом пожалеет молодую госпожу, вынужденную жить с нелюбимым.

Кого-то, кто станет служить верой и правдой.

Кто-то...

– Она родила... может, она бы хотела уйти раньше, но твой предок не позволил бы, верно?

Кивок.

– А потом беременность. С пузом наперевес по горам не побегаешь. Даже если ты одержимая.

Хотя, что я знаю об одержимости?

– И вот все сложилось. Он уехал. Роды... случились. И что-то пошло не так.

– Думаешь?

– Не знаю, – честно ответила я. – Но мне так кажется. Она не производила впечатления маньячки. Да, слегка темненькая и себе на уме. Но зачем убивать всех? Вот просто развлечения ради?

– У демонов свои представления о веселье.

Вот только не надо на демонов вину скидывать. Демоны... они ведь тоже разными бывают. Да и вообще, если подумать, они в этот мир не рвались.

Их сюда тянули. И не затем, чтобы чаем с плюшками попотчевать.

– Все одно. Если бы она была одержима убийством, сорвалась бы раньше. Хотя... роды... роды – это сложно. Вдруг что-то не заладилось. Или... ребенок родился таким, что её одержимость стала понятно? Возможно ведь?

– Более чем. Та тьма влияет на все живое. И дети беззащитны перед нею.

– Тогда... – я прикусила губу. – Тогда она уничтожала свидетелей? Или вовсе... если хотела уйти сама, то... то множество мертвецов и пропавшие жена с ребенком. Это походило бы на что?

– На безумие.

– А вот... вот, скажем, если добавить, что родственникам твоего предка она не нравилась? И какие-нибудь следы... он ведь мог подумать, что кто-то из родных расстарался? Избавил бы от неправильной жены?

Нехороший вопрос.

Неудобный.

И Ричард стискивает зубы. Желваки на лице его обозначаются резко. И видно, что сама мысль о подобном ему неприятно.

– Да. Шанс был. И... тьма так и действует. Она норовит стравить друг с другом. Ищет слабости. Вгрызается. Я...

– Ты не слабый.

– Отец так не считал.

– По-моему, с ним тоже не все ладно было.

– Почему?

– Потому что не может нормальный человек без причины вдруг превратиться в конченного отморозка. Вот отморозок нормальным притворяться может. И довольно долго. А чтобы наоборот... ты ведь помнишь его. Ты сам сказал. Он сперва любил и тебя, и твою мать. А потом началось... и если неспроста? Зеркало опять же.

– Я не помню того зеркала, которое ты описываешь.

И в это я охотно верю.

– Я тебе его покажу, – пообещала я. – Но если к началу вернуться, к тому, что было давным-давно. Смотри, она родила ребенка и... и отдала его кому-то. Чтобы его унесли... куда-нибудь унесли. Подальше от замка.

– Почему сама не ушла?

– Ослабела? Роды – вещь такая, – я задумалась, поскольку это объяснение, пусть и казалось логичным, но все одно что-то не то. – Или... не смогла? Ты говорил, что не способен уйти надолго. И Ксандр вон вернулся. А если она тоже? Если тьма её привязала?

А еще она могла понимать, что происходит. С нею. С этим местом. И... и наверное, это сводило с ума. Меня бы точно свело.

И если так... она возненавидела мужа? Сам замок? Всех, кто вокруг?

А ребенка тоже?

Или его она, наоборот, любила? Любила и хотела спасти.

Любой ценой.

– В этом что-то есть...

– И еще, – я прикусила губу. – Что если она не умерла? То есть, умерла, но не совсем? Ты говорил, она сидела перед зеркалом и расчесывала волосы. Что стало с этим зеркалом?

– Не знаю, – Ричард посмотрел на меня. – А ведь и вправду... я слышал эту историю еще от отца, и тоже спросил. А он сказал, что... что, наверное, зеркало было уничтожено.

– Наверное?

– Мне кажется, он не был до конца уверен.

Что, мягко говоря, странно. Если все из-за этого проклятого зеркала, то... то они обязаны были знать, чем все закончилось? Тем более, что закончилось-то хреново.

Ричард вдруг замер, уставившись куда-то вдаль. Я тоже поглядела и... ничего. Небо. Синее, яркое. Нарядное такое.

– Проклятье, – он вскочил. – Да когда же оно...

– Что?

– Кто-то опять нарушил границу мира! – и бросился прочь. А я за ним, правда, спина вдруг зачесалась, предупреждая, что вот-вот распахнутся огненные крылья.

Нет уж!

Хватит!

Я тут главная, а не крылья с хвостом... и с рога упала алая капля, которая с тихим шипением расползлась по камням. Нет, нет, нет! Никакого огня! Я приличная демоница и... и одежды у меня не так, чтобы много.

И вообще, этак все интересное пропущу.

Из интересного обнаружилась принцесса, которая тихо себе лежала на дорожке в саду. Рядом с нею сидела рыжая девица, бледная донельзя.

– Это не я! – воскликнула девица, дернув принцессу за руку. – Она сидела. Мы говорили. А потом раз, глаза закатила и вот!

И вот.

Мудрослава Виросская была бледна, как и подобает приличному трупу. Неподвижна. Но жива. Откуда я знаю? Не знаю. Я вообще не знаю, откуда я и что знаю.

Будем считать, что это демонячья сила.

– И вот, – повторил Ричард, опускаясь рядом с телом.

– Я трогать того... страшно. А вдруг чего? – девица нервно дернула носом. – Что с нею?

– Обморок? – предположила я. – Может, водой побрызгать?

Рыжая закрутила головой, верно, надеясь, что где-нибудь поблизости обнаружится кувшин или там ведро с водою. Но рядом были только кусты. И лавка в них.

– Др-р-рянь! – четко произнес попугай, который обустроился на ветке странного дерева. Дерево было низким и растопырчатым, и темно-зеленые листья плотно прижимались к ветвям, отчего казалось, что дерево покрыта чешуею. – Щучья мать!

– Еще какая... щучья мать, – согласилась я с птицей и тоже присела. Потрогала лежащую принцессу за руку, и та показалась несколько холодноватой.

Я прижала пальцы к шее.

Потом и вовсе легла на грудь, с облегчением услышав стук сердца. Правда, билось оно как-то медленно, да и дыхание показалось очень уж поверхностным.

Но жива.

И... и какая-то ерунда твориться! Одна оказалась некроманткой, вторую то ли прокляли, то ли сама она. И третья вон в глубоком обмороке. Добавим труп и потерявшегося Светозарного. Хотя, конечно, я очень надеюсь, что его нашли, потому как иначе получится совсем нехорошо.

– Что с ней? – тихо спросила я Ричарда, который осторожно водил над головой потенциальной невесты руками. Выглядело это так, будто он воздух щупал.

Ричард покачал головой.

Поднялся.

И с легкостью подхватил принцессу на руки. Я ощутила острый укол ревности.

Спокойно, Жора... не валяться же ей тут на самом-то деле.

– Я догадываюсь, но нужно удостовериться. Девушка...

– Яра, – девушка присела, и как-то даже изящно. Да и вообще выглядела она на диво обеспокоенной. По-настоящему. – Она ведь очнется?

– Очень на это надеюсь, но многое зависит от неё. Если я прав.

– Вот, – Яра наклонилась и подняла что-то. – Она все равно хотела вам рассказать. И сейчас, думаю, самое время... но не здесь.

Цепочка, тоненькая такая, едва ли не с волос, и синий камень. Камень покачивается, манит взять его в руки, но Яра глядит на него с таким отвращением, что желание пропадает почти сразу.

Я протягиваю руку, и камень падает в неё.

Холодный.

Или... он вспыхивает, становясь почти невыносимо горячим. И отзываясь на эту силу, на моей ладони поднимается пламя, тоже синее, как камень. Оно окутывает его, и камень успокаивается.

Наверное, это что-то значит, да спросить некого.

– Идем, – сказал Ричард и бодро зашагал по тропинке. Яра, подхватив юбки – под ними обнаружили голенастые и на диво волосатые ноги размера этак сорок третьего – поспешила за ним.

А я что?

И я туда же. Камушек в ладони сжала, и пошла.

– Леща! – возопил попугай вслед. – Леща ему в...

В общем, фантазией проклятая птица отличалась изрядною. Но я сделала вид, что не слышу. Да и не только я.

С другой стороны, жизнь такая, что без леща и никак.

Глава 23

О снах и предвидении

«Из множества примет известных, многие не имеют под собою ни логики, ни смысла здравого. Отчего упавшая в котел ложка сулит девице дурного мужа, тогда как твердое зерно в тарелке – признак грядущего богатства? Темная мысль народная наделяет вещи самые обыкновенные магическими свойствами. И вот уже новорожденной девочке суют в пеленки нитки, дабы выросла мастерицею, а мальчику кладут в колыбель гвозди, хотя на мой взгляд сие небезопасно»

«О приметах и суевериях народных»

Теттенике уснула.

Она лежала, лежала, а потом раз и провалилась в сон. И сон этот был ярким, как никогда прежде. Хотя, конечно, ей и раньше снились сны.

Разные.

В этом были лошади.

Одна.

Та самая, ужасная черногривая тварь.

Ей снова... сколько? Мало. Она сидит у шатра, играет с золотым ожерельем матушки. Та больна и бледна. И дышит с трудом, но она вышла на солнце и теперь щурится. Теттенике льнет к ней, и матушкина легкая рука ложится на голову.

– Скоро мне станет легче, – говорит она и поднимает нить. Ожерелье сплетено из золотых цепочек, украшено камушками, и золотыми шариками. Шарик касаются друг друга и тогда ожерелье будто звенит. – И мы пойдем гулять.

Теттенике смеется. Она... она слишком мала, чтобы говорить. Она и ходит-то с трудом. А матушка глядит печально. И теперь, во сне, от этого хочется плакать.

– Идем, – старуха выползает из шатра. Она еще не совсем стара. Даже наоборот, она совсем не стара. И пожалуй, красива. Все еще красива. У нее лицо круглое, как полная луна. И узкие глаза. У нее губы выкрашены алым соком. И лоб украшен крохотными драгоценными камнями, которые переливаются и сияют.

От нее плохо пахнет.

И сама она внушает страх. Не только Теттенике.

Матушка встает. Её поддерживают рабыни, приставленные отцом, но и они боятся Шоушан.

Теттенике тоже поднимается. Ей тяжело на ногах. И она покачивается, но упорно ступает, благо, матушкины юбки недалеко, и в них можно вцепиться. Она и цепляется.

– Я проведу обряд. И он вернет тебе здоровье. Будешь жить долго.

– Ты лжешь, – тихо говорит матушка. И ладонь её касается головы Теттенике. – Ты давно уже не способна никому вернуть здоровье.

Лицо Шоушан искажается. Смотреть на неё страшно, и Теттенике прячется в теплых складках юбок.

– Много говоришь, отродье...

Они идут.

От шатра и дальше. Еще дальше, туда, где начинается степь. В какой-то момент Теттенике становится тяжело, и её подхватывают на руки. Не матушка, та слишком слаба, но рабыни. А Теттенике продолжает перебирать золотые бусины.

Солнце поднимается, заливая травы золотом. И дышится здесь иначе, жаром, суховеем, свободой. Этот огромный мир, который впервые раскрывается перед Теттенике, завораживает. Она даже забывает про свое ожерелье, замирает от переполняющего её восторга.

– Становись, – шипит старуха. – И выродка своего возьми...

Теттенике опускают рядом с матушкой, но ей хочется на руки. Оттуда лучше видно степь. И она хнычет, а матушка присаживается и обнимает её.

– Запомни, – тихий шепот касается уха. – Верь себе... верь, когда начнешь видеть...

Рабыни отступают, а старуха заводит песнь. И слова скрипят, как обод старой телеги. Этот скрип почти заглушает голос матушки.

– Она попытается тебя ослепить. Оглушить. Но ничего-то у нее не выйдет. Я постараюсь, – пальцы её перебирают короткие пока

волосы. – Мне надо уйти. Я не хочу, но мне надо. Только так я сумею защитить тебя. И от Шоушан, и от... того, что будет. А Шоушан не причинит тебе вреда... не сумеет. Она...

Земля вздрагивает.

И Теттенике не пугается, нет. Ей смешно, потому что бусины ожерелья сталкиваются друг с другом и звенят, звенят. Сухие губы матушки касаются виска.

– Я люблю тебя, деточка, – говорит она, распрямляясь. И поворачивается. И тогда-то Теттенике видит её, лошадь караковой масти.

Красивую.

Почти такую же красивую, как сама степь. И лошадь летит. Она ближе и ближе. И еще ближе. Смолкает хриплый напев старухи. С визгом разбегаются рабыни. А матушка силой отталкивает Теттенике. И падает. Под копыта.

Такие тяжелые острые копыта.

Раздается звук. Мерзкий. Хрустящий. Чавкающий. Кровь красная и... Теттенике кричит. Этот крик почти позволяет ей очнуться, выбравшись из сна.

Она остается на краю.

Она видит отца, который бежит, уже понимая, что опоздал. И падает на колени, и воет. И убивает лошадь, пусть даже та не виновата. Она обезумела. И вряд ли сама.

Здесь, на краю, получается думать.

Вот отец кричит на старуху. А та поджимает губы и поднимает руки, призывая небеса в свидетели, что не виновата... вот похороны.

И матушка, чье лицо скрыто золотой маской. На её шее то самое ожерелье, с которым играла Теттенике.

Снова отец.

Старуха.

Она приходит и говорит. Что-то такое говорит, что заставляет отца морщиться. В первый раз он прогоняет старуху, и тогда Теттенике болеет. Ей дурно и жарко. И мучают дурные сны. Один-единственный, но он выпивает силы. А потом старуха возвращается, и болезнь отступает. И она остается жить в шатре. Правда, она теперь совсем не похожа на себя прежнюю.

Вот как все было.

Губы шевелятся, но там, во сне, не раздается ни звука. Хорошо. И плакать тоже не получается.

Проклятая.

Теттенике и вправду была проклятой. А... матушка? Матушка, она ведь поняла. Она ведь знала, чем завершится этот обряд. Тогда почему не сделала ничего? Почему позволила себя убить?

Это ведь... неправильно!

Бросила!

И горечь обиды застила глаза. Теттенике закрыла их. А открыв, увидела город. И даже узнала его, потому что во всем мире мог существовать лишь один подобный город.

С золотыми крышами.

Она почти ослепла от сияния этого золота. И закрыла глаза руками. А когда руки убрала, то поняла, что золота больше нет. Есть белый камень. Много-много белого камня.

И красной крови.

Пятно.

И еще одно. Пятнышко за пятнышком. Словно дорожку протянули. Для кого? Для нее. Надо идти. Или не надо? Сердце стучит-колотится в груди.

– Мама, – шепнула Теттенике, замерев. Она... она ведь всегда боялась. Не только лошадей и старухи, но всего вокруг.

Только пальцы коснулись чего-то гладкого. Шарик? Те самые золотые шарики на ожерелье, сплетенном из тонких цепочек. Оно змеєю обвилось руку Теттенике. И страх ушел.

– Мама.

Теттенике улыбнулась. И сделала шаг. Второй дался куда легче первого. На третьем она и вовсе сорвалась на бег. И пусть крови становилось больше.

Лужи.

И лужицы.

Мертвец в красном мундире Ладхема. Его лицо кажется знакомым. И Теттенике останавливается. Мертвец лежит на боку, прижимая левую руку к груди. В правой он сжимает короткий меч, а глаза его распахнутые полны ужаса.

Теттенике протягивает руку, но коснуться не может. И отступает. И снова бежит. Это ведь сон? Сон. Конечно. Как просто. Сны бывают

очень яркими, а она переволновалась. Из-за старухи. Только золотые шарики звенят-перекликаются, успокаивая.

Еще один мертвец.

Седовласый воин лежит в луже собственной крови. Его топор сломан. А уродливая тварь устроилась на спине. Она выдирает из тела куски мяса, спешно заглатывая их. А Теттенике и не увидела. Даже когда та попыталась прогнать тварь.

Какой безумный сон.

Площадь, испещренная многими шрамами. Сквозь них проросли колючие плети, а в плетях мухами застыли люди. Сколько же их... вон и вироссы, и ладхемцы, и...

– Встаньте! – этот голос заставляет Теттенике застыть. – Я приказываю вам...

Ариция Ладхемская ужасна.

Её платье висит лохмотьями, а руки покрыты чем-то бурым. Она идет, не замечая, что ступает по лужам крови. Её глаза затянуты тьмой.

И Теттенике зажимает руками рот.

– Я приказываю... – голос ладхемской принцессы срывается на визг. И бьет по нервам. А мертвецы начинают шевелиться. Они дергаются, становясь еще больше похожими на мух, что пытаются разорвать колючую паутину.

Сон.

Теттенике заставила себя поверить.

И не отвернулась, увидев брата, из груди которого торчала колючая ветка. Он ступал медленно, покачиваясь, не обращая внимания ни на эту ветку, ни на клинок в руке.

– Мама, мамочка моя... мама...

За ним медленно брел тот, кого Теттенике не ожидала увидеть в этом месте. И сердце её забило радостно, правда тотчас почти разорвалось от боли, ибо и он был покрыт кровью.

– Рубите, – велела Ариция Ладхемская, указав на плети. – Нам нужна дорога.

И мертвецы принялись расчищать путь.

А Теттенике, не в силах смотреть дальше, опять закрыла лицо руками. Надо что-то сделать... как-то проснуться... как?

Она крутанулась и ущипнула себя.

Было больно.

Во сне не бывает, чтобы больно. Но ведь... было же! Было! И когда она осмелилась открыть глаза, увидела, что стоит уже не на площади.

Замок?

Дворец? Роскошный? Был некогда. Ныне в нем царило запустение. Теттенике и во сне остро ощущала запах плесени. И безысходность. Она пропитала и камень, и потускневшую позолоту.

Что здесь?

Пол.

И колючие стебли. Тяжелые цветы, чем-то похожие на тот, который подбросили ей. И Теттенике осторожно ступает, стараясь не коснуться шипов.

Ноги ноют.

Она смотрит на них. Надо же, снова кровь. Она сочится из ран и... Теттенике идет. Дальше. Она останавливается у пронзенной стеблями принцессы. Летиция Ладхемская? Она еще жива и дышит. И шепчет что-то... проклятье?

– Мне жаль, – Теттенике вдруг понимает, что все это по-настоящему.

И отворачивается, увидев еще одно тело. Но слишком поздно.

Островитянка.

Такая пугающе-огромная, она лежит, раскинув руки, будто пытаюсь обнять потолок. А из перерезанного горла еще течет кровь.

– Мне так жаль...

Этого нет.

Или есть?

Как понять? И надо ли понимать.

Дальше.

И снова мертвец. Мертвецы. Смутно знакомый рыжий мужчина, который и в смерти не расстался с оружием, и Мудрослава Виросская за спиной его.

Черная туша зверя, перегородившая проход. Дракон огромен и завораживающе-прекрасен.

Голова Ксандра... мертвеца все-таки можно убить. Эта голова, впрочем, была какой-то чистой и даже аккуратной. Она лежала, улыбаясь, и вдруг показалось, что именно он видит Теттенике.

– Это сон, – сказала она мертвецу.

– Значит, ты и вправду видела. Видишь, исполняется, – ответил он. И почему-то подмигнул. А вокруг дракона загудело, поднимаясь выше и выше, до самого потолка, пламя. Оно стало стеной, но стоило Теттенике приблизиться, и та задрожала. А откуда-то сбоку появилось существо, одновременно прекрасное и ужасное.

Оно...

Она.

Несомненно, она. Обнаженная. Высокая. Выше Теттенике на голову. Темные волосы завивались, роняя искры, и те ползли по коже, вычерчивая узор за узором. И та покрывалась чешуей. Блестели рога. И распахнутые крылья пылали алым пламенем.

Они и были пламенем.

Щелкнул хвост.

А демоница подняла над головой руки и сказала:

– Я принесла тебе его сердце.

После чего шагнула в пламя.

И спустя мгновение раздался крик. Крик был оглушительным. Он отразился от стен, от потолка, по которому стремительно поползли трещины.

Их количество множилось.

И дворец задрожал.

А потом взял и рухнул на голову Теттенике. Тогда-то она и проснулась.

Она вынырнула из этого сна, и закричала. Она кричала и не могла остановиться. И крик этот, разбиваясь о стены, заставлял дрожать окна. А потом одно из них лопнуло и осыпалось мелкими брызгами. И второе, и третье... и только тогда с грохотом вылетела дверь.

– Тише, девочка, – её обняли.

Подняли.

Вынесли из комнаты. И крик, kloкотавший в горле, вдруг закончился. А страх остался. И Теттенике, вцепившись обеими руками в жесткую ткань, сделала единственное, что могла: заплакала. Горько. И безутешно. А тот, кто держал её, тихонько качал и говорил, говорил... шепотом, ласково, заверяя, что все-то наладится, что все сложится, что будет она, Теттенике, счастлива.

И когда вокруг появились другие люди, она не отпустила того единственного человека, рядом с которым у неё почти получилось

верить.

Пускай.

Пускай смотрят. Шепчутся. Пускай плодят слухи. Пускай... они просто не знают, что умрут.

Все.

Глава 24

В которой принцессы возвращаются, а в воздухе витает некоторая напряженность

«Долго брел королевич лесами темными, болотами топкими, чащей зачарованной. И увидел он тогда гору стеклянную, а в ней – пещеру глубокую, серебром окованную. В пещере же той на семи цепях гроб висел хрустальный, а в нем – дева лежала красоты невиданной. И была кожа её белее снега, а волосы – что золото драгоценное. Губы алели. А глаза были синее синевы небесной. Улыбнулась она и сказала так: «Поцелуй меня, королевский сын, и обещаю, что сделаешь женою, тогда-то и я помогу тебе вернуть королевство твое».

Сказка об утраченном королевстве, ведьме и хитром королевиче, её одолевшем.

Мудрославу Виросскую уложили на широкую скамью. И аккуратненько так. А она, стало быть, все так же лежала. Тихо. Спокойно.

Еще эти руки, на животе скрещенные.

Жуть.

– Знаешь, – тихо сказала я Ричарду, который разглядывал принцессу, явно не зная, что с нею делать. – Как-то я иначе все это представляла.

– Не ты одна.

– Вот-вот... съедутся принцессы, одна другой краше. Будут тут беседы вести изящные, танцы, балы и все такое... а они вон что, – я нервно вздрогнула.

И тут раздался крик.

Такой душераздирающий, пронзительный, от которого я подскочила, и не только я. Мудрослава Виросская тоже глаза распахнула, только те оказались тьмою затянуты.

А потом села, вытянула руки и захрипела.

Панночка, чтоб её... нам только этого не хватало. Однако Яра, нисколько не испугавшись, вцепилась в эти вот руки.

– Славка! – возопила она, перекрывая тот, другой крик. – Ты меня слышишь?

Из горла Мудрославы донесся протяжный низкий рык.

– Держи её...

А кричать перестали.

И...

– Я посмотрю? – спросила я, понимая, что здесь и сейчас от меня пользы немного.

Ричард кивнул, не оборачиваясь.

Он склонился над виросской принцессой, сдавив голову её руками.

– Вернись, – велел он жестко. – Слушай меня. Я знаю, ты слышишь.

Она попыталась вырваться и... укунить?

– Раздели разум. Есть твой. Есть животного. Ты не животное. Ты справишься...

Дальше я не слушала, хотя вот, честно, любопытно было. Но вот... кричали же. Громко. И надрывно так. Безысходно.

И слышала этот крик не только я.

– Что случилось? – поинтересовалась Ариция Ладхемская, окруженная цветастою стайкой фрейлин. Те, завидев меня, поспешили отступить.

И правильно.

Как-то нервировал меня этакий избыток прекрасного.

– Сама хотела бы знать, – ответила я честно. – А ваша сестра где?

– Спит.

– И сейчас?!

Это ж какой крепости сон быть должен, чтобы его подобный вопль не прервал.

– Знаете... а и вправду, – Ариция нахмурилась. – Это не нормально...

– Обитель зла и порока! – возвестила пухлая дама, от которой резко воняло чесноком и розовым маслом. И руку подняла к небесам. – Я молилась!

– Во сне, – пробормотала Ариция. – Извините... мне и вправду надо глянуть, что с Летти... а кричали там, у степняков.

Теттенике.

Хрупкая светловолосая дочь кагана сидела на руках мрачного мужика, вцепившись в одного обеими руками, и плакала. Вот умеют же люди... из широко распахнутых глаз катились слезы. Огромные и чистые, что твои драгоценные камни. И никаких тебе соплей или покрасневшего носа.

Красавица.

Правда, увидев меня, красавица тихо икнула и лишилась чувств.

Вот что за...

– Раз, два, три, – пересчитала я принцесс и поглядела на Ричарда.

Летиция Ладхемская в сером платье казалась бледной, хотя в бледности своей она могла поспорить с Мудрославой Виросской, что вернулась к исходному состоянию глубокого обморока. И рядом с ними беспмятная Теттенике смотрелась почти нормально даже.

Да что уж там, если Спящая красавица и существовала, то была она именно такой, невероятно хрупкой и прекрасной без меры. У меня рога от злости зачесались.

Правда, Ричард к красоте степнячки остался равнодушен.

– И... что это значит? – мрачно поинтересовалась рыжая Яра, которая устроилась в ногах виросской принцессы.

– Нам бы тоже хотелось получить объяснения, – еще более мрачно произнес степняк в роскошном халате. И руку на саблю положил. Выразительно так.

Тот самый мужик, что таскал Теттенике, говорить ничего не стал. И к оружию не тянулся. Но глянул на Ричарда превыразительно. Я вот прямо так сразу к нему симпатией и прониклась.

Заочно.

Надо будет поближе познакомиться.

Если у него виды на Теттенике, то... то надо поспособствовать соединению влюбленных сердец. Это же ж, если подумать, дело благое.

– И не только вам, – это уже бородатый вироссец в красном кафтане. Он, правда, с виду спокоен, но это внешнее.

– Моя сестра вообще очнется? – Ариция Ладхемская сжала кулачки.

А островитяне и бледноватая, какая-то изможденная, Брунгильда, ничего не сказали. Они стояли будто бы в стороне, но не сомневаюсь, что каждое слово будет услышано.

– И Светозарный пропал, – меланхолично произнес рыцарь в белом доспехе.

– Помолимся! – возопила та самая пухлая женщина, вытащив из декольте роскошный медальон. – У меня есть кусок ногтя Митралии Блаженной! И пусть боги услышат нашу молитву...

Глаз Ричарда дернулся.

– Спокойно, – сказала я, хотя сама вот была от спокойствия далек. Три принцессы из пяти в глубоком обмороке. Надеюсь, что это обморок, а не кома.

И что с ними – не понятно.

И...

– Для начала прошу освободить помещение... – сказала я, вперившись взглядом в обладательницу чужого ногтя.

Люди зашумели, явно мою идею, сколь бы здоровой она ни была, не поддерживая.

– Пусть останутся... – я посмотрела на Ричарда.

– Родственники, – тихо сказал он. – Или главы посольств.

– Родственники, – повторила я куда громче. – Или главы посольств.

– Она собирается выпить из них душу! – взвизгнула та самая дама и с невиданной прытью сунула мне под нос свой медальон. От него резко пахло чесноком и еще потом, отчего я шарахнулась. – Видите! Ни один демон не устоит перед истинной святостью!

Я зарычала.

И хвост щелкнул. И я поняла, что еще немного и сорвусь.

Спокойно, Жора. Дыши глубже. На каждую дуру реагировать, этак никаких нервов не хватит.

– Щучья мать! – возопил попугай, усаживаясь на подоконнике. И глазом так сверкнул. – Акуля звезда тебе в глотку!

Женщина побелела.

Покраснела. Схватила за правую грудь.

– Сердце с другой стороны, – подсказала Ариция Ладхемская, подхватив почтенную особу под локоток. – Да, вот тут... а вам и вправду стоит отдохнуть. И помолиться за мою сестру.

– Чернокнижницу!

– Некромантку, – поправила ладхемка и развернула даму. – Слышали? Прошу остаться вас, господин Уршах.

Посол поклонился.

И рукой взмахнул. Рядом с почтенною вдовой, которая бормотала что-то про потерянные души, проклятья и святых, возникла пара плечистых то ли лакеев, то ли телохранителей.

Минута, и дышать стало свободнее.

За ладхемцами потянулись вироссцы, оставив темнобородого задумчивого посла. И Яру, которая явно не намерена была уходить. А там и островитяне удалились, и степняки.

Почти все.

– Я... прошу прощения, – заговорил Ричард, обведя взглядом оставшихся. – И клянусь силой, именем своим, этим местом, что не причастен к произошедшему.

– Они живы? – сухо поинтересовался ладхемец.

– Несомненно. Леди Летиция спит.

– Крепкий у нее сон, – Ариция взяла сестру за руку. – Но пульс есть. И сердце бьется. И вообще она до отвращения живая.

– А вы предпочли бы иное...

– С мертвыми мне спокойнее. Да ладно, Уршах. Хватит... матушка, может, делала вид, что не знает, но я в жизни не поверю, что она и вправду не знала. Просто, скорее всего, я показала себя более разумной, нежели сестра. И более осторожной.

Она прижалась к холодной ладони Летиции щекой.

– Я так по ней скучала... а теперь вот... мы поговорили. Она сказала, что у нее голова болит. И прилегла. А потом... уснула. И спит с тех пор.

– Ваше высочество...

– Мое, Уршах. Мое... это место на нас так влияет, верно?

– Ваша сестра долгое время находилась под действием заклятья. Ментального. Весьма сложного. Подобные не рекомендуют

использовать больше месяца или двух, – Ричард коснулся висков принцессы.

– И маг это знал?

– Скорее всего. Но точно утверждать не рискну. Но заклятье стало рушится.

– И разрушилось.

– Именно. Но, повторюсь, она находилась под заклятьем на протяжении... скольких лет? Двух? Трех? Больше?

Молчание.

– Это не могло не повлиять на её разум. А избавившись от оков, он должен восстановиться. И лучше всего восстановление проходит именно во сне. Ваш лекарь её осматривал?

– Да, – нехотя признался посол. – Её высочество всецело здоровы.

– В таком случае, нужно просто ждать.

– А со Славкой что? – не выдержала Яра. – Свихнулась?

– Дурная девка, – пробормотал посол куда-то в сторону, но я с ним согласилась.

– Боюсь, с ней немного сложнее. Вероятно, у нее очнулся дар.

– Дар?

– Повелительницы разума.

– Чего? – это уже Яра и посол, одновременно высказались. И оба – басом. Переглянулись. Смутились. И отвернулись.

– Когда-то давно... когда была жива Империя, – Ричард встал возле окна. – На землях её существовали люди, способные подчинить себе тварей сущих. Их называли Повелителями Разума.

Я покосилась на принцессу.

Бледненькая. Немочная.

– Правда, сколь знаю, речь шла прежде всего о созданиях, сродственных силе или сотворенных магами. К примеру, о драконах.

Дракона нам тут только не хватало. Для полноты впечатлений.

– Есть несколько трудов, где описывались признаки и... да, дар этот довольно опасен тем, что разум человека и разум существа соединяются.

– То есть, она станет... тварью сущей? – осторожно поинтересовался посол. И на Мудрославу покосился.

– Не думаю. Она пыталась вернуться. И если повезет, то у нее получится...

Именно в этот миг Мудрослава распахнула глаза и сделала глубокий вдох. А потом выдала фразу, после которой попугай восхищенно произнес:

– Щучье племя!

Больно.

Как же больно было! Болело все и особенно отчего-то волосы. Мудрослава ощущала каждый волосок, от корня до самого кончика. И еще ногти.

И кожу, которая вдруг показалась слишком тонкой да мягкой.

И зубы маленькие.

И шеи нет.

Крыльев тоже. От обиды она едва не расплакалась и еще зарычала.

– Славака, – братец тотчас возник, закрывая прочих. – Славка, ты только не кусайся!

Она?

Она царевна, между прочим! Она никогда никого не кусала, хотя порой очень даже хотелось. И вот сейчас особенно. Мудрослава зубы стиснула, поскольку ладно кусаться, но рычать... а вдруг она говорить разучилась?

– Выпейте, – ей поднесли воды. И мужчина держал кубок обеими руками, не дрогнул даже, когда Мудрослава их обнюхала. А вода принесла облегчение. Волосы хотя бы болеть перестали.

И ногти тоже.

Мудрослава пошевелила пальцами и вздохнула. Дракона было жаль. Хороший дракон в хозяйстве всяко сгодился бы. А он был хорошим.

И мяса опять же обещала... нехорошо нарушать слово.

...а при драконе всяко с думскими говорить было бы легче. Убедительней.

– Как вы себя чувствуете? – заботливо поинтересовался Повелитель Тьмы.

– Н-нор-р-рмально, – получилось немного рычаще все-таки, но все же говорить она может. – Что... что это было.

– Это вы нам расскажите, что это было.

– Дар у тебя, Славка, проснулся. Повелительницы Разума!

Чего?

– Дар-дар... кар-р-ракатицу мне в глотку! – повторил попугай, слетая с подоконника. Он перебрался на лавку, на которой Мудрослава лежала и клюнул её в руку. – На абор-р-рдаж!

Он растопырил яркие перья.

– Тихо, – велела Мудрослава и потерла лоб. – То есть... я вдруг упала, а потом очнулась, когда летала. И летала... и...

Рассказ получился донельзя сбивчивым, но слушали её внимательно.

И выходит, что это не сон?

И...

И вспомнился камень на цепочке. Синенький. И тот, кто... если она Повелительница разума, то как вышло, что сама поддавалась? На любовь наведенную, на... на остальное все.

– Знаете, – Мудрослава поглядела на брата, который почти потерял маску. – Мне... нам надо с вами поговорить. Наедине.

И поежилась от такого нехорошего, упреждающего взгляда демоницы.

– Говор-р-ри, не говор-р-ри, – у попугая имелось собственное мнение. – Думать надо!

И не нашлось никого, кто бы возразил.

– Погодите, – подал голос степняк, до того тоже слушавший и внимательно. – А с моей сестрой что? Тоже дар проснулся?

– Вполне возможно. Я пока... пока сложно что-то сказать. Но она жива. Просто... мне кажется, она в обмороке.

Мудрослава поднялась, опираясь на руку Яра.

От слабости шатало. А еще тело, стоящее на двух ногах, казалось на диво неустойчивым.

– Почему с ней понятно, – кривоватый палец указан на Мудрославу. – А с моей сестрой нет?

Попугай, хлопнув крыльями, подпрыгнул и устроился на плече Мудрославы.

– Дур-р-рень! – сказал он с упреком.

– Потому что Повелители Разума имеют одну весьма явную приметку.

Это какую же?

Когти? Зубы? Или она все-таки чешуей покрылась? Мудрослава тайком поглядела на свою руку. Нет, чешуи не было, хотя почему-то данное обстоятельство скорее огорчало, нежели радовало.

– Рисунок, который появляется в момент слияния разумов.

Рисунок?

– Чего? – протянул Яр и уставился на неё.

– Зеркало! – Мудрослава почувствовала, что все-таки, кажется, без слез ей не обойтись. Ладно, чешуя. Чешуя, если подумать, это красиво!

И полезно.

А... а рисунок... какой рисунок?

Где рисунок?

– Успокойтесь, – Повелитель Тьмы поглядел на демоницу. – Во-первых, речь идет о рисунке силы. Он виден лишь одаренным. Во-вторых, он проявляется именно в момент единения разумов. В-третьих... я не думаю, что это будет иметь хоть какое-то значение.

Ну да, он не думает.

Мужчина. Что взять с мужчины? И Мудрослава погладила попугая, после чего спросила:

– Он хоть красивый?

Глава 25

В которой Светозарный находится, а с ним и древние реликвии

«Ворожба, даже та, коия глядится безобидною, суть есть грех великий, ибо не в силах человеческих прозревать грядущее. И уж тем паче, влиять на оное. А стало быть и то, что полагается пустым девичьим баловством, навроде гаданий о суженом, по сути своей – первый шаг на проклятый путь ведовства и чернокнижия»

Из проповеди одного жреца

Артан не знал, как долго сидел.

Сидел.

И... и стыдно в таком сознаваться. Разве герои плачут? Тем более над собой. Разве герои сдаются? Разве...

Он не герой. И никогда-то, выходит, не был. Тьма смеялась, и в смехе её слышались новые голоса.

Нет.

– Нет, – Артан поднялся. Ноги дрожали, да и пить хотелось. Очень хотелось пить. Корона в руке показалась невероятно тяжелой, и Артан даже подумал, что стоило бы вернуть её на место. Но почему-то не вернул.

Так и побрел к выходу, с мечом в одной руке, с короной в другой.

Но меч хотя бы можно было на плечо закинуть. А вот корона была мало того, что тяжела, так еще и неудобна на диво. Но Артан шел.

Из зала.

Через другой.

Мимо статуй, которые больше не казались ни загадочными, ни даже впечатляющими. Чудилось, все они провожают Артана взглядами.

И шепчутся.

Шепчутся... о чем?

Он оказался перед воротами, которые надо было бы запереть, но руки были заняты. И тогда Артан напялил корону на голову. Оказалось, что так удобнее.

И надо было бы снять, но...

Он пошел.

И вышел. Стоило коснуться скалы, как та раскрылась, выпуская Артана на волю. В лицо пахнуло сыростью и ветром, и еще к нему вернулась возможность дышать.

Он и дышал.

Стоял и дышал, пошатываясь от слабости. И страха, потому что здесь, снаружи, все... было иным. Настоящим...

Сверху с громким карканьем рухнул ворон. И птичьи когти стиснули плечо. А спустя мгновение раздался голос:

– Там он! – крик был громким и до того радостным, что Артан вздрогнул и прижался к камню. Появилось желание пещеру открыть и спрятаться. Но кусты качались и трещали, осыпались жирные лепестки и голос-то знакомый.

Брат Янош.

Артан вздохнул и погладил ворона.

А потом заставил себя выпрямиться и шагнуть навстречу.

– Говорю же, – первым на тропе появился почему-то не брат Янош, а Проклятый Командор. – Вляпался.

И Артан, вздохнув, согласился, что так оно и есть.

Ворон же на плече мерзенько захихикал, а потом оттолкнулся и улетел.

Предатель.

Ричард смотрел на Светозарного, который был ободран, грязен и слегка запылен, отчего смотрелся не магистром великого ордена, но обыкновенным бродягою.

– Вы... извините, – Артан изобразил поклон. – Как-то и сам не ожидал, а оно взяло и вот...

Бродяга в короне.

В той самой Железной короне сгнувшейся некогда Империи, о которой хроники упоминали, но как-то вскользь, стыдливо. Корона сидела слегка кривовато, надавливая на левое ухо, и ухо это

оттопыривалось. От того ли или же по иной какой причине, но ухо это покраснело.

– Я не хотел доставлять беспокойство, – он попытался приподняться, но тяжкая длань Лассара удержала.

– Сиди уже... Император.

– П-простите?

– Да чего уж тут... интересненько вышло.

– Вы... ошибаетесь, – Артан потянулся к короне. – Я не претендую... ни коим образом... и вот.

Он снял венец и протянул его Ричарду.

– Возьмите.

– Спасибо, но воздержусь.

– Что? – Артан моргнул.

– Выбор сделан, – развел руками Лассар. – И не тебе, мальчик, его оспаривать.

– Но... но... – взгляд Артана метнулся от Ричарда к брату Яношу, который даже в доспехе казался угрюмым и молчаливым. От него – к презадумчивому Ксандру. К демонице, что держалась за плечом Ричарда, и присутствие её несколько успокаивала. – Это не мое!

– Уже твое.

– Я ничего не понимаю.

– Я, признаться, тоже, – нарушил молчание Ричард. – И был бы весьма благодарен вам, Командор, если бы вы объяснили... всем нам.

Он обвел рукой людей, собравшихся в небольшой зале. И ведь все тут.

Седовласый островитянин придерживает за локоть Брунгильду, которая бледна, но вполне на ногах держится. Лицо её стало строже. И смотрит хмуро, но без недовольства. Ладхемцы, окружившие принцессу Арицию, тихо переговариваются, но тут думать нечего, не упустят ни словечка.

Пара степняков, усевшись прямо на ковер, прикрыли глаза.

Мудрослава Виросская устроилась в низком кресле, откинувшись на спинку. Бледна, но упряма. И рыжая девица от нее ни на шаг не отходит.

С девицею этой что-то не так. А что именно, понять не получается. Будто ускользает от Ричарда нечто донельзя важное.

Или не особо.

Братья-рыцари.

И не рыцарь. Доспеха на нем нет, а вот неуловимое сходство со Светозарным имеется. Этот тоже рядом держится.

Теттенике все еще без сознания. Но, может, и к лучшему. Почему-то Ричарду совершенно не хотелось узнавать, что же произошло. Он и так знал, что ничего хорошего.

За нею приглядывают. Как и за спящею Летицией Ладхемской.

И слуги, и рабы.

Пара легионеров, так, на всякий случай.

Степняки. Ладхемцы.

Но беспокойство не отпускает. И теперь оно лишь растет. А с ним и раздражение. Ему есть чем заняться... ему надо найти то зеркало.

Заглянуть.

И... и что-то сделать, если все, рассказанное демоницей, правда. Но демоны лгут. И может статься, что это все – ловушка. Мысли в голове и без того путались, а тут еще Светозарный со своею железной короной.

Командор же обвел собравшихся суровым взглядом, от которого разом стало стыдно за неуместное свое любопытство, и заговорил.

– Империя не возникла в один день. Это было давно... так давно, что я тоже многое знаю по хроникам. А хроникам веры немного, – голос его, наполнивший зал, был спокоен. – Сперва существовало великое множество княжеств, коии воевали меж собой. Мирились. Роднились. И вновь воевали.

– Садись, – Ричард развернул кресло. И демоница не стала спорить. Опустилась. А он встал за спиной.

Вспомнилось вдруг...

Мама у камина. Огонь в нем ярк. И жарко. Но Ричард валяется на шкурах с книгой. А мама вышивает. Она не одна. Тихо переговариваются дамы, о своем, неважном. В женских разговорах нет ничего интересного, то ли дело книга, которую Ричард стащил.

Но открывается дверь. Мягко, почти беззвучно. И разговоры стихают. А потом дамы встают и уходят. Правда, Ричард не сразу замечает это.

Он увлекся.

Книга была интересной... о чем? Он не знает. Он вздрагивает о смеха. И тогда-то понимает, что нет дам. А есть отец, склонившийся

над креслом матушки. Его руки лежат на высокой спинке кресла. Он что-то говорит матушке на ухо. А та розовеет. И смеется.

Смех у неё волшебный.

К чему это?

Волосы демоницы темные и жесткие. Их тянет коснуться. Тянет погладить. И Ричард осторожно трогает прядку. Но тут же убирает руки за спину.

Нельзя так.

Не здесь... и вообще нельзя.

Но руки сами тянутся.

– Все изменилось, когда к власти пришел Ракхвад, позже прозванный Основателем.

– Великий, – зачем-то сказал Ричард. И руки не убрал.

– Да, и Великим его именовали. На самом деле хроники этот момент тонко обходят. Вот были княжества, и вот уже земли объединились под рукой Ракхвада, – Лассар хмыкнул.

И верно. Вряд ли объединение было добровольным.

– Известно, что Ракхвад был весьма одарен. Думаю, это и помогло завоевать соседей. Да... в хрониках пишут... то есть, писали, что многих князей Ракхвад поверг собственноручно. А из мечей их, секир и топоров велел отлить себе трон. И корону. Думаю, сперва речь шла о короне, но много ли на нее надо?

– А трон?

– Стоит, думаю... стоял во всяком случае на моей памяти. После уж каждый Император полагал своим долгом добавить в него один-другой меч. Еще то чудовище, честно говоря.

– Но... но как...

– Та самая, первая корона. И меч Основателя.

Артан молча уставился на клинок в руке. Тот... был до отвращения неказистым. Тяжеловатым. Темноватым. И с клоком паутины, что свисала с рукояти.

– Не понимаю... все равно не понимаю...

– А чего тут понимать? По слову Ракхвада, лишь тот, кого примут корона и меч, может стать Императором. Со старшим сыном проблем не возникло. Он надел корону, а тело великого отца велел захоронить. Где-нибудь в горах. В тихом, спокойном месте.

Ричард с тоской посмотрел на горы.

Большие ведь! Огромные, можно сказать, горы. И неужели в них не нашлось других тихих и спокойных мест? Почему обязательно здесь?!

– Вообще-то замок этот был построен для... в общем, и у великих бывают слабости. Он взял в жены трех женщин из весьма знатных родов, позже им поверженных. Самомнение подвело. И жадность. Не важно. А вот о четвертой жене в хрониках ни слова, но трубадуры весьма упорно пели о великой любви. И замок опять же. Просто так замок посредине гор строить не станут.

Аргумент, если подумать.

Тишина.

А хвост демоница на колени положила. Не о том он думает, но в голове почему-то только этот вот хвост с пушистой кисточкой, в которой то и дело появлялись искры.

– Сын продолжил дело отца, и передал корону своему сыну. А тот своему... и так оно шло, пока в один момент корона и меч не сгнули.

– Как?

– А кто ж его знает? Это было уже... вот когда Империя достигла своего Величия. И пожалуй что... да, пожалуй, что именно тогда-то и решено, что править должен один из Круга. Сильнейший из сильнейших. Думаю, что корона не приняла бы... Одно из имен Ракхварда – Повергатель демонов. Подозреваю, что тоже неспроста, но... вероятно, поняли, что не примет корона Повергателя того, в ком кровь демонов имеется. А может не в этом дело, а в том, что крови самого Ракхварда не осталось? Он был воином, а не магом.

– Тогда... как?

– Никак. Сними, – велел Лассар. – И отдай кому-нибудь.

– Кому?

Артан покрутил головой, поднялся и решительным шагом направился к Ричарду, которому и протянул меч.

– Это твое. Мне... мне очень жаль, что я нарушил покой твоего предка. Я не собираюсь... становится Императором. Глупость какая.

Ричард протянул руку, но вдруг понял, что не может коснуться рукояти.

– Нет, – покачал головой.

– Но... но ты должен!

– Нет уж, – он вздохнул от облегчения, поняв, что корона и вправду его не примет. И меч. И... и у него своих долгов хватает. – Ты нашел, сам и носи.

– Нет... это... это невозможно!

– Да успокойся ты, – Лассар указал на кресло. – И сядь. Во-первых, корона – это просто корона. И меч...

Артан поднял его.

– Может, кровь свою признал.

– К-кровь?!

– Так... детей у Основателя только законных семеро было, а если поверить, что и вправду имелась какая любовь... или не имелась, но детишки – дело такое. За всеми не уследишь. У них свои детишки. А у тех – свои. Вот и вышло...

Артан покачал головой, явно не готовый верить.

– И что мне с нею... делать?

– Понятия не имею. На столике поставь. Будешь любоваться и думать о своем величии.

– Насмехаешься?

– Верно ли я понял, – осторожно заговорил посол Ладхема. – Что данная корона имеет скорее символическое, нежели практическое значение? И что обладание ею лишь свидетельствует о древности крови? Рода?

И глаза-то у него нехорошо так прищурились. А взгляд, задержавшийся на Артане, сделался донельзя задумчивым.

Особенно после того, как на принцессу переместился.

– Империи больше нет. Толк от её короны? – заметил Командор.

– А... меч? – Артан крутанул его.

– Мебель не повреди, – не удержался Ксандр. – Ишь, размахался.

– Извините.

– То же самое. Если соберешься Империю возродить, тогда, несомненно, пригодится. А так... ныне мечи не хуже делают.

– Неправда! – это Артан выпалил и смутился. – Извините. Кажется, я стал несколько не сдержан. Но... я не собираюсь возродить Империю. Да и... понимаете... это, конечно, надо видеть, но... мне кажется... такое впечатление, что... эта гробница появилась позже того времени, о котором вы говорили. Или не гробница, а вокруг

неё. Там статуи. И еще на дверях рисунки. О людях. Демонах. Карта Империи. Огромная. На золоте.

Он накрыл руками меч и произнес.

– А еще я видел... видел...

– Как все умрут, – раздался тихий печальный голос, заставивший всех обернуться. – Я тоже это видела.

Теттенике ступала, опираясь на руку мрачного, расписанного шрамами мужчины.

Ступала осторожно, не доверяя не то себе, не то полу. И остановившись в центре комнаты, обвела всех взглядом. В глазах её еще клубился туман предвидения, и Ричард подумал, что стоило её запереть.

Где-нибудь.

И вообще...

– Я видела, – повторила она, слегка покачнувшись. – Видела... все умрут. А она...

Тонкий палец указал на демоницу.

– Она вырвет ваше сердце. Извините.

– Ничего страшного, – почему-то ответил Ричард. И еще подумалось, что, наверное, он все-таки сошел с ума, если предсказание не испугало.

Глава 26

О вреде поздних прогулок

«И тогда вынула Ледяная королева из груди его сердце, а взамен сунула камень драгоценный красоты невиданной. А сердце же укрыла в Зимних чертогах. Сказала она: «Исполнила я твою просьбу. Теперь не помешает тебе править живое сердце. Станешь ты велик. И в величии своем войдешь в века». Так и случилось»

Легенда о великом государе Тимуре и деяниях его.

Я сбежала в сад. Просто потому что оставаться, когда на тебя вот так смотрят, было невыносимо. А ведь в чем я виновата, если разобраться? Ни в чем. Я же... я не собираюсь никому вредить.

И...

И мало ли что там девице привиделось. Мне вот тоже порой кошмары снятся, особенно, когда переешь на ночь глядя. А они все и с ужасом.

И... и может, конечно, в мире этом к подобным предсказаниям относятся куда серьезнее, чем у нас, но это же не повод.

Я щелкнула хвостом и в раздражении подумала, что... в общем всякого подумала.

Потом думать надоело.

Обижаться тоже.

И я просто бродила по саду, пытаюсь справиться с нарастающим раздражением. Не отпускало ощущение неправильности. И... и почему-то думалось, что Ричард пойдет за мной.

Расскажет.

Успокоит.

Уверит, что предсказания... они ведь не обязательны к исполнению. Или даже вот мы теперь будем знать, где опасность. И всего-то надо, что держаться от неё подальше.

Но время шло.

Ричард не приходил. А солнце катилось к закату. Закат в горах – это красиво. Сначала он ощущается. Воздух становится холоднее. А небо светлеет, будто выцветая. И на нем, почти белом, вспыхивают золотом облака. Одно за другим.

Одно...

В них уже, словно в драгоценные меха, кутается солнце. И падает меж вершинами гор, окрашивая их в алый. И в золотой. А со склонов сползает чернота, густая и вязкая. В ней раздаются редкие звуки, то ли стоны, то ли вздохи. Или даже вот шепот, если прислушаться.

Я не прислушалась, но...

– Жора... – зашелестели листья огромного куста.

Почудилось.

Точно.

– Жора, Жора, Жора... – закрипели стволы деревьев, и главное, я отчетливо понимала, что это именно скрип, но и собственное имя слышала ясно.

– Что за... – проворчала я, обнимая хвост. На кисточке то и дело вспыхивали искры. И таяли, слегка разгоняя темноту. – Есть тут кто?

– Кто, кто, кто... – зашептало слева.

И справа.

Эхо, мать его.

Мерещится. И... и надо возвращаться. Замок вон, недалеко, нависает черною громадиной. Надежной такой. И окна желтые, яркие... там принцессы.

Ричард.

Ужин наверняка, ибо предсказания предсказаниями, а ужинать надо даже обреченным на смерть. Ведь еще когда та всеобщая гибель наступит. Если вообще наступит.

Я сделала шаг по дорожке и остановилась.

Лица коснулся теплый ветер, а справа будто тень мелькнула. Мелькнула и исчезла в зарослях. Надо сказать, что, несмотря на кромешную темноту, видела я довольно-таки неплохо. Только как-то странно. Заросли переливались всеми оттенками зелени, дорожка казалась черною, луна, что выкатилась из-за гор была ослепительно белой. Ну а тень, та самая, забившаяся в кусты тень, красной.

– Стоп, Жора, – сказала я себе, сдерживая души не самый прекрасный порыв. Может, демоницы и гоняются за непонятными тенями, но я-то – цивилизованная женщина. И... и не полезу в непонятные кусты. – Надо возвращаться. Слышишь?

– Шишь, шишь... – насмешливо отозвалось эхо.

– Полный, – согласилась я с ним. И сделала еще один шаг. Вперед. Опомнилась, шагнула назад. Повернулась к Замку лицом и даже сумела почти добраться до другой дорожки. Но теперь тень мелькнула справа. Быстро так.

– Кто тут?

– Тут, тут, тут... – поспешно ответили мне из темноты. – Жора...

Твою ж... это галлюцинации. Или еще какая-нибудь нежить, вроде той, что с крыши свалилась. И... и кажется, самое время на помощь звать. Тут ведь охрана... много охраны.

Всякой.

Я открыла было рот. Но дерево предупреждающе закрипело. А на дорожке появилась женщина. Очередной призрак прошлого? Странно, выходит, что они не только в замке...

Я подобрала юбки.

Женщина... шла.

Медленно, задумчиво. И с каждым шагом туманная фигура обретала плоть. Вот я уже могу разглядеть не только расплывчатое пятно юбки, но и ткань – тяжелый шелк, расшитый золотом. Узоры. Камни. Платье роскошно. И не только оно.

На голове женщины – тиара.

В ушах – серьги, даже с виду тяжелые.

На шее ожерелье и... кажется, не одно. Браслеты... даже на ногах, поскольку девица подняла юбки, и я получила отличную возможность разглядеть эти самые ноги в изящных туфельках.

А главное, я узнала эту девушку. И удивилась, поскольку в прошлый раз она выглядела куда более... скромной? Пожалуй, что.

Вот она остановилась.

Огляделась.

И тяжело вздохнула. Сняла с пояса веер, который раскрылся в руках, блеснув узором из мелких камней. Как ей во всем этом золоте не тяжело?

– Гуляете? – раздался вновь же знакомый голос. И я едва не прыгнула на шею Лассару, но вовремя поняла, что это – другой Командор, тот, который существовал в прошлом. – Далеко забрались.

– Не ваше дело.

Веер в руках девицы нервно дрогнул.

– Отчего же? Если с вами произойдет несчастье, мой бестолковый потомок расстроится.

– Здесь безопасно, – веер сложился с тихим шелестом. А потом плаксивый женский голос произнес. – Я вам не нравлюсь!

– Не только мне.

Туман вырисовал другой сад. Вот кружевная лавочка, утопающая в тени то ли плюща, то ли чего-то вроде. Растение с глянцевыми бледно-зелеными листьями поднималось и раскрывалось шатром, нависая над этой вот лавочкой. Алые и желтые звезды цветов смотрелись нарядно.

И мне показалось, что я даже аромат слышу, легкий, призрачный, с ноткой ванили.

– Почему? – лицо девицы преобразилось, исчезли и раздражение, и недовольство, сменившись выражением глубокой печали и еще, пожалуй, недоумения. – Я... я так стараюсь понравиться...

– Слишком уж стараешься, – проворчал Лассар.

А бледная ручка легла на доспех.

– И что в этом плохого?

– Я тебе не верю.

– В чем я обманываю?

– Ты его не любишь, девочка. Он мальчишка. И... мы все тут ищем опоры, но из тебя её не получится.

– Почему?!

– Потому что как только тебе надоест эта игра в любовь, ты сбежишь. И бросишь его тут с разбитым сердцем, а это для подобных ему – смерть.

– Ты преувеличиваешь, – она слегка поморщилась и руку убрала. Пошевелила пальцами, позволяя камням играть. – Мне здесь нравится. Любовь... может, и нет её. Но зачем? Думаешь, там, по ту сторону гор, кто-то выходит замуж по любви? Это роскошь, если и вовсе... отец бы продал меня. Нет, конечно, не в публичный дом, для этого я слишком красива. Если бы повезло, то купцу в законные жены. Или кому-нибудь

благородному, но уже не в жены. И его не интересовало бы, что я думаю по этому поводу. А я... я бы, пожалуй, не стала возражать. Я бы воспользовалась шансом.

– Как сейчас?

– Он молод. Хорош собой. Благороден. И странное дело, хочет на мне жениться, – она вытянула обе руки. – А еще он щедр. Видишь? У меня никогда не было таких драгоценностей!

– Вот теперь я тебе верю. Почти.

– Почти?

– Ты все равно врешь. Но я не знаю, в чем. Ничего. Выясню. А... он знает?

– Расскажешь?

– Подумаю.

– Не расскажешь. Ты такой грозный... но это лишь видимость. Я знаю, – она издала смешок. – Странно, правда? Они тебя опасаются. А ты боишься им навредить. Но ничего. Не хмурься. Я сохраню твою маленькую тайну. А ты... ты не будешь мешать мне. Вот увидишь, все будет хорошо. А сейчас... ты не оставишь меня? Я хочу побыть одна.

– Здесь?

– Там слишком много людей. И им, как и тебе, я не нравлюсь.

– Странно, с чего бы это, – ехидно произнес Лассар. А девица поморщилась. – Они видят все это. И понимают. Они-то в тебя не влюблены. Но... продолжай в том же духе, глядишь, и малец прозреет.

Но он отступил.

И растворился в темноте. А девица, устроившись на лавку, просто сидела. Долго? Не знаю. По моим ощущениям, невероятно долго. И главное, я понимала, что здесь, сейчас, там, где я нахожусь, времени прошло немного. Но вот она вздрогнула, потянулась к поясу и вытащила зеркало.

Красивое зеркало.

Маленькое. С ладошку детскую. В золотой оправе, украшенной красными камушками. Камушки поблескивали. Зеркало... в зеркало она смотрелась. Вот повернулась одной стороной, вот другой.

– Он ушел, – сказала девица. – Но он за мной присматривает. И не отступится.

С кем она говорит?

Или...

– Думаешь? Нет, нет, я уверена, что он в меня влюбился. Я чувствую такие вещи, ты же знаешь... и вообще... но остальным я категорически не нравлюсь. Впрочем, какая разница... главное, уходить есть с чем. Что? Но почему? Я не хочу так... да?

С зеркалом.

Или с тем, кто прятался в этом вот зеркале. Я сделала шаг. И еще один, стараясь обойти девицу. Но почему-то не получалось.

– Хорошо. Конечно... он должен на мне жениться, – правда, произнесла это она не слишком радостно. – Но люблю я только тебя... я все сделаю. Нет, нет, не злись, пожалуйста! Я сделаю, как ты сказал... Все... но... нет, нет, я не спорю. Это ради нас.

Вот тебе и свет-зеркальце. И главное, кто бы там ни был, но она и вправду его любила. И... и что это значит? У меня сейчас голова треснет от местных тайн.

– Мог бы показать все полностью, – проворчала я, не сомневаясь, что буду услышана. – Если ты все равно видел и знаешь. А то... хожу тут в потемках.

И вправду в потемках.

Пока я следила за давно погибшею девицей, наступила ночь. Ну или очень поздний вечер. Главное, что теперь кусты и деревья казались темными, почти черными. Листья их поблескивали в лунном свете. А по траве полз туман.

Так, хватит.

Надо возвращаться. Это уже не шутки.

Знакомая тень мелькнула справа и исчезла в кустах, которые зашелестели. А я вот заворчала, предупреждая, что за себя постоять смогу.

Хотя сердце пропустило удар.

И второй.

Из кустов заворчали в ответ. И я, подхватив юбки, бросилась прочь. Демон, не демон... я нормальная женщина. И я боюсь всяких там теней, особенно ворчащих. А то мало ли что здесь водится и... и я вырвалась из сада.

Вот дорожка.

Кривоватое подобие клумбы с одиноким деревом, что торчало почти из центра, правда, накренившись вправо. Белесая статуя, очень древняя и, надо полагать, ценная, но ныне похожая на призрака.

И очередная тень у подножия её.

Тень поднялась.

И шагнула ко мне. Не заорала я исключительно нечеловеческим усилием воли. А после пришло понимание, что это человек. Девушка. Обыкновенная девушка. Только шла она как-то странно, покачиваясь. Пьяная, что ли?

– Эй, – окликнула я её. – Вы в порядке?

Девушка остановилась.

От нее пахло и как-то... неприятно, резко.

– Пойдите... – я успела её подхватить, и незнакомая девица повисла на мне. В темноте её лицо казалось белым, а одежда – черной, будто... будто грязной. Её губы растянулись в улыбке.

– Кто-нибудь! – заорала я во всю мощь легких. – Помогите! Кто-нибудь... здесь человеку плохо.

А девушка вдруг с неожиданной силой забила в моих руках, визжа и завывая, как безумная. Я и отпустила. Хлопнула дверь... и тени метнулись, безмолвные, черные, выросли за моей спиной. Девушка же захрипела.

И затихла.

Вот жопой чую, что неспроста.

Раздался грохот шагов. А передо мной возникли два молодца, которые пусть не из ларца, одинаковы с лица, но в целом впечатляют.

Легионеры.

Лиц у них вообще не видно, один лишь доспех, черный, местами гладкий, местами рунами исписанный. И главное, встали так, что ничего не видать. А стоило мне попытаться обойти, как еще один возник и поглядел, вот клянусь, с укоризной.

– Я не собираюсь никуда убегать, – проворчала я.

Вот спрашиваете, где они были, когда эта девица тут то ли помирала, то ли представление устраивала? И еще раньше.

– У вас там, между прочим, в саду тень шмыгает. И призраки являются. Призраки ладно, там хоть что полезное узнать можно, но ведь тень-то шмыгает!

Легионер покачал головой и повернулся-таки к саду, который ныне виделся единою монолитною громадиной. Тут одновременно появились люди, которые несли железные штуковины со светящимися

камнями в наверхии, и луна стыдливо выглянула из-за туч. Света стало много, и я закрыла глаза.

А потому пропустила что-то важное.

И сюрпризом сомнительной приятности стал крик:

– Убили!

Глава 27

Где Повелитель Тьмы узнает о конкуренте, а репутация демоницы портится

«И сказала тогда ведьма: «Вот зелье зачатое. Возьми его и напои свою мачеху, тогда-то, как взойдет солнце, обратится она в лебедь белую. И улетит на веки вечные, позабудет и имя свое, и достоинство»

Взяла Элиза ведьмино зелье и улыбнулась, ответивши: «Спасибо, бабушка-ведьма. Вовек не забуду твоей доброты».

А после вернулась во дворец отцовский да отправилась на кухню, где готовили особое королевское блюдо»

«Сказка о ведьминой внучке и мудрой королеве, сумевшей обернуть подлое заклятье»

Ричард точно почувствовал момент, когда демоница ушла. Она сперва встала. Потом отступила куда-то за спину Ричарда, которому пришлось успокаивать степнячку, а та все не успокаивалась, цеплялась за руки и повторяла, что все умрут.

Вот это несказанно злило.

Умрут. Не умрут.

Истерить-то зачем? И главное, отделаться от девицы не получалось. Остальные тоже помогать не спешили, стояли, сидели, глядели и слушали превнимательно. Также забаву себе нашли, чтоб их...

Наконец степнячка вздохнула.

Посмотрела куда-то за спину Ричарда и убрала руки.

– И-извините, – сказала она и призналась зачем-то. – Вообще-то я лошадей боюсь.

– Чего их бояться? – удивилась ладхемка и, поднявшись с места, подошла, чтобы протянуть изящный флакон. – Нюхательных солей не желаете ли?

– З-зачем?

– Маменька учила, что, если кого очень охота становится по голове хряснуть, надобно солей понюхать. Они так смердят, что желание пропадет сразу. Ну и при обмороке полезны.

Степнячка флакон понюхала.

Соли и вправду смердели, она и скривилась.

– Я не собираюсь в обморок падать.

– Вот и хорошо, – Ричард подумал, что если поискать, то демоницу найдет. Далеко она вряд ли ушла. – Если вы чувствуете себя...

– Мне надо поговорить с вами, – перед ним встала Мудрослава Виросская, пусть слегка бледноватая, но преисполненная решимости. – Это очень и очень важно!

– И подождать не может? – с тоской уточнил Ричард.

– Нет.

– Тогда...

– Я возьму свою сестру.

– Сестру?

– Двоюродную. Но она мне как родная, – Мудрослава подхватила под руку рыжеволосую девицу, которая слабо пискнула, но сжалась под строгим взглядом. – Идемте. И это действительно очень и очень важно.

Важно.

Пусть так. Но до чего же не хотелось... отправить их всех по домам? Сказать, что жениться передумал? Что молод он слишком? Что осознал свою неготовность к шагу столь ответственному? Что... что-нибудь еще?

И дары послать.

С послами.

Побогаче.

– Дело в том, – смущаться и притворяться слабой Мудрослава Виросская не стала. Она опустилась на стул и поморщилась. –

Слабость какая... это нормально? Хотя, не важно. Так вот, дело в том, что мы... точнее я, получается... в свите приехал чернокнижник.

– Уверены?

– Нет, – она покачала головой. – Мой брат... государь Вироссы подозревал этого человека в богопротивных умениях. А еще в том, что он травит моего брата дурманом. И не только его, но и весь двор.

– Это вряд ли.

– Почему? – возмутилась рыжая.

– Потому что очень уж много дурмана понадобится. Да и зелье это само по себе изготовить непросто, не говоря уже о том, что длительный прием его имеет обыкновение влиять на разум. Люди попросту сходят с ума. А массовое помешательство всяко не осталось бы незаметным.

– Тогда... как?

– На чем была основана его уверенность? – новость была неприятной, но не сказать, чтобы Ричарт обеспокоился.

– Он... встретил одну ведьму...

– Бабушку, – встряла рыжая. И эти двое обменялись быстрыми взглядами. – Мою. Твою... тьфу, троюродную. Моей матушки сестрицу дальнюю, а она уже...

– Короче, – обрезал Ричард, не слишком желая вникать в хитросплетения родословной виросского государя.

– Ну она и сказала, что замороченный он. И разморочила.

– От дурмана не так просто избавиться, – Ричард припомнил, что читал по этому поводу. – Зелья на основе дурмана тем и опасны, что сложно и правильную дозу рассчитать, и вывести из организма. И уж тем более это вряд ли под силу... кем ваша бабушка является?

– Знахаркою.

– Знахарке. Возможно, речь идет о чем-то другом... – он задумался, припоминая, что знает вообще о зельях. А знал он не сказать, чтобы много. Это к Ксандру надо бы, он бы сказал точнее. – Есть зелья, которые... не дурманят, но делают человека податливей. Уступчивей. Или усиливают самого чернокнижника, но...

– А это?

Синий камень на тонкой цепочке. Цепочка хрупкая, едва толще волоса. А камень глубокого цвета, так и просится в руки. Но трогать его Ричард не стал.

Мудрослава рассказывала. К слову, спокойно, деловито даже. И все же рассказ получился смятым.

Ричард молча убрал камень в шкатулку.

– Что это? – поинтересовалась Мудрослава. – И... и это из-за него мой дар проснулся?

– Пока сложно сказать, – от камня тянуло тьмой, правда, след был слабым, едва уловимым. Но был. И такой характерный, тяжелый. – Если позволите, я оставлю эту вещь... её лучше не касаться. Что до вашего дара, возможно... возможно зелье, которое вам давали, его подавляло. Было ли это прямым действием или побочным... но здесь весьма своеобразный фон, потому многие чары внешнего мира теряют свою силу. Добавьте прикосновение к тьме, и вот получилось.

– Получилось, – мрачновато отозвалась Мудрослава и потеряла висок. – Только... теперь что? Я так и буду... проваливаться? Становиться? Обращаться? Как это вообще называется? Это можно как-то... контролировать?

– Можно. Я дам вам книгу о... о тех, кого называли Повелителями Разума. Конечно, там скорее воспоминания, отдельные факты, но, возможно, вы найдете для себя что-то полезное?

– Не сомневаюсь.

– В таком случае... что касается другого дела, то я бы советовал вам пока оставаться в собственных покоях. Сослаться на слабость или вот болезнь внезапную...

– Может, просто его... того? – предложила Яра, задумчиво пожевывая кончик косы. Коса была рыжей, тощей и растрепанной.

– Я бы предпочел наблюдать. Поставлю пару легионеров. Они умеют быть незаметными. Вы правы в том, что этому человеку что-то здесь нужно. Что именно? И не связано ли это с... тем, что происходит в замке?

– А что происходит? – тут же встрепенулась рыжая.

– Пока не понятно, – Ричард отвел взгляд и... и тут с улицы донесся вопль.

Такой душераздирающий, протяжный, почти звериный. От крика этого вздрогнула и виросская принцесса, и рыжая её сестра, да и сам Ричард.

– Что там за...

Запах.

Первое, что Ричард ощутил – это острый едкий запах крови. Потом уже он увидел и тело девушки, лежавшей на земле. И платье её светлое, почерневшее на груди. И Легионеров.

Демоницу, которая пряталась за ними.

Кровь.

Кровь в свете огней казалась почти черной.

– Убили! – очередной визг разрезал ночь.

– Тихо всем, – рявкнул кто-то.

– Это она... она все! Она убила! – женщина в пышном платье и белом парике вытянула руку, указывая на демоницу. – Поглядите же! Она в её крови! И сказано было, что явится тварь в обличье человеческом! И понесет она смерть да разрушения! И станет истреблять невинных!

Тонкий голос женщины звенел.

И люди, которых собралось слишком уж много, слышали каждое слово. Слышали и... верили? Ричард чувствовал их страх.

Плохо.

До чего же все...

– Хватит! – он и сам не знал, что может говорить так, жестко и даже зло. И злость была. На людей вот, что толпились, жались друг к другу. На охрану... для чего они поставлены были? На демоницу... куда её потянуло на ночь глядя? И даже на эту несчастную, что была мертва.

Ричард сделал вдох.

– Мы разберемся с тем, что произошло, – сказал он громче и куда спокойнее. – И я уверен, что мы найдем убийцу.

– Чего искать? – та самая женщина, от которой едко пахло чесноком, выступила вперед. – Вон она! Или вы, состоя с нею в противоестественной связи...

– Госпожа, – ладхемский посол подхватил женщину под локоть, но она с раздражением отбросила его руку.

– ...выгородите её? Да нас всех тут собрали, чтобы ей скормить!

– Я жирное не ем, – отозвалась демоница из-за плеч легионеров. – И эта девушка... я возвращалась, а она стояла. Потом пошла ко мне. С ней было что-то не то, я не знаю... она будто пьяная была. Потом падать стала. Я её подхватила, а она как закричит.

Щелкнул длинный хвост.

– Я её не убивала. Я вообще... клялась, что никому не причиню вреда.

– Но ты вырвешь сердце! – не удержалась степнячка и кулачки стиснула. – Я видела!

– Я тоже много чего вижу! – демоница оскалилась, и Ричард вдруг понял, что еще немного и она сорвется. А потому отступил от тела.

Огляделся.

И указал на труп легионерам.

– В лабораторию несите.

– Они, между прочим, все видели! – спохватилась демоница, а по дрожащему хвосту побежали искры. – Пусть скажут...

– Они не умеют говорить, – уточнил Ричард.

– Тогда... тогда пусть напишут. Или там знаками... знаками-то они объясняться могут. Скажи, можешь кивнуть?

Она ткнула когтем в черный доспех, и Легионер отступил. Но кивнул.

– Видите. Может. Я её убила? – демоница указала на покойную.

Легионер покачал головой.

– А ты видел, кто?

Он снова покачал.

– Тогда как ты можешь утверждать, что убила не она? – встряла та самая женщина и, вытащив откуда-то связку медальонов, закричала. – Силою молитвы изгоняю тебя!

– Обойдешься, – отмахнулась демоница.

Легионер же задумался. Потом ткнул пальцем в демоницу и указал на сад. Потом коснулся себя и тоже указал на сад.

– То есть, она была в саду, а ты за ней приглядывал? – не скрывая облегчения, уточнил Ричард.

– Так это ты шмыгал? – демоница уперла руки в бока.

Легионер поспешно замотал головой.

– Где шмыгал? – тотчас поинтересовалась Ариция Ладхемская.

– Кто шмыгал? – уточнила Брунгильда. – И зачем?

– Это ничего не доказывает! – взвизгнула женщина, все еще потрясая медальонами. – Они сговорились! Проклятые души...

– Вообще-то... – Ариция Ладхемская посмотрела на тело. – Можно и не гадать... надо просто подождать немного, пока не очнется моя

сестра. А она уже посмотрит. И точно скажет, что произошло. Моей сестре вы верите?

Женщина поджала губы. А потом мрачно произнесла:

– Это если она очнется... если душу её не пожрала тьма.

А Ричард подумал, что надо бы приставить охрану. Хотя бы к принцессам.

И телом заняться.

От крови я отмывалась долго...

Терла, терла себя жесткой щеткой, и все одно не могла отделаться от ощущения, что кожа грязная. Липкая. Темная. И потому я снова и снова ныряла в воду.

И пряталась в ней.

Вода остывала и как-то слишком уж быстро. И я, выбравшись из ванной, забралась под одеяло. Легла. Свернулась калачиком.

Погано как.

Я не убивала. Я в жизни никого не убивала... ну... там, дома. Здесь-то была тварь зубастая, которую я сожгла. Но это же тварь. А там человек.

И я... я не убивала.

Отчего на душе тошно-то так? И главное, никто ведь не поверит. Даже если весь Мертвый Легион во главе с Ксандром поклянется, что я не убивала, не поверят.

Надо...

Надо одеться.

И Ричарда найти. Ксандра тоже. Рассказать... и спросить. О той девушке. Вдруг там какие-то улики есть и... и могло ли оказаться, что все это не случайно? Что... допустим, кто-то следил за мной. Там, в парке. И он по кустам прятался. Шмыгал.

Смотрел и... что видел?

Меня точно, а вот призраков... тут вопрос. Ладно, чувствую, призраки – это лишнее. Если этот неизвестный человек видел меня. А потом понял, что я направляюсь к дому, он мог бы меня обогнать?

Несомненно.

Я ведь не спешила. Тогда что? Тогда... поспешил он? Или она? Хотя не суть важно. Он добрался до дома и... и встретил девушку? Которая вот так просто решила пойти погулять перед сном? Ну да...

обычное желание. Проклятые земли, зловещий замок и не менее зловещий парк. Самое оно место, чтобы прогуляться.

И встретить кого-то, кому в срочном порядке труп понадобится.

Не складывается.

А вот если... если девушка гуляла не просто так? Тогда... как? Тогда... что может заставить нормальную адекватную девицу пойти ночью в темный-темный парк? Очевидно же. Любовь.

Мысль немного успокоила.

И я выползла из-под одеяла. Вот так-то лучше. Одеться и... выяснить, что там у них происходит.

– Покажешь, куда идти? – спросила я, одевшись. Ощущение грязной кожи не исчезло.

Глава 28

В которой рассказывается о любви, чернокнижниках и опасности некоторых знаний

«И вновь же сведения, дошедшие до нас о личности столь выдающейся, весьма размыты. Нельзя со всею определенностью сказать, что же сподвигла Несиара, многие годы проведшего в тишине и уединении, пусть даже ясно, что использовал он это время во постижение запретных наук, собрать армию мертвецов и двинуться в поход. Как не ясна и сама цель похода, ибо многие города, лежавшие на пути проклятых, армия просто обходила, не делая попыток захватить их. Однако же в направлении её движения нет ничего, кроме, пожалуй, Запретных гор. И это дает основание некоторым личностям, далеким от настоящей науки, утверждать, что будто бы желал Несиар преодолеть горы и утвердить власть свою над Проклятыми землями».

«Жизнь и судьба известных чернокнижников», трактат, созданный магистром Лаусесом во изучение проблемы, который был запрещен Храмом, однако, невзирая на запреты, снискал немалую популярность в научной среде.

Ричард смотрел на девушку, что лежала на столе. Молода. Красива? Сложно сказать. Смерть изменила черты лица, да и выражение ужаса, застывшее на нем, не добавляло привлекательности.

Темные провалы глаз. Приоткрытый рот. Голова запрокинута, вывернута неестественным образом. А на груди – четыре глубоких раны.

Будто кто-то когтями ударил.

Кто?

– Уверен? – тихо поинтересовался Ксандр, обходя покойную.

– Нет, – столь же тихо ответил Ричард. – Но Легионер утверждает, что это не она. И... зачем ей? Вот так?

– Кто ж их, демонов, знает. Что ладхемка?

– Спит.

– Разбудить?

– Опасно, – Ричард сам думал над этим. – Ментальное заклятье, плюс все это... тронем раньше времени, и получим еще один труп.

– Кто это вообще такая?

– Горничная.

– А платье у нее не как у горничной.

– Горничная. Летиции Ладхемской. Одна из дюжины. Но говорят, принцесса щедра и часто отдает свои платья девушкам. Вот и...

– Интересное совпадение, – Ксандр осторожно повернул голову девушки влево. И вправо.

– Ты не представляешь, насколько, – Ричард протянул коробку с камнем. – Взгляни.

– А это...

– Вироссцы притащили чернокнижника.

Рассказ много времени не занял. И слушал Ксандр внимательно. А потом открыл шкатулку и столь же долго камушек разглядывал, правда, не пытаясь его коснуться.

– Вот оно как... – пробормотал он. – Знаешь... а ведь если так, то... может, он?

– Чтобы подумали на демоницу?

– Да нет, скорее уж совпадение. Эти твари вечно голодны. Он еще и ехал долго. Посольство-то – не город, в котором легко спрятать лишний труп или два. Или сотню. От города зависит. А тут пришлось сдерживать. Где-то силой подпитывался, но все не то. У тебя вот тоже... вроде людей побольше, но не настолько, чтобы пропажу никто не заметил. А ведь голод лишь растет. И чем чаще эта тварь прибегает к силе, тем сильнее становится голод.

Ксандр подхватил когтем цепочку.

– А вот такие штуки и вовсе жертвы требуют...

– Знаешь, что это такое?

– Догадываюсь.

Камень повернулся одним боком. Другим. Тьма в нем ожила, заворочалась.

– Сердце это, – сказал Ксандр. И тьма внутри вспыхнула. Раз. Другой. А потом забилась, меняя цвет. И вправду похоже на то, как бьется сердце.

Каменное.

И живое. Разве подобное возможно?

– Хотя не думал, что кто-то повторит...

– Ксандр!

– Что? Главное, могу сказать теперь точно. Демоница ко всему этому отношения не имеет. Им... подобное не дано. Я найду книгу, сам считаешь. Но вот смотри, видишь? – он повернул шею, указав на темные отметины. – Сначала её придушили. И рука была такой. Чуть поменьше твоей. Потом ударили чем-то... чем – не скажу. Похоже на когти, только в них что-то не то... а затем сломали шею.

– Погоди, как?

– Ну сам посмотри, – Ксандр приподнял тело, и голова запрокинулась. – И не просто сломали, чувствую, что шея раздавлена.

– Тогда... но она ведь двигалась, если верить демонице. И кричала.

– Именно.

– И что получается?

– Да полная ерунда, – подумав, сказал Ксандр и от тела отступил. – Тогда шею должна была ломать или демоница, или у нее на глазах. Или...

– Она видела уже мертвую девушку.

– Да. И потрогай её.

– Не хочу я её трогать!

– Не капризничай. Потрогай.

Ричард подчинился.

– И?

– Она холодная. И смотри, мышцы начали застывать. А это значит...

– Что она мертва по меньшей мере пару часов. Только... кровь ведь шла!

– Если это её кровь, – Ксандр поднял ошметки чего-то грязного. – Сдается мне, что кровь здесь свиная. Или бычья... интересно выходит.

Интересно, но...

– Не поверят, – тихо произнес Ричард.

А ведь получается... чернокнижник убил девуцу. А потом... потом, уверенный, что о нем никто не знает, решил спрятать тело. Но сделать это не так просто, не в саду же её закапывать. Вот он и придумал, кого обвинить в этой смерти.

Ричард повел головой.

Закрыв глаза.

Его вина. Его ошибка. Надо было задержать чернокнижника сразу, как узнал о нем. А он... или... узнал он незадолго до случившегося. И... почему легионеры не остановили?

Не задержали?

И что теперь? Кто поверит в обвинение? Как вообще это обвинение доказать? А с другой стороны, надо ли?

– Брать надо осторожно. Мы понятия не имеем, какими силами он уже владеет.

– Никакими, – Ксандр вновь крутанул цепочку. – Он голоден и зол. А еще слаб. Иначе не рискнул бы отдать это. Я однажды сталкивался с чем-то подобным... давно уже... того чернокнижника называли Проклятым. Хотя люди отличаются завидным постоянством в выборе имен. А вот собственно имени я и не помню. Главное, что он был действительно сильным опытным чернокнижником. Меня попросили помочь.

Вспышка и темнота.

Вспышка.

Темнота.

Стук каменного сердца, которое на сердце не похоже.

– Кому другому я бы отказал, но... не тому, кто помог мне остаться человеком. Хотя он говорил, что это моя собственная заслуга, что... нельзя сделать человеком или чудовищем, что мы все сами. Не важно. Главное, что, когда он обратился с просьбой, я отозвался с радостью. Да и в целом, кому, как не мертвецу, встать на пути мертвых.

Истории Ксандра похожи на сказки. Страшные. Кровавые порой. Но кто сказал, что сказки должны быть добрыми? В конце концов, добро в них все-таки побеждало, хотя, наверное, просто Ричард по старой привычке именно Ксандра добром и считал.

– Интересно то, что этот человек, чернокнижник, он не сразу потерял разум. Потом уже, когда все закончилось, когда другие люди стали жечь его вещи, я... кое-что вынес. Отдал.

– Святому?

– Ему. И читал... так вот, он сперва был нормальным человеком. Жил себе спокойно. Изучал рукописи. Увлёкся, возможно, чересчур. С людьми такое случается. Стал искать редкие рукописи, а дело это, сам понимаешь, и опасное, и денег требует. Вот и начал использовать некоторые рецепты, что попадались. Одно зелье, другое... есть такие, которые сил не требуют. Или требуют, но лишь малую толику. Так дошло до первой жертвы. Черная курица там... потом несколько куриц. Коза. Корова... но сам понимаешь, что взять с животных? А тут экспедиция...

Ксандр накрыл тело простыней.

Стоило бы вскрыть, но как знать, не помешает ли это Летиции Ладхемской увидеть эту смерть? Да и вряд ли вскрытие принесет что-то новое.

– Записи были довольно сумбурными. В том, что касалось исследований, он был точен. А вот когда речь заходила о личном... он собирался заглянуть в проклятый город.

– Идиот, – пробормотал Ричард, причем вполне искренне, поскольку человек разумный не станет связываться ни с чернокнижием, ни с Проклятым городом.

– Он был умен. Хотя стоит признать, что умные идиоты – явление не такое уж и редкое.

Камень лежал.

Пульсировал.

– Он нанял людей, которые согласились рискнуть. И не за деньги. Дочь одного из них была серьезно больна. И даже лучшие из целителей оказались не способны помочь ей. А он взялся. Он провел обряд замены жизни.

– Погоди, это же...

– Это уже не корова. Он принес жертву. Точнее жертвы. Молодую девушку, чью жизнь он подарил больной, и нескольких мужчин, отдавших силу ему. С этого момента, пожалуй, он и стал истинным чернокнижником.

Грань тонкая.

Опасная.

И переступить её легко.

– Дальше записи были... странными. Он писал не о книгах, но о женщине, которую сотворил. Он наблюдал за ней. К слову, для этого и присоединился к экспедиции. Он дошел до самых гор, и каждый день описывал подробно. И по пути еще дважды повторял ритуал.

– Зачем?

– А вот тут не ясно. То ли ему изначально попался ритуал с ошибкой, то ли он совершил её сам, но раз за разом, то ли сил его не хватало, чтобы закрепить все, однако он писал, будто жизнь из этой женщины уходила. И ему приходилось подпитывать её силы снова и снова. Благо, путь их лежал по землям, где во времена давние царил полный хаос... тогда-то он и решил создать нечто, что решило бы проблему. Ну не совсем создать, все же для этого ему откровенно не хватало знаний, но вот встретилась ему на нашу голову одна рукопись. Древняя. Он полагал, что вовсе времен Империи. А в ней описание старых артефактов. Имперцы еще теми затейниками были, да... так вот, он и вычитал про Сердце.

– Сердце?

– Он так назвал. Он был умным парнем. Да. Хотя все равно идиотом.

– Ты говорил.

– Ничего. Повторять порой полезно. Так вот... он объединил свои знания с тем, что удалось почерпнуть из книг. Книг он к этому времени собрал немало. И некоторые выкладки весьма... любопытны. Он взял камень. Драгоценный. Крупный алмаз чистой воды. И уже его сделалместилищем силы и душ. Он писал, что дарил камень жертве. И тот всецело завладевал её вниманием, её разумом. На это требовалось несколько дней, после чего он убивал девушку, и душа той, и сила уходили в камень. А камень уже возвращался к истинной хозяйке, питая её.

– Мерзость какая.

– Ты просто не дошел до действительно старых книг...

– А они...

– Кое-что уцелело. Еще твой прадед подумывал сжечь, но не решался. Как же... историческое наследие. Он назвал свой артефакт сердцем. В смысле, не прадед, а тот чернокнижник. А еще написал, что благодаря ему получил возможность связываться с этой девицей.

А книги и вправду надо будет глянуть.

И сжечь.

Не они ли нужны нынешнему чернокнижнику? Правда, тогда не понятно, откуда он узнал о существовании подобных книг.

– Так... – Ричард потер голову. – Но закончилось все...

– А вот дальше весьма интересно. В горы он не полез. Он, сколь я понял, не отличался ни выносливостью, ни силой, да и здоровьем обладал довольно слабым.

Что странно для чернокнижника, способного выпить чужую жизнь.

– К себе он старался не применять силу, – Ксандр тщательно мыл руки. – Вероятно, понимал, что... не стоит. Однако интересно то, что связь в горах не оборвалась. Более того, он научил свою... возлюбленную.

– Возлюбленную?

– Мне показалось, что он был к ней весьма равнодушен. Да и вообще, что за предубеждения, Ричард? Если чернокнижник, то, стало быть, без возлюбленной живи?

Это было произнесено с насмешкою. И Ричард фыркнул.

Пускай.

– В общем, он научил её забирать чужую силу.

– И жизнь.

– Именно. Он отметил, что так даже лучше, что теперь она не зависит от него, что может сама жить и решать... они добрались до города, а на обратном пути попали под лавину.

– Погоди, тебе это не кажется... знакомым?

Наемники.

Прекрасная дева, уцелевшая лишь чудом.

Ксандр задумался и нахмурился. Повернулся к телу, что тихо лежало под простыней. А от тела – к окну. И снова к телу.

– Знаешь... а ведь я... ведь и вправду, если так, то получается... это она? Та женщина, которая прокляла наш род.

– А она прокляла?

– Ну... скажем так, после её гибели все и пошло наперекосяк, – Ксандр покачал головой. – Вот и выходит... погоди. Давай я сначала расскажу, что знаю, а уже потом будем думать вместе. Итак, она выжила, но вынуждена была выпить остальных. Отца, брата... а потом их нашли. И вот тут становится непонятно. Он отметил, что ей удалось забраться дальше, чем он предполагал. К слову, имени он не упоминал. Странно, если подумать. Там было много всего, от описания её волос до того, сколько раз, уж извини, она на нужник сходила. Но не имя.

– А зачем ему знать... сколько раз... ну...

– Он следил, как работает её тело. Опасался, что болезнь слишком уж его изменила.

Логично, если подумать.

– Главное, что записи обрываются. Это тоже было странно. То он весьма подробен, пишет порой о совершеннейших мелочах. То вдруг ни слова. Причем довольно долго. Когда он снова вернулся к записям, почерк стал уже другим. И чернила. И сама бумага. Честно говоря, мне показалось, что это все вообще другой человек писал.

– Еще один чернокнижник?

Ксандр задумался. Так и замер, прикрыв глаза и скрестив руки на груди.

– Тогда... эти записи я читал исключительно из любопытства. И порой пролистывал целыми страницами. Ну вот как-то не вязалось у меня с великим чернокнижником подробное описание коровьего стада, которое они встретили. Или жалобы на клопов в тракторе. Да и... знаешь... действительно другой почерк. Жаль.

– Что?

– Эти записи сожгли. Потом. Мой... друг и наставник, он сказал, что так будет лучше. Что не стоит смущать неокрепшие умы. Что... лучше, если люди будут считать чернокнижников чудовищами, что не надо их очеловечивать. И что Сердце – слишком большое искушение. Ведь случается, что дети болеют. И даже у тех, кто способен позволить себе лучших целителей, все одно болеют. И человек, который любит своих детей, разве не согласится он обменять их жизнь на жизнь других? Мне это показалось весьма логичным. И я согласился. А

теперь вот... память у меня хорошая. Но... что если и вправду другой?
Если связать эту историю с тем, что знаем мы?

– Что вы знаете? – прозвучал такой тихий голос.

А дверь отворилась беззвучно, впустив демоницу. Та поежилась и обняла себя. И Ричарду захотелось тоже её обнять. Успокоить.

Сказать...

Вот что говорят в таких случаях, он понятия не имел. А Ксандр, смерив демоницу взглядом, сказал:

– Да вот... обо всем понемногу.

Глава 29

Где понемногу оживает прошлое

«...и подарила ей бабушка красную шапочку, сказавши: «Вот, примерь, дорогая внученька. И никогда-то не снимай. Ибо зачарована она. С нею сумеешь ты понимать язык звериный, а еще видеть сокровитное. Но никому-то никогда не говори о том». Послушала девочка и примерила шапочку. Тут-то все и переменилось».

Страшная сказка о ведьме, ведьминой внучке и звере, ею призванном во устрашение честного люда.

Слушала, я слушала и... вот еще чернокнижник добавился, который то ли один, то ли два. А... три с учетом того, которого с собой вироссцы притащили. Симпатий к ним поубавилось. Вот вроде приличные люди, а тащут в гости всякую погань.

Я даже головой покачала от возмущения.

А потом села и задумалась.

Как-то оно вдруг... складываться начало? Ну или почти. Раз чернокнижник, два чернокнижник... и зеркальце, и красавица раскрасивая, которая обличья меняла, что змея шкуру. Хотя что это я, змеи – животные приличные, в отличие от некоторых.

– А если с самого начала... если предположить, – я покосилась на труп, который лежал тихо, под простынькой, и вряд ли подслушивал. Но сама близость покойницы как-то вот... не располагала. – Предположить, что это все и вправду связано. И потому Замок показывает нам картинки. Только... надо время установить. И Лассара найти.

Ксандр с Ричардом переглянулись.

И кивнули.

Лассар отыскался в библиотеке, где, устроившись на полу, что-то тихо говорил Светозарному, который выглядел до того несчастным, что

даже у меня появилось желание пожалеть его.

Рядом с ним лежал меч.

На колене примостилась та самая корона, выглядевшая на диво затрапезной. Даже вон ржавчина пошла по одному краюшку.

– Доброй ночи, что ли, – сказала я вежливо и присела, юбку за краешки приподнявши. Ну, так, на всякий случай. А еще спряталась за Ричарда. А то с этими светлыми рыцарями никогда не знаешь, что им в голову взбредет. Еще сочтет, что это я ту девицу убила и возжелает спасти прочих, еще неубитых.

– Доброй, – рыцарь поспешно поднялся и поклон отвесил. – Что удалось выяснить?

– Да как сказать... – Ричард поглядел на Светозарного презадумчиво. – Что вы знаете о чернокнижниках?!

– Подлые создания, продавшие душу тьме.

– А если поконкретнее? – уточнила я. – Скажем, где они водятся, что творят и, главное, как их... выявить? Обезвредить.

Артан выразительно возложил руку на меч.

Понятно. Во всяком случае с обезвреживанием.

В библиотеке мы и устроились. Лассар на полу, он вовсе с места не сдвинулся. Мне досталось мягкое кресло, которое Ричард притащил откуда-то из темных книжных глубин. Причем нес легко, будто бы весу в этом кресле не было. Сам он тоже на пол сел, на ковер, и ноги скрестил.

Ксандр на низенькой скамеечке устроился.

А Светозарный мялся, озирался, но вздохнул и тоже сел. Слушал он внимательно. Задумчиво. И губу пожевывал, так, что едва до крови не разжевывал.

– А в этом... в этом, пожалуй, есть смысл, – первым заговорил Лассар. – Честно говоря... вот девица мне просто не понравилась. Мне одному. Слишком уж она сладкой была. Как леденец. И взгляды притягивала.

Он ненадолго замолчал.

Пальцы огромной руки раскрылись. И коснулись.

– Я думал. Ты тогда спрашивала про неё, девочка. И я думал. Долго.

Чудесно.

Я прикусила язык, чтобы не ляпнуть, что думать – вообще крайне полезно. Особенно долго.

– Вспоминал. Память у меня хорошая. А вот когда речь о ней, то будто в тумане все.

– Ты с ней разговаривал. В парке. Я видела. До того как... извини, Ричард, собиралась тебе рассказать, а тут эта... девица. Я её не убивала.

– Знаю. Она уже была мертва. И пару часов как.

– Что?!

Что-то к местным реалиям мне привыкнуть тяжело.

– Её убили, выпив перед этим душу, – пояснил Ксандр. – А потом подняли тело и заставили напасть на тебя. Кровь, к слову, свиная. В пузыре была.

Гадость какая! Но дышать стало легче. Нет, я её не убивала, только все одно не отпускало поганое чувство, что я виновна в этой смерти. Что можно было как-то помочь, спасти там... повязку наложить или еще что, а я растерялась. И из-за этой растерянности человек умер.

Но если так...

– Чернокнижник, – с важным видом кивнул Светозарный и меч уже погладил нежно. И вообще выражение лица его изменилось, сделавшись таким, премечтательным. Вот, полагаю, героическое сражение с подлым чернокнижником ему куда более по душе, чем всякие там короны и древние Империи.

– Именно.

– Надо...

– Я отправил Легионеров. Его задержат, – уточнил Ричард. И Светозарный вздохнул препечально. Ну да, где тут место героическому подвигу, когда другие задержат.

– Так вот, – я поерзала, а хвост сам на колени лег. – Я видела в парке тебя и эту девушку. Хотя, конечно, выглядела она немного... не такой. В том смысле, что вся в золоте. И она с кем-то говорила. По зеркалу.

Пересказ много времени не занял.

И снова стало тихо.

– Выходит, и вправду связаны были. Правда, про зеркало он не писал, – Ксандр потер подбородок. И камушки на перстнях его

заблестели.

– Кто? – уточнил Светозарный.

А выслушав очередной краткий пересказ, сам призадумался. И сказал:

– Несиар это. Несиар Проклятый. Больше некому.

– Пускай Несиар. До города они добрались. А она... она бы воспользовалась ситуацией. Такой шанс и упустить? Нет, – Ксандр покачал головой. – Стало быть...

– Погодите, – я подняла руки. – Давайте сначала... жил-был один чернокнижник, девица в беде...

– Одни беды от этих девиц в беде, – проворчал Ксандр, почему-то покосившись на меня. А я что? Я, может, и девица, но не в беде же ж.

– Чернокнижник помог девице. Девица влюбилась.

– Думаешь?

– Мне... так показалось, – вот как объяснить этим мужикам, что живым, что мертвым, то, что я ощутила? Ту жадность, с которой девушка вглядывалась в зеркало. И как она говорила. Как подрагивали её руки, выдавая волнение.

И готовность её слушать.

Внимать каждому слову.

Исполнять сказанное.

– Эта девица с родственниками вместе и чернокнижником упомянутым отправилась сюда... в смысле, к Проклятому городу. При этом чернокнижник создал уникальный, как понимаю, артефакт...

Уникальный артефакт лежал тут же, в смысле, в шкатулочке, которую Ричард поставил на стол.

– ...который продлял жизнь за счет других. И не требовал вмешательства чернокнижника. Что позволило ему остаться по ту сторону гор? К слову, вы в этом уверены? В том, что он остался?

Ксандр призадумался.

– Пожалуй, да. Записи однозначно указывали на то, что сам чернокнижник остался ждать в Кисселе. Это маленькая деревенька там. Она до сих пор стоит у перевала.

– Ладно, пусть так... но связь он держал. Возможно, подсказывал, направлял. И экспедиция достигла города. Что было бы дальше?

– Она пропустила бы их. Она всех пропускает, – глухо заговорил Лассар. – Испытывает. Дразнит. Кое-кого забирает, потому что она

тоже голодна. Ей нужны и кровь, и жизни. Но... чернокнижник и его творение, темный артефакт... это бы её привлекло.

– Тьму?

– И ту, что стала её воплощением.

Понятно. То есть, не особо. Но, наверное, проще, когда есть кто-то материальный, кого можно объявить врагом. С первозданной тьмой фиг поймешь, что делать, а вот во врага мечом тыкнул и радуйся.

– Зеркало она им подсунула. И, вероятно, подсказала, что делать. Она же дала бы сил... а потом позволила уйти, – Лассар кивнул. – Пожалуй, так.

– Только ушли недалеко, – я смотрела на макушку Ричарда и думала, что волосы у него закручиваются спиралькой. И еще поднимаются. Потрогать бы.

Но тут разговор серьезный.

– Именно. Горы... тоже имеют свой характер. Их завалило.

– А потом раскопало, – добавила я, убирая руки за спину. – В смысле, раскопали... предок Ричарда. Благородный.

Мало ли, а то еще обидятся. Хотя как по мне слишком уж благородный.

– Он влюбился... хотя, конечно, тоже... допустим, девица... даже самая распрекрасная... с чего в неё вот так брать и влюбляться? Может, зачаровала?

– Нет, – Лассар поглядел на меня. Странно. Глаз у него тоже нет, только одна вот эта клубящаяся тьма, а я взгляд ощущаю ясно, как и то, что нет в нем зла. – Скорее уж это было её... природным свойством? Пожалуй. Бывают порой женщины, которые с рождения притягивают мужские взгляды.

Это да.

Бывают.

И притягивают. И... и знала я одну такую. Инка Петухова. Вот вроде бы не сказать, чтобы красавица. В группе нашей и покрутившей были. Невысокая. Полноватая и с фигурой самой обыкновенной. И... и не было у нее ни характера, ни харизмы, ни... ничего не было. Это я вам как человек, который долго наблюдал, пытаюсь понять, отчего же все парни в группе на Инку заглядываются. Даже мажорчик Витька, у которого папа бизнесмен, а мама – бизнес-вумен и собственная тачка впридачу, и тот тихо вздыхал.

Природное свойство.

Как же...

Замуж, к слову, за Витьку она не пошла, хотя знаю, что тот звал.

Ладно, это не важно.

– А тьма могла этот дар усилить? – уточнила я.

– Могла. Она на многое способна. Знаю лишь, что и братья, и многие в Замке заглядывались на неё.

– А ты?

– А я мертвый. На меня подобные вещи не действуют.

Зато действуют на других, которых можно попросить убрать назойливого и такого неподдающегося чарам Лассара в глубокий-глубокий погреб. На отдых многовековой.

– Ладно... значит, случилась любовь, которая напрочь отшибла ему мозги. А вот она не любила его. Хотя это не мешало ей воспользоваться ситуацией. К слову, твой предок, Ричард, не упоминал о пропавших драгоценностях? После того, как...

– Нет. Думаю, ему было слегка не до того.

Ну да, полный замок мертвецов, обожаемая супруга свихнулась и вовсе оказалась порождением тьмы, младенец исчез, если вообще был.

Какие тут к лешему драгоценности?

– Полагаешь...

– Я вот думаю, – я почесала рог, правый, который жутко засвербел. – Если предположить, что она нашла кого-то... кто бы согласился ей помогать. И планировала все же уйти. С ребенком. И не только с ребенком... ведь что-то же её удерживало в этом замке.

– Она любила проводить время в библиотеке, – прогудел Лассар. – Говорила, что мечтает написать подробные хроники. От первого дня до...

Библиотека? А что, место хорошее... тихое, спокойное. И книг много. Всяких. А если вспомнить, что там, по ту сторону зеркала, обретался большой любитель всяких книг...

– Могла она искать что-то конкретное? – я огляделась, прикинув, что искать здесь можно вечность. И не факт, что найдешь.

– Вполне.

Что-то такое, интерес к чему будет сложно объяснить, иначе она просто попросила бы. Влюбленный мужчина многое отдать готов, не то, что какую-нибудь там книгу.

– Пожалуй... – Лассар тяжело поднялся. И тьма, его окружавшая, качнулась, расступилась, пропуская его.

Он исчез где-то между ровных рядов, чтобы вернуться с книгой.

Выглядела та... ну не буду врать, что внушительно или зловеще. Были здесь тома и поболее, и пострашнее с виду. А эта... в палец толщиной, пусть и в палец Командора. Не широкая, не узкая. И в темной кожаной обложке, на которой ни знаков таинственных, ни замков.

Ну и кровь не капает.

Нет, книга определенно не впечатлила. Но, кажется, только меня.

Светозарный вскочил.

– Это же... Это ведь... «Книга Тьмы»?

– Скорее уж то, с чего эта самая «Книга Тьмы» писана была, – Лассар положил книгу на стол и провел по обложке ладонью. – Когда-то... в общем, там, за стенами, ярилась тьма. Тут мы пытались выжить и сохранить разум. Эту вещь сотворил Кай Безумный.

– Он...

– Да нормальным он был. Как по мне.

Сомнительного свойства рекомендация. Но что поделаешь. У каждого свои представления о ненормальности.

– Его Безумным прозвали за то, что он от рода отрекся. Скажем так... он полагал, что все наши беды проистекают от нашей же силы. Что мы, призывая демонов в мир, повелевая ими, нарушаем великое равновесие. И что силы демонические мир отравляют. А во времена Империи это был не самый разумный взгляд. Его терпели, ибо магом он был неплохим, однако терпение иссякло, когда он отказался проводить ритуал и призывать демона.

Книгу раскрыли.

Осторожно так.

– Он искал защиты. А я... мне это тоже никогда не нравилось. Демоны, они... как бы это сказать... не то, что может радовать. Ну а потом, когда все случилось и мы выжили, он и сел писать. Записывать.

Дрожащие пальцы Артана Светозарного коснулись страниц.

– Ну и после уже, когда стало ясно, что мы не позволили тьме вырваться, он эти книги размножил и выпустил в мир. В назидание потомкам.

– Но...

Я вытянула шею.

И что? Желтоватые страницы, вязь букв, а что написано – не прочесть. Далековатенько сижую.

– Он ушел вместе с нашей девочкой. Смешно, но в изменившемся мире Кай остался единственным человеком, который и вправду мог выжить. Он никогда-то не осквернял себя прикосновением к демону.

И все на меня поглядели.

А я что?

Сижую, хвост глажу.

– Но... но... как же... – Светозарный перелистывал страницы и хмурился все больше. – Здесь же... здесь ничего нет!

– Именно, – подтвердил Командор.

– Но ведь... ведь в истинной книге Тьмы собраны все знания! Все известные и когда-либо созданные ритуалы!

– Это уже после люди придумали, – Командор чуть поморщился. – На деле в этой книге только мысли о том, что представляет собою тьма. Сколь опасна она. И для души. И для разума. И для тела.

– Не понимаю...

– Чего тут понимать? Кай хотел упредить, но там, за краем мира, люди сами придумали себе сказку. И в неё поверили.

– Значит... Книги Тьмы не существует?

– Существует. Вон она. Лежит. Почитай на досуге. Весьма занимательно. И практика показывает, что старый лис во многом был прав. Тогда... тогда, когда случилась беда, все демоны обрели свободу. Все. А их в мире были сотни и тысячи, если вовсе не сотни тысяч. Малые, которых заключали в артефакты, питая силой их. И большие, подчиненные воле магов... они вдруг вырвались.

И мир погрузился в хаос.

Теперь верю. Великая империя не рухнула бы, потеряв один город, пусть даже большой и прекрасный.

– И пусть первозданная тьма не дошла до них, – Командор махнул рукой. – Но и без неё хватило.

Да уж, думаю.

– Тогда-то почти все маги и погибли. Демоны... вряд ли упустили шанс поквитаться. Ну а те, которые остались... людям ведь тоже пришлось многое пережить.

И они не преисполнились благодарностью к тем, из-за кого случилась катастрофа.

– Знания были утрачены. А когда теряются знания, то приходят легенды. Вот и появилась очередная, о книге, в которой сокрыты все-то знания ушедшей Империи.

Глава 30

В которой девицы пьют чай и обсуждают дела насущные

«Три девицы под окном...»

*Начало страшной сказки о старом короле,
ведьме и ведьмином сыне.*

Теттенике сидела на кровати, глядя в стену. Стоило закрыть глаза, и перед ними вставало то... то, что она хотела бы забыть.

А оно не забывалось.

Камень.

Колючие стебли.

Мертвецы.

Стена огня и демоница с чьим-то сердцем на подносе. Как... как возможно подобное? И другое тоже... та лошадь.

Матушка.

Она осторожно коснулась собственного лица, которое онемело. Надо что-то делать! Надо... надо рассказать... нет, она уже рассказала, но ей, кажется, не поверили.

Никто никогда ей не верил.

Теттенике мазнула ладонью по щеке и почти решила, знать бы еще, на что именно. Но тут с тихим скрипом приотворилась дверь.

– Те... как тебя там, – прозвучал раздраженный голос Ариции Ладхемской.

– Теттенике, – отозвалась Теттенике, почувствовав укол обиды. Ей чужие имена тоже сложными представлялись, но ведь запомнила же!

Выучила.

– Извини, – ладхемская принцесса почувствовала что-то такое. – Я... войду. Точнее мы. Разговор есть.

Они?

Они.

Ариция Ладхемская в своем нелепом наряде, на который ушло много ткани и драгоценных камней, но все же с виду он был, пусть и красив, но на диво неудобен. Теттенике так казалось. За нею – старшая принцесса, которая казалась бледною до жути. Она опиралась на руку сестры и слегка покачивалась, кажется.

Но проснулась.

И это хорошо. Наверное.

Мудрослава Виросская держалась прямо, хотя тоже выглядела несколько потерянной.

Последней вошла островитянка. Огляделась и уселась прямо на пол. Она скрестила ноги, а Теттенике подумала, что эта женщина очень сильная.

И смелая.

Не каждая решится носить мужское платье.

– Доброй ночи вам, – тихо прошептала Теттенике, кляня себя за слабость. Вот ладно бы брат пришёл. Перед ним и плакать не стыдно. А они? Они теперь все увидят, сколь Теттенике ничтожна.

И волосы растрепались.

Лицо, верно, опухло, покраснело, как оно от слез бывает.

– Доброй ли, – хмыкнула Ариция. – Да успокойся ты... или еще надеешься замуж выйти?

Теттенике вздохнула.

Замуж ей не хотелось категорически.

– Выжить бы, – очень осторожно сказала она.

– Вот и я о том, – Летиция Ладхемская коснулась виска. Короткие рыжие волосы её завивались спиральками, и бледная кожа выглядела почти прозрачною. – Извините. Голова все еще болит.

– Лежать бы тебе, – проворчала её сестра.

– Ну да... лежать... належишься тут. Все смотрят на меня, как... не знаю...

– На некромантку, – прогудела островитянка.

– Именно, – Летиция издала нервный смешок. – Мне теперь домой возвращаться нельзя. Мигом в монастыре запрут. А я в монастырь не хочу.

– Будто я хочу.

– Тебя с чего?

– На всякий случай. Сама слышала, как наша... – Ариция скривилась. – Матушкина подруга втирала послу, что нас срочно надо увозить и там, на границе, заковать в железо, чтобы не сбежали. И в монастырь. Что мы прокляты... и ведь эту чушь остальные повторять станут.

– На чужой роток не накинешь платок, – подала голос Мудрослава Виросская. – Что? Так у нас говорят. И ведь правду. Не заткнешь. А главное, не важно, что там на самом деле. Придумают. Перевернут и...

Она махнула рукой.

– У матушки с отцом не останется другого выхода. А то и вовсе... это хороший повод. Давно уже ходят разговоры, что в прежние времена государством управлял совет достойных. Так что... возвращаться нельзя.

И все кивнули.

– Меня тоже дома не ждут, – сказала Брунгильда как-то тихо и несчастно, отчего появилось желание обнять её, утешить. – Даже наоборот теперь... Никас ведь... все одно племянник. Родная кровь. А что сволочь, так это со всеми случается... вернусь и чего? Спросят, где он?

– А где он?

– Этот... который неживой уволок. Может, посадил куда, а может, и вовсе сожрал.

– Это вряд ли, – Ариция Ладхемская осторожно погладила островитянку по руке. – Он с виду человек приличный и не станет жрать всякое там... или ты его любишь?

– Кого?! – удивилась Брунгильда.

– Не знаю... Ксандра?

– Окстись!

– Тогда этого... хотя, конечно, извини, вкус у тебя странный.

– Тебя не спросила.

– Тише, девочки, – Мудрослава Виросская подняла руки. – Поругаться еще успеем. Надо решить, что делать. Я-то вернуться могу, но... это многое осложнит. Боюсь, у нас дома тоже не все спокойно. И слухи опять же... замуж мне больше не выйти.

– П-почему? – собственный голос показался Теттенике донельзя жалким.

– Да потому что я эта... Повелительница Разума, – она потерла лоб. – Не было печали. Кому надобна жена, которая такое умеет? А если я не только зверями повелеваю? Ведь найдутся такие, что скажут, раз зверь, то и человек. И еще потом заговорят, что я на брата тоже...

Принцессы переглянулись и вздохнули.

Хором.

– Никому не придется возвращаться, – Теттенике обняла подушку, от которой пахло розой. Но теперь этот запах внушал отвращение. – Мы все тут умрем.

– Вот... знаешь, это не то, что я хотела бы услышать, – проворчала Ариция Ладхемская и огляделась. – Может... чаю попьем? Поговорим о... делах наших скорбных.

– Мы...

– Умрем, я слышала. И что, теперь нам без чаю сидеть? Пока-то мы живы...

– У меня тут вот... сушеное акулье мясо, – Брунгильда сняла с пояса мешок. – Оно соленое, но я вот люблю... если кто попробовать хочет.

– Орехи в меду, – Мудрослава поставила на стол низкую банку. – Лесные. И мед липовый. С детства обожаю.

– Лепестки розы в сахаре, – рядом с первой банкой встала вторая. – Знаете... с чаем оно всегда думается проще. Только еще бы найти кого... тут есть служанки?

– Были, – Теттенике окончательно успокоилась.

Почти.

Она... она никогда прежде не пила чай вот так, чтобы с кем-то... с кем-то... вроде подруг? И подруг у неё не было. И сейчас нет, не стоит обманываться.

Но чаю внезапно захотелось прямо до жути.

– Они меня боятся, – призналась она.

– Было бы чего, – хмыкнула островитянка, потянувшись. – Ты же вон, что тростиночка... дунь и унесет.

– Меня прокляли.

– Подумаешь...

– А еще... я вот... я ведь видела. На самом деле видела!

– Тише, – Мудрослава Виросская подошла и обняла. – Мы верим. О том и пришли поговорить... нам самим надо решить, что делать.

Всем. И лучше бы вместе. Тогда и шансов выжить больше будет. Понимаешь?

Теттенике кивнула.

– Но чаю сделать надобно.

Чай подали. Бледная до серости служанка принесла тяжеленный поднос, который разве что не бросила на стол.

– Ишь ты... – покачала головой Летиция Ладхемская. – Матушки на них нет...

– Она просто думает, что я убила ахху. А это... это... ахху – благословенные. Они дочери Великой Матери. И нет в степи никого, кто бы оскорбил ахху. А теперь выходит... – Теттенике понурилась. Но в одну руку ей сунули чашку с чаем, а в другую тонкую полоску мяса.

– Ты ешь, – тяжелая рука погладила по спине. – Оно сытное. И успокаивает.

– Итак, – Мудрослава осмотрела собравшихся. – Очевидно одно, что возвращаться домой нам никак нельзя. Стало быть, нужно найти способ остаться здесь. Но тут есть некоторые проблемы.

– Мы все умрем, – пробурчала Теттенике, пытаясь разжевать деревянное мясо. Как ни странно, но это и вправду успокаивало.

– И это тоже. Но куда серьезней тот факт, что один Повелитель Тьмы не может жениться на пятерых сразу.

Все задумались.

А Летиция меланхолично уточнила:

– На шестерых. Ты демоницу забыла.

– На демонице жениться не обязательно.

– Может, и так, но он же ж слишком порядочный. По морде видно. Такой только женится... так что считай и её сразу. А лучше только её, – Мудрослава задумалась. – У меня вон брат неженатый...

– Где?

– Там, – Мудрослава махнула рукой. – Не важно...

– Не скажи, – Летиция вцепилась в акулье мясо и глаза прикрыла. – Неженатый брат – это очень даже важно. Я бы сказала жизненно важно.

– У него характер...

– У кого его нет?

– А мне вот Ксандр нравится... – Ариция понюхала чай. – Хотя, наверное, он будет против.

– Зачем тебе мертвый муж?

– Живые меня раздражают. Не знаю, это из-за дара или в принципе, но вот... – она тяжело вздохнула и оглядела принцесс. – Замуж у всех выйти не получится. Иначе надо.

– Как?

– Обыкновенно. Без замужа. Без замужа если, то оно даже лучше. Смотри, ты... – палец указал на сестру, которая все так же задумчиво мусолила мясо. – Ты можешь видеть причину смерти. Это очень полезный дар. Я... у меня тоже имеется.

– Какой? – встряла Мудрослава.

– Не думаю...

– Она мертвецов поднимает, – Теттенике чай пригубила. – Я видела. Ну там, когда...

– Мы все должны были умереть?

– Должны будем, – уточнила она. – Выходит, мне открыто будущее?

Она слегка нахмурилась, пытаясь понять, полезно это или не очень. С одной стороны, несомненно. А... с другой? Ну вот увидела она тот город и как все умирают. И что?

Одна лишь бессоница.

– А я наоборот в прошлое могу, – Брунгильда осторожно слизала лепесток розы. – Только толку-то?

– Не скажи. В иное прошлое заглянуть надо.

– Я вот... я вот драконом управляю, хотя тоже... конечно.

– В хозяйстве дракон всегда пригодится. Особенно если там заседание какое... Совета. Или вот послы иноземные с визитом. С драконом, небось, визиты легче проходить будут, – Летиция облизала пальцы. – Хорошо... итого, у каждой имеется дар, от которого там... в общем, лучше не признаваться бы вообще, что он есть, да поздно. Хотя вот...

Её взгляд задержался на Теттенике.

– С тобой еще не все понятно. Многие не откажутся от шанса будущее узнать.

– Будто я по желанию могу взять и посмотреть! И... и вообще...

– Вообще всем нам надо бы учиться. Но там не выйдет. А вот тут...

– Надо договариваться, – поддержала ладхемку Мудрослава. – Мы можем быть полезны. И... если заключить договор.

– Матушка не обрадуется... – Ариция стащила новую полоску сизого мяса. – Боги, какая прелесть... а у нас считают, что если принцесса, то жуй розовые лепестки и не жалуйся. Я же всегда соленькое любила.

– Думаешь, отправке нас в монастырь она обрадуется больше?

– Вряд ли... вернуть потребуют.

– Это да...

– Какой договор? – уточнила Брунгильда, слизывая те самые хрупкие розовые лепестки. Еще и жмурилась от удовольствия. А поймав взгляд, пояснила. – У нас сахара давно уж не было. Дорогой.

– Договор... какой-нибудь. Скажем, пусть возьмет нас на службу.

Идея сия показалась на диво безумной.

Но...

– Скажем... за замком приглядывать.

– И за садом, – добавила Мудрослава. – Сад тут совершенно заросший.

– С этим и прислуга справится, – Летиция тоже мяса потянула и вцепилась в него белыми зубками. – Нет. Надо... иначе. Надо доказать свою полезность. И так, чтобы у него и мысли не возникло нас отослать.

– Н-но к-как?

Их предложение было... было...

А и в самом деле, почему бы и нет? Повелитель Тьмы оказался вовсе не так и страшен, как Теттенике представлялось. И в Замке вполне уютно.

Конюшни, пусть и старые, но хорошие.

И...

И уезжать не хотелось. Даже если не домой. Домой ей никак нельзя. А вот... вот куда-то кроме... куда? И как там жить? И где мужа искать? Хотя, конечно, можно не искать, но без мужа как-то вот... странно.

– Это, конечно, вопрос, – перебила мысли Ариция Ладхемская. – Но тем и интереснее. Для начала нам всем надо разобраться. Понять,

как дар работает. Ну... нам проще. Ты...

– Мне достаточно прикоснуться к телу, а там уже зависит от того, как давно человек умер. Ну и в целом... более-менее я даром владею.

– То же самое. Если есть мертвец, то я просто могу поднять его. В первый раз неудобно получилось... помнишь вдову Цевальо? У нее ещё собачка была? Она потом сдохла, и вдова так переживала... в общем, собачка и того... потом долго чернокнижника искали. А матушка меня в монастырь отправила, – пожаловалась Ариция. – На месяц. Там кормят плохо. И еще я постоянно мерзла.

Она поежилась и добавила жестче.

– Я туда не вернусь. Не знаю, как, но... не вернусь.

И все сочувственно кивали.

– Я... ничего не умею, – выдавила Брунгильда. – Случайно оно получилось. А выйдет ли снова...

И развела руками.

– Аналогично, – склонила голову Мудрослава. – Я... пыталась. Закрывала глаза, представляла себя драконом. Снова. И ничего. Может, конечно, она его и сожрала.

– Кто?

– Та демоница, что сидит в городе. Или она все-таки человек? Тут не поймешь. Но...

– Она нас всех убьет.

– Вот! – Мудрослава подняла палец. – С этим тоже надо разобраться. Ну просто не может такого быть, чтобы все взяли и умерли.

Теттенике тоже бы хотелось так думать.

– И вообще... может, ты не просто так видела! Может, ты потому и видела, чтоб... ну, все не так сложилось.

И девицы, переглянувшись, кивнули.

– Стало быть, надо узнать точно, что там было... и сделать так, чтобы оно не повторилось!

Звучало это донельзя логично.

– Мы составим план, – бодро заявила Ариция Ладхемская.

– И воплотим его, – её сестра облизала пальцы.

– Докажем свою полезность, – поддержала Мудрослава. – И победим.

– К-кого? – робко поинтересовалась Теттенике, которую несколько смущало это такое удручающее единство.

– Всех, – Брунгильда хлопнула себя по ногам. – Или умрем с честью!

– Я бы предпочла без этого вот... – Ариция сделала непонятный знак рукой. – Умирать нам еще рано. Главное, что если мы ему поможем, то докажем свою полезность. А еще он будет нам должен. И когда мы попросим остаться, то...

– На не откажут!

Летиция Ладхемская даже подпрыгнула и в ладоши хлопнула.

А Теттенике подумала, что она, верно, окончательно сошла с ума, если этот, напроць безумный план, ей нравится.

– А ты не молчи, – Ариция дернула за рукав. – Рассказывай там, кто и как умрет. И от чего... и главное, последовательность... глаза вот закрой. Мне лично всегда проще с закрытыми глазами...

Глава 31

О проклятом зеркале, книге тьмы и иных, несомненно, важных вещах

«А из всех творений проклятых, кои были писаны богомерзкими чернокнижниками во сохранение отвратных их знаний и тайн, паче прочих известна великая «Книга Тьмы», ибо сотворена она была на заре времен. И вмещает сия книга все-то ритуалы, заклятья и зелья, когда-либо сотворенные. И тот, в чьи руки попадет она, обретет могущество небывалое. Станут подчинены ему демоны и духи, мертвецы будут подниматься по слову одному, дабы служить верой и правдой...»

«Трактат о писаниях дурных и запретных, подлежащих немедленному уничтожению, аки и владельцы оных».

«Книгу Тьмы» я даже полистала.

Книга как книга. Обыкновенная. Писана ровным аккуратным почерком. Наверное, если почитать, то многое узнаю, вдруг даже просветлюсь, но читать как-то под внимательными взглядами неудобно. А потому отдаю книгу Светозарному.

Ему всяко нужнее.

– То есть... её не прятали? – уточнила я на всякий случай.

– Нет, – Командор вернулся на прежнее место и сел. Вот что интересно, железа на нем с виду полтонны, не меньше, а двигается он беззвучно. И даже когда садится, то ничего не лязгает.

– А почему тогда она просто её не взяла? Могла ведь спросить, если тайны нет, – глупый вопрос. И ответ на ум приходит сразу. – Она не поверила! Она просто-напросто не поверила!

И голос мой звенит, за что становится немного неловко.

Конечно... я бы тоже не поверила. Пробираешься в логово врага, влюбляешь его в себя, замуж вон выходишь за-ради этой самой книги, в которой все тайны мира и еще немножечко больше. Выпытываешь, небось, окольными путями, чтобы никто не догадался. А получаешь вместо рецепта могущественного могущества философский трактат на тему, как плохо притеснять демонов.

Кто ж поверит, что это правда?

– Она решила, что это для любопытствующих, что... что настоящую «Книгу Тьмы» от неё скрывают. А раз так, то нужно набраться терпения и искать.

– Вообще-то в библиотеке много других занятных творений, – заметил Лассар. – Взять ту же «Демонологию» или «Введение в классические искусства». Чем они не устроили? Во «Введениях» вполне просто и понятно изложены основы классической некромантии. «Ритуалистика» вообще находка для начинающего чернокнижника.

– Может и так, – я поглядела на Ричарда, который был задумчив. – Только нужно знать, что они есть. И о чем они. С «Демологией» понятно, а вот эти... «Классические искусства», звучит так, будто там учат акварелью писать.

– В ритуалах обычно пишут кровью.

– Ну этого она могла и не знать. Как и её... друг, – чем дальше, тем больше я уверялась в собственной правоте. – Она и вовсе не чернокнижник. А он – самоучка. Каких-то званий нахватался, но каких и где – как понять? Он просто не знал о существовании других книг. Или считал их не важными? Зачем мелочиться, когда где-то тут...

Я обвела библиотеку рукой.

– ...сокрыта тайна из тайн и великое могущество? Но книга – хороший повод задержаться. И не только... – я прикусила губу. Говорить о таком неудобно, но... – Она могла подумать, что ей не доверяют. Твой предок. Тем более остальные тем паче верить не спешили, хотя...

Как сформулировать то, что я понимаю. Вот всю свою женскую сутью понимаю.

– Ребенок поднял бы её статус?

Не то.

– Увеличил бы степень доверия? Возможно...

– Лекарь, – вдруг произнес Командор и голос его прозвучал на диво глухо. – В замке не так часто появлялись новые люди. Нет, бывали купцы из тех, что сумели проложить путь. Вольные охотники, которые поумнее. Иные просились на службу. Кто-то на год или два... кто-то и вовсе... обычно те, кому терять нечего. Но сюда шли. Когда сами собой, когда семьями... она понесла. Нам об этом сообщили. Великая радость... незадолго до того, как меня... отправили на отдых.

Ему неприятно говорить о том.

Неприятно вспоминать.

Это словно подчеркивает, что он, Великий Командор, тот, кто многие годы сражался с Тьмой и её порождениями. Тот кто выстоял и отдал жизнь, а после – и то, что после жизни, дабы служить, он оказался лишь игрушкой.

Его ведь не спрашивали.

Его просто отправили. Убрали, пусть не в шкаф, но в саркофаг и на многие годы.

– Её мучили страхи. Она говорила, что слаба... её матушка умерла в родах. И беременность переносила тяжело. Она и сама тоже изрядно ослабела, особенно в первые дни. Её постоянно мутило, она не могла есть. И тогда в Замке появился лекарь. Целитель.

Чернокнижник.

Надо же. Все один к одному. И удивительно, как никто не понял. Тогда. Или... это мы такие прозорливые, теперь, годы спустя?

– Он пришел с купеческим караваном. Тихий невзрачный человек. Мне он показался шарлатаном, я так и сказал, – Командор повел шеей.

– Не послушали, – тихо произнес Ричард.

– Нет. Она ведь ожила. Вот буквально стоило ему прикоснуться и... ожила. Этого было достаточно, чтобы Арван решился. Его, конечно, проверили, этого целителя...

– Только проблема в том, что чернокнижника вычислить не так и просто. У него нет собственной силы, и потому он выглядит обыкновенным человеком. Первое время во всяком случае, – Ричард тоже говорил негромко. – Это уже потом, позже, проведенные ритуалы и пролитая кровь начинают сказываться, и то скорее на физическом облике, нежели на тонком теле. Значит, он попал в замок.

– И в библиотеку?

– Да. Думаю... он искал знаний. Утраченных. И получил разрешение. Он и вправду переписывал целительские трактаты. Да и... помнится, кого-то пользовал, помимо её. В замке ведь были люди. Так что... сомнений не возникло. Ни у кого, – это Лассар признал нехотя.

– Но ведь он чернокнижник, – Светозарный оторвался от книги, которую читал с превеликим интересом. – Как он мог исцелять?

– Обыкновенно, – вот же непонятливые люди. – Мази, отвары. Мудрые советы. Если он и вправду был толковым чернокнижником, то смог бы сварить там... сироп от кашля или от радикулита. Вряд ли к нему обращались бы с чем-то более сложным.

– Именно, – поддержал меня Лассар. – Простуды. Чирей вон порой. Раны случались... но хороший чернокнижник изучает анатомию. Без её понимания ни ритуала не провести, ни попытать. А потому составлять кости и шить мышцы он сумел бы.

– И роды бы принял.

– Тут уж я... – Лассар развел руками.

– Сумел бы, – я покачала головой. – Конечно... сумел бы... процесс-то естественный... только все равно что-то пошло не так. Почему-то. И зеркало... зеркало осталось, женщина тоже. А ребенок исчез. И... лекарь?

– Все были мертвы, – повторил Ричард.

– Нет, – я почти уверилась. – Не все. Людей убили. И... подозреваю так, что опознавать тела было сложно.

Ксандр поднялся и вышел.

И отсутствовал не так и долго. Вернулся он с очередной книжицей, небольшой, в две ладони. Серые страницы, темные ниточки букв. И даже мне видно, что записи велись нервною рукой. Строчки то сползались, то расползались, порой и вовсе слипались друг с другом.

Дневник?

– Это записи Арвиса, младшего брата Арвана, того, который после его смерти стал Повелителем, – пояснил Ксандр. – И он был в числе тех, кто вошел в замок. Где же... вот... *«и коридоры были залиты кровью. Алая, она покрывала и стены, и полы, и даже потолок, оставив на нем причудливые разводы. Брызги крови лежали на дверях и окнах, и казалось, что не было в замке места, каковое осталось бы чистым. Мы ступали по лужам этой крови, в которых порой попадались руки или ноги. В углу я увидел голову, с которой демон*

содрал кожу. В главной зале, перед полотном, которое меня всегда ужасало, мы обнаружили целую груду тел. И все они были освежеваны, будто в насмешку над нами».

Меня слегка замутило.

И не только меня. Даже Светозарный отвлекся от книги.

– Дальше? – тихо спросил Ричард.

– Дальше там ничего особо и нет. Только то, что они стаскивали тела во двор, очищали огнем. Что многие потеряли своих близких и преисполнились гнева.

Как-то...

– Значит, сказать точно, кто именно умер и в каком количестве, нельзя, – сделала я вывод, справившись с тошнотой. – Может... именно поэтому и все... эти зверства? Чтобы спрятать? Кто будет искать одного единственного лекаря, к тому же чужака, когда вот такое вот?

А пока рыцари возвращались.

Воевали с одержимой.

Горевали.

Устраивали похороны и приводили в порядок замок. Пытались справиться с болью от потери близких... он мог бы уйти.

И ушел.

– Зеркало, – я посмотрела на Ксандра и задала тот самый, интересующий меня вопрос. – Что они сделали с зеркалом?

А тот нахмурился, перелистал страницы и с удивлением ответил.

– Понятия не имею. Он... об этом не пишет. Хотя, конечно, странно... он писал почти обо всем.

– А о смерти брата?

– И о ней. Сейчас...

Страницы зашелестели.

– Вот... *«На границах вновь стало беспокойно. Улас уверен, что близится прорыв, и я склоняюсь к тому, что он прав. Я буквально кожей ощущаю нестабильность. И туманы. Туманы всегда были вернейшим признаком. Мы отправились к границе. Нужно предупредить людей. Люди порой проявляют удивительную беспечность, не желая оставлять свое нехитрое добро, уверенные, будто стены домов их защитят от зла. Арван остается. Он сумрачен и мрачен, он так и не оправился от случившегося и порой мне*

кажется, будто бы и он умер в тот проклятый день. Улас не велел его тревожить. Замок сумеет защитить себя и людей в нем. В то же время у нас состоялся весьма неприятный разговор с Уласом. Он наотрез отказывается принимать власть и ответственность, пусть даже очевидно, что Арван не способен боле быть Повелителем».

Ксандр замолча и перевернул страницу.

Никто не посмел его торопить.

«Но это надо сделать. Мы не можем позволить себе слабости. И что бы ни случилось прежде, вина лежит на нас всех. Но Арван не желает того слышать. Порой мне кажется, что тьма коснулась и его. Правда, кровь еще защищает нас, потому-то его безумие тихого свойства. Он целыми днями рисует. Одержимо. Самозабвенно. И всегда одно и то же лицо. Когда-нибудь я сожгу эти проклятые рисунки».

Страшно.

Почему-то мне очень и очень страшно. И в библиотеке похолодало. Я поглядела на Ричарда, а он осторожно положил руки мне на плечи и улыбнулся, печально так. Будто желая успокоить, но не умея.

«Перед отъездом я заглянул к нему. Но он будто и не заметил. Он сидел напротив зеркала. Это было другое зеркало. Но Арван смотрел в него, не отрывая взгляда. И рука его скользила по бумаге, выводя тот же самый рисунок. Я пытался говорить, но не был услышан. Надо что-то делать».

Ксандр выдохнул.

А я прижалась к руке щекой и закрыла глаза. Как-то это все... начиналось не так.

Невесты.

Свадьба.

Свадьбы – это ведь весело и позитивно. А у меня на душе будто кошки насрали.

«Две недели. Но к концу первой туманы поредели, а после и вовсе исчезли. Да и тьма успокоилась. Не знаю, что произошло, но готов восславить всех богов, нынешних и прошлых, ибо нам нужна эта передышка. Страшно сказать, однако поход этот показал, что люди не готовы сражаться. Они, однажды вернувшись в разоренный дом, теперь бояться, что случившееся вновь повторится. Я вижу это в их

лицах, в их глазах. Улас же как-то обмолвился, что многие будут рады умереть. И что случись шанс, они его не упустят. Я вижу, что он прав. И эта правота травит мне душу. Поневоле появляется мысль, что здесь, на Проклятых землях, живым и вправду не место. Но завтра мы будем дома. Что ждет нас там?»

Глава 32

В которой количество чернокнижников увеличивается, а еще строятся теории

«Однако нельзя со всей определенностью заявить о существовании так называемой «предвечной тьмы», которая якобы тлетворно воздействует на души и сердца людей, ибо и первое, и второе, и третье – суть понятия нематериального свойства, а потому современная наука не обладает достаточными возможностями, дабы изучить их».

«Трактат о Великой Тьме и многих сомнениях, рожденных ищущим разумом»

Странно.

Ричард ведь читал этот дневник. Все читал. Сперва потому, что так было принято. Затем... в какой-то момент он увлекся. В какой-то момент показалось, что он живет там, в прошлом, в совершенно ином, пусть даже таком знакомом мире.

Только почему-то он не помнит... или нет.

Помнит.

Конечно, помнит.

Они вернутся в замок, тот, кто вел дневник и его брат Улас. И люди. Только почему-то воспоминания эти стерты. Ричард знает, что произойдет, но при всем том слова, которые читает Ксандр, будто и не знакомы.

«Нас встречал запах свежего хлеба. И не было во всем мире аромата более правильного и нужного. Я сам ощутил, как отпускает страх, незримыми когтями сжимающий сердце. И Улас вздохнул с облегчением, ибо этот запах, запах жизни, говорил, что в замке все хорошо. Что, вернувшись, не попадем мы вновь в тот ужас, который до сих пор видится мне во снах».

И эти слова Ричард читал.

Точно.

Но давно, вот и стерлись они, выветрились за ненадобностью. Однако прочие слушают. И на лице Светозарного застыла гримаса боли. А Лассар спокоен и вовсе кажется, будто он дремлет, что неправда. У демоницы же теплые плечи. И пахнет от неё пусть и не хлебом, но тоже хорошо.

«Нам сказали, что Арван сразу после нашего отъезда заперся в своих покоях и не покидал их. И слуги, что оставляли еду у дверей его, клялись, будто бы оставалась та нетронутая. Мы с Уласом переглянулись, и клянусь, что в головах наших была одна-единственная мысль. Постыдная. Недостойная любящих братьев. О том, что так будет лучше для всех. Если он умрет».

Наверное, стыдно писать о подобном.

Ричард... он пытался вести дневник, но после бросил. Какой смысл, если ничего-то важного не происходило? О чем в самом деле-то писать? О том, что в горах зачистили большую стаю жмыров? Или что купцы поставили городу сорок бочек китового жира? Или что пришлось разбирать дело с претензиями на прогоркшее масло, которое якобы продавалось свежим?

Смех один.

Но сейчас вот вовсе не смешно.

«Мы велели слугам и всем, кто был, уйти. Появилась мысль поднять Командора, но Улас сказал, что тот будет зол. А то и вовсе, узнав о произошедшем, впадет в ярость. Мы не были уверены, что сумеем справиться с этой яростью».

– Дураки малолетние, – проворчал Лассар.

А Ричард с ним согласился. И они. И отец тоже... почему никто и никогда больше не позволял себе побеспокоить Командора? Боялись этого вот гнева? Или... нет, не в страхе было дело.

В стыде.

Они, жившие многие годы тому, осознали, что совершили ошибку. И заплатили за неё многими жизнями. Как после такого в глаза смотреть?

А потом?

Что потом?

Неужели стыд был столь силен? Или же... восстание... и тот ритуал, когда Повелитель тьмы, тот, кто стоит на страже, сам принес тьме жертву? Как после такого... а отец? Отец просто знал, что Командора нельзя вызывать. Что он должен справиться. Сам.

И Ричарду знание передал.

«Мы вынесли дверь, что удалось не сразу. И это тоже было удивительно, ведь прежде Замок охотно откликался на наши просьбы. Но ныне дверь оставалась заперта. После мы увидели, что Арван придвинул к ней сундук, да еще сунул под ручку свой меч, столь сильно он не желал, чтобы его побеспокоили».

Голос Ксандра звучал глухо, отстраненно.

«Мы нашли его, лежавшим в постели. Характерный запах, пропитавший все-то в комнате, говорил, что смерть наступила давно. Но, проклятье, он выглядел до невозможности живым. И я до конца дней своих буду помнить ту безумную радость, что застыла на лице его. Даже не радость – счастье, огромное, всеобъемлющее».

Тишина.

А у демоницы сердце бьется. Стучит-стучит. И Ричарду хочется слушать его. Только его.

– Дальше там рассказывается, что они обыскивали комнату, но не нашли ничего-то. Ни книг, ни артефактов. Хотя... погодите.

Ксандр перевернул страницу, и палец его заскользил по строкам.

– Да. Вот. *«Мы... ага, в камине мы нашли горстку белого пепла. В нем явно что-то сжигали, и делал это сам Арван. Мы сперва не могли понять, что же сгорело, но потом Улас заметил, что нигде-то нет ни альбома, с которым Арван не расставался, ни готовых рисунков. И я устыдился собственной невнимательности, ибо в последние недели эти рисунки заполняли всю-то комнату»*, – Ксандр закрыл книгу. – Как-то вот так. Там есть еще кратко про осмотр, который провели, но больше для порядка. Ран на теле не было обнаружено. И все пришли к выводу, что у бедолаги просто не выдержало сердце.

– Или его отравили, – подала голос демоница. – Что? На самом деле вполне себе... хотя... может, и сердце.

– Зачем кому-то травить? – поинтересовался Ксандр.

– Ну... не знаю. По мне парень явно... того, в смысле, свихнулся. А свихнувшийся Повелитель Тьмы... мало ли, что ему в голову взбрело бы? Так что... может... вы не подумайте, это исключительно

предположение, но держать такого рядом как-то... – она пожала плечами. – Или вот... у многих же погибли близкие тогда, верно?

– Верно, – Ричард подумал, что руки пора бы убрать. Но не убрал.

– Вот. И... как знать. Люди всегда ищут виноватых, а тут... кандидатура. Хотя, конечно, может, я и не права. Скорее всего не права. А если и права, то мы не узнаем. И разницы никакой по сути. Умер, отравили... главное, не понятно, что с зеркалом стало.

– И с ребенком, – напомнил Лассар.

– И с ребенком... – демоница почесала рог. – Извините, свербит...

– Растут.

– Что?

– Сила больше и рога больше.

– Куда уж больше-то! – возмутилась она и потрогала. И вид сделался сосредоточенным донельзя. А еще почему-то обиженным. И это было забавно. – Я же не корова, в конце-то концов!

– Вообще-то рога – главное украшение демона, – Лассар произнес это с усмешкой. – И чем больше они, тем демон сильнее. Помнится... вызывали как-то... одного... так у него рога за затылок уходили, на спину, и уже там завивались.

– Не корова... антилопа... антилопа, мать его, гну... – вздохнула демоница, руку убирая.

– Кто это? – уточнил Ричард.

– Одно существо... удивительно красоты и силы. Не важно... главное, тут все умерли. А... а с ребенком-то что стало? Допустим... если все, как он рассказал, – палец демоницы указал на Ксандра. – То... то ваш чернокнижник...

– Не наш.

– Сам по себе чернокнижник с младенцем пробился на свободу. Такое возможно?

– Сомнительно. Все же тогда горы. И тьма... но тьма и чернокнижник... если он зашел достаточно далеко, то она могла признать его своим. Как и дитя. Тогда тьма помогла бы, – задумчиво произнес Ричард. И главное, чем больше он думал, тем сильнее уверялся в своей правоте. – Тогда... тогда получается...

– Что Несиар Проклятый и вправду удалился от людей, – заговорил Светозарный. – И это объясняет, почему на весьма длительный срок он словно бы исчез. Он жил. Растил ребенка... для

чего-то. Постигал темные науки. А потом в один прекрасный день поднял армию мертвецов и отправился... и вправду к горам! Они были правы!

– Правы, левы, – проворчал Лассар. – Угомонись, мальчик.

Но Светозарный угомоняться не пожелал.

– Но для чего? Они ведь вырвались. Выжили. О них никто не знал. Они жили и... и никому не нужны были по сути своей. Кто тогда слышал о Несиаре Проклятом? Никто. И они вполне могли бы и дальше... но зачем тогда? Считается, что Несиар хотел стать владыкой мира! Покорить все земли человеческие, однако меня всегда смущало, что покорять он их начал как-то... странно, что ли? Первые сведения о его армии появляются близ города Пунто. Да и не город это даже, так... сотня домов и площадь торговая. Там и стражи-то своей не было. И захватить его мог любой. А Несиар провел мертвецов стороной. Не стал ни грабить, ни... объявлять себя кем-то. Нет, он просто прошел мимо! Только кладбища разорил зачем-то. С ним, если верить хроникам, и без того тысячи мертвецов шли.

– Тут как раз и понятно, если мертвецов просто поднимать, без предварительной подготовки, то долго они не протянут, – отмахнулся Ксандр. – Но теперь я и вправду склонен думать, что их было двое... этот ваш, Несиар...

– Не наш он, не наш, – Светозарный покрутил корону и со вздохом руку убрал. А потом перевел взгляд на Ричарда. – Может...

– Нет, благодарю, мне и Замка хватает.

Светозарный опять вздохнул.

– Орден... Орден потерял многих на той войне. Я читал хроники, только... понимаете... не то, чтобы я вовсе им не верю. Нет. Но они были в основном о подвиге. О великом подвиге во имя людей и мира.

– А фактов – один, два и обчелся? – Ксандр вытянул ноги. – Так оно часто с хрониками бывает. Думаю, если бы у нас было время писать хроники, они бы мало чем отличались.

– В том и дело, – Светозарный положил рядом с короной и меч. – Я как-то... привык... оно ведь понятно. Мы добро, вы – зло. Владыка Проклятых земель. Тварей коварных, что тут обретаются. А выходит... выходит, что вы все это время делали то же самое, что и мы!

– Пожалуй, – осторожно согласился Ричард.

– И как теперь? Кто в это поверит?

- Никто, – пришлось вновь соглашаться.
- Меня обвинят в сговоре... а это и вовсе... чтобы Светозарный, глава ордена, и принял корону Проклятых?
- Сами они Проклятые, – проворчал Лассар, правда, не зло. – Мальчик, послушай совета старого нелюдя. Меньше думай о том, что будут думать о тебе.
- Я и не собираюсь, но... понимаете, Храм ведь...

Храм.

Храмы Артана всегда пугали. Он помнил, как впервые оказался не в семейной молельне, а в том, в городском храме, который славится на все Побережье. Огромное строение из серого камня возвышалось над другими домами, подавляя их своим величием. И тонкие колонны устремлялись ввысь, а сам Артан под сенью их ощутил себя до боли крохотным.

Незначительным.

Он шел, держась за матушкой, и сердце глухо колотилось в груди. А храм наполнялся чудесными голосами, и песнь их будоражила душу.

И та тоже пела.

А вот службу Артан почти и не запомнил. Что-то там было... кроме того, что Кристоф кривился и притворно вздыхал, положив золотую монету, отцом выданную, на специальный поднос. И потом уже, после храма, произнес мечтательно:

– А сколько же можно было кренделей купить.

Кренделей им тоже купили, по случаю праздника. Да и в целом тогда отец позволил погулять по ярмарке, что раскинулась на главной площади.

Потом... потом они возвращались вновь и вновь, ибо иначе было невозможно. Почтенные семейства не избегают храмов. Почтенные семейства должны показывать людям свою благочестивость.

Кристофа это злило.

Артан же... оправившись после того случая, с проклятою книгой и кровью, он сам отправился в храм. И долго не решался войти. Все казалось ему, что Светлые сестры видят, каков он на самом деле.

Мерзок.

Темен.

И стоит сделать шаг, его поразит молния.

А потом к нему вышел служка и задал вопрос. Какой-то глупый, неважный, но позволивший отвлечься. И Артан сделал шаг. Другой. Третий. Он очнулся уже у главного алтаря, пред которым медленно плавилась восковые свечи. И глядя на огонь успокоился.

Тогда он молился.

И тогда понял, что должен делать. Тьма... тьма ведь не исчезла. Она затаилась, там, внутри. Она прорывалась порой дурными мыслями, грязными, подлыми, странными мечтами, даже желаниями противоестественными, ибо хороший добрый человек не будет желать смерти своим близким... о да, та тьма смирялась и отступала.

В Храме.

Дальше было... проще. Он рос. И тьма окончательно притворилась, будто исчезла, верно, надеясь обмануть Артана. А он взял и не обманулся.

Настоятель предлагал ему монастыри.

Хорошие.

Известные.

Настоятель говорил о том, что богатый дар оным монастырям позволит Артану занять положение, которое соответствует его семье. И что карьеру можно сделать. Что со временем юноша столь разумный, не обделенный многими талантами, всенепременно сам станет настоятелем. Или даже, при должном старании, одним из двенадцати Верховных.

А он выбрал орден.

Глупец.

Ослабевший, никому не нужный уже Орден Света с его болезненной гордостью, с памятью о временах былой славы и долгами.

Тогда ли Артан впервые столкнулся с недовольством Храма? Или после?

И сталкивался ведь.

Раз за разом.

Как объяснить?

Он провел ладонью по гладкой стали... он умрет, это, кажется, предрешено. И Артан не боится смерти. В конце концов, он столько лет жил с мыслью о подвиге, что как-то даже и привык. В балладах

герои всегда умирают. И пожалуй, это единственное, о чем баллады не врут.

Но Орден...

– Я напишу своим людям, – просить о таком больно, и незримая рука сжимает горло. – Если ты позволишь. Я напишу и предложу... в конце концов, и вправду... смысл нашего существования в том, дабы оберегать людей от тьмы. А, как сказал мой брат, это проще делать там, где тьма и вправду существует. Нас немного осталось. Большею частью старики, которые не особо хотят воевать, но многое знают и умеют. Архивы... пусть забирает Храм, там нет ничего особо ценного. Ученики... им некуда идти.

Да уж, он и вправду не умел просить.

Но его поняли.

И Повелитель Тьмы склонил голову:

– Здесь всегда были нужны люди. А уж те, кто готов сражаться, и подавно... но... возможно, здесь будет не безопасно. Если и вправду... все так, как виделось.

– Погодите, – демоница раздраженно щелкнула хвостом. – Вот что за люди... еще ничего не случилось, а они уже помирать собрались героическим способом. Мы вообще с чернокнижниками разбираемся.

– С чернокнижниками, – Артан улыбнулся и подумал, что уже одного того факт, что он сидит и мирно беседует с отродьем тьмы достаточно, чтобы проклясть его имя.

А когда станет известно остальное...

Его не просто проклянут.

Как бы отцу не пришлось худо... Кристоф предупредит.

– Дознание по тому делу проводил Храм. Он искал свидетелей, допрашивал их. Тех, кого удалось найти. А их было немного, потому как Проклятый живых не слишком-то жаловал. Многие протоколы были засекречены. Помню еще, что больше сотни человек угодили на костер. Их обвинили в соучастии. В содействии тьме. Хотя... протоколы, повторюсь, скрыты.

Вот только ушло на костер великое семейство Арацци, обвиненное в тайном сговоре с Проклятым. И земли их богатые отошли храму, как и семеро наследников, что бесследно сгинули где-то в монастырях.

Раньше Артан о подобном не думал.

Теперь вот... последнее письмо от Храма, мягкое, ласковое даже. Убеждающее. И предупреждающее, что бездействие Артана приведет к серьезным последствиям.

Будто они когда несерьезными были.

Он тряхнул головой.

– У нас сохранилось не так и много. Мы... преподаем ученикам историю. Примеры. И путь Несиара Проклятого довольно неплохо изучен, хотя, конечно... он долго жил на побережье, и считалось, что именно тогда-то и увлекся запретными книгами. А получается, что произошло это много раньше.

Корона наощупь была теплой.

Вернуть бы её. Вот только не вернется.

– Если же предположить, что он воспитывал ребенка... возникает вопрос, зачем? Чей это был ребенок?

Тишина.

– Была ли эта женщина и вправду в положении, либо же... иногда женщины, – говорить о подобном было немного стыдно. – Несколько...

– Врут, – произнес Лассар.

Еще один проклятый. И долг Артана уничтожить его. Всех тут, только почему-то долг этот кажется на диво неправильным.

– Но я думаю, ты ошибаешься... некоторые вещи мы чувствуем. Нет, это дитя было нужной крови.

Пускай так.

Что это меняло? Или...

– Возможно... если принять во внимание, что он исследовал... книги там или что-то другое, – заговорила демоница. – Для него это стало еще одним экспериментом. Смотрите, он излечил женщину, но при этом сомневаюсь, чтобы она после лечения осталась другой. Добавь древний артефакт, тьму... каким был этот ребенок вообще?

– Не знаю, – Артан замер, прикрыв глаза. – Вот... знаешь, они ведь ввали.

– Кто?

– Храм.

– Тебя это удивляет? – поинтересовался Лассар.

Нет. Пожалуй, уже нет. Тот ребенок, который когда-то восхищался величием храма, вырос. И понял, что золото – на самом деле его там

крохи. А поют вовсе не пресветлые девы, но обычные женщины, серые и усталые, посвятившие свою жизнь служению. Но почему-то несчастливые от того.

– Я как-то не задумывался... сохранились описания Несиара. Во многом – как богомерзкого отступника, чей лик изуродовала тьма. Но... понимаете, один из братьев... он был там. И он писал, что тот выглядел обычно. Что не было печатей зла. Что мужчина среднего возраста с чертами лица благородными. Темноволосый, темноглазый. Но...

– Печати зла всегда интереснее. И понятнее людям.

Может, и так. Но все одно отчего-то горько, будто это он, Артан, кого-то да обманывал.

– Но ведь если судить по времени... Несиару должно было быть около семидесяти... то есть, он отправился в поход к горам, ему было за тридцать, а то и вовсе около сорока. Может, и больше сорока. Потом он вернулся... Храм уверял, что тьма продляет жизнь. А отступник, которого повергли в бою, тоже звал себя Несиаром.

– И это всех запутало?

– Именно.

– Что с ним вообще сделали? – демоница сидела и гладила хвост. На кисточке его вспыхивали огненные искорки. Они поднимались, дрожали и гасли. – С этим Несиаром?

– Убили.

– Нет, – она покачала рогатой головой. – Это я понимаю. Но как? Как?

А ведь и вправду... очередной общеизвестный факт, о котором, как выяснилось, толком никто и не знает.

– Близ города Истай случилось сражение. Армии объединенных королевств... тогда впервые, пожалуй, прекратились почти все распри, и даже Ладхем выступил вместе с тарнийцами. И Виросса там отметилась... а вот до степи мертвецы не добрались. Знаю, что участвовали и островитяне, но за деньги. Они всегда были неплохими наемниками. Выставил свои войска и храм...

– А у него войска есть?

– Есть рыцари разных... орденов. Других, – на всякий случай уточнил Артан. – Были. Ныне, сколь знаю, Храм предпочитает обращаться к наемникам. Это и дешевле, и...

– Безопаснее.

– Именно. Лет двести тому орден пресвятой Багулии объявил, что не признает над собой руку Храма. И земли свои потребовал. А к тому времени земель у него собралось много, вот и вышло... нехорошо. Но в случае с Несиаром войска были. И сражение кипело несколько дней. Люди падали и умирали, а мертвецы поднимались, вселяя в души живых страх. Казалось, что нет в мире силы, способной остановить Проклятого. А потом вдруг все прекратилось.

– Вот так взяло и прекратилось? – не поверила демоница.

Артан развел руками.

– Мертвецы стали падать наземь, а иные, которые еще держались, вдруг сделались вялыми. Их рубили на куски, а после сжигали. Войска же Храма первыми пробилась к лагерю. Там-то и обнаружили Проклятого.

– Подозреваю, что мертвым, – Ксандр покачал головой. – Перенапрягся парень. Это ж надо додуматься было, наживую покойников поднимать.

– А... как надо? – уточнил Артан.

Так, на всякий случай.

– Покойников вообще лучше не трогать, – Повелитель Тьмы глядел на демоницу с нежностью, и странное дело, этот союз не казался противоестественным. И отвращения должного Артан не испытывал. Вообще никакого отвращения не испытывал. – Даже человек, у которого есть дар поднимать мертвых... а подобные активные некроманты встречаются крайне редко, тратит на подобное действие много сил. И совсем другое дело, если мертвеца предварительно обработать.

– Да и гниет он меньше, – поддержал Повелителя Ксандр. – А этот ваш... недоучка вообразил себя всесильным.

– Хотя он был силен, – Ричард покачал головой. – Я и одного мертвеца с трудом подниму, не говоря уже о том, чтобы удержать.

– Это да... его бы обучить толком...

Артан содрогнулся, представив, на что был бы способен обученный чернокнижник... точнее, некромант. Хотя все одно он не слишком понимал разницу, но верил, что она имелаась.

– Вот только, – вновь подала голос демоница. – Все равно не понятно, что ему было нужно здесь?

Глава 33

Где будущее отказывается раскрываться, а вот прошлое распахивается

«Кто и когда впервые вызвал демона, не известно. Вероятно, было сие случайностью, которая, как часто случается, открыла людям новые возможности. И далеко не всегда использовались они во благо. Тем не менее к настоящему времени сохранилось несколько видов ритуала призыва, которые не так уж сильно отличаются друг от друга. Ритуалы эти, созданные в незапамятные времена, по мнению некоторых, восходящие к периоду Империи (что, однако, представляется сомнительным, как и само существование подобной державы), ныне относятся к числу запретных...»

«Ознакомительная история демонологии и иных темных наук», курс, читаемый Магистром Сатиусом для студиязов Ладхемского университета.

Теттенике хмурилась.

И еще больше хмурилась. Она сидела, зажмурившись, и пыталась заглянуть... в будущее? Не то, чтобы ей хотелось, но девушки правы. Если есть возможность, то ею нужно воспользоваться. И... и быть может, у Теттенике получится найти решение.

Правильное.

Или хотя бы какое-нибудь, главное, чтобы не все умерли. Хорошо бы, конечно, чтобы вообще никто не умер, но тут уж она сомневалась.

– Никак? – осторожно поинтересовалась Летиция Ладхемская.

Теттенике вздохнула.

– Может, тебе все же прилечь? Может, оно лежа прозревается лучше? На вот, – Ариция протянула шелковую подушечку. И Теттенике легла.

Лежа тоже ничего не прозревалось, ни ближнее будущее, ни дальнее.

Она лежала с закрытыми глазами, изо всех сил пробуждая в памяти то, увиденное прежде, а оно все никак не шло. Только лежать стало неудобно и пятка зачесалась. Левая.

Затем и правая.

Несколько мгновений Теттенике с почесуном этим боролась, но потом все же поскребла пятку о пятку.

– Может, ей уснуть надо? – это уже островитянка. – А мы тут лишние...

– Это да, я никогда не могла уснуть среди сенных девок, – пожаловалась Мудрослава. – Вечно полягут, одна ворочается, другая вообще храпеть начинает.

– У нас одна фрейлина во сне песни пела, – это уже Ариция. – И ведь с виду нормальная, а как уснет, так и начинает. Главное, что фальшивила зверски!

– Уходим?

– Эй, – над Теттенике склонились. – Мы... того... уйдем, ладно? Посидим там вон... а ты, если вдруг привидится чего, то кричи.

– Закричу, – мрачно сказала Теттенике, глаз открывая. – Не сомневайтесь.

– Может, зелья сонного? – Ариция глядела презадумчиво.

– А если она потом не проснется? – возразила ей сестра. – Нет, с даром шутить нельзя. Просто нужно, чтобы она успокоилась и... и само придет.

– Придет ли, – Теттенике села. Голова слегка кружилась, и слабость опутывала.

– Поверь. Даже если захочешь, чтобы не приходило, оно все одно... ты, главное, когда начнется помни, что это все – видение. И ты можешь им управлять.

Может ли...

А если не получится? Если это не дар, а... а случайность? Если... если она, Теттенике, ни на что не способна? Оно ведь может так быть?

Конечно.

Она ведь всегда была слабой. И трусихой. И... конь летит, морда в пене. Глаза его налиты кровью. Она была маленькой, она не сумела бы рассмотреть. Шкура мокрая от пота. Конь безумен.

И шарики играют.

Звенят в руке.

Протяни и коснешься.

Теттенике слышала, как уходили принцессы. Недалеко. Они остались за дверью. Говорят о чем-то. О ней? Не важно. Главное, золотые бубенцы звенят в её руках. Поют.

Красиво.

– Мама?

Тишина. Но дышится легко. Ветер принес сухой воздух, горячий, какой бывает в середине лета, когда солнце слишком уж щедро делится теплом своим. И воздух этот высушивает слезы.

А Теттенике...

Видит дороги.

И первая сама ложится под ноги. Эта дорога, она... она почти проваливается, спеша затянуть Теттенике в видение. Только она хозяйка своему дару. Она... и видение мелькает перед внутренним взором.

И вправду дорога.

Прочь.

Конь идет, несет обоих. Через горы. По-за границу их... и она, Теттенике, счастливо прижимается к груди мужчины, который станет её мужем. Нет, он не обманет.

И слово данное будет крепко.

Они поселятся... где-то, не суть важно. Она видела белостенный дом, не большой, но и не маленький. Сад. Розовый куст. Дитя в колыбели. Счастье было таким всеобъемлющим, что на глаза навернулись слезы. И потому она не сразу поняла, когда мир этот начал рассыпаться, поглощенный тьмой.

Та появляется грозовой тучей.

Пеплом, что кружится будто снег. И люди выходят из домов поглядеть на этакое диво. Они удивлены. И соседка Теттенике, пухлая женщина, от которой всегда пахнет сладко, вытирает руки, бормоча что-то про погоду. Не та она ныне.

А потом...

Потом тьма ложится на море. И море вскипает. А она, добравшись до берега, пожирает всех и вся...

...Теттенике кричит.

И задыхается этим криком. Она успевает открыть глаза.

– Тише... вот на, выпей... Бруня, да не стой столбом, намочи тряпку какую...

Её обнимают.

Успокаивают.

Гладят. Говорят наперебой. И щебет этих голосов, как ни странно, возвращает саму способность дышать. Она захлебывается, и мокрая тряпка, которая, кажется, была шелковым шарфом, не раздражает.

– Видела? – Ариция Ладхемская сует под нос что-то на диво вонючее.

– Д-да.

– Опять страшное?

– Да, – Теттенике отодвинулась. – Убери. Что за...

– Соли нюхательные, – Ариция сама понюхала изящный флакон и скривилась. – Действительно, гадость редкостная! Но ведь помогает.

В дверь постучали.

– Тетте?

– Все хорошо! – Теттенике размазала воду по лицу. – Просто... мы тут с девочками...

Она развела руками и брат, который заглянул, хмурый, злой, смутился. Кажется, он не ожидал такого.

– Доброго вечера, – Летиция Ладхемская присела, склонив голову. Странные все-таки у них, в Ладхеме, привычки.

– Мы решили попить чаю, – взмахнула рукой Ариция Ладхемская.

– И вот... – добавила Мудрослава.

– А... – брат явно растерялся. Но тут же взял себя в руки. – А кричал кто?

– Я, – призналась Теттенике. – Просто... испугалась немного.

– Чего?

– Бровей.

– Бровей? – переспросил брат.

– Именно, – Летиция расправила юбки. – Понимаете, у нас зашла речь о красоте. Например, в Ладхеме женщины сбывают брови.

– З-зачем?

– Говорю же, для большей красоты.

На лице брата появилось выражение недоуменное.

– И волосы тоже. Чтобы лоб был высоким и красивым. Как у меня, – Летиция повернулась боком и потрогала. – Правда, уже отрастать начали... и вот даже не знаю... удивительно, что у вас такого не делают.

– У нас наоборот, – поддержала беседу Мудрослава. – Брови чернят. Некоторые и вовсе рисуют, чтоб широкие, взлет... а у вас?

Брат моргнул.

– У нас только гулящие малюются, – голос Брунгильды звучал глуховато. – Если кто вздумает, то и ославить могут.

– А в Ладхеме скорее не поймут, если выйти к людям без должного макияжа... а вот еще я слышала...

Брат попятился.

Осторожно так.

– Погодите! – Ариция в два шага оказалась рядом. – Не спешите уходить! Нельзя оставлять вопрос нерешенным.

– Бровей?

– И их тоже! Вот скажите, я красивая?

– Безусловно, – брат поклонился и добавил. – Душа моя радуется, когда глаза видят столько воистину прекрасных женщин. Но прошу простить меня, дерзкого, прервавшего вашу душевную беседу. Не будет ли наглостью с моей стороны велеть, чтобы подали вам что-то... помимо чая?

И удалился.

Быстро так. Теттенике в жизни не видела, чтобы дорогой брат от кого-то сбегал. Это было настолько... настолько удивительно, что она и рот приоткрыла.

– Мужчина, – фыркнула Ариция, возвращаясь. – Испугался, что потребую сказать, кто из нас краше.

Мудрослава хихикнула.

И рассмеялась. А следом за нею и сама Ариция, и Летиция, и кажется, Теттенике тоже. Только смех её смешивался со слезами. Она, наверное, сошла с ума, если может смеяться, увидев то... то, что увидела.

– Мир умрет, – сказала она, подавившись смешком. – Мир... умрет, если я сбегу. Весь мир.

И зубы клацнули о край чашки.

– Не торопись, – Брунгильда держала и чашку, и саму Теттенике.

Сильная женщина.

Хорошая.

Такая жена много чести мужу принесет. Много уважения. Ведь со слабым мужчиной такая женщина не останется. Тоже мысль глупая, но... но брат себе еще ни одной жены не выбрал, хотя ему многих предлагали. И из родов уважаемых, и красивых, и богатых, а он вот...

– Моя прабабка, она не умела видеть, как ты, – грудной глубокий голос Брунгильды успокаивал. – Но у неё тоже дар имелся.

– Подозреваю, он у всех имелся, – добавила Мудрослава, но тихо, чтобы не мешать.

– Может, и так. Что ж теперь... так вот, она умела бросать кости. Она вырезала руны и бросала. А потом читала будущее. И часто предсказания её исполнялись. Часто, но не всегда. Так вот, она говорила, что впереди много дорог. А помимо их и тропки имеются. И лишь человек знает, на какую свернет. Она же упредить может, куда сворачивать не след. Правда...

Островитянка замолчала, но все ж добавила:

– Правда, она говорила, что есть такие дороги, с которых свернуть тяжело, если и вовсе не невозможно.

Теттенике закрыла глаза и окончательно успокоилась.

– Я видела, что... что согласилась уехать.

– С тем, который со шрамами? – в голосе Летиции звучало любопытство. – Что? Ни шикай на меня, Слава. Интересно же. Он такой... жуткий.

– Сама ты жуткая, – отозвалась Мудрослава. – Серьезный мужчина. Сразу видно. Или у вас в Ладхеме шрамов боятся?

– Скорее уж не принято... их же запудрить можно.

– А еще скажи, что ему брови сбрить надо. И волосы тоже.

Теттенике отчего-то представила брата. Напудренного, со сбритыми бровями и волосами, которые убрали под парик. И так ей смешно стало, что она не удержалась и хихикнула.

И не только она.

– Ничего то вы, – проворчала Ариция, – в красоте не понимаете...

Рассмеялись уже все.

А потом подали сладости. И служанки скользили, что тени, спеша убраться подальше. Пускай. Больше Теттенике не боялась. Ни будущего, ни прошлого.

Разве что лошадей.

И то самую малость.

Свет мой зеркальце, скажи...

То есть, молчи, пожалуйста, потому как и без того тошно. Впрочем, зеркало молчало. И вообще притворилось самым обыкновенным зеркалом.

Светозарный два раза обошел, даже пальцем в раму потыкал, но зеркало к этакой вопиющей вольности отнеслось равнодушно. Оно даже, словно издеваясь, отразило серьезную физию Светозарного. Подробненько так. И волосы его светлые ежиком, и подбородок, выдвинутый вперед пререшительно. И даже благородную горбинку носа.

Потом также отразило и Ричарда. Впрочем, он показался будто размытым и... жалким, что ли?

– Я тебя поймала! – сказала я и сама ткнула пальцем, правда, не в раму, но в стекло. И то вдруг поддалось, пошло мелкою рябью, размывая отражение. А внутри зеркала за клубилась тьма.

– Твою ж... – тихо, сквозь зубы, произнес Ксандр.

А я кивнула.

Его ж... и всех нас. Зеркало же, словно спохватившись, снова притворилось обыкновенным. Только теперь ему никто не верил.

– Вы знаете, что это такое? – поинтересовалась я у Лассара, который за нашими действиями следил этак, преснисходительно.

– Нет.

Жаль.

А ведь я надеялась.

– Но догадываюсь, – добавил Командор. – Когда-то... незадолго до катастрофы, уже когда мир стал рассыпаться на части, один из видных ученых предложил новый артефакт. Мгновенной связи а, возможно, и переноса.

– Переноса чего? – Ричард заглянул за зеркало. Это он зря. Я тоже смотрела. Ничего там нет. Рама только, точнее задник её, резной и серебром украшенный.

– В идеале – любого живого существа. Но, если опыты со связью удавались, то с переносом все было сложнее.

Лассар к зеркалу подходить не стал, но огляделся этак, с любопытством.

– Сам я не видел. Слышал лишь, что дело в энергии. Не хватало её...

– Как это вообще... – Светозарный опять заглянул в зеркало и отпрянул, когда навстречу из него плеснула тьма. И зеркальная гладь вспучилась темным пузырем.

– Ну... из того, что я слышал, а слышал я, скажем так, немного и то краем уха... я все-таки не ученый, поэтому уж извините... там что-то было связано с межмирьем. Они предположили, что миры разделены или, скорее уж, если так, объединены пространством, которое и можно использовать. Якобы в нем и время иное, и все-то иное. Зеркала были избраны из-за своей способности отражать. А дальше как обычно. Демон, ритуалы и все такое.

Я тихонько поскребла рог. Похоже, я становлюсь краше не по дням, а по часам. Правда, лишь с точки зрения демона.

– Первые зеркала были представлены Совету. Направление сочли перспективным...

– А... – я почесала второй рог уже без стеснения. – А оно не может быть связано?

– Что и с чем?

– Ну... эта великая жертва... ведь для чего-то её собирались принести. И вызвать демона. Очень сильного демона. Так вот, вряд ли он мог бы решить все проблемы разом. Все-таки... вы уж извините, но насколько я поняла, демоны... они как бы это выразиться... существа довольно прямолинейные. Армию там побить, сотворить чего. А вот если... если они... ну не демоны, а маги, конечно, собирались сделать... скажем... ну, сеть переходов. По всей Империи. Чтобы появляться там, где случилась беда. Раз и на месте, и великой магией моря усмирять, демонов покорять и все такое?

Я обвела собравшихся взглядом.

– Что?

Я что-то не то сказала? Но ведь и вправду же логично!

– А ведь вполне... – Командор постучал по стеклу, которое от его прикосновения прогнулось. Да и зеркало зазвенело, как показалось, с

возмущением. – Я правда... я не особо во всем этом разбираюсь, но если демон силен...

– И привязать его, – задумчиво произнес Ричард. – Чтобы стабилизировать проходы.

– Оставить открытыми.

– То получается...

Все уставились на несчастное зеркало, которое от такого внимания смутилось и поспешило опять притвориться нормальным. Даже отразило смотрящих.

– Может... – Командор отражению не поверил. – Его простынькой занавесить?

Глава 34

В которой зеркало отказывается покидать покои, а принцессы принимают решение

«А паче иных бед, грозящих счастливой семейной жизни, след опасаться подруг жениных, особенно тех, что ведут праздный образ жизни. Ибо примером своим, а тако же словами всякими будут будить они в душе жены сомнения, зависть и иные недостойные чувства. Оттого станет изводить она мужа упреками, требуя все новых и новых нарядов, украшений и иных вещей пустых»

«О сложностях жизни семейной и о том, как оных избежать».

Зеркало оказалось тяжелым.

Ричард сам попробовал поднять его. Потом вместе с Ксандром. Потом Ричарда потеснил Командор... в общем, зеркало оказалось очень тяжелым.

– Оно просто не хочет, чтобы его переносили, – демоница забралась в кресло с ногами и обняла колени. – Да и смысл?

– Можно попробовать изучить, – Ричард отступил от черного стекла.

– Так оно тебе и дастся.

Тьма медленно расползлась по стеклянной глади, выпуская одно пятно за другим. И те таяли, перерождаясь в мелкие капли, будто там, изнутри, шел дождь.

– С ним надо договариваться, – демоница потянула себя за прядку. – Или хотя бы попытаться.

– Договариваться с демонами – дурная затея, – заметил Лассар, но тоже отступил. – Опасная.

– Я не помню, как оно здесь оказалось, – Ричард нахмурился.

А ведь зеркало большое. Такое сложно не заметить и... и оно было. Точно было. Потом. Когда все изменилось.

И... и не могло ли все измениться из-за него?

Он подошел вплотную и, взявшись руками за раму, коснулся холодного стекла лбом. Закрыв глаза, пытаюсь сосредоточиться на слабом шепоте тьмы.

А ведь она и вправду шепчет.

Зовет.

И голос до боли знакомый. От этого голоса все переворачивается внутри. И больно. Снова больно. А казалось, что он давно уже сжился, сроднился с этой вот болью. А тут даже дышать стало невозможно.

Нет.

Это тьма.

Ей нельзя верить. Но... если кто знает правду, то только она. Надо лишь добиться ответа. И Ричард добьется.

Он отступил.

Сейчас.

Слишком многие смотрят. И во взгляде Ксандра читается сомнение, а Лассар и вовсе мрачен. Артан сжимает рукоять клинка. Древний меч. Легендарный. Такому самое место в родовой сокровищнице, а не на поясе этого проходимца.

Явился.

Нашел.

Злость колючая и сжимает горло. Справиться с нею нелегко, но Ричард справляется. И заставляет себя дышать. А еще успокоиться.

Тьма...

Тьма имеет тысячу лиц. И для каждого найдет, что сказать.

– Надо... – мысли все еще путаются, но Ричард справится и с этим. – Надо понять, что нам делать. Во-первых... этот чернокнижник, которого вироссы притащили. Ты послал за ним?

– Отправил пятерку.

Пятеро Легионеров – это много. Достаточно, чтобы справиться с одним человеком, даже если он и чернокнижник. Хорошо.

– Отлично. Выясним, что ему нужно. Выясни. Поговори с ним. Может... станет понятнее. Поискать в архивах все, что есть про зеркало... про любое зеркало. Ксандр?

– Займусь.

– Я... я спущусь вниз, – Ричард с сожалением выпустил темную раму из рук. – В усыпальницу. Надо... надо проверить... иногда... если надо укрыть какую-то вещь, то места лучше нет.

Он тряхнул головой, избавляясь от наваждения.

– Комнаты закрыть. Сюда никому.

И на демоницу поглядел. А та лишь пожала плечами, но как-то не слишком уверенно.

– Это слишком опасно. Пока не пойдем, в чем дело...

...а получится ли?

– ...этого зеркала лучше не касаться.

– А город? – поинтересовался Светозарный. – Я видел его...

– Ксандр, выдай ему допуск в библиотеку. Во всю библиотеку. И... пусть займется. Гробницей там. Книгами. Что осталось. Про меч вон поищет, город...

Главное, чтобы под ногами не мешался.

И все это поняли. Светозарный определенно обиделся, но промолчал, только губы поджал.

– Идите, – Ричард не хотел, чтобы это прозвучало приказом. А оно прозвучало именно так. И никто не посмел ослушаться. Первым вышел Ксандр. За ним потянулись остальные.

А вот демоница не сдвинулась с места.

Только хвост её нервно дернулся.

И главное смотрит она на Ричарда выжидательно, словно... словно он обещал что-то, а потом взял и забыл. И сейчас он пытался мучительно вспомнить, что именно обещал. Не выходило.

– Тебе плохо, – сказала демоница утвердительно. – Оно на тебя влияет.

– Она. Тьма.

Спорить не хотелось. И надо было бы уйти, но вместо этого Ричард сел. На ковер. И пальцы сами скользнули по шелковой его поверхности.

...ковры привезли с последним караваном. Много. И седобородый купец, низко кланяясь, рассказывал о далекой дивной стране, в которой эти ковры создавались. А их раскатывали, один за другим, и дамы восхищались, ахали, но не смели подходить.

Матушка выбирала первой.

Всегда.

Неписанные правила маленького двора. И матушка выбирала. Не долго, нет. Ей сразу глянулся этот, льдисто-синий, зимний какой-то с серебряными цветами. Сколько раз Ричард лежал на нем. И на той вот медвежьей шкуре, которая теперь валялась у окна. Правда, сейчас от ковра пахло пылью.

Безнадежность.

И резкий окрик, который заставляет сжаться. Матушка роняет что-то... что? Гребень. Костяной гребень с красными камушками. Он падает на ковер.

Ричард помнит.

Урывками.

И чем больше он пытается, тем хуже.

– погоди, – демоница выбралась из кресла и подошла, чтобы опуститься рядом. – Не мучай себя.

– Я не мог забыть!

Не все.

Как получилось, что он потерял кусок жизни. И немаленький такой кусок. И главное, как вернуть эту память?

– Смотри, – демоница тронула руку. – Там...

Зеркало.

Зеркало вот помнило. И показывало Ричарда. Сколько ему? Лет пятнадцать. Или шестнадцать. Или около того? Он стоит, уставившись... на кого?

На зеркало.

Это ведь отражение. Его отражение.

Хмурый. Тощий. Нескладный.

Что он делает в этой комнате?

– Ричард! – громовой голос отца заставляет его сжаться. – Опять прячешься? Что ты тут делаешь, я ведь запретил тебе...

Он почти слышит этот голос, глядя на то, как съеживается мальчишка в зеркале, как пятится, не сводя, впрочем, взгляда.

– У тебя кровь идет, – демоница протянула платок. – Из носу. Закрой глаза. И подбородок прижми к шее. Вот так. И просто расслабься... память вернется.

Она произнесла это столь убежденно, что Ричарду захотелось поверить.

А еще стало страшно.

Что он увидит?

– Пойдешь со мной? – её пальцы тонкие, а когти острые, таких не бывает у женщин. А у демоницы были вот. – Вниз?

– Пойду.

А кровь идет. Раньше с ним частенько подобное случалось. Это, к слову, он помнил распрекрасно. Как и то, насколько злился отец, будто эти вот, носовые кровотечения, доказывали слабость Ричарда и его негодность.

Причем странная это была злость. Отец замолкал. Смотрел и молчал. От этого молчания делалось невыносимо тошно.

– Она... она умерла. Это я помню. Но как? Будто пелена в голове. Туман сплошной...

Зеркало дрогнуло и сменило отражение.

Мама?

Мама.

Бледное осунувшееся лицо. И рука, которая тянется. К Ричарду? К стеклу. к отражению. Губы шевелятся и...

– Отпусти, пожалуйста, – этот шепот наполняет комнату. И демоница застывает, боясь дышать. Слышит? Несомненно. – Отпусти хотя бы его. И я обещаю, что сделаю... все, о чем попросишь, сделаю... но отпусти.

И добавляет совсем уж неслышно.

– Умоляю.

А отражение сменяется.

Отец.

Его лицо искажено болезненной гримасой. И одна сторона искажена сильнее, чем другая. Он страшен до того, что даже теперь сердце обмирает. Отец кричит. Кричит... безмолвно, беззвучно, но крик этот рвет нервы.

А Ричарду не надо слышать, чтобы понять.

– Анна!

Одно слово.

Одно имя.

И зеркало. Зеркало снова становится черным.

– Она там, – демоница первой нарушает тишину. И сжимает его руку, а когти почти пробивают кожу. – Твоя мать. Чем бы это все ни было, но она там.

– И отец.

Он облизал губы.

И поднялся.

– Идем.

А руку её Ричард так и не решился выпустить. В конце концов, и он имеет право на маленькую слабость. Наверное.

Теттенике закрыла глаза и легла.

– Ты уверена? – шепотом поинтересовалась Летиция, опускаясь на пол рядом с сестрой. Та вздохнула. Стало быть ни в чем она не уверена.

– Знаешь, как-то не хочется умирать.

– А кому хочется? – Летиция подавила зевок. А ведь поздно уже. Ночь на дворе. И приличные люди в это время или спят, или на балах веселятся, а не пытаются будущее прозревать.

Тем паче, что от прозрения этого одни лишь проблемы.

– Вообще еще не факт, что она и вправду будущее видит, а не свои фантазии, – заметила Ариция, а Мудрослава шикнула и поманила за собой.

– Не мешайте прозрению, – сказала она строго, сделавшись похожей на матушкину статс-даму, женщину донельзя строгую. Её, кажется, и отец опасался.

Немного.

Вышли.

На цыпочках.

Туфли и те остались в комнатах степнячки. А вот в коридоре было пусто, не считая парочки оживших мертвецов. Но к ним Летиция даже как-то привыкнуть успела.

В них, если разобраться, ничего такого страшного и нет. Стоят себе в доспехах, никого не трогают.

– Видит, – отозвалась Брунгильда, пожившись. Вот она к мертвецам относилась с явным предубеждением.

– Тебе-то откуда знать? – сестрица всегда отличалась упрямством. И теперь вот губы надула, ножкою топнула, только здесь ей не там. И Ариция, сообразив, что никто-то не станет её переубеждать, успокоилась. – Хотя ты права... такой ужас не подделаешь.

И снова замолчали.

– Что делать станем? – задала Мудрослава вопрос, который волновал многих.

– Наверное, стоит рассказать... – островитянка явно была растеряна. – Все-таки оно не только нас касается...

– Стоит, – согласилась Ариция. – Но...

– Но?

– Но поверят ли?

– Именно, – сестра нервно потерла руку о руку. – А если и поверят... что они смогут сделать?

– А мы?

– И мы... – она вздохнула горько-горько. – Мы тоже вряд ли что-то можем сделать.

– Так что ж теперь, – Брунгильда уперла руки в бока. – Просто помереть?

– Нет... надо... надо подумать, что мы можем.

Она щелкнула пальцами и уставилась на Летицию. И вот взгляд у сестры был нехороший, такой на диво мечтательный взгляд. Так она глядела, когда в голове её возникала очередная безумная идея. И главное, всякий раз в изложении Ари, эти идеи казались на диво здоровыми.

Как тогда, когда она подбила запустить мышей в парик новой фаворитки отца, той, которая вздумала нос задирать и даже обозвала Летти тощей дурой.

Мышей ловили во дворце.

И визжала эта девица громко, и ругалась матерно, в том числе и на них с Ари, за что и была отправлена домой, к мужу... в общем, следовало признать, план сработал. А что после пришлось молиться и без сладкого неделю сидеть, так то издержки.

– Надо понять... если мы здесь... не случайно, – островитянка говорила медленно, веско. – Стало быть, и дар наш должен быть полезен.

– Чем? – Летиция поморщилась.

Ладно, вот Ари может армию мертвецов собрать. Полезно? Смотря где. Дома так точно не поймут, а здесь вот, если разобраться, мертвецы и воюют...

У виросской принцессы дракон имеется. Пусть где-то там, но все же. Дракон – это всегда аргумент. Степнячка в будущее смотрит.

Глядишь, и высмотрит дорожку, на которой всем помирать не придется.

– Я... я в прошлое заглядывать могу, – Брунгильда потерла раскрытой ладонью щеку. – Правда... какой в том толк?

– Может, и никакого. Но... если посмотреть? Понять, с чего все началось? – Ари даже подпрыгнула. – А то ведь нам рассказывают, рассказывают, но точно не все!

– Определенно, – кивнула Мудрослава. – Все никому не расскажут, тем более что мы самим тут лишь гости.

– Именно. А матушка моя говорила, что проблему надо решать от момента её возникновения! А стало быть... мы должны найти!

– Проблему? – не выдержала Летти.

– Нет, тот момент с которого началось.

Мудрослава поморщилась.

– Я видела уже... то есть, она мне рассказала. Та женщина. Или не женщина? Тоже демоница... в общем, вы поняли.

– Поняли. Но это тоже не начало! Надо... что тебе надо?

– Понятия не имею, – Брунгильда развела руками. – Надо сперва Никаса потрясти. Он ведь это все придумал. Стало быть, должен знать. Он там свечи какие-то ставил и...

– Нет, – Ари тряхнула головой и парик, до того сбившийся набок, свалился. – Это лишнее... наш дар, я так думаю, он сам по себе. Ему не нужны ни свечи, ни...

Её прервал горестный вскрик.

И Ари толкнула дверь.

– Что, опять все умерли? – спросила она, забираясь в кровать к степнячке. А та, прикусив губу, лишь кивнула.

Летиция погладила её по руке. Девочку было жаль. Она выглядела такой хрупкой, такой несчастной, такой... растерянной.

– Ничего... это... это лишь видение. Может, еще и не сбудется.

Брунгильда подала остывший чай.

– Я... я видела... как мы все уезжаем... и тьма вырывается... они её выпускают.

– Они – это кто?

– Повелитель Тьмы... и его демоница, – Теттенике прижала ладони к щекам, отчего круглое лицо её немного смялось. Но не стало

менее красивым. Хотя больше эта красота Летицию не раздражала. – Он... он стал совсем-совсем темным. И безумным. А она тоже...

– А сердце? – уточнила на всякий случай Брунгильда. – Кому она вырвала?

– Не ему, – Теттенике убрала руки и вздохнула. – Надо смотреть еще... там много дорог. Очень много.

Она горестно вздохнула и поглядела.

– Вы идите... я... я посмотрю. Если увижу что, тогда... скажу. А у вас ведь еще дела, да?

Ари покусала губы.

– Я останусь с тобой, – сказала она, наконец. – От моего дара пока толку все одно нет. Тут или живые, или уже поднятые. А приглядывать за тобой надо. Вдруг да помощь нужна будет.

– Я... – Мудрослава поднялась. – Мне надо сестру отыскать, пока она ничего не натворила. И вернусь. Попробую опять... может, получится с драконом... и поговорить. Вдруг да подскажет чего?

– Дракон?

– Демоница. Та, что в городе... вдруг выйдет договориться с нею?

– Кому сердце вырвать? – не удержалась Летиция и почувствовала вдруг обиду. Все-то при деле. А она? Что она может? И её дар? Какой смысл видеть смерть, если... если вокруг все умерли и давно.

– И это тоже. Но мало ли... – виросска не разозлилась, но улыбнулась так мягко, что стало стыдно за свои мысли. – Если есть способность, то надо использовать.

Летиция Ладхемская подавила вздох.

Способность была.

Но использовать... хотя...

– погоди, – она прищурилась. – Ты, кажется, упоминала, что демоница кого-то там убила...

В конце концов, почему бы и вправду не начать с того, что она умеет?

– А я все же поговорю с этим вот... Никасом, – выдавила Брунгильда.

Глава 35

О том, что и принцессы испытывают страх

«И выбирая девицу, след первым делом не на фигуру её глядеть и не на благообразие черт лица, но обратить внимание на глаза её. У годной девицы глаза ясны и чисты, взор же скромн, но самую малость лукав, что свидетельствует о легкости нрава. Всенепременно следует заглянуть в рот, убеждаясь, что зубы у ней присутствуют все, и что они ровны, белы. Иные торговцы, спеша продать негодный товар, натирают зубы девиц особым порошком для блеску и белизны, а то и вовсе красят. Оттого след проявлять особую внимательность. Десны здоровых девиц будут нежно-розового цвета, без пятен и язв»

«Наставления молодому евнуху»

Братца Мудрослава Виросская отыскала в покойницкой. Нет, может, эта комната, просторная и светлая, чистая донельзя, служила в иных целях, но второй покойник, вернее покойница, на столе говорили об обратном.

Братец пристроился на подоконнике, забравшись на него с ногами. И ногами этими упирался в откос окна, глядя куда-то вниз. Вид у него был задумчивый, оттого и не заметил он, как рубаха с сарафаном задралась, выставивши волосатые ноги и даже коленки. Левую братец и почесывал.

Главное, что покойница ему не мешала.

Или он ей?

– Яр... Яра! – спохватилась Мудрослава, ибо ладхемская принцесса тоже явилась сюда. И пусть не к братцу, но к покойнице, а все одно было как-то не по себе. – Что ты тут делаешь?

– Да вот... жду.

– Чего?

– Понять бы... он исчез.

– Кто?

– А то ты не знаешь, – Яр все-таки заметил ладхемку и подол одернул. – Наш чернокнижник.

– У вас есть чернокнижник? – удивилась Летиция.

– Да вот... завелся, – Яр развел руками. – Случается, знаете ли.

Летиция покачала головой, то ли сочувствие выражая, то ли просто удивляясь этакой непосредственности.

– Я бы... ла в его покоях.

– Зачем?

Вот уж не хватало, чтобы братец столкнулся со Старомыслом! А ведь с него станется.

– Да так... поглядеть.

– Поглядела?

– А то...

– И?

– И ничего. Его нету. И в других нету. И нигде нету. Никто-то, оказывается, не видел. Причем уж третий день, как не видел... – он спрыгнул с подоконника и потянулся.

– Погоди... но в саду он ведь был!

Мудрослава нахмурилась.

Был.

И это... это же сегодня. Пусть даже теперь казалось, что все произошло настолько давно, что... но ведь сегодня.

– Именно. В саду был. А вот в покоях его никто с самого приезда и не видел. Главное, что вещи-то стоят. Сундуки там... даже сапоги валяются. Пылью уж покрываться стали. И кафтан мятый дорожный. Рубаха на полу... будто пришел, разделся и ушел. А куда?

– Куда? – послушно повторила Мудрослава.

Мысли заметались.

Разве можно вот так... замок, конечно, огромен, но не настолько, чтобы вовсе в нем потеряться. Тем паче, что сам Старомысл, он ведь тоже чужак.

И замка не знает.

А еще в замке люди. Охрана. Легионеры. И... и как прятаться?

– Вот и мне хотелось бы понять. Ушел он или...

– Или...

– Я вот думаю, а что, если мы ошибались?

– То есть? – Мудрослава покосилась на ладхемку, которая разговор слушала превнимательно.

– Да без всякого... может, это не он был?

– Он, – вот Мудрослава точно была уверена, что не ошиблась. Да и как можно ошибиться в таком? Она... она помнит. Все помнит.

Или...

– Понимаешь, чем больше думаю, тем оно... несуразнее, что ли? Вот посмотри. Древояр... он ведь с самого начала с нами-то был. Учил. Заботился. А потом взял да предал.

– Не сам. Его заморочили.

– Может, и так... но вот... его заморочили. Меня заморочили. Всех заморочили. Опоили. Зачем? Что ему стоило вовсе меня... – Яр покосился на ладхемку и коснулся шеи. – Помнишь, в детстве болела я? Тяжко? И думали, что вовсе... а Древояр привез ту знахарку. Старую-старую бабку. И она вылечила. Или еще на охоте тогда? Можно же ж было просто отойти в сторону, никто б ничего и не понял. Никто б вовсе не узнал. А он... его кабан крепко порвал.

...и Яр долго ходил вокруг дядьки, вздыхая, виноватый и несчастный оттого, что и вправду был виновен. И что с того, что ему лишь пятнадцатый год пошел? Должен был думать. Должен понимать, что есть риск пустой.

А Древояр, как с постели поднялся, самолично его выдрал.

И все-то знали, что в своем он праве.

– Понимаешь... получается слишком уж... будто вот прям пальцем показывают, что вон, чернокнижник. Кто чернокнижник. И кто помогает. А теперь, когда и не найти его...

– Прошу прощения, – Летиция Ладхемская коснулась виска и слегка поморщилась. – Что вмешиваюсь в ваш разговор, невольным свидетелем которому стала... однако... если я правильно поняла, вы подозревали конкретного человека, а теперь у вас появились сомнения в его виновности.

Она вымученно улыбнулась.

– Голова опять болит. Что-то такое... наверное, важное, забывается. Или не вспоминается. Но я не о том. Чернокнижники...

это зло.

– Кто бы спорил, – не удержался Яр.

– Верно. Но... наша наставница много о них рассказывала. Во спасение души. И она говорила, что сильный чернокнижник способен украсть обличье другого человека. Правда, пользоваться долго его не может, но украсть – вполне. И что станет он столь похож, что ни жена, ни мать родная... Харальд Проклятый, когда пожелал совратить благочестивую Эдиту, но не вышло, выкрал кровь её мужа и, выпив его, принял его обличье. И вошел в покои Эдиты, и возлег с нею.

Это уже ладхемка произнесла совсем тихо.

И взгляд свой обратила на мертвую девушку.

– А вот она должна была видеть того, кто её убил. Они... они всегда это видят. Истинное лицо. И от взгляда души не защитят ни маски, ни балахоны. Ни чужие облики. Смерть открывает истину.

Она отняла руку и произнесла.

– Странно... голова вот перестала болеть.

Летиция обошла тело.

И остановилась рядом. Она протянула было руку. И убрала её. И снова протянула. Посмотрела на Мудрославу, и взгляд её был совершенно несчастен.

– Нам выйти? – осторожно поинтересовалась Мудрослава.

Мало ли, кто их этих некромантов знает. Может, они стеснительные. Хотя... помнится, в прошлый раз ладхемку не остановило присутствие куда большего количества народа.

– Нет. Просто... вдруг не получится?

...она сама не знала, откуда взялся этот вот страх. Но ведь взялся.

И сердце сжималось болезненно. А если... если это заклятье, которое на Летицию наложили, если влияет оно не только на разум? Или вот дар, который не использовали многие годы, погас? За ненужностью? Или изменился? Нет, конечно, у неё получилось со старухой, но тогда Летиция сама плохо понимала, что делает.

Все было как в тумане.

А туман исчез. И... и что осталось?

– Успокойся, – мягко произнесла Мудрослава. – Ты же сама говорила, что если дар есть, то есть.

Да, говорила.

И верила в то, что говорит. А теперь не то, чтобы разуверилась, но... но как-то оно беспокоит.

– А я покойников побаиваюсь, – сказала рыжая девица, ногой покачивая.

Будь у Летиции такие ноги, она бы... она бы носила пышные юбки. Очень пышные. Вроде тех, что любила герцогиня Карринем, папенькина фаворитка.

Правда, фавориткою она пробыла всего ничего... может, дело в юбках?

Или в ногах?

Да и сама рыжая... Яра, её зовут Ярослава... странные у виросцев имена, однако.

– Чего их бояться? – искренне удивилась Летиция. – Они тихие. Это живые творят... всякое...

– Ты много... с покойниками встречалась.

– Много. В первый раз меня позвали... наверное, они совсем отчаялись. Девушки. Простого сословия, но молодые, красивые... их находили на окраинах города. Обнаженных. Остриженных. И со связанными на груди руками.

Если вспоминать, то становится легче.

Неуверенность не то, чтобы прошла вовсе. Просто... если ничего не получится, то это ведь... это ведь ерунда. На самом-то деле чем такой, как у Летиции, дар, помочь может? Особенно против демоницы.

Двух демониц.

– Их не... не подвергали насилию. Или истязаниям. Некоторые и вовсе были невинны. И умирали они тоже... они словно засыпали. Девятнадцать... на двадцатой мой учитель решился. Он умолял меня, а я... для меня это было приключением. Удивительным. Опасным. Оно и осталось в памяти приключением.

Слушают.

Наверное, не стоит рассказывать о таком. Кому? Виросске? И её безумной сестрице? Они ведь чужие. А чужим доверять не след. И своим-то с опаскою надо. Но молчать почему-то не получается. Не оттого ли, что Летиция слишком уж долго молчала?

Замалчивала?

– Он вывел меня из дворца. Впервые. Мне было... шестнадцать, кажется. И до того я не представляла, что может быть другая жизнь.

Совсем-совсем другая. Я... выезжала в город, конечно. Как без этого? Мы наносили визиты и вообще...

– Но во дворцы, – тихо произнесла Яра.

– Да. В другие дворцы. И они от нашего мало отличались. А тут... мы свернули куда-то, и я из окна смотрела на черные дома. Улица была такой тесной. И темной. Колеса громыхали. И я почти не слышала ничего, кроме этого грохота. А потом был мост. Тоже нелепый, весь облепленный домами. Будто над рекой еще одну улицу проложили. От реки дурно пахло. И на том берегу тоже.

Летиция замолчала, вспоминая те эмоции.

Удивление? Пожалуй.

Отвращение. Смрад из сточных канав оглушал. И казалось, что она вся сама пропитается этой вот вонью.

Страх.

Черное строение на углу двух грязных улиц возвышалось над окрестными домами. Оно показалось зловещим. И вдруг появилось желание сбежать. Но она оперлась на руку того, кого полагала наставником и другом. Надо будет написать ему письмо.

Узнать о нем.

Может, Летиции повезло, и он жив. Матушка ведь... она бы не стала. Она была сердита, несомненно, но не настолько же, чтобы спровадить на плаху. Да и слухи пошли бы.

Именно.

Стало быть, просто сослала. А целители долго живут. И он обрадуется. Летиция расскажет... о том, что забыла. И о том, как вспомнила.

И...

И быть может, даже навестит. Или наоборот, пригласит... только куда? Домой ей возвращаться нельзя.

– И... кто это был? – не выдержала рыжая, а Мудрослава зашипела. – Чего? Интересно же ж...

– Была, – поправила Летиция. – Это была женщина. Очень красивая женщина. А еще у нее имелся сын. Он женился и привел в дом жену. Тоже красивую.

– И они не ужились.

– Та, другая, пыталась отравить их. Точнее травила. Долго. Медленно. Оба заболели... и все же остались живы. Та, другая,

оказалась слишком неосторожна и все выплыло. Её судили и казнили. А та женщина, она еще долго болела. И сын её. Он утратил разум, то ли от яда, то ли от горя. Она, пожалуй, что тоже... ей мерещилась жена её сына. Сперва в служанке. Она убила её первой. Напоила сонным зельем. И обрезала волосы. Потом сама стала выходить. Искать. Она убивала и остригала, а тела на окраину выносил сын. Он жалел женщин, вот и укладывал их осторожно.

– Жуть какая, – сказала Мудрослава, поежившись.

– Это не самая большая жуть, которую мне довелось видеть, – Летиция пожала плечами. – Бывает много хуже. Проще. Страшнее. Но... я не испытываю страха. Или вот не чувствую, как они умирали. Это в стороне. Это принадлежит им. Со мною лишь памятью делятся. Когда хотят.

– А могут и не хотеть?

– Могут. Один раз. Женщина... её убил сын. А она скрывала. Но его потом все одно нашли.

Стало опять тихо-тихо.

– Я... я помогала им. И остальным тоже. Что в этом плохого? – Летиция коснулась сухих губ.

– Ничего.

– Тогда почему со мной так... почему...

Она заставила себя сделать вдох. Кто ответит на этот вопрос? Уж точно не виросска. Да и ответ Летиция знает. Дело не в ней.

Дело не в даре даже.

Дело в том, что ладхемская принцесса просто не может заниматься чем-то подобным.

– Ладно. Не важно. Я хочу... я хочу свой дар! – выдохнула Летиция и решительно коснулась бледного запястья. – Я просто хочу свой дар! Чтобы он вернулся. Чтобы... чтобы снова помогать им. Понимаете?

Молчат.

– У живых есть выбор. И возможности. И... и многое иное. А мертвые? У них ничего не осталось. А со мной отобрали и право на справедливость.

– Ты справишься, – сказала рыжая серьезно. Очень серьезно.

А Летиция поверила.

Конечно, справится. И со страхом тоже. Ладно, некромантия, но уж слабости ладхемская принцесса точно не может себе позволить.

И она закрыла глаза.

Привычно выдохнула. Вдохнула, втягивая такой странный аромат мертвого тела. Остальным он казался неприятным, но Летиция каждый раз ощущала его иным. И сейчас в этом запахе пробивались сладковатые ноты мускатного винограда.

Пальцы скользнули по коже.

Выше.

Коснуться груди, где бились сердце. Сердце тоже хранит память.

Шеи.

Лица.

Висков. Неспеша. Выводя одну за другой линии. Какие? Летиция не знала. Но видела. И получалось, что мертвое тело оплетала тончайшая сеть.

Вот так.

А теперь наклониться. Низко-низко. И сказать:

– Я слушаю тебя.

Плач.

Они не всегда плачут, но часто. И это не звук. Это... как будто внутри что-то сердце скребет. Потом шепоток. Быстрый-быстрый. Сперва Летиция прислушивалась, силясь разобрать слова, но потом бросила.

– Покажи, – просит она, раз уж получилось дозваться. – Просто покажи мне, как ты умерла.

И глаза застит туман.

Он густой, темный. И вокруг тоже темно.

Нет.

Уже нет.

Она видит пол. Каменный. Стены. Коридор. Он кажется знакомым. Впрочем, в Замке все коридоры похожи друг на друга.

Блеклый свет от камня на ладони.

Сердце бешено стучит. Страшно. Ей, это девочке, которая и пожить толком не успела, очень страшно. Но она заставляет переступить себя через страх. Её ведь ждут! И нельзя опаздывать. Нельзя.

Это её шанс! О, сколько она о таком мечтала!

А все только смеялись, мол, глупости какие. Благородные не женятся на служанках. Даже хорошеньких. Зато они щедры к умелой и понимающей девушке. А щедрости их хватит, при толике сноровки, чтобы собрать приданое.

С приданным же, особенно хорошим, мужа найти несложно.

Пусть и не из числа благородных.

И ведь она почти поверила... почти...

Она остановилась. Сердце стучало так громко. И идти дальше... надо... случайная встреча. Пара слов. Глаза эти, невероятной синевы, в которые она ухнула и сразу подумала, что, если даже он не женится, она согласится и так...

И подарков требовать не станет.

И...

– Ты здесь? – собственный голос прозвучал тихо.

Но её услышали.

– Здесь.

– Я...

– Я тебя ждал.

– Я пришла.

А он... он сам нашел её во второй раз. И задержал. Удержал её руку в своих пальцах. И потом поцеловал. Спросил имя.

– Устала? – сколько заботы в его голосе. И страх отступает.

– Немного.

– Капризная? Принцессы все такие... ничего... скоро мы уедем. Я заберу тебя в свой дом. Сделаю хозяйкой. И уже сама будешь горничными командовать.

Её обняли. И от того стало тепло.

Невероятно тепло.

– Не обманешь? – и все-таки очнулся в душе червячок сомнений.

– Душой клянусь. Я однолюб. И отец мой был таким. И дед. И раз уж вышло встретить ту, что богами суждена, то в жизни её не отпущу.

Его рука коснулась шеи.

– Возьми, – а ей протянули колечко. На ладони. Тонкий золотой ободок и... и камень удивительной синевы. Стоило коснуться, и камень вспыхнул.

Погас.

Снова вспыхнул.

Это завораживало. Завораживало настолько, что, когда рука легла на шею, девушка не шелохнулась. И когда пальцы эту шею сдавили.

Тонкие пальцы.

Очень тонкие. Женские...

Глава 36

О пещерах и родовых усыпальницах

«А след помнить, что седьмая дочь седьмой дочери всенепременно обретет ведьмовские силы, как и седьмой сын седьмого сына. И потому отдай дитя храму, дабы он силою молитвы и благости сохранил душу невинную, уберег ее от искушений»

Наставления о благодати, писанные жрецом Висавием во просвещение народа.

Мы спускались.

Ричард.

И я за его спиной.

За мной – пара легионеров, которые двигались совершенно бесшумно. Да и вовсе старались держаться в стороне, хотя и не сказать, чтобы далеко. Когда еще там, наверху, эта пара пристроилась за нами, я посмотрела на Ричарда. А он пожал плечами и сказал:

– Так мне будет спокойнее.

Ему.

Не мне.

С другой стороны... сегодня оно в парке шмыгает, завтра в замке. А я, хоть и демоницей притворяюсь, женщина обыкновенная. Хрупкая. С нервами. Вот и охрана лишнюю не будет.

Там.

А здесь... здесь мы спускались. Сперва на первый этаж, на котором нашелся узенький коридор. А закончился он мрачного вида дверью. За нею уже и лестница обнаружилась. Вот такая... такая сразу внушающая мысли о вечном.

Ну вот по ней и спускались, стало быть.

Глубже.

Ниже.

Каменная кладка становилась более грубой. Потом и вовсе кладка исчезла, остался лишь камень, темно-серый с красными жилками,

будто сосудами кровеносными прорезанный. Ступени кривоватые, и я поневоле останавливаюсь.

Впереди темнота.

А светящиеся камни, что медленно разгорались, помогали слабо. В какой-то момент я словно потерялась где-то, хотя, конечно, лестница одна и как тут потеряешься.

Но...

Стало жутко. До дрожи. И спина зачесалась, готовая выпустить алые крылья. Я заставила себя сделать глубокий вдох. Успокоиться. Надо просто успокоиться. Это... это лишь подземелье. Замковое. Замок ведь огромный, следовательно, и подземелье должно быть таким. Нормально ведь огромному замку и подземелья иметь соответствующие.

Ричард подал руку.

И подвинулся.

– Это место всегда угнетало, – сказал он тихо. Но темнота услышала и отозвалась протяжным вздохом. – Я поэтому и предпочитаю другой путь.

– А есть?

Мои пальцы дрожали. И хвост дрожал.

– Есть. С той стороны замка. Дорога проложена. Скалы.

Так какого лешего мы тут страдаем в зловещих потемках? Я поглядела на Ричарда, пытаюсь взглядом донести всю глубину моего негодования, но он лишь усмехнулся.

– С ней тоже не все так просто. Она заклята. И ты по ней не пройдешь.

Вот ведь... печаль печальная.

– Уже недалеко.

Сказал и не соврал. И вправду недалеко было. Лестница сделала еще один ленивый поворот и мы оказались перед кружевной решеткой. Стоило Ричарду коснуться её, и по обе стороны решетки вспыхнул свет. Да и там, дальше, камни разгорались. А решетка отворилась, причем совершенно беззвучно.

– Здесь останетесь, – сказал Ричард легионерам. И те сделали шаг назад.

А он отступил, пропуская меня.

– Та дорога... не знаю, кто её создал, но случилось это очень давно. Задолго до катастрофы. Её и нашли-то случайно. Мой предок... один из. Уже и не помню, кто именно. Далеко не все оставляли записи.

Он взял меня за руку.

А я вздохнула с немалым облегчением. Как-то вот так спокойнее, когда тебя держат.

– Главное, что на эту дорогу не могут ступить ни люди, ни легионеры, ни даже Командор. Люди её просто не видят. Легионеры видят, но подойти не способны, как, полагаю, и любая нежить. А вот мы... вела она к пещере. Пустой.

– Уверен?

– Я уже ни в чем не уверен. Но в этой пещере решили устроить родовую усыпальницу.

И вправду, с чего пропадать такой замечательной пещере, к которой подойти можно лишь по зачарованной дороге.

Я прикусила язык, чтобы не сказать лишнего.

И вошла-таки.

Что сказать... пещера. Не то, чтобы в прошлой мне так уж часто доводилось в пещерах бывать. Нет. Но вот... ожидала я чего-то этакого.

Ну, впечатляющего.

А тут... пещера.

Тот же серый, в красную прожилку камень. Неровные стены и потолок такой же неровный. С него то тут, то там свисают острые каменные клыки. В стены вмурованы подставки. А на них камни лежат.

Светящиеся.

И света хватает, чтобы разглядеть не только стены с потолком, но и каменные прямоугольники, что выстроились в несколько рядов.

– Это мой прапрапрадед, – сказал Ричард, подводя к каменному помосту, на котором лежал мертвец. Я вздрогнула. Выглядел мертвец...

Рыцарь.

В темном доспехе, который за годы успел покрыться то ли пылью, то ли вовсе коркой. И оттого казался он серым.

– Их всех...

– Его супруга, – он указал на фигуру, прикрытую некогда белым саваном, но ныне и тот окаменел. – Она погибла, защищая замок во время прорыва. Она была магом... сильным магом. И сумела удержать тварей до прихода сыновей.

Следующий помост. Снова камень и фигура в доспехе.

И еще одна.

И... сколько же их?

– Это... не похоже на обычную усыпальницу, – сказала я, когда сумела заговорить.

– Согласен. Но... сперва тела сжигали. Так надежнее. Все-таки в нашей крови слишком много тьмы, чтобы просто хоронить. Потом... в горах не так много дров, а в долину ходить было небезопасно.

И тратить с трудом добытые дрова на покойников, когда они нужны живым... я поняла.

И кивнула.

Осторожно сжала пальцы Ричарда.

– В этой пещере мертвое остается мертвым. Не спрашивай, как это удалось выяснить. Просто... оставили запись. Вот и...

Возник вариант.

Альтернативный. И честно говоря, неплохой, если уж на то пошло.

– Что до саркофагов, то кому их было делать? Да и как... прапрапра... первого там, его хоронила жена. Она была магом. Вот и подняла камень. Для него. И для себя. Потом уж её старший сын тоже... так и пошло. Позже, когда сил стало меньше, появились уже камнетесы. И другой путь.

То есть, лестницу создали уже потом?

Я промолчала.

– Но привычка осталась. Мужчин хоронят в доспехах. Женщин – в саване. И... это может быть неприятно, но мне нужно взглянуть на неё.

– Я с тобой, – я сглотнула.

И была трусливая мыслишка отступить. В конце концов, я ведь... я ведь мертвецов не то, чтобы боюсь, но... но столько лет прошло. Что осталось от той женщины?

Белый саван, который соскользнул, стоило протянуть руку, будто та, что скрывалась под ним, только того и ждала. Я стиснула руку Ричарда. Дыхание...

Пахло цветами.

Незнакомый аромат, но тяжелый, душный.

И... и разве так должен выглядеть мертвец, которому несколько сотен лет?

– Это... это вообще нормально? – тихо спросила я Ричарда. А тот оглянулся и ответил:

– Нет.

Девушка была... была прекрасна.

Нет, Ричард видел рисунки, но те и в малой толике не отражали всей удивительной красоты Анны.

Анна.

И табличка имеется, простая, медная. На ней лишь имя, вычерченное нервною рукой. И потому буквы клонятся друг к другу, и кажется, что еще немного и они вовсе смешаются.

Анна.

Ей идет подобное имя. Простое и в то же время удивительное. Как она сама.

Анна.

Ричард сглотнул. И повторил это удивительное имя про себя.

А потом в его спину ткнулось что-то жесткое. И больно. И эта боль разозлила, заставив обернуться, но тут же злость ушла.

– Ты в порядке? Ты так на неё смотришь, – демоница хмурилась. И хвост её нервно щелкал по ноге. По ноге Ричарда.

Это... раздражало?

Нет.

Раздражение истаяло, а Ричард потер лоб ладонью. Что на него нашло? Или... он обернулся. Нет, девица по-прежнему была красива. И казалось, что вовсе она не мертва, тем более не мертва пару сотен лет как, но лишь уснула.

Ненадолго.

– Знаешь, мне она не нравится, – проворчала демоница и взяла Ричард под руку. – И ты тоже. У тебя взгляд плывет, когда ты на неё смотришь.

Ричард моргнул.

Еще раз.

Морок? Мертвецы не способны наводить морок. А умертвия? И является ли покойница таковым? Но... пещера ведь. Мертвое останется мертвым.

Тогда что?

Что не так с этим созданием, которое...

Нет, не создание. Нельзя думать о ней так, пренебрежительно. Она... она не виновата. Ни в чем. Она умерла... незаслуженно. Безвинно.

Бедная.

И до чего несправедливо. Эта несправедливость сжигает душу.

– Она, уж извини, слишком живая для покойницы.

Демоница прижалась к Ричарду. И... в какой-то момент появилось желание оттолкнуть её. Велеть убираться. Прочь. Или вовсе изгнать.

Да что такое...

– Ей пронзили сердце, – сказал он зачем-то.

– Значит, надо её раздеть.

– Раздеть? – сама мысль о том показалась кощунственной. Как можно тревожить покой той, что... которая... которая создана для Ричарда.

– Чтобы убедиться, что рана есть. А если нет... извини, у меня возникнут вопросы.

Именно.

Он ведь её ждал, сам того не зная... это лицо... Ричард видел его во снах. Бледное, но такое совершенное в каждой черте его. И этот хрупкий нос. И эти бледные губы, которых тянуло коснуться.

Вдохнуть в них жизнь.

Это ведь возможно?

Он наклонился. Нет, не чтобы раздеть. Какая на диво кощунственная мысль. Разве можно издеваться над той, кто не заслужил подобного. Но ему необходимо коснуться. Убедиться, что она... мертва?

Или нет?

Нет, конечно, мертва. И уже не одну сотню лет. Да и пещера эта... проклятая. Ей не место здесь, среди... среди тех, кто убил.

В душе колыхнулась ярость.

Да как они посмели? Разве... разве виновата она? Разве подобная женщина вообще может быть виновата хоть в чем-то? Нет, нет и нет.

Это... это ошибка. Чудовищная. За которую она, невинная, поплатилась жизнью.

– Ричард?

Голос издалека.

Мешает.

Не дает сосредоточиться. А ведь Ричард почти понял, как все было на самом деле. И нужна лишь малость. Наклониться. Над нею. Коснуться губами...

– Ричард? – его потянули.

Развернули.

– Ричард? – шлепнули по щеке, правда, короткая боль отрезвила.

– Она... с ней что-то не так, – вынужден был признать Ричард.

– Да уж заметила. Ты на неё уставился... в общем, нехорошо так уставился. Смотри на меня.

У демоницы лицо другое. В нем нет и тени того совершенства, которое...

...зато у демоницы красные искры в глазах. Вспыхивают и тают. Вспыхивают... и кожа мягкая, бархатистая. Её хочется коснуться.

И Ричард касается.

Осторожно.

Собственные руки вдруг кажутся слишком грубыми. А еще некрасивыми.

– У тебя огонь в глазах, – сказал он тихо, чувствуя спиной раздражение. Мертвецы не способны раздражаться, а эта вот... эта того и гляди встанет.

Нельзя оборачиваться.

Нужно смотреть. На огонь. Огонь очищает. Огонь дарит свободу. Огонь... огонь нужен. Ему. Здесь и сейчас. И Ричард тянется к огню, пытаясь согреться, избавиться от наведенного морока. А огонь тянется навстречу. Огонь ведь тоже живой. Он хочет согреть тьму.

И когда губы касаются губ, бережно и нежно, огонь оживает. Он делится теплом.

Жизнью.

И... и так неправильно.

Наверное.

Но честно говоря, плевать.

Глава 37

В которой случается видение и появляется надежда, но не понятно, на что

«И вытащила ведьма из сундука зеркало заветное, в серебряной оправе. Его-то и протянула девице, сказавши:

– Вот тебе зеркало. Отдай его мачехе. Будет она каждый день глядеться, будет красоту свою отдавать. А ты после глянешь, и себе заберешь. Сама не заметит она, как станет страшна и стара...»

Сказка о волшебном зеркале и проклятой королевне

Теттенике стояла на тропе. Все менялось. Так быстро... слишком уж быстро. И каждая тропа распадалась на новые, и вот уже это не тропы, но паутина, в которой она запуталась, словно муха.

– Нет, – Теттенике топнула ногой, и тропы-паутина задрожали. – Я не муха. Я...

Кто она?

Дочь великого кагана?

Та, в ком проснулся древний дар?

И она не позволит какому-то страху помешать. Не сейчас, когда мир вот-вот развалится на куски.

– Я приказываю! – голос её дрожал от ярости. Она никогда не испытывала прежде ничего подобного. – Слышишь, ты... я приказываю!

– А можешь? – шепот донесся оттуда, из паутины.

И Теттенике огляделась.

Нити.

Нет, не нити.

Дороги.

Множество.

– Могу! – повторила она, пусть и без прежней уверенности. И ступила на тропу.

Дорогу.

Старую дорогу.

Темный камень. Пыль. И мертвая трава, что слева, что справа. Воздух тяжелый. Он раскален, но и в степи бывает жарко. Так что нет, это другое.

Совсем.

Она дышит, привыкая к этой жаре. А камень жжет ноги. Отчего-то босые. И вздох коня заставляет вздрогнуть. А потом удивится, потому что Теттенике не заметила этого... это... коня.

А теперь не только заметила, но и узнала.

Как не узнать?

Огромное создание, в котором проснулась древняя кровь. Он глядел на Теттенике умными глазами, ярко-голубыми, какие редко случаются у лошадей. И она дрожащею рукой коснулась шеи.

– Я не боюсь, – сказала Теттенике самой себе. – Это... это лишь видение.

Странное.

Что делает она здесь, на пустой дороге? И почему с конем? Он не оседлан, даже не взнуздан. Так, на спину наброшено старое одеяло, но и только. Теттенике осторожно коснулась выцветшей ткани. Жесткая. Все, словно настоящее... не как в тот раз.

Это... это что-то да значит. Но что именно?

И она огляделась.

Дорога. Горы. Впереди тоже дорога... и надо идти. Наверное. Или вернуться? Но... разве она сама не требовала показать ей... еще бы понять, что именно.

– Ты... ты же не злой, – сказала Теттенике, обняв конскую голову. Та была огромной и страшной до дрожи в коленках. Но конь не шелохнулся даже, лишь вздохнул, окутывая её облаком горячего пара. И запахом хлеба. Свежий конский пот хлебом пахнет. – Ты... ты поможешь?

Поможет.

Она с легкостью взлетела на спину жеребца. И села, удивившись тому, что старый страх не мешает. Нет, он никуда не исчез. Он, наверное, останется до конца дней Теттенике. Но это тоже не имеет значения.

– Идем, – попросила она, легонько шлепнув ладонью по могучей шее. И конь сделал первый шаг.

Второй.

Третий.

И мир изменился. Она узнала город. Она видела его раньше. Много-много раз. И всякий – город убивал их. Её. И потому сердце закололо, но Теттенике строго напомнила себе, что это – лишь видение. Одно из многих. А потому она может уйти из него в любой момент, как пожелает.

Именно.

Копыта коня грохотали по камню. Где-то далеко раздался протяжный крик, и темная тень скользнула меж домов. Огромная тень. Теттенике вцепилась в гриву.

Город.

Город опасен.

Город жив, пусть и странной извращенной жизнью, но все одно жив. И что-то мелкое с писком бросается под ноги. Но огромный жеребец просто переступает через существ, донельзя похожих на крыс. На лысых, до крайности уродливых крыс.

Они идут.

Вдвоем.

Вот площадь, но теперь на ней нет мертвецов. Колочие стебли роз вяло шевелятся, но пропускают Теттенике. И коня.

Вот дворец. Все еще прекрасный, хотя эта красота оставляет душу равнодушной.

Лестница.

И снова розы. Белые. Тяжелые. И запах у них душный. Стебли поднимаются, шевелятся, но и только. И в какой-то момент Теттенике решается коснуться цветка. Холодный какой. Будто из камня вытесан.

Выше.

Дальше.

Наверное, нехорошо въезжать во дворец верхом, но... но так ей спокойнее. И она ложится на могучую шею коня. Гладит его, унимая

свою дрожь. И улыбается... отец бы гордился, если бы увидел.

Все бы...

Зал.

И еще один. Знакомые места... но сейчас хорошо. Сейчас здесь не было мертвых.

И даже в том, в последнем, огонь горел, но он был полупрозрачным и почти незаметным, в отличие от обнаженной девушки, что сидела в круге. Она скрестила ноги и согнула руку, чтобы младенцу было удобнее. И тот лежал, улыбаясь страшной беззубой улыбкой.

– Здравствуй, – сказала Теттенике, сползая с коня. Все-таки говорить вот так, сверху, было до крайности невежливо.

– Здравствуй, – ответила ей девушка.

Или демоница?

Пожалуй, скорее демоница, больше чем та, которая осталась в Замке.

– Ты пришла, – демоница улыбнулась так радостно и подняла младенца. – Видишь, она пришла! А остальные? Ты привела их?

– Нет. Пока. Это лишь видение.

– Да? Жаль... я уже запуталась. Я тоже их вижу. Разные. Это очень утомляет. Сложно понять, что есть, что было, и что будет, – девушка сделала знак рукой. – Так зачем ты пришла?

– Чтобы понять.

– Что?

– Как сделать так, чтобы никто не умер.

Демоница задумалась, она сидела и покачивала ребенка на руке. А потом тот вдруг исчез, но она не сразу заметила. Только когда живот её стал расти, тогда вздохнула.

– Непослушный. Он такой непослушный... все норовит поиграть со временем. А я ничего не могу сделать.

– Наверное, ему тоже страшно.

– Немного. Там, – она накрыла ладонями живот. – Ему спокойнее. Но он сильный. Они хотели, чтобы я родила сильного сына. И я справилась.

– Конечно.

– А ты пришла его убить.

– Нет, – Теттенике покачала головой. И руки подняла. – Видишь, я без оружия. У меня ничего нет.

– У тебя есть ты, – возразили ей.

– Не понимаю, – Теттенике подошла к стене прозрачного пламени и протянула руку, но не сумела коснуться той, которая сидела по другую сторону. Пламя было холодным и... обжигало, но как-то не серьезно, словно лишь предупреждая. – Объясни, пожалуйста.

– Что?

– Как все... хотя нет, это я знаю. Ты не виновата. Тебя использовали и хотели убить. И тебя, и ребенка. Так?

Демоница кивнула.

– Он успел раньше. Он сильный. Сильнее всех.

– И... погоди, он и есть Младший бог?

– Кто?

Теттенике устроилась на полу. Она села так, как садилась дома, сожалея лишь о том, что нет здесь огня и каменного чайника, где согревалась бы вода. И крохотных чашек из белого нефрита. Она наполнила бы их смесью чая и сладкого жира. И подала бы той, что устроилась на против, повторив позу Теттенике.

– Когда-то давно мир рухнул. И на воле оказался тот, кого звали Младшим богом. Он уничтожил и этот город, и всех людей в нем. Он выпустил на волю тьму и чудовищ. Но люди заперли его.

Но если это лишь видение, то... почему бы и нет?

Теттенике коснулась камня, и даже почти не удивилась, когда на этом камне возник огонь. А над ним – старый чайник, еще тот, что принадлежал её матушке. Старуха его выкинула, но Теттенике нашла. И спрятала.

Давно это было.

Чашки...

– Глупость какая, – сказала демоница. – Бога нельзя запереть. И... они там, далеко...

Она взмахнула тонкой рукой.

– Тогда что случилось с городом?

– Ритуал, – демоница протянула руку, и вот уже у неё на ладони появилась хорошо знакомая белая чашка. Нефритовая. С небесным змеем на рукояти. – Спасибо. Меня давно никто ничем не угощал.

– Этого не существует.

– Там. А здесь – вполне.

Все одно не понятно, но чай был. И сладкий жир. И даже медовые орехи и восточные сушеные ягоды, которые скатывались в тончайшие трубочки.

Демоница понюхала чай и закрыла глаза.

– Они хотели что-то такое... зеркала. Много-много зеркал. Я помню. Он окружил меня этими зеркалами и сказал, что я прекрасна. Что я должна видеть. Себя. И наше дитя. И я смотрела... потом было больно, но я смотрела. И заблудилась. В зеркалах. Представляешь?

– Плохо. Он поступил очень плохо.

– И умер первым. Он хотел убить наше дитя, когда то появится на свет, а душу его спрятать в этих зеркалах. Но мой сын сильный!

– Очень.

– И он убил первым. Его. И остальных. А потом зеркала зазвенели, зазвенели... так громко! – демоница зажала уши руками. – Это было невыносимо! И он заплакал. Я тоже! А потом... потом что-то случилось. Там!

Она махнула рукой на город.

– И в других местах тоже. И я слышала. Демоны... в городе было столько демонов! Они вдруг стали свободны. Это плохо. Демоны злые. Убивают.

– А люди?

– Люди тоже злые. И тоже убивают. Но демонам нельзя умирать здесь. Их сила... она... – демоница прикусила губу. – Ты хорошая. Пришла. Говоришь. Придешь ко мне? По-настоящему?

– Не знаю. Меня вряд ли кто пустит.

– Жаль. Но если вдруг, приходи. Я буду ждать. Я только и умею, что ждать. Но люди приходят редко. Разговаривают и того реже. Раньше была. Давно. Одна. Говорила. Просила помочь. Я помогла. А она обманула. Нехорошо обманывать.

– Нехорошо.

– Кровь демонов – это тьма. И чем больше её, тем сложнее, – демоница вновь обратилась к чашечке. – Тьме неуютно здесь. И демонам тоже. Зачем они их мучили?

– Не знаю.

– Приходи. Я не стану тебя убивать.

– А остальных?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Я... никого не хочу убивать, но я так голодна. И он тоже... ему здесь плохо, вот и прячется, – она обняла себя. – Он все-таки больше демон, чем человек. И устал. Я тоже устала. Отпусти меня. И его.

– Как?

– Не знаю. Нужен ключ.

– Какой? Как он выглядит?

– Как может выглядеть кровь? Обыкновенно, – удивилась демоница.

– Кровь...

– Заперли кровью. И открыть тоже надо кровью... – она прикусила губу и задумалась, а глаза её почернели. И черты лица поплыли, словно проступило сквозь них нечто иное, страшное до того, что у Теттенике сердце остановилось.

Но снова застучало.

В конце концов, она лошадей боится. А это не лошадь. Это демон.

– Его кровь. Последнего из рода, – голос этот отразился в стенах, заставив задрожать всем телом. А потом... потом все закончилось.

И Теттенике поняла, что... нет, путь не найден.

Пока.

Но... первый шаг. Вот только стоит ли рассказывать о нем хоть кому-то?

Она села на кровати, обняв ноги. Плакать больше не хотелось. Ничего не хотелось. Но лишь пальцы осторожно коснулись темного стебля. Колючего стебля. Стебля, на котором мраморным совершенством расцвела роза.

Зеркало Брунгильда увидела издали. Лежало оно в коридоре, поблескивая черной гладью. Еще подумала, что, небось, из ладхемок кто потерял, уж больно зеркало это было миленьким. С длинной ручкой, с завитушками на оправе.

А потом подумала, как его вообще потерять можно, немаленькое же.

И эта мысль удержала от того, чтобы взять зеркало в руки. А то словно просилось, нашептывая, что у неё, Брунгильды, никогда-то подобной женской штучки и не было.

И не будет.

Даже если она тут останется, то... то все глядят на неё, как на чудовище с секирою. А она женщина. Тоже. И Брунгильда вздохнула, огляделась, убедившись, что никого-то в пустом коридоре нету, вытащила платок. Платок был старым и мятым, но на зеркало лег. Только то и сквозь ткань просвечивало.

Непростое, стало быть.

– Эй, – крикнула Брунгильда, потому как в этой тиши стало вдруг неуютно. – Есть тут кто?

– Кто-кто-кто... – отозвалось эхо.

И от стены молча отделилась тень. Сердце ёкнуло и успокоилось. Легионер. Этих-то ни с чем не спутаешь.

– Вы... – Брунгильда смутилась. Вот как к такому обращаться? Может, он, конечно, и не больно живой, но так это же ж не повод невежливость показывать. – Вы не могли бы подойти?

Легионер молча приблизился.

– Эта вещь... она тут лежала, – Брунгильда указала на платок. – Я не знаю, откуда она взялась, но мне кажется, что неспроста и...

Легионер чуть склонил голову.

А ведь он высокий. Едва ли не выше Брунгильды. Оно, конечно, не такой, как Командор, но все же... и главное, впервые она чувствует себя слабой. Она даже и не поняла, что это такое.

Вот...

– Вы не могли бы... – она отступила. А легионер опять кивнул и наклонился, подцепил ладною перчаткой платок, поднял, а... а под ним зеркала не было.

Не было!

– Но оно было! – возмутилась Брунгильда. И подумала, что теперь этот вот, в доспехе, решит, будто она... выдумывает?

Врет?

Притворяется?

– Оно тут лежало! Блестело! И я еще подумала, что потерял кто, но... но кто?

Легионер опустил на корточки. И раскрытой ладонью провел над полом. Поднялся. Поглядел.

– Оно было... – Брунгильда прикусила губу и добавила совсем тихо. – Было.

Кивок послужил ответом.

– Вы... вы мне верите?

Он снова кивнул. Потом указал пальцем на пол. На Брунгильду. И пальцем погрозил. Что за...

– А! Не трогать, да?

Кивок.

– Если опять появится. То... что мне делать?

Он задумался.

Потом ткнул себя в грудь.

– Вас звать? А вы тут...

Палец указал куда-то вдаль.

– Рядом будете?

Это окончательно успокоило. Нет, она не боится. Ни зеркал, ни мертвецов. Но как-то вот... спокойнее, что ли.

Легионер сделал шаг назад.

– Погодите! – спохватилась Брунгильда. – Я хочу... точнее вы не могли бы проводить меня к... к человеку, который меня сопровождал? Его зовут Никас. Он... его где-то заперли. И я хочу с ним поговорить.

Легионер явно задумался.

– Вы знаете, где он?

Кивок.

– Вы могли бы... клянусь, что не собираюсь ни вреда ему причинять, ни помогать в чем-либо. Просто... он кое-что знает. Мне так кажется. И я должна спросить.

Легионер поднял руку и махнул.

– За вами идти?

И снова кивок.

Ну... и почему бы нет? Только платок не вернул. Попросить? Да как-то неудобно... и еще неудобно, что платок у неё самый обыкновенный, из куска полотна. И полотно это грубое. И ни кружев, ни вышивки. Будто она, Брунгильда, не принцесса даже... а еще куда он этот платок подевал-то?

Глава 38

Где говорится о важном и о всяком-разном тоже

«Выбрать жену аль мужа доброго – дело непростое, каковое никак невозможно доверить людям молодым, не имеющим должного жизненного опыту. Ибо если иначе, то мужчины станут глядеть на красоту женскую, а женщины слушать речи прельстивые, каковые заставят позабыть обо всем на свете. И поддавшись обману любви, они будут говорить, что сие – единственно верно, что только любовь сердца соединяет, тогда как чувство это мимолетно»

Из речи, прочитанной некой госпожой Сестрицкой, опытной свахой, своему сомневающемуся клиенту.

Целоваться...

Я целовалась в той, в другой жизни. И не раз. И... и мужчины были разные, чего уж тут. Но вот ни с одним не было такого ощущения, что земля из-под ног уходит.

И сердце стучит-стучит.

И...

Это неправильно.

Но, проклятье, мне все равно... и ему тоже... и еще весь мир, он и вправду подождет. Стоял же как-то тысячи лет без нашего участия. И еще столько же продержится.

А я... я ведь имею право на пару мгновений... счастья?

Надежды?

Всего и сразу.

А глаза у него светлые. И волосы мягкие. И... и почему мне казалось, что он обыкновенный? Неправда. Он необыкновенный.

Самый необыкновенный мужчина во всем мире. Я же, кажется, влюбилась, как оно бывает с женщинами, безнадежно, безвозвратно, без... одно сплошное «без».

И в голове каша.

Стоим, пялимся друг на друга. И за руки держимся. Чувство такое, что если отпущу, то случится что-то страшное. Непоправимое. Поэтому и цепляюсь за него вот и за наши несколько краденых минут.

– Ты...

– Ничего не говори, – сказала я Ричарду.

С него станется начать извиняться. А я... я обижусь. Я ведь знаю себя. Я на диво обидчива и порой совершеннейшая дура, но это с женщинами случается. Только не хочу. Не хочу тратить время на обиды.

И на глупости.

Его, чувствую, и так почти не осталось.

– Выйдешь за меня замуж?

– Что? – мне показалось, что я ослышалась.

– Замуж, – спокойно повторил Ричард. – Ты выйдешь за меня?

– Я?

Я ведь... я ведь не принцесса. А у него целых пять есть, на выбор. И обидятся, если выберут не одну из них. Оно ведь, одно дело уступить другой принцессе, и совсем иное, если выберут демоницу.

– Ты.

И улыбается.

– Но... я ведь... кровь...

– Лассар утверждает, что демоническая кровь – это то, что нужно.

– Если бы демоническая, – я обняла себя и покосилась. Все-таки место... специфическое. И покойница вон подглядывает. Нет, лежит тихо, глаза закрывши, но не могу отделаться от ощущения, что все-то она видит.

Понимает.

И злится. Но тут уж пускай себе злится. Гадина.

– Я ведь... я просто из другого мира. Совсем другого... я там умерла. То есть, я не знаю точно, но скорее всего умерла. По глупости, кстати... и там я тоже... не была принцессой. Обычная девица, а вот... вот ты перенес. И что-то такое случилось.

– Знаю.

– Давно?

– Лассар сказал, что ты не чистая демоница, но так даже лучше. С демоницей... или с той, в ком слишком много крови, просто не справится. Они с ума сходят.

– И я?

– Не знаю, – сказал Ричард. – А ты сходишь?

– Иногда.

Станный у нас разговор. И мне бы свернуть его. Завизжать от радости. Броситься на шею. Сказать, что замуж выйду и лучше бы уже завтра, пока он не опомнился, пока... там ведь принцессы.

У них кровь.

Происхождение.

Связи.

Приданое, в конце-то концов! А у меня какое приданое? Рога и хвост?

– Иногда на меня накатывает что-то... не знаю, раньше такого не было.

– Лассар полагает, что я ошибся в ритуале. И наверное, прав. Я никогда-то не был особо силен... да и ритуал этот. Не стоило его повторять. Или наоборот? Ты ведь здесь.

– Я...

Здесь. Сейчас. Стою и держу его за руку.

– А тебя не пугает? – спрашиваю отчего-то шепотом. – Что я... ну все это?

– Нет.

– И рога...

– Рога у тебя очень красивые, – он улыбается. И в уголках глаз появляются морщинки. Они едва заметные, но я вижу. И хочется коснуться.

Морщинок.

Почти незаметных веснушек на бледной коже. Хочется смотреть на них. На него.

– И хвост? – уточняю зачем-то.

– И он.

– А если все-таки... если я сойду с ума, – я сглатываю, но не отвожу взгляда. – Знаешь, еще недавно я думала, что хочу убить... правда не помню, кого именно. Кого-то из этих твоих... невест. Просто

потому что... ты на них смотрел. А если это не пройдет? Если со временем станет хуже? Если я и вправду...

– С силой демона справиться непросто.

Вот оно что, оказывается.

– Но у меня получится? – сейчас мне хочется услышать, что получится всенепременно. Что он знает то самое особое зелье по древнему секретному рецепту, которое эту вот демоническую кровь уймет.

Или ритуал.

Или... или может что-то еще. Должны же быть способы.

– Я не знаю, – честно ответил Ричард. И я едва не задохнулась от обиды. Не знает? Как он может не знать... а потом опять нахлынула ярость и волной. Захотелось вырвать руку.

Ударить.

Наотмашь и когтями, чтобы пропороли они кожу, чтобы выпустили кровь, чтобы... чтобы ему тоже было больно. Как мне.

– Тише, – меня обняли и крепко-крепко. Но я бы вырвалась. Я бы могла. А вместо этого стояла, часто моргая, пытаюсь справиться с раздражающей душу злостью. – Это сила. Просто сила. Она пытается завладеть тобой. И дыши.

Дышу.

И успокаиваюсь. Медленно.

Слишком уж медленно. А следом за спокойствием приходит страх.

– А если... если я не справлюсь? Если сойду с ума... что ты будешь делать тогда?

– Тогда? – ему отчаянно хочется солгать. Я вижу. Я внезапно вижу его всего, и это тоже пугает. – Тогда мне придется тебя убить.

И кажется, что сама темнота отзывается смехом.

Летиция Ладхемская пришла в себя не сразу. Она вдруг осознала, что сидит, но как бы не сама, а прижимаясь к чьему-то крепкому плечу. И что ей хочется уткнуться в это плечо и расплакаться.

Она не плакала так давно...

Прекрасные дамы не плачут.

Никогда.

Они всегда веселы и полны жизни. Они... смеются... и Летиция тоже смеялась. Смех нужно тренировать, как и выражение лица. Позы. И следует помнить, что... что же следует помнить-то? Она забыла. Вот уж глупость какая.

– Ты как? – рук осторожно касаются, но открывать глаза неохота. Вообще она бы, наверное, вечность вот так сидела, притворяясь... кем?

Кем-то, кто не является принцессой.

У кого нет череды благородных предков и обязательств перед короной. И дара, который заставляет переживать смерть. Почему-то нынешняя ощутилась невероятно остро. В те, в прошлые разы, Летиция воспринимала все много проще.

А тут вот...

Она коснулась собственной шеи. Надо же. Дышать может.

В руки сунули чашу. С водой. Хорошо. Вода... она сладкая. Всегда. И Летиция пила, большими глотками, жадно. Кажется, даже пролила. А еще руки дрожали. И она бы выронила эту самую чашу, но её удержали.

Помогли.

Наконец, она открыла глаза. И вздохнула. Все то же. Все те же... и покойницу только прикрыли простыней. Правильно. Она не виновата.

А ведь знакомая девочка.

Забавно. У Летиции столько горничных, что она еще когда перестала их запоминать. Ко всему еще менялись часто, выживая друг друга. А эта вот... неприметная сама по себе. Обыкновенная. Не слишком красивая, ибо неуместно, чтобы горничная была краше госпожи. Но и не уродка, потому как тоже неправильно.

Но она давно служила.

С год, пожалуй. Или больше? Летиция не помнила. Вот про то, что шить девушка умела, помнила. И кажется, тогда, на балу, когда Летиция нечаянно на подол собственного платья наступила и кружева оторвалось, она помогла. И так быстро, незаметно.

Летиция же спасибо не сказала.

Она... она была такой... другой.

И ведь можно сказать, что это из-за заклятья, из-за того, что с самой Летицией сделали, что не виновата она. Но ведь правда в том, что виновата. Что... поверила.

Позволила.

Плохо.

– Может, целителя позвать? – заботливо осведомилась Мудрослава Виросская. – Или прилечь?

– Куда тут приляжешь. Давай-ка...

Летицию приподняли.

Эта... эта рыжая наглая девица. А главное, крепкая какая. И держит так, что не выкрутишься. Да и не хочется. Дурнота накрывает с головой и отпускает.

– Подожди, – Летиция не пытается вырваться. – Сейчас станет легче. Всегда... мой наставник леденцы держал.

Мудрослава с родственницей переглянулись. И виросская принцесса руками развела.

– Извини, у меня нет.

– У меня есть, – сказала рыжая и, задрав юбку, сунула руку куда-то под неё.

– Яр! Яра!

– Что? А вдруг чего, а я без запаса?

Она вытащила мятую жестянку, обмотанную атласной лентой. Нет, Летиция не будет... в коробочке лежали леденцы. Такие нарядные. И кругленькие. Разноцветные бонбонки, точь-в-точь, как у наставника. Но у него коробочка была бархатною.

– Ешь, – сказала рыжая мягко. – Вон, сунь за щеку. Я всегда так делаю, когда невыносимо становится.

И вздохнула.

Летиция тоже вздохнула, а потом взяла и вытащила конфетку, которую за щеку сунула. И зажмурилась. На цитроновом соке вареная. Кисловатая. И от того рот слюною наполняется. Но так даже лучше.

– Дай уже сюда, бестолочь, – проворчала Мудрослава и тоже конфетку взяла. – Откуда?

– Так... я запас... запасливая, – Яра сама отковырнула несколько слипшихся. – Оно ж и вправду с ними думается легче.

Думается.

И сердце успокаивается. И надо бы... надо бы уйти. Хотя бы из лаборатории. Отыскать Повелителя. Вообще странно. Дела тут творятся недобрые, а все будто бы сквозь землю провалились. Точно... точно так и надо. В душе шевельнулся червячок недоверия.

А если и вправду надо?

Если не ошиблась почтенная вдова относительно намерений здешнего хозяина? И если он действительно не жену ищет, а... а жертву.

– Чего? – встрепенулась Ярослава. Вот ведь чуткая.

– Вы... вы ему верите? – Летиция сунула леденец за левую щеку и поспешно, пока коробочку не убрали, отковыряла еще один.

Два леденца всяко лучше.

– Кому? – уточнила Мудрослава, будто так и надо.

– Повелителю... смотрите, это место... мертвецы... и вообще, где охрана?!

– Там, – Яра указала на дверь. – Двое. Еще пара чуть подальше.

– Не может быть!

Рыжая хмыкнула и, стряхнув Летицию, точнее сунув её в руки сестре, решительно подошла к двери.

– Эй вы там, покажитесь! – рывкнула она.

И перед дверью возникли две фигуры в черном доспехе. Но почему-то спокойствия это не прибавило.

– Вот, – Яра ткнула пальцем в ближайшего. – Охрана. Они тут повсюду, но так от... неприметненько.

Неприметненько.

Но... зачем?

От кого прятаться. Или... или...

– Спокойно, – Мудрослава не нашла ничего лучше, чем ущипнуть. – Они никого не трогают. И вообще, тебе ли мертвецов бояться.

– А думаешь, раз некромант, то и не боюсь? – проворчала Летиция исключительно из вредности. Мертвецов она в самом деле не слишком боялась. Все-таки от живых проблем куда больше.

Да и... мертвец мертвецу рознь.

Вот утопленники – это да, мерзость, особенно, если долго в воде... тогда-то её едва не вывернуло, а наставник после извинялся долго. Уж больно случай был... нехорошим.

Но Летиция в тот раз и не помогла.

Тело было слишком старым.

– Ну? Ты как? – осведомилась Яра и рукой махнула. – Идите... хотя... нет, погоди. Ты знаешь, где твой господин?

Левый Легионер, который от правого ничем-то не отличался, кивнул.

Отлично.

– В таком случае... ты уверена?

Уверена Летиция не была, но вот то, что она увидела... наверное, многое меняло. И ей нужно было кому-то рассказать. Только кому?

– Не важно. Нам хотелось бы с ним поговорить. Можешь отвести?

Легионер молча развернулся.

– Все-таки это несколько раздражает, – сказала Яра, сунув коробку в руки Летиции. – А ты жуй, жуй, а то вон вся сбледнувшая, глядеть больно...

Пусть бы и не глядела.

Но от конфет Летиция не стала отказываться.

Обойдутся.

Глава 39

В которой за сомнительной встречей следует сомнительное же предложение

«Порой мужчин обвиняют в излишней меркантильности. Мол, стоит ли искать в жены девицу с приданым, ежели сам капиталами немалыми обладаешь? И не проще ли тогда взять сиротку аль еще какую бесприданницу, но собою хорошую. И скажу я так, что сие, конечно, возможно, и есть мужчины, которые так и делают, но все же большею частью своею они придерживаются той же мысли, что и я. Счастливый союз создается меж людьми равными. И приданное, супругом полученное, в случае смерти одного или иной беды, возвращается к женщине, тем самым оберегая её от нищеты и иных невзгод»

Из речи, прочитанной некой госпожой Сестрицкой, опытной свахой, своему сомневающемуся клиенту.

Ариция в какой-то момент задремала. Сидела она, сидела, глядела... глядеть было скучно. А еще ночь на дворе. Глубокая. Это только в страшных сказках ночь – самое оно время для некроманта. На деле же некроманты тоже люди.

И спать хотят.

Вот Ариция и приснула.

Слегка.

Нет, она слышала, как дышит степнячка, которая во сне ли, в забытии ли, но оставалась на диво хороша, что не могло не раздражать. Только с раздражением Ариция справилась. А со сном оно сложнее вышло.

...сперва она услышала тихий шелест, словно вздох.

Обернулась.

Никого.

Ничего.

И парк пуст.

Парк? Ну конечно, парк... она снова дома. Сад... ей семнадцать. Недавно исполнилось. И по этому поводу маменька бал устроила, а сестрица на балу блистала, будто бы он был для неё. Обидно.

Нет, это... это сон.

Или нет?

Все как взаправду. Но и обида в том числе.

Ариция сглотнула слюну. И остановилась. Она... она знала, что будет дальше. Сумрачная беседка. И смех, что доносился из неё. Этот смех заставляет краснеть.

И отступить.

Еще отступить.

– Боги, до чего она невзрачная... – голос резкий. – Будто и не сестра... старшенькая хороша, а этой и пудра не поможет.

Щеки вспыхивают от стыда и обиды.

– Брось, ты слишком строга к девочке. У нее возраст такой, неуклюжий.

– Что-то подзатынулся этот возраст, – фыркнула девица.

И Ариция сглотнула слюну.

Она не заплачет... она... она ведь красивой была сегодня! В новом платье из темно-сизой тафты, которую дедушка подарил. Дедушка её любит. И... и он сказал, что главное – мозги. То есть... то есть тоже не считает красивой, несмотря на всю любовь.

Она отступила.

И еще, не желая дальше слушать. Конечно... куда ей до Летти? Та великолепна во всем, от платья, которое получилось куда более роскошным, чем у Ариции, до вершины парика, украшенного цветными перышками и живыми розами.

Ари... Ари никогда такой не станет.

Она шла через сад, не особо задумываясь, куда идет. И... и в какой-то момент обиды стало так много, что Ариция не сумела с ней справиться. Внутри словно огонек загорелся. А потом он сделался большим-большим. И выплеснулся.

Она даже задохнулась от боли, пусть короткой, но все же.

И встала, вцепившись в ствол дерева. А потом... потом земля вдруг задрожала, мелко так... и из травы высунулось что-то белое, походившее... тогда она не сразу поняла, что это.

А поняв, испугалась.

Не руки, нет. Мертвец, который деловито выкапывался из земли, как раз не испугал. Почему-то Ариция знала, что с ним справится. Что ему достаточно приказать, и он вернется. Но продолжала стоять...

Вот из какой-то кучи выбралась дохлая мышь. Выглядела она отвратительно, а за нею – и облепленный грязью, палой листвой, кот. Кот был еще более мерзким, до того, что мелькнула занятная мысль, а не отправить ли его к сестрице.

Вот она бы завизжала.

Но там, то ли во сне, то ли в прошлом, она махнула рукой и велела:

– Возвращайтесь.

Они и вернулись. Все.

Надо же...

Она все так хорошо помнит... правда, глупое воспоминание. Воскрешение и не первое, честно говоря. Но почему-то оно запомнилось больше всего. Может, этой самой глупостью? И вся её жизнь такая же, несуразная. А ведь она потом, позже, возвращалась. Нет, не туда, но в разные части сада.

Возвращалась и... пробовала.

Потихоньку.

Боясь, что кто-то заметит, но постепенно... постепенно страх уходил. Оказалось, что никому-то особо дела не было до нее, Ариции, второй и не самой прекрасной из принцесс.

Зачем это?

Здесь и сейчас? Во сне обычно не задают вопросов. Но сон этот... очень уж зыбкий. И странный. Парк... будто и не парк. Нет, дерева, кусты... но незнакомые. Ариция никогда таких не видела.

Дорожка.

Беседка.

И в ней женщина в старинных одеяниях. Красивая... в руке женщины зеркальце.

– Хочешь посмотреться? – спросила она.

Сон.

И посмотреться тянет.

– Это особое зеркало. Оно может сделать так, что ты станешь красивой. Самой красивой...

– Красивее сестры?

– Легко, – женщина улыбается.

А ведь лицо у неё обычное. И нос великоват. И глаза какие-то не такие. А губы тонки. Но все равно она кажется красивой. Слишком красивой.

– Спасибо, но нет.

– Почему? – её волосы не уложены в башню, они рассыпаны по обнаженным плечам. И платье... разве такие прилично носить? Прямое, чуть прихваченное под грудью широким поясом, опускающееся мягкими складками, в которых так легко угадать очертания тела. – Разве ты не хочешь быть красивой?

– Нет.

– Врешь. Врать не хорошо. Я знаю правду.

– Кто ты? Демоница?

– А я похожа на демоницу? – женщина медленно повернулась вокруг себя, позволяя разглядеть. – Разве есть у меня рога? Или хвост? Или когти?

Она протянула руку с тонкими пальчиками и жемчужными ноготками. На каждом переливался драгоценный камень.

– На фею-крестную ты тоже не слишком тянешь, – проворчала Ариция, отступая.

Сон ей не нравился.

В этом месте, в этом Замке не может быть обыкновенных снов. А вот и Замок. Точно. Нависает мрачною громадиной.

– Чего ты от меня хочешь?

– Освободи меня.

– Как?

– Возьми, – ей снова протянули зеркало. Но Ариция спрятала руки за спину. Может, она и не красавица, но и не дура. Трогать странные вещи в странном сне не будет. А то ведь... как в сказке, коснешься не того и навек останешься.

– Нет.

– Хорошо, – женщина убрала зеркало за спиной. – Тогда идем... я покажу... они меня убили, но умереть не вышло. Я и не хочу умирать.

Верни меня. Ты можешь.

– Поднять мертвеца?

– Дать ему жизнь, глупая.

Сама она... глупая.

Даже отец признавал, что Ариция умна. А он вовсе не относился к женщинам серьезно, к другим, кроме мамы.

– А в чем разница?

Женщина шла.

Быстро так.

И Ариция за ней. И вот уже пришлось почти бежать, подхвативши юбки. В юбках бегать дико неудобно, этак и вправду впору, как островитянка, на брюки переходить. Хотя... в брюках неприлично. В монастыре запереть могут за такое. С другой стороны их и...

Замок распахнулся каменной пастью. И сомкнулся, а Ариция оказалась внутри.

– Запоминай, – женщина повернулась к ней. Теперь её лицо было бледно, словно мрамор. – Запоминай путь!

Коридор.

Поворот.

Еще один коридор. И лестница. Она разворачивает спираль за спиралью, и ступеньки сами ложатся под ноги, как возможно лишь во сне.

Ариция ждет.

И все-таки... в чем разница? Ей бы дотянуться до той, которая рядом, но в то же время невообразимо далека.

Но вот еще дверь.

И пещера.

– Там, – она вытягивает руку, указывая в темноту. – Они заперли меня там!

– И что мне делать?

– Позови... твой дар... ты можешь вернуть меня. И любого. Ты не некромант. Ты та, что возвращает к жизни.

– А разница в чем? – Ариция поглядела за спину.

Темнота.

И в ней будто... будто проступает что-то. То ли столы, то ли саркофаги. Она может сделать шаг и оказаться внутри.

Во сне.

Или это уже не сон.

– В чем разница?!

А лицо незнакомки плывет. Оно больше не кажется красивым.

– Глупая. Некромант возвращает плоть. И та всецело в его воле пребывает.

Разве у Ариции иначе?

Или... все-таки иначе. Она... она ведь не приказывала. Тогда. И страшный мертвый кот даже сбежал, а она потом его искала, дрожа при мысли о том, что кто-то наткнется на это чудовище раньше, чем Ариция его отпустит.

– Ты же... ты просто способна сделать мертвое живым.

Просто?

Ничего не бывает просто.

– Почему я должна это сделать?

Ариция выпрямилась, потому что показалось вдруг, что эта женщина... существо, что оно нападет. Оно вдруг стало больше. И шире. Прозрачнее. Она почти утратила сходство с человеком, но... вернулась. И улыбнулась этак, снисходительно.

– Ты же хочешь выжить, девочка?

Да.

– Не только ты... все они обречены. Ты уже знаешь. Я смотрю за вами. Давно. Но я могу помочь тебе. Остальные... отдай их. Ей нужен ключ. Нужна свобода. И ты можешь дать её. Дать и остаться в живых.

Ариция стиснула зубы.

Это сон.

Просто...

– Нет, – тихо сказала она, сжав кулаки.

Надо проснуться.

Надо... как?

– Глупая упрямая девочка... я тоже такой была, – сказала женщина, глядя с печалью. – Я тоже думала, что если быть хорошей девочкой, то это оценят. Но правда в том, что хорошие девочки умирают первыми.

– Пускай.

– Что ж... – в руках незнакомки появилось зеркало, в которое она уставилась. – Тогда... тогда мне жаль, что придется вот так...

Она вдруг подняла зеркало. И повернула его к Ариции. И то раскрылось, развернулось дрожащей гладью. А из неё на Арицию посмотрела она сама, только... только красивая.

Очень красивая.

Завораживающе.

Даже Летиция никогда такой не была, даже...

Это сон.

Всего-навсего сон. И нельзя... нельзя верить снам. Надо... надо проснуться. Но вместо этого Ариция протянула руку и коснулась такой гладкой, скользкой поверхности.

Нет, тоже руки.

Своей руки.

– Тебе только и надо, – сказало её отражение, хватаясь за пальцы, – что быть хорошей девочкой...

Пальцы захватили пальцы.

Переплелись.

И Арицию дернули. Сила была такой, что она угодила в зеркало. И тонкая поверхность его вдруг вспучилась пузырем, обнимая Арицию, а потом втягивая внутрь.

Это сон!

Это просто-напросто сон и...

И она теперь была отражением. Она стояла внутри стекла, упираясь в него руками. А там, по другую сторону, на Арицию смотрела женщина с длинными светлыми волосами. Вот только волосы на глазах укорачивались, да и черты лица её плыли, меняясь.

Мгновенье, и на Арицию вновь же смотрела она.

Она, только красивая.

– Посиди, – сказали ей, погрозив пальцем. – И подумай. А как надумаешь, то позови. Я услышу.

Ариция закричала.

Но крик её потонул в зазеркалье. Она оглянулась и... и увидела лишь клубящийся туман. Он подползал к ногам, тычась в них слепым щенком. И в нем, таком кипящем, мелькали тени.

Стало страшно.

Настолько страшно, что крик оборвался. Ариция зажала рот руками и повернулась к зеркалу. Это сон... это всего-навсего сон... она сейчас проснется.

И...

Проснуться не получилось. Ни с первого раза, ни со второго.

Глава 40

О неправильных покойницах и потерянных вещах

«И обернулась тогда птица-лебедь девою красоты невиданной, кожа её была белее снега, очи – синее небесной синевы. Алой малиной горели уста, а на волос золотой спускался до самой земли. И поглядел на нее королевич, и влюбился с первого взгляда. Дева же, руки протянув, заговорила ласково, благодаря за свое спасение и испрошая лишь одного: дозволения рядом быть».

Сказ о вдовой королеве, королевиче и ведьме коварной

А вот ран на теле покойницы не было.

Никаких.

Вообще-то... разговор наш взял и угас. Сам собой. Словно... словно слишком много было сомнений и вопросов. И только Ричард проворчал:

– Я все равно на тебе женюсь.

А потом отпустил мою руку и повернулся к телу Анны. И глядел на него... нехорошо так глядел. С сомнением.

– Отец спускался сюда, – произнес он мрачновато. Мне же стало совестно.

Вот что я за чудовище такое?

Нет бы ответить согласием, а потом бы как-нибудь... в конце концов, я не первая, из кого демона делали. Глядишь, и справились бы.

Обязательно бы справились.

А теперь вот... теперь он может и не спросить во второй раз. Это на него здесь и сейчас нашло что-то. Там же, наверху, он увидит принцесс и поймет, что был не прав.

Или не поймет, но... мужчины, они же обидчивые. Особенно в таких вопросах. Передо мной душу почти открыли, а я... нет, не плюнула, но почти.

Дура.

Как есть дура.

– Извини, – я тряхнула головой, пытаюсь избавиться от мыслей и сомнений.

– Я не то, чтобы вспоминаю... знаешь, такое чувство, что я и не забывал. Хотя вот... он спускался сюда. И мама. На похороны деда. Про деда точно не скажу, его как раз помню очень и очень смутно, – он потер висок. – Тогда... тогда я тоже здесь был. Правда, шел той, внешней дорогой. Но зачем он снова спускался? Отец?

Молчу.

Что сказать? Что я бы покойницу прикрыла саваном. Я вообще не понимаю, зачем её здесь оставили. Ладно, дрова в дефиците, но ради такого случая могли бы и поискать. Да и мало ли иных способов?

А её похоронили.

И... и кажется это едва ли не насмешкою.

Я отступила в сторону.

– Это мой предок, – Ричард тоже отошел. – Её муж.

– Он не в доспехе.

– Да. Почему – не знаю... но вот...

Этот саван прочно зарос пылью и паутиной, и соскальзывать не спешил, а я, только коснувшись, руку убрала. Почему-то подумалось, что под саваном обнаружится вполне себе банальный труп многосотлетней давности. Не хочу смотреть.

Я повернулась к Анне.

А она...

Нет, что-то тут не так. Определенно.

– Может, ну её? – осторожно предложила я. А Ричард покачал головой и, приблизившись к телу, поднял его. У меня сердце оборвалось, когда он к этой вот... прикоснулся. А он только повернул тело вправо. Влево.

Хмыкнул.

– Никаких следов, – сказал, опуская.

– Может, под платьем не видно? – я запоздало прикусила язык. Не хватало еще, чтобы он тут осмотр устроил и раздевать стал.

– Допускаю, но с этим телом явно что-то не то. Надо будет...

И замолчал.

– Что?

– По-хорошему сжечь бы, но для этого вынести её надо. А если... я кое-что в книгах проверить хочу.

Я кивнула.

Пускай.

– А зеркало?

Тело пришлось стаскивать с каменного помоста, а его осматривать со всем тщанием. Не то, чтобы мы надеялись найти зеркало, скорее уж пытались убедиться, что зеркала тут нет.

И его не было.

У покойницы тоже.

Потом...

– Извини. И, может, отвернешься? – спросил Ричард, поддевая сизый саван предка. Тот снимался с тихим хрустом, расплываясь порой в руках. – Но проверить надо.

И я отвернулась. Пусть позорно и трусливо, но... но это не то, что я хотела видеть. Хотя зеркала не нашлось и при мертвом Арване.

Жаль.

– Остальных...

– Не думаю, что в этом есть смысл. Да и... его брат, который стал наследником после смерти Арвана, погиб не здесь. Он упал в расщелину, и тела извлечь не вышло. Если зеркало было при нем, то...

Там и осталось.

Но вот... есть у меня сомнения. Подобные вещи имеют на диво пакостливый характер. Они и из расщелины неведомым образом выплывут, и из морских глубин поднимутся.

Нет уж.

Если не она...

– Может, голову ей... того? – задумчиво предложила я, потому как нетленное тело Анны несколько нервировало. – А потом уже и сжечь.

– Здесь костер разложить не выйдет, а голову... боюсь, до этого предки додумались бы. Но, видать, не вышло.

Покойница, как почудилось, улыбнулась.

Снисходительно так.

– Скажи... – спрашивать о таком дико неудобно. – А... она когда на тебя... то есть, ты на неё посмотрел, мне показалось, что ты... вот-вот... как бы это выразиться.

Бормочу и сама себе жалкой кажусь от этого бормотания. Но Ричард понимает.

– Знаешь, в какой-то момент мне показалось, что она – та единственная, ради кого стоит жить.

Желание отрубить покойнице голову окончательно сформировалось и окрепло.

Нет, померла, так лежи себе по-человечески, а не к чужим мужикам лезь.

– Скажи... – второй вопрос был еще более неудобным, чем первый. – А вот твой отец... он, если спускался, то... мог её увидеть?

Ричард задумался.

Хотя чего тут думать. Пещера, конечно, большая, но не настолько, чтобы мимо пройти, особенно если эта вот зараза захотела бы внимание привлечь.

– Идем, – он снова взял меня за руку, а я вот ничего против не имела. Пошли... пошли, пошли дальше, мимо каменных постаментов. И не страшно здесь, в усыпальнице.

Да и пахнет... нормально.

Нет, мне не случалось прежде в усыпальницах бывать, но сейчас я не испытывала ни страха, ни отвращения. Разве что настороженность. Все мерещилось, что спину буравит чей-то злой взгляд.

Хрен тебе.

Я найду способ избавиться от... от этой хитрой твари, кем бы она ни была.

– Это матушка, – Ричард остановился перед очередным каменным постаментом. – Я... признаюсь, не бывал здесь с самых похорон. Отца. Да и тогда-то не нашел в себе сил подойти. Все казалось, что виноват.

– В чем?

– Если бы вспомнить, – он прижал мою ладонь к своему виску. – Когда я там, наверху, это как-то и не беспокоит. Нет памяти... нельзя страдать о том, чего не помнишь. Только теперь... знаешь, это ведь и вправду части одного. Сперва исчезли люди... куда ушли?

– Куда?

– Да чтоб я знал... такое вот... муть одна. Я даже не могу сказать, когда случилось. Вот помню ужины... зал. Слуги... живые слуги. И матушка. Дамы. Музыка опять же... нормальная музыка.

Я кивнула.

Не знаю, что тут считается нормальной музыкой, но явно не печальный кастрат с песней о несложившейся любви, в результате которой все умерли.

– А потом я, матушка и отец. Чуть позже – Ксандр. Он... он появился незадолго до её смерти. Почему?

Молчу.

Ричард же отпускает мою руку и приближается. Осторожно так...

– А потом она умерла и... и я помню похороны, но не помню, как именно она... и от чего? Это ведь тоже не нормально.

Определенно.

– А Ксандр? – поинтересовалась я осторожно. – Его ты не спрашивал?

– Нет. В том и дело. Мне в голову не приходило задавать вопросы. Все было будто бы именно так, как и должно. Тогда к чему вопросы, понимаешь?

Понимаю. Вроде бы.

– А твой отец?

– Здесь, – Ричард подошел к соседнему помосту, на котором лежал рыцарь. Черный доспех, пыльный плюмаж... доспех нарядный, парадно-похоронный, выходит. И рыцарь выглядит внушительно. – Ты спрашивала... знаешь, все как в тумане, но... он не спускался.

Ричард замер ненадолго, закрыв глаза. Его лицо посерело, губы зашевелились.

– Она спускалась... она...

А я осторожно обняла его.

Замуж?

Выйду там, не выйду... не важно. Главное, что ему я нужна. Здесь и сейчас. А что будет потом – потом и разберемся. Так и стояли... долго? Не знаю. Я бы и вечность продержалась, если бы вдвоем. А он вот... только в какой-то момент я заметила кое-что.

– Смотри, – я дернула Ричарда за рукав. – Это вон... что у него под мечом?

Книжица.

Знакомая. Таких в семейном архиве много. Черный кожаный переплет, чуть желтоватые страницы, обработанные специальным составом от хрупкости и тлена.

Ричард нахмурился.

Он ведь сам готовил тело. Облачал в доспех и... и во двор покойника выносили Легионеры. Ричард помнил, как поднимали доски, и еще как он беспокоился, что поднимут неровно, что споткнуться и отец упадет. А рядом был Ксандр. Просто был.

Ксандр.

А вот книг никаких не было. Ричард точно знает. Он ведь вкладывал меч в эти руки. Не тот, которым отец разил тварей бездны, тот теперь был в семейной сокровищнице, но и этот хорош.

Достоин.

Только руки пришлось связывать кожаным шнуром, потому что меч в них не держался. Точно отец и после смерти не желал расставаться со своим. И надо было бы... а Ксандр сказал, что это не по обычаю.

Мог он подсунуть книгу?

Мог.

Все-таки он тоже помогал и... и по дороге тело несли уже люди Гроббе, который весьма вовремя подвернулся. И даже клятву принес, чтоб на дорогу ступить. В пещеру они же спускались. Ненадолго. Но Ричард один не справился бы.

Что из этого следует?

Что...

Надо спросить.

Те люди, они ведь появились незадолго до смерти отца. И в замок приходили. Отец даже говорил с дэром Гроббе. О чем? Главное, что потом сказал не прогонять, мол, не самый спокойный тип, но умелый.

Пригодится.

Не для того ли?

Мог ли он...

Мог.

Но зачем? К чему эти тайны? Не проще было бы просто отдать книгу Ричарду? Или оставить Ксандру, чтобы тот передал, когда...

– Её вообще можно трогать? – поинтересовалась демоница, нервно щелкнув хвостом. – А то мало ли...

– Можно, – Ричард осторожно вытащил книгу из-под меча.

Или в этом смысл?

Чтобы он пришел и нашел... нет, ерунда какая-то. У отца был не тот характер, чтобы в игры играть.

– И что там? – демоница попыталась заглянуть.

Забавная.

И... и Ричард на ней женится. Дурак он был. Устроил тут... отбор. К чему? Ведь ясно же, что нужна ему именно она. От нее и пахнет особенному. И вообще...

– Или лучше наверху...

– Нет, – подумав, покачал головой Ричард. Не то, чтобы он не доверял Ксандру. Или Командору. Или... если книгу оставили здесь, то явно неспроста. А значит, ему нужно понять, что в этих записях такого.

И книга поддалась.

Черная обложка.

Страницы те же, желтоватые, хрупкие с виду. Хотя на самом деле им не страшны ни огонь, ни вода. Разве что мыши. Еще одна странность. Столько заклятий всяких есть, а таких, что от мышей защищали, Ричард не знает.

Строки.

Первая.

«Моему сыну».

Сердце пропустило удар.

...а ведь они и не разговаривали почти. В последний год точно. Тоскливая пустота. Вечера. Ужин. Отец напротив. И ест молча. Сам Ричард тоже молчит.

«Мне жаль, что так получилось. Я не сумел защитить свою семью».

К горлу подкатывает ком.

– Мне... может, отойти? – тихо интересуется демоница, а сама прижимается к Ричарду.

– Нет. Не надо. Давай...

– Присядем?

– Именно. Только...

Пол в пещере теплый, наверное, под землей живы те самые горячие ключи, которые открывались в старые купельни. Надо будет заглянуть, проверить, что с ними стало. Матушка когда-то любила там бывать, а потом...

Демоница осторожно опускается рядом.

А Ричард переворачивает страницу. Почерк нервный, кривоватый. И местами буквы скачут, а с ними и слова. Одни вовсе крохотные, другие расползаются, занимая едва ли не всю строку.

«Я чувствую, что времени почти не осталось. И я должен сделать хоть что-то. Я надеюсь, что моя смерть остановит её, но в то же время полной уверенности нет. Когда-то я по неосторожности дал слово молчать. И не в силах его нарушить, вынужден искать иные пути».

Хмурый.

Ричард запомнил его именно таким. С поджатыми губами, с вечно недовольным выражением лица.

«Когда все началось? Ныне я склонен думать, что задолго до моего рождения. И виной всему стали наша беспечность, наша уверенность в собственной силе и непогрешимости».

Демоница, вытянув шею, тоже читала.

И Ричард не спешил переворачивать страницу.

«Я говорил с Ксандром. Пусть он и отродье Тьмы, но все же подтвердил некоторые мои опасения. К тому же исчезла часть дневников именно того периода. А в оставшихся если и есть что-то, то малость».

– Это он о чем? – спросила демоница шепотом.

– Понятия не имею.

«Для меня же все началось со смерти Нейсы»

Кто это такая? Ричард пытался вспомнить, но не вышло.

«Всего-навсего прачка. Она жила при замке давно. Тихая старательная женщина»

Какое отцу дело до прачки?

«Нейса не была старой, как не была она и молода. Ко всему она трудилась весьма тяжело, а потому смерть её никого не удивила. Признаюсь, даже сейчас я не уверен, что случилась она не по естественным причинам».

Смерть прачки?

«Я и вовсе не обратил бы на неё внимания, если бы моя душа не ожила. Она, до того многие дни пребывавшая в печали, вдруг словно отбросила тоску. И вновь улыбалась, смеялась и даже пела».

– Не понимаю, – сказал Ричард, спешно перевернув страницу.

«Тогда я лишь обрадовался, ведь, глядя на неё прежнюю, я думал лишь о боли и разлуке, ибо невыносимо было представлять себе, как мучится она. Но и найти в себе силы, чтобы отпустить, было непросто».

Нет. Все было не так.

Это отец изменился.

Отец...

«Её хватило на две недели. И я мучился, глядя, как стремительно тает её радость. Как возвращается тоска в глазах. Как она то почти не замечает сына, то вдруг, словно вспомнив о нем, начинает требовать, чтобы он находился при ней неотлучно».

– Это неправда, – повторил Ричард. И демоница мягко погладила его по руке. Говорить она, к счастью, ничего не стала.

«Мне пришлось уехать. Я долго думал и почти смирился с её отъездом. Но по возвращении вновь увидел её веселой, радостной. Она обнимала меня, как прежде. Смотрела в глаза. Улыбалась. И говорила, что отныне всегда будет так. Она больше не желала уезжать, напротив, твердила, что место её рядом с нами. Что она любит и меня, и сына. А потом, после, я узнал, что с кухни исчезли две служанки. Они ушли в деревню, но там так и не появились».

Страница.

И еще страница. Строки бегут.

«...староста кланялся и просил о помощи. Дело донельзя странное, ибо любая нечисть оставляет следы, а тут ничего. Люди просто погибали в своих домах. Женщины. Это всегда были женщины. Они засыпали и не просыпались».

Невозможно. Это... это неправда.

«Мой сын смотрит на меня так, будто я виноват в чем-то. А я не понимаю. Он говорит, что я причиняю ей боль. Но я жизнь готов отдать, лишь бы ей было хорошо»

Больно читать.

И голове тоже...

«Когда я, наконец, понял? Когда увидел её, стоящей над Милдред?»

Имя.

И человек. Темные волосы. Темные глаза. Смех. И сахарный петушок на палочке. Только не говори маме... это наша маленькая тайна... беги, Ричард...

«Дело даже не в том, что она нашла тело. В том, как она смотрела на женщину, которую называла подругой. Смотрела и улыбалась, снова счастливая, полная сил. А когда я решился задать вопрос, она лишь укоризненно покачала головой. Как я могу подозревать её в подобном? И разрыдалась»

К горлу подкатывает дурнота.

«На рассвете упал со стены Улаф. Он был опытным воином. А она весь вечер провела со мной. И ночь тоже. И когда узнала о случившемся, насмешливо поинтересовалась, не её ли я буду обвинять в этой смерти? Я не знал, что думать. Но я знал, что делать. Я отослал людей. Не все хотели уезжать, но весьма многие. Все уже поняли, что в Замке происходит нечто неладное, но я знал, что обвини я её, которую любили все, мне просто не поверят»

– Он лжет, – сказал Ричард. Правда, получилось без особой уверенности. – Он... лжет?

– Зачем ему?

«На меня смотрели с подозрением. Я не мог отделаться от чувства, что все люди, все те, с кем я был недавно дружен и близок, полагали меня виновным во многих бедах. И главное, что сын мой стал меня бояться, хотя никогда-то я и голоса не повышал на него».

– Я не боялся... наверное. Не знаю.

«Смерти продолжались. Она словно издевалась, убирая одного за другим тех, кто рискнул остаться. И всякий раз это выглядело, как несчастный случай или же смерть по причинам естественного свойства. Я вскрывал тела, пытаясь обнаружить хоть что-то, но не находил. И признаюсь, что сорвался. Я кричал на неё, требуя признаться, показать мне то, что сделало с нею это».

– Он искал не человека... – пробормотала демоница. – Дело не в ревности...

«Я уверен, что речь идет о некоем предмете, ибо изначально она была обыкновенной женщиной. Обыкновенной в том, что не несла в

себе тьмы или зла. Я помню нашу встречу. Все наши встречи. Я помню каждое мгновение, проведенное рядом с нею. И испытываю острое чувство вины, ведь именно я цеплялся за неё, за свое счастье, не замечая, до чего тяжело ей приходится. Она, привыкшая к свободе, в стенах Замка чувствовала себя чужой. И пусть сперва то чувство, которое она, как смею надеяться, испытывала ко мне, помогало, но и оно оказалось не способным удержать нас на краю».

– Знаешь, а ведь может оказаться правдой... – демоница осеклась и замолчала.

«Она менялась. Незаметно. А теперь рядом со мной... кто? Я до сих пор не уверен, что поступил верно. У меня ведь не было ни одного доказательства её вины. Зато была она сама, полная любви и всепрощения. И даже когда я срывался, когда умолял её открыться, обещая, что справлюсь с тем, что овладело её, она лишь мягко улыбалась. Что мне ещё было делать? Я заменил живых людей мертвецами».

Ответы.

И Ричард получает их. Но... те ли это ответы, которые ему нужны? Да и вовсе, можно ли верить этой... проклятой книге?

«Я призвал Ксандра. Может, он и тварь, которую оставили по недомыслию, но он верен нам. Он глядел на нее. И поклялся, что не видит ни тьмы, ни одержимости. Впрочем, я сам провел все известные ритуалы. А она позволила провести, кроткая и смиренная, хотя в том мне виделось издевательство. Ни подтверждения. Ни даже сомнений. Но и уверенности в обратном нет. Еще Ксандр нужен, чтобы присмотреть за Ричардом. Я не знаю, что она сделала, но мой сын меня избегает. А когда смотрит, я вижу в его глазах ненависть. И если прежде я еще пытался преодолеть её, то весьма скоро понял, сколь бесполезно это».

– Я его не ненавидел... или ненавидел? Проклятье!

– Успокойся. Ты все вспомнишь. Если и вправду...

«Деревню мне тоже пришлось перенести. Я отправил людей к побережью. И староста понял. Многие вовсе, сколь знаю, предпочли покинуть мои земли. И не могу винить, ибо неизвестность и тихая смерть пугают куда больше обычной нежити. Я поднял Легионы, призвал их в Замок, чего не делали никогда-то прежде. Признаться, воцарившаяся тишина сводила меня с ума. А она заболела»

– Я помню болезнь, – признался Ричард. – Только тоже смутно... я приходил к матушке. Она лежала в постели. Лежала и смотрела в окно. И не говорила. Почему я решил, что виноват именно отец?

Демоница не ответила.

«Тогда-то я убедился, что был прав. И мне бы решиться. Мне бы избавить её от мучений. Но в её покоях почти всегда был Ричард. Часто один, хотя я приказал Ксандру не оставлять их наедине, но раз за разом, возвращаясь, я видел, что его нет. А проклятый сам не мог объяснить, отчего ушел. Как бы то ни было, мне просто не хватило решимости убить её. Она же, глядя мне в глаза, повторяла, что любит. Что именно любовь и есть причина всему».

Бледное лицо.

Бледные руки.

– Подойди, Ричард. Пожалуйста.

Её голос подобен шепоту ветра. И Ричард подходит.

– Ксандр, скажи ему, чтобы оставил нас... тебя он не слушается.

И Ричард подходит к Ксандру. И глядит в глаза.

– Уйди.

Приказ. И Тьма повторяет его, заставляя неживого пятиться.

– Уйди и забудь.

Жесткий приказ. Ему нельзя не подчиниться. А отец будет зол. Он почему-то не хочет, чтобы Ричард был рядом с матушкой. Но она так слаба... почему он не позовет целителя.

– Ты такой красивый... и так не похож на него, – у матушки холодные руки и Ричард берет их в свои, пытаюсь согреть дыханием. – Скоро меня не станет. Он убивает меня. Но не сердись. Это не со зла. Он просто не понимает...

«В тот день я вернулся раньше обычного. И застал её над телом сына. Ксандр лежал у дверей. Он был почти мертв, если так можно сказать о мертвеце. Впрочем, и мой сын едва дышал. Её же лицо налилось красками. Тогда я понял, что если и дальше проявлю неподобающую слабость, то потеряю и сына».

Страниц осталось немного.

«Она улыбалась, когда клинок вошел в её сердце. Она улыбалась и повторяла, что любит меня. И что эта любовь сильнее смерти. Что она вернется. И клянусь, тогда я испугался. Но она сказала и умерла.

Я несколько дней провел рядом с телом, пока оно не стало разлагаться»

– Это...

– Если человек перерождается, – вынужден был пояснить Ричард. – То тело его тоже. Оно не подвержено разложению. Как у Ксандра, к примеру.

– То есть... она не была нежитью?

– Она не стала нежитью. А вот в остальном... я не знаю, кем она была.

Глава 41

В которой случается неудачный разговор и еще более неудачная встреча

«Беда исходит от того, что девы юные, взыскующие любви, спешат. И сердца их готовы воспламениться едва ли не от любого слова ласкового. Сие известно многим, но лишь подлецы да негодяи станут использовать свойство этое, вести речи прельстивые и многими похвальбами убеждать деву в страсти своей. Оттого родителям нужно проявлять немалое внимание и терпение, а лучше вовсе нанять женщину строгую да опытную, чтобы она повсюду сопровождала юную особу и словом терпеливым разъясняла ей очевидное»

«Обращение к родителям, желающим счастья личного для детей своих», писанное многомудрою свахой, за годы работы обретшей немалые способности к прозреванию коварных замыслов мужских.

Никас сидел на корточках.

Нет, его не отправили в подземелье, как Брунгильда опасалась. Не из жалости, отнюдь, но самой спуститься в здешнее подземелье ей было бы страшно вато.

Не пришлось.

Лестница.

Вниз, но не так, чтобы вовсе глубоко.

Коридор.

Нынешний темен и нет в нем ни гобеленов, ни ковров, ни вовсе каких бы то ни было украшений. Разве что старое оружие зарастает пылью. Брунгильда остановилась, чтобы потрогать.

Точно.

Пыль.

И еще ржавчина на острие клинка. Кто ж так с оружием обращается? За ним уход надобен. Она укоризненно покачала головой, а Легионер в ответ лишь руками развел. Мол, не он виноват.

Вот ведь.

Он довел до двери.

Указал.

После на себя. И снова на дверь.

– Наедине не оставишь?

Легионер покачал головой. Не оставит. И пускай.

Дверь открылась. Тогда-то Брунгильда и увидела человека, который... которого... любила? Нет, это не было любовью, хотя могло бы стать. Ведь и вправду могло.

Он больше не казался ей слабым. Да и...

– Пришла? – мрачно осведомился Никас.

Комната, в которой его заперли, была невелика. Кому она принадлежала прежде? Явно человеку. И человек этот оставил многое. Ладно, кровать, но вот было на ней цветастое покрывало. А на спинке висело полотенчико, расшитое васильками. И пусть нитки поблекли, и ткань казалась серой, но ведь... было.

Оно.

Ковер на полу.

Тапочки, стоптанные на одну сторону. Стеганный халат, который Никас накинул поверх камзола. А тот бросил на пол.

– Пришла, – спокойно ответила Брунгильда, чувствуя, как закипает в душе обида. А ведь... ведь могло бы сложиться. Даже если не здесь, то... он ведь сам рассказывал, сколь велик мир. И они могли бы отправиться, что на север, что на юг. Корабль-то отец отдал. В приданое. Правда, старый, но все одно хороший.

И команда была.

Эти не бросили бы.

– Зачем? – Никас провел по волосам дрожащею рукой.

– Поговорить.

– Еще не наговорила? – в его голосе звучало раздражение и немалое.

– Нет, – Брунгильда все же переступила порог.

А вот темная фигура Легионера в дверях и замерла. Он просто стоял, и одно это присутствие успокаивало.

Жаль, что мертвый.

За мертвеца замуж не выйдешь... странная мысль.

– Ты все слышала, – Никас дернул плечом. – Или мало? Я ведь помню. Помню все. Каждое слово. Каждое мгновение этого разговора. Заморочил он... сволочь!

– Он?

– А кто? Я... я просто хотел узнать. Понять. Про отца! А ты сама согласилась помочь! Добровольно!

– Ты не предупредил, что во время ритуала я могу умереть.

– Но не умерла же! Слушай... он, кажется, тебе симпатизирует, – глаза Никаса блеснули. – Этот Повелитель... странный у него вкус, конечно, но что еще от отродья тьмы ждать. Попроси его. Скажи, что не имеешь претензий... в конце концов, ты ведь жива. Что уж теперь?

Брунгильда осторожно опустила на низкую скамеечку. Резная. И сделана кем-то, кто, может, не сильно разбирался в резьбе, ибо та была грубой и кривоватой, но сделал скамеечку с любовью.

Что с ним стало?

– Скажи... пообещай компенсацию. Дядя заплатит.

– Дядя знал, что ты с чернокнижием связался?

– Это... это не имеет значения!

– Имеет, – возразила Брунгильда. – Он там. На острове. И если он знал...

– Да не знал! Он бы... беспокоишься? После всего? От тебя ведь избавились. Ты должна понять. Ты такая же, как я! И от меня избавились! От нас обоих. Сочли негодными, выставили... тебя вот сюда, меня... туда.

Он нервно тер руки. А кожа на них казалось белой. И белизну эту разрезали крохотные трещинки.

– Мы должны держаться вместе. Помогать друг другу. У тебя есть корабль.

– Есть.

– Вот! И вы... вы храбрые... вы не отступите. Не то, что другие... мы можем объединиться! Отправиться туда! Ты же видела город! Храм! Сколько там золота! Мы станем богаты!

– Мы станем мертвы, – покачала головой Брунгильда, удивляясь тому, что вот человек умный, книг прочел много. Столько, сколько ей в жизни не суметь. А не понимает такой простой вещи.

Древний храм жив.

Как и та, для кого он был поставлен. И все-то в нем принадлежит змееволосой деве.

– Да... конечно... нежить... можно пригласить кого-то... к примеру, этого вот... Повелителя. Он, конечно, впечатления не производит, но объединиться если... временно. Предложить процент...

– Мой дар, – тихо спросила Брунгильда, сжав кулаки. И разжав их... взгляд зацепился за подоконник. Пусть окно и было перетянато решетками, но на подоконнике лежала салфетка.

С голубыми васильками.

– Что?

– Ты знал о нем?

Никас принялся тереть руки с новым раздражением.

– Чешется! Пусть пришлет лекаря! В конце концов, я ни в чем не виноват! Я лишь хотел узнать...

– Мой дар...

– Да засунь его себе в жопу! Это ты... ты виновата!

Он вдруг вскочил, и Брунгильда вздрогнула. Это ведь безумец.

– Ты! Ты должна была сдохнуть! Так написано! Сдохла бы... а я бы сказал, что у тебя сердце не выдержало! Или что ты отравилась. От любви. Ко мне!

– Ты жалок, – она поднялась. – И мелок.

– А ты... ты уродина! Неужели думаешь, что кому-то ты нужна... там? Там над тобой будут лишь смеяться! В тебе нет ничего от нормальной женщины...

Затрещина заставила Никаса заткнуться. И отбросила в угол комнаты, где стояла ваза. Ваза зазвенела и раскололась. Обидно... тоже была старой. И наверное, когда-то много значила для хозяина этой комнаты.

– Тварь! – Никас взвился.

И показалось, что вот сейчас нападет, что...

Перед ним выросла фигура в глянцево-черном доспехе. Молчаливая. Грозная. И... и наверное, от этого и от обиды еще, от общей несправедливости, на глаза навернулись слезы.

– Тварь... и ты... и все вы тут... сдохнете! Кому ты нужна! Сама подумай! Дома тебя не примут... а там, в мире... там любят красивых женщин! Хрупких. Изысканных! А ты... посмотри на себя в зеркало.

– Идем, – сказала Брунгильда легионеру. – Ничего-то он не знает.

Да и вовсе не следовало приходить. Теперь вон в груди ноет. И сердце болит, потому что... да потому что прав. В каждом своем злом слове.

Она... дома её и вправду не ждут.

Да, вернуться можно.

Её примут.

Но не в отцовском доме. И не в любом ином, ибо как знать, что принесет Брунгильда с собой? Вдруг да, ступив на Проклятые земли, она и сама стала проклятой? Вдруг да приведет с собою болезни да несчастья? Даже если нет, то все, что случится, припишут ей.

И станут шептаться, и...

Нет уж.

Она мотнула головой и... замерла. Показалось, что там, впереди, в полумраке коридора мелькнула тень.

– Ты видел? – тихо спросила Брунгильда и, оглядевшись, сняла со стены секиру.

Добрая.

Древко гладкое, отполированное руками до блеска. А вот сам клинок темен, вычернен. На черноте этой медленно, словно нехотя, одна за другой проступают руны.

Легионер вскинул руку.

И сделал шаг вперед.

Никого.

И ничего.

Пустота... звонкая такая. И не понятно, чего же она испугалась. Или нет, это не страх, просто... демоница говорила, что в саду там шмыгало чего-то. Как знать, не пробралось ли оно в замок?

Шаг.

И еще. Легионер ступает медленно, крадучись. И Брунгильда за ним. Пальцы стискивают секиру. А сердце колотится так, что мало ребра не ломает.

Но вот дверь.

И лестница. И вновь будто... будто край светлого платья мелькнул. Мелькнул и сгинул.

– Ты это видел? – спросила Брунгильда.

Нет.

Не видел. Она поняла это. А еще ощутила эхо настороженности и...

...секира запела и, описав полукруг, вонзилась в череп уродливой твари. Брызнуло красным, раздался хруст...

Что это за...

Видение было мимолетным. И Брунгильда очнулась. Надо же... выходит, у неё и вправду дар.

– Хорошая, – сказала она, проведя по древку ладонью. – Я тебя послушаю. Всенепременно. Но позже.

Кто сказал, что говорить способны лишь люди? Вещам тоже есть о чем рассказать.

А на лестнице тоже никого.

И... и дальше. Даже стыдно становится. Надо бы... надо бы вернуться. И секиру вернуть. Нехорошо брать без спроса чужое оружие. Но... но жаль её. Она ведь для боя была создана. А висеть там, где-то в полумраке и тишине, годами, покрываясь пылью и ржой?

Нет.

Брунгильда очнулась лишь у двери в свои покои.

– Спасибо, – сказала она легионеру. Тот молча поклонился. И дверь отпер. Отошел в сторону. А потом вовсе сгинул, будто в тени растворившись.

Вот ведь.

Один нормальный мужик, и тот мертвый.

А в комнате её ждали.

– Наконец-то! – воскликнула Ариция Ладхемская и руками всплеснула. – Я уже заждалась!

– С чего бы?

Брунгильда нахмурилась. Вот... не нравилась ей ладхемка. Обе, если уж на то пошло, не нравились. Старшая еще ладно, она в последнее время была блеклой какой-то и гляделась замученною. А эта вот... в платишке.

В кружевах, словно пене морской.

Самим своим видом напоминает Брунгильде, до чего она, Брунгильда, нелепа... высока, сильна.

С секирой.

Пальцы стиснули древко покрепче.

– Есть кое-что... особое! Я тут узнала... вот! – из пышных складок появилось зеркало, причем немаленькое. Похоже было у бабки, только квадратное, но тоже в раме и на ручке резной. – Посмотри!

Брунгильда сделала шаг назад.

От зеркала тянуло... нехорошим. Да и не только от него. Что-то было не то... не так с ладхемкой.

– Да не бойся! – раздраженно воскликнула Ариция. – Такая большая, а...

Она не договорила.

Рассмеялась.

И смех был колючим. Чужим. Как и взгляд. И...

Секира сама взметнулась. Она тоже помнила. Все помнила. И руны на черной глади полыхнули белым пламенем. А зеркало, приняв удар, лишь зазвенело. Этот звон отозвался болью в голове...

– Вот, значит, как? – зашипела Ариция Ладхемская. – Как же вы меня утомили...

Она отряхнулась, сбрасывая украденное обличье.

Оскалилась.

Шагнула навстречу, вытянув неестественно длинные уродливые руки.

– Но ничего... – проскрипела нелюдь. – Мы справимся... мы так долго ждали... мы обязательно справимся.

Секира беззвучно описала полукруг, и острие её впилося в сухую, словно старая ветвь, шею... та хрустнула. И покачнувшись, отломилась голова. Полетела под ноги, рассыпаясь сизой жирной пылью.

– Твою ж...

Осело грудой тряпья тело.

А потом вдруг взяло и втянулось в черную гладь зеркало. И само оно задрожало, расплзаясь пятном по полу. Черным. Будто кто-то чернила разлил. И пятно это поглотило и платье, и нежить, и даже голову её. А потом потянулось к Брунгильде.

– Ну уж нет, – пробормотала она, занося секиру, с которой почти сроднилась. – Хрен тебе...

Завыл воздух, рассекаемый клинком. И тот сам, ухнув, вдруг увяз в черной глади.

А потом та раскрылась, и клинок провалился. Брунгильда попыталась удержаться на ногах. Это ведь... это не так сложно, но чернота взметнулась, оплетая её тончайшими нитями.

Раззявилась черная пасть зеркала.

И сомкнулась над головой.

– Что за... – Брунгильда покрепче вцепилась в секиру. И обругала себя непотребными словами. Это ж надо было так...

Она огляделась.

Вокруг была сизая муть, словно туман. И ничего не видно... не понятно.

– Эй! – крикнула она, и голос заставил туман покачнуться. – Эй, есть тут кто живой?

– Ой, ой, ой, – донеслось из тумана.

Вот ведь...

Брунгильда забросила секиру на плечо и подумало, что все могло быть еще поганей. К примеру, она могла провалиться сюда, чем бы оно ни было, без оружия.

Глава 42

Где еще тянется длинная-длинная ночь

«Увидал он тогда высокую башню, а в башне той – деву несказанной красоты с волосами столь длинными, что спускались они до самой земли. И увидав принца, дева сказала:

– Спаси меня! Я была рождена королевской дочерью, но похитила меня злая ведьма и заточила здесь, добрым молодцам на погибель!

– Но как же я тебя спасу? – спросил королевич.

– Я сброшу тебе свои волосы. А ты поднимешься ко мне и спрячешься под кроватью. Когда же явится ведьма, ты поразишь её своим мечом!

Так он и сделал. Поднялся по золотой косе и спрятался под кроватью».

«Сказка о двуликой ведьме и доверчивом королевиче»

Теттенике очнулась и...

Пальцы её коснулись цветка. А потом и руки. Теплой. Смуглой.

– Ты здесь? – спросила она тихо.

Было темно.

Очень.

И... и еще странно. Кажется, она почти поняла, как нужно правильно. Или нет? Последнее видение превратилось в сон. Она, должно быть, в самом деле уснула. И... и пускай. Сон был хорошим. Теттенике не помнит, о чем именно, но хорошим.

А еще мама...

Она гладила волосы и пела песню. И Теттенике хотелось, чтобы это никогда не прекращалась, но все сны рано или поздно заканчиваются. Этот не стал исключением.

– Не уходи, – она удержала эту руку. – Пожалуйста.

И села.

Который час?

Поздно...

Рассвет скоро. Но пока за окном ночь, а ночью позволено больше.

– Я не знаю твоего имени.

– Азым.

– Из рода Чангай.

– Уже нет.

Голос у него тихий. Спокойный.

– Сядь. Пожалуйста. Здесь... никого нет?

– Нет.

– А была... принцесса.

– Она ушла.

– Давно?

– С четверть часа. И я подумал, что не след тебя одну оставлять. А служанки боятся. Глупые.

– А ты? Ты не боишься?

– Нет.

– И...

– Я ушел из рода.

– Почему?

Странно говорить вот так, не видя лица собеседника. И хочется протянуть руку. Коснуться.

– В тот день ахху пришла к отцу. Она говорила. Много, – Азым тщательно подбирает слова. – Она сказала, что если я не отступлюсь, то колодцы наши оскудеют. И болезни придут в стойбище.

Тварь.

Какая же она... тварь. Неживая.

– Когда-то давно... очень давно... род Чангай был велик и могуч.

Это почти как сказка. Главное, руки не выпускать. А темнота пахнет розами, только запах не кажется тяжелым. И Теттенике дышит им.

– Мой прапрадед полюбил девушку. Она была из простого рода. И его родители не дали благословения. Даже когда за деву пришла просить ахху, ибо ахху была приемной матерью этой девы. Но и тогда их отвергли. Род Чангай желал породниться с каганом. Что им какая-то девица...

Обидно.

Наверное.

Нет, Теттенике не знает, как оно на самом деле было.

– Её предали все. И даже возлюбленный отступился. А еще он не признал дитя, рожденное той, другой женщиной.

Позор.

– Он заявил, что сомневается в чести её... говорить о том стыдно.

Ему. Сейчас.

– Что с ней стало?

– Она умерла. Она взяла дитя и ушла в степь, просить богов о справедливости. И верно, была услышана. Все началось не сразу, а потому, когда ушла вода, решили, что так случается.

Вода в степи хитра.

Она прячется глубоко под землю, раскрывая колодцы, и не всякий человек способен увидеть, где темные воды подходят к поверхности. И уж точно никто, кроме ахху, не позовет воду.

– Первый колодец, второй... пятый... и мор в табунах. Они пошли к ахху просить о милости. Они обещали многие богатства.

Но что богатства той, которая привыкла жить малым.

– Но она отказала?

– Она сказала, что род выживет, когда сумеет переступить через жадность. И страх. Когда избавится от гнили внутри себя. Но не в том дело. Мы живем... пусть мало кто помнит величие рода, но пока еще Чангай помнят в степи. И отец не пожелал ссориться с ахху. Он запретил мне искать твоей руки.

– А ты не послушал. Почему?

Тишина.

И слышно его дыхание. А еще видно. Не дыхание, но самого его. Такой... страшный. Да, пожалуй, прежнюю Теттенике он бы испугал.

Не сложно.

Та, былая, она боялась всего.

– Не знаю, девочка, – это было сказано с печалью. – Я мог бы соврать, что влюбился. С первого взгляда.

– Но это не будет правдой?

– Не будет.

Обидно. Наверное. И совсем не понятно.

– Ты была такой потерянной. И несчастной. Испугалась... да и слух пошел. Та ахху говорила, что ты избрана.

– Но ты не поверил?

– Она не походила на ахху. Я... знал одну. Давно. Совсем старую. Она жила в стойбище. Не с нами, сама по себе. У нее болели кости, а глаза стали белыми, но она все равно видела. Я приходил к ней маленьким. И она рассказывала истории. Разные. И я помню, каково это было, сидеть на старой кошме, жевать сухие ягоды и слушать. А еще помню, что не было в места спокойнее. От этой же пахло гнилью.

Пахло ли?

Теттенике морщилась, силясь вспомнить. И хотелось бы поверить. И хотелось бы сказать, что она тоже сразу поняла, что со старухой неладно, что...

– Я не поверил ей.

– Только ты.

А если бы... если бы иначе все сложилось? И... и быть может, если нет любви, то... то она появится? Бывает же, что появляется она не сразу?

– А цветы для чего?

– Ты выглядела такой печальной. Мне захотелось тебя порадовать.

– Спасибо. Твой отец...

– Крепко обозлился. Но отпустил.

– И теперь...

– Теперь вернуться не выйдет, – он пожал плечами. – Я-то взял, что мое. Конь да сабля. Твой брат позволил мне присоединиться к его людям. Предложил службу.

– А ты?

– Не знаю, – покачал головой Азым, который утратил право зваться именем рода. – Я думал. Может, оно и неплохо было бы. Служить сыну великого кагана, да...

– Тебе не обрадуются, – поняла Теттенике. – Как и мне. Нас... не ждут дома.

– Не ждут, – согласились с нею.

– И... слухи пойдут. Про старуху. Меня боятся. Я вижу.

– Глупцы.

– Может, и так, но все одно ведь боятся. И говорят, что это я её убила. И... и он никого не убедил, этот Повелитель. Брат, конечно, ему

поверил. И кто-то еще, пожалуй, но их мало. Остальные будут говорить, что я убила добрую ахху... и ты тоже, если останешься. Нас...

– Отправят следом.

Он произнес это столь спокойно, что не по себе сделалось. А ведь и вправду.

– Отец твой не сумеет защитить. Да и... ему тоже непросто придется. Слишком многие думают, что каган ослаб. И не откажутся ослабить его еще больше. Власть всегда манит.

Замолчали.

Здесь и сейчас не хотелось говорить о власти.

– Может... мы все умрем, – поделилась Теттенике и запоздало подумала, что о видениях её говорить следует еще меньше, чем о власти.

– Когда-нибудь – непременно.

– Нет... демоница... или скорее демоны. Никогда не думала, что в мире столько демонов! – почему-то прозвучало удивленно. Хотя и вправду удивляет. Или не очень? Теттенике сама не знала. – А они и там, и... и как будто я вижу многое, но не способна понять, что именно. Кусочки... у меня как-то зеркало было. Еще от мамы. Отец дал. А оно разбилось и...

...и не само. Это старуха виновата. Нет, Теттенике не видела, чтобы та роняла зеркало. Оно просто... просто лежало в шкатулке, серебряная оправа и груда осколков. А старуха мерзенько улыбалась. И глядела.

Теттенике два дня пыталась сложить осколки.

А старуха нашептывала, что она, Теттенике, безрукая. Что не ценит подарки отца. Что вовсе ни на что не годна и потому...

– Тише, – её обняли и теплая рука скользнула по спине. – Демоны... демоны не опаснее людей. От демонов хотя бы знаешь, чего ждать. А люди вот... удивляют.

– Если мы выживем, что ты будешь делать?

Она ведь видела.

И его тоже.

Много-много раз. Мертвым. И от этого было больно. А еще видела живым и... тоже много раз. Счастливым. Несчастливым. Злым.

Яростным даже. Пугающим, но... все равно больно, особенно когда на его пути не случилось Теттенике.

– Пока не знаю. Думал попроситься на службу к этому Повелителю. Ему понадобится кто-то, кто разбирается в лошадях. Да и вообще... сколь понял, прежде в замке жили люди. Отчего бы им не вернуться?

И вправду.

– А ты спи, – строго сказали Теттенике. И она не стала спорить. Легла. Позволила укрыть себя одеялом. И даже притворилась, что дышит... тихо и спокойно.

Почти во сне.

Она не шевелилась, боясь спугнуть человека, который...

С которым...

Могло бы сложиться, если бы...

...пути расплетались.

Удержать?

Сказать?

Что он умрет? Не когда-нибудь потом, а скоро, в мертвом городе и... или на краю моря, которое то синее, то серое, а по утрам оставляет ключья пены на камнях. Или еще в другом месте, в третьем... сколько смертей. Но и жизнью тоже много.

Теттенике даже знала, которые будут счастливыми, но... но промолчала.

А он вышел.

Тихо-тихо. И комнаты опустели. И в пустоте этой вернулся прежний подзабытый страх. Будто она, Теттенике, вновь маленькая девочка...

– Нет, – сказала она и села. – Я больше не позволю...

Замолчала. Глупо говорить с пустотой. Но можно все исправить. Крикнуть. Приказать служанкам вернуться. Они обязаны! И рабыни тоже. Охрану позвать. Чтобы и в покоях, и снаружи.

Вместо этого Теттенике просто сползла с кровати и, подхватив цветок, на цыпочках подобралась к двери. Ну... и дальше что?

– Что дальше? – спросили её чужим голосом.

Она обернулась.

– Ариция? – удивилась Теттенике. – Откуда ты...

А потом увидела.

Дар ли это? Страх? Или она просто за годы существования рядом с мертвой ахху привыкла... научилась...

– Кто ты? – странно, что именно сейчас Теттенике перестала бояться. Будто... будто уже самое страшное, что могло произойти с ней, случилось. А стало быть, ничего-то иного бояться не след.

– Ты меня не узнаешь?

Она походила на ладхемку. Лицо. Фигура. Платье... платье вот получилось каким-то неудачным. Вроде бы такое, как было, а сидит кривовато.

– Нет, – Теттенике отступила к двери.

Бежать?

Кричать?

Звать на помощь?

– Какие вы все-таки... – покачала нежить головой, и показалось, что с укоризной. И даже слегка стыдно сделалось, что от Теттенике снова неудобства.

Пусть и нежити.

– Где Ариция? – Теттенике стиснула кулачки. – Ты украла её лицо.

А ведь об этом она ничего не видела! Должна была... она хорошо смотрела, но выходит, что дар её... дар...

– Здесь, – в руках той, которая притворялась ладхемкой, появилось зеркало. Круглое. Темное. В серебряной оправе. Знакомое до боли. – Твое?

– Нет.

Здесь неоткуда взяться тому зеркалу. Оно осталось дома. В шатре. В узорчатой шкатулке. А это... это тварь тоже украла. Если она украла внешность ладхемки, то что ей стоило повторить зеркало?

– Красивое... та старуха много о тебе узнала, – тварь дернула шеей и переменилась. Перед Теттенике возникла старуха. Уродливое, исчерченное морщинами лицо. Белесые губы. Темные зубы. И глаза, что смотрят с жадностью, с голодом. – Так лучше?

– Кто ты?

Надо крикнуть. Надо...

Не выходит. Будто невидимая рука сдавила горло. Так случалось и прежде. Да, когда старуха... когда она, Теттенике, оказывалась наедине с нею. И терпела щипки. Терпела...

Нет.

Больше такого не будет.

– Она так много о тебе знала... а теперь знаю и я, – старуха облизала губы. – Она так ждала... она пила тебя понемногу. По капельке. Она понимала, что за нею смотрят, и случись что с тобой, ей не миновать казни. Но отказать себе в удовольствии? Она пила твой страх. Твои силы. Она сделала тебя слабой.

– Я не слабая!

– Слабая. И трусливая. Ты собственной тени боишься!

– Только лошадей.

– Лошадей... – тварь медленно приближалась. Бочком. И двигалась один в один, что ахху. – Лошади и вправду страшные... но теперь её нет. Это я тебе помогла.

– Я не просила.

– А ты не хочешь посмотреться в мое зеркало. Вредная девчонка... все вы... но я справилась. Я помогу.

– Кому? – Теттенике сделала шаг к стене.

– Тебе. Хочешь увидеть свою матушку?

– Нет.

Нельзя верить нелюди.

Нежити.

Нельзя...

– Разве? Ты ведь так тосковала по ней... а еще она знает.

– Что?

И разговаривать не следовало. Надо... надо к двери.

– Не бойся, я не обижу, – старуха скалится. И зубы у нее кривые. – Я ведь теперь знаю все, что знала она. А она знала... она ненавидела её не потому, что не смогла родить свою дочь. И не потому, что та украли твоего отца... нет...

Шепот.

Шелест.

– Она ненавидела из-за дара... из-за дара, о котором все забыли... все... не она... когда-то давным-давно великий каган... воистину великий каган, имя которого повергало в прах врагов, прошел всю степь. И дошел до края моря.

Надо...

Не слушать. Но до чего сложно.

– А вернулся с новой женой. И была она ликом бела, а волос имела золотой. А еще умела прозревать грядущее. Оттого-то и стал каган еще более велик. Многие земли завоевал он. Многие народы склонились пред его силой. И правил он долго, а когда пришел черед, разделил земли меж сыновьями. Но велел лишь заботиться о сестре, о той, что принесла ему белоликая жена.

Теттенике... знает, о ком речь.

Кто еще в степи не слышал о великом Соколе? Но дочь... у него не было дочери.

– Только, когда, схоронив отца, вернулись сыновья во дворец, не нашли в нем ни жены златоволосой, ни сестры своей. Многих гонцов отправили они, желая вернуть беглянок, да разве управиться им с теми, кто видит грядущее?

– При чем тут я...

А голос дрожит.

Из зеркала же на Теттенике смотрит чернота.

– Ахху укрыли их. Ахху берегли. Хитрые старухи... пользовались... ничего-то они сами не умеют. Разве что так, мелочи... а вот чужой дар использовать – дело другое.

Неправда.

– Они не пленяли, нет. Как пленишь того, кто способен из тысячи путей выбрать одну? Нет, слишком опасно... они приручали таких, как твоя мать. Как ты... но она оказалась упрямой. И влюбилась в твоего отца. Покинула безопасный дом.

Ложь.

Нельзя...

– За то и умерла. Степи не нужен был второй Сокол. А вот дитя золотой крови – да. И меня поставили приглядывать. Ты должна была умереть. И тебя бы схоронили. А потом откопали, чтобы спрятать, как было это прежде.

– Моя... мать...

– Шоушан не убивала её. Верней, не сама. Она сделала, что было велено. И поплатилась. Ей ведь тоже никто не сказал, что, сотворив подобное, лишишься силы. А потом и вовсе... благословение Матери степей уходит с жизнью. Она же хотела жить. Она пошла к старухе ахху и потребовала, чтобы та исцелила. А та лишь рассмеялась. Хитрая, подлая тварь...

– И ты... то есть Шоушан её убила.

– Убила. И умерла. И поняла, что способна снова жить. Но не так, как другие. Да... ты должна быть ей благодарна.

– За что?

– За то, что она не отдала тебя ахху. Жила бы ты в запертом городе, думая, что он весь и есть мир.

Странно так.

Неправильно.

И...

– Ты... – Теттенике отвела взгляд. – Ты лжешь?

– Зачем мне?

– Чтобы я посмотрела в твое зеркало.

– Ты и без того согласишься, – отозвалась старуха, снова меняя обличье.

– Вы...

– Тише! – тварь прижала палец к губам. И насмешливо поинтересовалась. – Так мое зеркало тебе не по вкусу? Может, это сгодится?

Она взмахнула пухлой рукой, и на стене появилось другое зеркало. Оно было большим и черным. Сперва черным. Но вот чернота расступилась, выпуская растрепанную девушку в роскошном платье.

– Ариция...

Девушка озиралась. Рот её раскрывался, она звала на помощь, но...

– Хочешь ей помочь? Или вот ей...

Ариция исчезла, а вместо неё появилась островитянка. Хмурая. С секирой.

– Хотя ей не надо. Уж больно злая. Представляешь, пыталась меня убить. Смешно... меня так давно пытаются убить...

– Я...

Она не справится.

Она... она позовет того, кто смыслит в зеркалах. И в нежити. И... и Теттенике открыла рот.

– Зря ты так, – вздохнула нежить. – Я же по хорошему хотела.

И бросила зеркало под ноги. А то со звоном разлетелось. На осколки. Осколки-осколочки... даже тогда их было много. Теттенике честно пыталась собрать, но только пальцы изрезала.

А теперь...

Осколки превратились в капли. А капли потянулись друг к другу, срослись тончайшими нитями. И окружили Теттенике.

А в следующее мгновение зеркало сложилось.

И Теттенике рухнула.

Куда?

В темноту? В туман. Туда где...

Нет. Она не позволит себе бояться. Не сейчас. И поглядев под ноги, Теттенике улыбнулась. Надо же, здесь тоже есть дорожки. Осталось лишь выбрать нужную.

Глава 43

В котором открываются некоторые тайны

«И дала ведьма лесная клубочек махоньки, сказавши, мол, брось его наземь, он и покатится. А ты иди за ним, тогда-то и выйдешь из чащи. Так королевич и сделал. Бросил клубочек, тот и покатился споро по травам росным, под кустами да сквозь чащобу. А королевич следом двинулся»

«Сказка о том, как королевич суженую искал»

Я вытянула шею и заглянула в книжицу. Вот что-то оно... не складывается? Или наоборот, складываться начинает, но в такое, что лучше бы не знать.

«Ричард провел в забытии две недели. Я похоронил её».

– Нет, – мотнул головой Ричард. – Нет, нет и нет! Я помню похороны.

– Точно?

– Как такое можно забыть? Мы спускались по лестнице. Просто... просто не было людей, чтобы принести тело. Почему-то отец не пожелал обратиться к деревенским.

Я даже догадываюсь, почему, но догадку это при себе оставлю. Как-то оно... спокойнее.

– Он нес её на руках...

«Я сам омыл тело. Я закрыл глаза. Я облачил её в красное платье. Я одел ей серьги, которые подарил на свадьбу, и ожерелье из сапфиров. Когда-то она любила его».

– И браслеты. Были еще браслеты, – пробормотал Ричард. – Я же видел...

«Мне жаль, что я не позволил сыну попрощаться. Надеюсь, он все же когда-нибудь прочтет это и сумеет простить меня за

слабость. Но ко дню похорон появились явные признаки разложения, а использовать что-либо, чтобы остановить его, показалось мне неправильным. Кроме того, я не желал, чтобы сын её видел»

– Но я видел!

– Успокойся, – я погладила Ричарда. – Может... может, ты и прав.

Ты видел.

– А он?

– И он прав.

– Как такое может быть?

– Не знаю, – честно отозвалась я. – Но...

«Я провел внизу весь день. А вернувшись, ночь просидел рядом с сыном. И меня не отпускало ощущение, что что-то происходит, что-то донельзя важное, чего я не понимаю. Ксандр тоже был неспокоен. Он уверял, что ощущает движение силы. И я готов поверить».

– Не понимаю...

«Еще два дня. И я рискнул послать за целителем, благо, город близ нашего замка стал велик, да и людей в нем ныне обретается куда больше, нежели во времена моей молодости. Однако целитель, осмотрев Ричарда, заверил, что тот всецело здоров, единственно, пребывает во сне. И он не способен прервать сей сон. Он говорил что-то о блуждании разума, но я понял лишь, что целитель бессилен. Все, что доступно ему – поддержание телесной оболочки».

– А вот это многое объяснило бы, – я почесала кончик носа. – Смотри, если ты... если душа каким-то образом отделилась от тела...

Дома, заговори я о чем-то подобном, меня бы высмеяли. Но я ведь видела! И призраков Замка, и женщину в зеркале. Если... если душа где и может отделиться от тела, то лишь здесь.

И Ричард не стал убеждать в невозможности подобного.

Спасибо ему.

– Тогда... тогда ты и видеть мог. И...

«Каждый день мы омывали его. И поили травами, а еще разведенным в воде медом или густым бульоном. И каждый день я молил богов, чтобы этот затянувшийся противоестественный сон прервался. Я осмотрел её покои. Отчего-то находиться там невероятно тягостно. Но я не нашел ничего-то, что внушало бы опасения. Я думал, что стоит уничтожить все, но... не смог. Я собирался отдать приказ. Каждое проклятое утро. Но стоило

открыть рот, и я понимал, что даже на это не способен. Я слаб. Я ничтожен»

Выходит, самобичевание – это у них семейное.

«Зеркало нашел Ксандр. И не в её покоях, но в комнатах Ричарда. Оно выделялось своей неуместностью, несуразностью. Слишком женским оно было. Таким, на длинной ручке»

Он и рисунок оставил.

Заботливый какой.

«От него не исходило той темной силы, что свойственна опасным вещам. Отнюдь. Оно гляделось до того обыкновенным, что, наткнись на него я сам, я бы просто отложил его в сторону. Однако же Ксандр уверял, что никогда-то не видел этого зеркала прежде. И подумав, я был вынужден согласиться с проклятым».

Сам он... за Ксандра обидно. Может, он и сволочь, но своя, родная, можно сказать, привычная.

«Я отнес зеркало в подвал. Несколько дней я посвятил ритуалам, с каждым все более убеждаясь в ошибке. Зеркало не откликалось. Оно было равнодушно и к крови, и к силе, и ко всему-то, что пробуждало дремлющую тьму. Не знаю, что мешало мне отступить. Должно быть урожденное упрямство, а еще страх. Ведь если это зеркало не связано с тьмой, то и та, кому принадлежало оно, невиновна. А я – проклятый убийца»

Что-то мне даже жалко стало мужика.

Хотя...

«Она явилась во сне. Это был странный сон. Я понимал, что сплю, и в то же время все вокруг было столь поразительно ярким, настоящим. Я лежал на постели и видел себя, лежащего. Странные ощущения. А потом увидел её. Она вошла в мои покои. На ней было то платье, в котором я её отнес в пещеру. И драгоценные камни на браслетах горели ярко. А вот лицо было бледно. Она подошла ко мне и, наклонившись, коснулась губами губ. И я испытал одновременно ужас, какового не знал прежде, и величайшее наслаждение»

Вот, чую, что это неспроста...

«Я очнулся больным и слабым. Мое сердце трепыхалось в груди, но следом пришло и понимание того, с чем я столкнулся»

С чем?!

Да я сейчас заору от нетерпения. И Ричард вон тоже. Хмурится. Ерзает. Перелистывает страницу. А та, как назло, к следующей прилипла. И разъединятся не желает.

«Мне потребовалось два дня, чтобы подтвердить страшную мою догадку. Но я понял, что нужно делать. Во-первых, я отослал проклятого и моего сына, велел двигаться прочь от Замка и не возвращаться, пока сын мой не придет в себя. Она сильна, если сумела дотянуться до деревни, но не всеильна. И стало быть, им надо лишь уйти за пределы её влияния».

– Он издевается? – мрачно поинтересовалась я.

– Отнюдь. Просто... знаешь, мне тоже стоило бы подумать.

– О чем?

– О том, что нежить бывает разной. И... или не совсем нежить.

– Ты понял, о ком он?

– Понял, – подтвердил догадку Ричард.

– Я тебя сейчас бодну!

Нет, ну нельзя же так издеваться над бедной девушкой, которая, в отличие от некоторых, ничего вот не понимает. А понять хочет.

– Иногда случается так, что тело и душа разделяются, – сказал Ричард серьезно. – Это весьма и весьма редкое явление, хотя в некоторых книгах я читал, что в былые времена существовал специальный ритуал. И суть его была именно в том, чтобы отпустить душу. Душа... она более свободна. Для неё не существует преград или запретов. Закрытых дверей и даже не всякое заклятье способно остановить её.

Идеальный, мать его, шпион.

– Но в то же время сама по себе душа не материальна. Она не может что-то взять... материальное.

– А нематериальное?

– В этом и суть. Она... случалось, что души, отделившись от тела, весьма быстро утрачивали человеческое обличье, а порой и разум. У иных разум претерпевал изменения. Правда, какие именно, я не скажу. Калех Ассизский упоминал об одержимости, но весьма вскользь. Главное, что подобные души, пребывая вне тела, начинали разрушаться. А разрушаясь, желали прекратить этот процесс. Для чего им нужна была сила. Взять же её они могли лишь из других душ.

– То есть... погоди... эта тварь... та тварь, она была душой?

– Именно. Душой, которую отделили от тела.

– Так... – я потеряла рога. Почему-то прикосновение к ним, таким гладеньким, теплым, успокаивало. – То есть... если так... то твоя матушка...

– Боюсь, это уже не было моей матушкой, – это Ричард произнес очень и очень тихо. – Если допустить, что все началось...

...с Анны.

И зеркала.

Зеркала, которое было частью чего-то... чего-то иного. Древнего. Опасного. И... и тогда...

– Анна? – также тихо спросила я. И мы оба посмотрели туда, где лежало тело. – Но как...

– Я думаю, она питает собственное тело.

Какого...

– Почему его не сожгли? Еще тогда? Я... я не понимаю!

Я действительно не понимала. Должна же быть логика. Хоть какая-то... они вернулись в Замок, в котором не осталось живых. Судя по тому, что прочел Ксандр... в общем, любой нормальный человек должен был бы требовать, если не мести, то справедливости.

Да, Анну убили.

А потом?

Почему её спустили в эту пещеру? Оставили? И вот просто так? Где, мать его, если не честный костер, который нормальной ведьме положен, то хотя бы гроб свинцовый? Или лучше серебряный. А еще лучше сверху саркофаг с печатями и предупреждениями для особо рьяных дураков? Мол, тут покоиться не совсем покойная нечисть особо опасная, а потому лезть не стоит?

А они... они отнесли.

Уложили.

Оставили.

П-повелители! Чтоб их всех.

– Не знаю, – покачал Ричард головой. И книжицу развернул. – Но, надеюсь, отец скажет.

«Она явилась вновь. И на сей раз я понял, кого вижу перед собой. Проклятье нашего рода. И она поняла, что сильна. Она улыбнулась мне, и я почти обезумел от желания коснуться этой женщины. Меня вдруг осенило, что она – прекрасна. Что именно она – та, кого я ждал»

всю жизнь. Что брак мой был ошибкой, а женщина, звавшаяся моей женой, сделала единственное, на что была годна – умерла. Я был оглушен любовью, и на несколько мгновений даже утратил разум».

На несколько...

– Слушай, а если мы ей того? Голову отрубим?

– Вряд ли получится, – покачал головой Ричард. – Здесь что-то иное.

«Но когда она потянула из меня силы, я выпустил Тьму, и заставил её отступить. Она ощерилась, и морок спал, явив мне истинное обличье душиницы»

Хорошее название.

Такое вот... душевное. Душителное? Как много есть правильных однокоренных слов, оказывается.

«Она оскалилась. Я чувствовал, что она желает броситься на меня, тогда как мне нужны были ответы. И тогда я предложил ей разговор»

Плохая идея.

Очень-очень и очень плохая идея. И я ведь права, если гордый Повелитель тьмы упокоился, бросив сына, а эта... недопокойница лежит себе и улыбается.

Голову ей оторвать надо будет.

Так, на всякий случай.

И... и костерок тут разгорится.

«Она несколько ночей являлась, скалясь, грозясь пожрать меня. И с каждым разом ярость её лишь росла, как рос и голод, ею испытываемый. Ричард, из которого она пила силы, удалился. И вчера я получил весточку от проклятого, что сын мой пришел в себя. И пусть он пока слаб, но все же жив. Иных людей в Замке не осталось. Души же Легионеров слишком изменились, в них стало чересчур много тьмы, чтобы тварь рискнула коснуться их»

– А...

– Как ни странно, но душиницы питаются жизненной силой и душами именно людей. Тьма для них разрушительна. Даже для измененных, – пояснил Ричард.

Правда, сильно понятнее не стало.

«Вчера она заговорила. Сперва меня осыпали проклятьями, потом пытались очаровать, но она, утратив силы, почти лишилась и

былого очарования. И тогда-то, осознав, она смирилась и заговорила. Её звали Анна. Теперь в этом совпадении имен видится мне нечто жуткое, роковое. Она была дочерью наемника, и с малых лет помогала отцу во всем. Она была сильна и красива. И многие мужчины желали её, Анна же, привыкшая ко вниманию, принимала его как должное. Это и привело к беде. Один из тех, кто был очарован ею, обезумел. И в безумии своем, желая освободиться от брачных уз, уверенный, что тогда-то сможет назвать Анну женой, он убил и нынешнюю свою супругу, и детей. Когда же Анна, узнав о том, рассмеялась, он убил и себя, прокляв её. Подобные проклятья, пусть бы даже сотворенные одной лишь волей, но подкрепленные кровью, весьма опасны».

Я читала.

И... и нет, мне не жаль было. Разве что ту женщину, которая погибла. И детей её. И... и сволочи они, там.

«Её отец, который дочь весьма любил, стал искать способы избавить её от проклятия. И тогда-то он узнал о человеке, что давно уже изучает путь тьмы. Более того, о нем говорили, как об умелом чернокнижнике. Говорили осторожно, с опаской, ибо тень Храма уже нависла над миром»

– Его звали Несиар.

Я сказала это вслух. И строку прочла.

«И он согласился. Он провел обряд, который вернул Анну к жизни, однако изменил что-то в ней. Она и сама не поняла, что именно. По её собственному признанию, сперва это походило на весьма яркие сны, в которых Анна путешествовала по округе. Она видела людей, слышала их разговоры. Мне кажется, что именно тогда-то душа и начала отделяться от тела. Однако ни она, ни чернокнижник не обладали знанием, чтобы понять это».

Все проблемы от недоучек.

Так говаривала моя разлюбезная начальница. И вот теперь я склонна с нею согласиться.

«Взамен чернокнижник попросил об услуге. Он собирался пройти сквозь горы, углубиться в Проклятые земли и достичь Мертвого города. Он был уверен в его существовании, как и в собственных способностях. Прочим же он обещал многие сокровища. И невиданные богатства затуманили разум людей».

– Вот же... – я добавила пару слов из тех, что от попугая услышала.

Нет, ну не скажешь же иначе!

Только это.

И Ричард вздохнул.

«Анна рассказывала о путешествии. О том мире, что был разодран многими войнами. В нем не осталось и крох былого величия. Она говорила о днях и днях пути. И о собственной слабости, которая возвращалась, вынуждая чернокнижника повторять ритуал. А с ним и усугублять раскол меж душой и телом. Сама же Анна с каждой отданной ей душой, все больше привязывалась к этому человеку. Я не знаю, можно ли было назвать это любовью. И способны ли вовсе подобные ей любить? Несиар же отвечал взаимностью, видя в Анне творение рук своих. И он же придумал, как сделать так, чтобы избавить её от мучений. Забавно то, что среди прочих ритуалов, знания о которых упали в его руки, он выбрал именно тот, который был запрещен даже в Империи, несмотря на всю вольность царивших в ней нравов».

Все-таки он многословен.

Хотя... он ведь... с сыном не особо ладил. Ксандра проклятым полагал. Легионеры вовсе разговорчивостью не отличаются. И вот кому душу излить? Нежити коварной? Или этой вот книжице.

«Наши разговоры внезапно увлекли меня. Я платил за них силой, благо, я мог позволить себе подобное, ибо тьма предвечная залечивала раны души».

Голову рубить надо было.

Еще тогда, сотни лет тому.

«Интересно даже не то, что человеку, мало что понимающему в запретных искусствах, попала в руки книга с описанием ритуала «Каменного сердца». И не то, что решился он провести этот ритуал. О нет. Интересно, что у него получилось. Он сумел окончательно извлечь душу Анны и привязать её к камню».

На это у меня и слов-то не нашлось. Ну, чтобы не матерных. Да и тех... надо снова к попугаю. Квалификацию повышать.

«Анна получила свободу. А еще научилась кормиться, не вызывая подозрений».

Ну да, когда вокруг все мрут, это ни хрена не подозрительно.

«Однако сам чернокнижник, истратив себя, ибо не умел он защититься от темной силы, заболел. И вынужден был остаться в предгорьях, в маленьком селении. Он уже испытывал некоторые сомнения, но наемники были полны сил и желания добраться до сокровищ».

Стало быть, Ксандр не ошибся.

«В деревне же, что стоит на границе, они представились охотниками, коих в те времена много приходило, ибо мир, полный опасностей, был привычен, они отыскивали проводника. Тот довел наемников до реки, и там уже Анна выпила его душу. После она ослабила и души прочих. Она не убивала, хотя призналась, что испытывала огромное желание».

Ричард тихо вздохнула. А я... я ничего не сделала. Я понятия не имею, что нужно делать в подобных случаях. А потому лишь прижалась. И крылом бы накрыла, если бы... ну, огненные крылья, они не для подобных мест.

«Они добрались до города. Вчетвером. И там уже, в мертвых развалинах, Анна столкнулась с демоницей. Правда, мне так и не удалось добиться понимания, кто это был. Анна говорила о ней крайне неохотно, через силу даже. И мне показалось, что она боится того существа. Впрочем, нежить всегда склонялась перед силой. Как бы там ни было, но Анна говорила с демоницей. И та дала Анне зеркало, сказав, что пока то будет живо, Анна тоже таковой останется. А еще, что зеркало это способно связать Анну с любым иным человеком, суть которого Анне известна. Здесь я не совсем понял. Мне кажется, она и сама не была уверена, что демоница имеет в виду. Но у неё вышло дозваться до чернокнижника».

Вот хочется крикнуть, что я была права.

Но молчу. Даже рот ладонью прикрыла на всякий случай.

«Анна отказывается говорить о зеркалах. Даже когда голодна. Даже когда почти теряет себя от голода, на вопросы мои она лишь качает головой. И шепчет, что запрещено. Полагаю, имеет место некий договор, заключенный меж Анной и той демоницей, которая заперта в городе. Я проводил вечера в библиотеке, однако не находил ответов. Все же слишком многое было утрачено безвозвратно. Есть у меня подозрения, что сия демоница и есть Младший бог. Твари способны принимать разное обличье, а Анне проще было бы говорить

с женщиной, а не с чудовищем. Впрочем, порой из женщин получают удивительные чудовища».

Тоже мне, философ доморощенный.

«Анна должна была отнести зеркало во внешний мир. Однако на обратном пути Анна и её спутники попали под лавину. К тому времени оба, и отец, и брат, находились в полном Анны подчинении».

– Это как?

– Душницы... они не всегда убивают. То есть, сперва они убивают, ибо голодны. Но становясь старше, они обретают способности влиять на поступки и мысли людей. Это не магия. Не ментальная магия. Это действительно возревшее нематериального тела на другое нематериальное тело.

Сделаю вид, что поняла. Хотя... я вот мячик пнуть могу, а душа – другую. И опять же, объясняет. Ричард, словно подслушав мысли, сказал:

– Это и вправду объясняет. Если душу выдернуть из тела, без ритуала, без поддержки, тело умрет.

– И смерть будет казаться естественной?

– Именно. Или же душу можно заставить совершить... скажем, самоубийство.

– Почему он сразу не понял?

– Потому что... потому что душницы – это даже не редкость... я не знаю. О них и упоминаний всего несколько. Да и то... Берхард... был такой рыцарствующий монах. Или монашествующий рыцарь? Извини, не знаю, как правильно. Это у Светозарного спросить надо.

Спросим.

– Он как раз повествует о проклятом доме, жильцы которого умирали. И о том, как в этом доме остановился, всего на три ночи, чтобы молитвой очистить его.

– Вышло?

– Он выдержал две. Он пишет о чувстве тоски, о том, как испытал огромное желание свести счеты с жизнью, ибо та показалась никчемной, лишенной смысла.

– Душница?

– Он не знал о том, с чем столкнулся. Но дом сжег, а на месте этом запретил что-либо ставить. Правда, не уверен, что его послушали.

Ну да... запретить-то можно, другое дело, надолго ли хватит этого запрета.

– О них упоминается в бестиарии. Но там рисунки... скажем так, весьма далекие от правды. Да и информация размыта.

– Но ведь он понял!

– Когда столкнулся во сне. Сны – это место силы. И власти душиницы.

«Оказавшись в замке, осознав, где находится, Анна пришла в ужас. А вот чернокнижник обрадовался. И велел ей оставаться, тем паче повод был неплохим. Он, проведя ритуал, обрел над Анной некоторую власть, которой и пользовался».

Любовь называется.

Самая страшная власть, которую один человек может над другим получить. И поэтому сию. Кошусь на Ричарда. А он хмурый, обиженный какой-то. Надеюсь, что не на меня.

«Он велел ей найти «Книгу Тьмы». И Анна пыталась...»

– Значит, мы были правы?

– Правы, – согласился Ричард. – Но все равно... отец должен был её уничтожить. Должен!

А он разговоры вести начал. Что сказать...

Дурак.

Глава 44

В которой сказка сказывается

«И стала рассказывать она сказку, столь интересную, что заслушался и падишах, и слуги, и охранники, и даже старый попугай спустился ниже, дабы не пропустить ни слова. А когда наступил рассвет, замолчала Шахрезад, потупившись скромно, ибо вышел час её жизни. Но падишах сказал:

– Желая узнать я, чем обернулось все. А потому дарю тебе еще одну ночь.

А за нею последовала и новая. И еще одна. И длилось это тысячу ночей, с каждой из которых, сам того не замечая, старел и падишах, и слуги его, и охранники, и даже и без того старый попугай. Когда же забрезжил тысяче первый рассвет, пали они наземь и умерли от старости. Рассмеялась ведьма и встала. И покинула она женские покои...»

Сказка о коварной ведьме Шахрезад и трусливом падишахе

Стоило забрать этот дневник.

Вынести.

Прочесть одному. Обдумать. Это... это ведь для Ричарда. А он сидит вот на теплом полу в окружении мертвецов и читает записки, пытаюсь понять, почему отец поступил так.

Нет, с мамой понятно. Хотя... все равно не получается поверить. Чтобы мама и вот так... убивала? И... и она ли?

«Он, разочаровавшись в способностях Анны, более того, как мне показалось, он вовсе утратил к ней доверие, решив, что влюбилась она в моего предка, как то случается с женщинами, явился сам. И вновь же, она говорит о том неохотно, словно через силу. И мне кажется,

что я ощущаю горечь её обиды. Странно. В какой-то момент я определенно стал относиться к нежити иначе. И это было ошибкой»

Еще какой.

Демоница читает внимательно, шевеля губами, будто проговаривая каждое слово.

Пускай.

«Мы говорили. Много. Она рассказывала о том, каким был прежний мир. Я слушал. И спрашивал. И раз за разом откладывал тот миг, говоря себе, что еще одна ночь, что еще немного и я разгадаю ту страшную загадку. Я пойму, что произошло в Замке»

Ложь.

Основа основ. Нельзя верить нежити и... и демонам тоже. А Ричард поверил. Подпустил близко. И ему ли винить отца? А не винить не получается.

«Я заставил её поклясться, что она не причинит вреда моему сыну. И Ричард вернулся в Замок. Он сильно изменился. Стал замкнутым. Отстраненным. Он, кажется, совершенно не верил мне. Более того, само мое присутствие его тяготило. И мне пришлось оставить в Замке проклятого, ибо к нему мой сын относился с противоестественной симпатией».

Кто бы говорил.

Ксандр хотя бы никого не убивал. Ксандр... он друг. И да, всегда был рядом. Сколько Ричард себя помнил. Правда, выяснилось, что с памятью у него далеко не все ладно.

Пускай.

Отец не имел права.

«Теперь я могу с определенностью сказать, что душицы опасны в том числе и умением опутать разум. Я сам не понял, как в ответ принес клятву ей. Я кровью своей пообещал не причинять ей вреда. Как такое вышло?»

– Как? – вслух произнес Ричард.

– Обыкновенно, – демоница поглядела с сочувствием. – Ксандр был твоим другом. А она – стала его.

Душница?

Та, что виновата в смерти многих?

– Она ведь не выглядела чудовищем.

– И что? – Ричард испытывал огромное желание отшвырнуть книженцию, уйти и...

– Всегда проще, когда чудовище выглядит именно чудовищем. Клыки. Когти. Кровь изо рта. Тогда и уничтожить его легко. А когда оно тихая слабая женщина. Даже тень. И ты можешь понимать, что тень эта безумно опасна, но понимание – одно, а принятие – другое.

Демоны тоже опасны.

Об этом твердят все книги. А Ричард... Ричард целовался. И честно говоря, поцеловал бы вновь, но именно сейчас это неуместно. Зато сама мысль о поцелуе успокаивает.

И... тетрадь эта.

«Мне кажется, она тоже была одинока. И потому не пыталась даже вредить мне. Или я просто тешу себя надеждой? Но именно она сказала мне о болезни. И эта болезнь не имела отношения к ней. Скорее уж причиной её стал давний прорыв. И Мертвый город, возле которого он случился. Тогда мне пришлось пересечь запретную черту и встретить истинную тварь Хаоса. Я поверг её, но она меня ранила. И эта рана, затянувшаяся тогда, вдруг вновь открылась».

Какой прорыв?

Отец... и Ксандр... хотя если давно, то Ксандр мог не знать.

«Анна сказала, что поможет мне, если я верну людей в замок. Что она достаточно сильна, чтобы передать мне силу выпитых душ. Но я отказался. Очень её разозлил. Она исчезла на несколько дней, а вернулась еще более раздраженной. Анна стала говорить, что, если уж я не думаю о себе, то должен подумать о людях. Мой сын слишком мал и слаб, чтобы удерживать земли. Что и вовсе он не имеет права на них, ибо и сам теперь не вполне человек».

Что?

Ричард дважды перечитал последнюю фразу. И демоница тоже. Посмотрела на него презадумчиво, а потом сказала:

– Рогов нет.

Ричард пощупал макушку, убеждаясь, что и вправду их нет.

«Моя супруга была женщиной слабой. Быть может, прав был тот, кто советовал выбирать в жены лишь тех, в ком сильна старая кровь или хотя бы есть дар. Человеку обыкновенному тяжело в Замке. Хотя почему тогда в нем, здесь, спокойно жили жены моих рыцарей? И слуги, служанки? Почему живут селяне, охотники? Или уж скорее

дело в моей крови? В том, что кровь эта такова, что обыкновенная женщина не способна принять её? Склоняюсь к тому. До беременности моя дорогая жена была легка и светла. Её переполняли эмоции. Их было столько, что сам Замок отозвался. А после появления Ричарда она словно погасла. Анна не говорит, как проклятое зеркало попало к моей Анне. Было ли это случайностью?»

Ричард закусил губу.

Почему эти строки вызвали такую боль? Почему показалось, будто... будто его предали? Кто? Глупость какая. Несуразная.

«Как бы там ни было, но Ричард появился на свет слабым. Я люблю его, ибо он – моя кровь и плоть. А еще память о женщине, без которой я не мыслю жизни. И даже близкая смерть кажется мне избавлением. Это невероятно злит Анну. Пускай. Дело в зеркале. Исключительно в нем. Оно попало к Анне. И ожило. А с ним ожила и Анна»

Как?

Или... Ричард потер лоб.

Игра.

Конечно.

Он и Каллен. Каллен... старый приятель. Как можно было забыть о нем? Рыжие вихры. Веснушки. Глаз подбит, а на щеке царапина. Это все дворовой кошке, которого Каллен пытался поймать. И поймал на свою беду. На руке тоже царапины и куда более глубокие.

А еще...

– Я тут такое нашел! – глаза Каллена блестят. И он оглядывается, чтобы никто не подслушал. – Идем...

Замок.

Замок полон людей. И Каллен едва не сбивает слугу. А тот хмурится, он готов высказать наглецу все, о чем думает, но увидев Ричарда, поджимает губы. И кланяется.

Только Каллен дальше тащит.

– Ричард? – демоница не дает полностью провалиться в эту, столь некстати очнувшуюся память. – Ричард...

– Это я, – получается облизать пересохшие губы. – Это я его нашел.

Точнее Каллен.

Подземный ход. Их в Замке не так, чтобы много, но есть. Обычно их охраняют Легионеры. И пускай. Ричард спускался с отцом. Ничего там нет интересного. Камень. Лестницы. Факелы.

Но этот другой.

Он открывается в саду, в той его части, которая уже и не сад вовсе. Здесь пышно расплзается плющ, прикрывая остовы древней беседки. Отец Каллена, садовник, все ворчит, что надо бы беседку разобрать, но почему-то не разбирает. Он вовсе забывает о ней, стоит отвернуться.

А она стоит.

Дерево набрякло, потемнело от дождей и холода. Оно даже теперь, летним полднем, кажется осклизлым и уродливым. И заходить в беседку не хочется.

Совершенно.

Каллен тянет.

Внутрь. Запах земли и прелой листвы. Гнили.

– Смотри, – гулкий шепот заставляет сердце биться чаще. А Каллен руками разгребает мертвые бурые листья. Из-под них высыпаются жуки, которые спешат расплзтись, и от этого тоже мерзко. Но Ричард становится на колени и помогает.

Что бы ни искал Каллен, это важно.

И вообще... он брат.

По крови.

Ричарду мама читала одну книгу, в ней было про кровных братьев. И вот Ричард пересказал Каллену, а тот предложил побрататься. Они и сделали, смешав кровь. Правда, говорить никому не стали, потому что... взрослые вечно заняты.

И еще не понимают детей.

Вот совершенно.

Под листьями уже не дерево – металл. Серая скоба, которую не тронула ржавчина.

– Помоги! – Каллен тянет её. И пыхтит. И Ричард тоже пыхтит. А дверца не поддается. Только когда они почти решаются отступить, на время, само собой, ибо герои не отступают насовсем, скоба вздрагивает. И приподнимается дверца.

Внутри пахнет сыростью.

И темно.

Черная яма в земле. И оба смотрят на неё с ужасом.

– Я это тоже забыл, – Ричард положил тетрадь на пол. – Выходит... я многое забыл.

– Не сам.

Её теплые руки не позволяют провалиться в бездну. А она раскрывается перед Ричардом. Как тогда. И... и Каллен лезет первым. Он всегда и во всем был первым. Ему бы родиться Повелителем, а не Ричарду. Ричард... отец его любит, но Ричард знает, что он слаб.

И еще боится.

Темноты вот.

Ход узкий и тесный, как крысиная нора. Правда, вскоре он становится шире. И выше. Идти приходится наощупь, а потому они далеко не заходят. В темноте Ричард слышит хриплое дыхание друга. И в душе его одно желание – чтобы Каллен остановился.

– Факел нужен, – сказал тот. – А то ничего не видно.

– Или свеча, – поддержал Ричард. – Факел стянуть не выйдет, да и тяжелый он. А вот свечек можно.

Он даже знает, где их хранят, хотя свечами в замке пользуются редко. Но зато Ричард видел, как старый Охрис собирал огарки, складывал в сундук, чтобы потом переплавить на новые свечи.

– Точно! – Каллен радуется. – Ты голова! Надо будет стащить...

Об этом сложно рассказывать. Каждое слово приходится вытаскивать из себя.

– Мы решили, что вернемся через пару дней. Когда подготовимся. Веревку там. Свечи. Хлеб. Но отец забрал меня. В горы. Ненадолго, нет. А когда вернулись, я узнал, что Каллен исчез. Его искали. В замке. И не нашли. Я... я должен был рассказать про ход. Но я промолчал.

– Сколько тебе было?

– Не помню! Я... знаешь, странно, когда память такая. То ли есть, то ли... но я должен был... я не стал.

– Почему?

– Не хотел делиться? Или... он бы не одобрил. Мы ведь поклялись никому не выдавать тайну. А в детстве к клятвам отношение иное. И я... я просто дождался следующего утра. Набрал свечей. Взял веревку. И спустился туда. Там Каллена и нашел. Он лежал... он просто лежал почти у выхода. Он был жив. Еще был...

Ричард помнил.

Хрип.

И... страх. Даже не страх ужас, который заставил оцепенеть. И то, как он звал Каллена, но почему-то шепотом. И как пытался растормошить, не способный поверить, что случилось страшное.

Как тащил наверх.

Как...

– Он умер уже к вечеру. А я... я забрал его сумку. Я не знаю, почему. Он... всегда хотел найти сокровища. Чтобы всамделишные. И я подумал, что он нашел. И хотел посмотреть. Просто посмотреть.

– Тише.

– Я должен был отдать все отцу... должен... я рассказал про ход. Пришлось. Он ведь спрашивал. А я... я не сумел промолчать. И вот... отец... он не ругал. Но ход засыпали. А про сумку не сказал. Спрятал. В дупле. Это наше с Калленом место. Мне... мне показалось несправедливым, что сокровища отберут. А их бы отобрали.

Ричард замер. Он, оказывается, раскачивался.

– Я тогда говорил себе, что Каллен поправится, и мы вместе посмотрим... он и я. Хода нет, но сокровища остались.

– А он умер?

– Да. И... и его отец уехал из замка на следующее же утро. Мать Каллена давно умерла... и оказалось, что... сумка... я о ней не сразу и вспомнил. Больно было.

Но любая боль проходит.

А с нею и чувство вины, хотя оно и было-то смутным. Тогда. Теперь вернулось.

– Я вытащил эту сумку... осень. И дождь. Осенью всегда дожди, становится почти невыносимо.

Даже тогда, когда Замок был полон людей.

– Из-за них я и вспомнил. Сумка лежала там. Отсырела, конечно. Плесенью покрылась. Хлеб... Каллен брал его с собой. И он сначала высох, потом размок. Все внутри было в этих осклизлых крошках. А я... я вытряхнул. Свечи. Он взял не огарки, украл хорошие. И если бы не умер, быть ему поротым. Но Каллен никогда не думал о последствиях. Мне кажется, он просто не способен был. Не важно...

– Что там нашлось?

– Ничего... пара монет. Древних с виду, – Ричард прикрыл глаза, вспоминая. И монеты он почти увидел. Темные кривоватые кругляши с

почти стершимися лицами. – Ладхемские, кажется... то есть, не уверен. Я их отдал. Или потерял? Не помню. Еще проржавевший нож. Он стал тонким, как бумага, и разломался в руках. А вот зеркало показалось красивым. Я еще подумал, что у мамы скоро день рождения. У нее день рождения, а я подарка не придумал! Мы всегда с отцом... то есть, он придумывал. Покупал. Привозил. А мы дарили, как будто это от нас обоих. Но я ведь хотел свой подарок!

– Ты был ребенком.

– Нет... то есть, да. Но... меня ведь учили! Мне с детства говорили, что вокруг опасно. Проклятые земли. Проклятые вещи... что тьма не дремлет. Что у неё множество обличий и... и говорили, а мне даже в голову не пришлось показать это зеркало кому-то!

– Дети не ищут опасности.

– Нет, но...

– Тебе показывали что-то из проклятых вещей? Ты вообще понимал, как они могут выглядеть? Или вот тьму. Ты видел её?

– Учился управлять. Но... да... я просто не подумал!

И голос тонет в пустоте.

– Твой отец тоже. Он ведь видел подарок, так?

– Д-да...

– И мог бы спросить, откуда тот взялся? У тебя. У твоей матери. Он-то, в отличие от тебя, был взрослым, – демоница говорила спокойно и уверенно. Так, что ей хотелось верить. Хотелось отчаянно. – Но он не спросил. Не поинтересовался, откуда у ребенка взялось недешевое зеркало. Или вот у твоей матери. И... все случилось.

Верно.

Ничего не изменишь.

Остается сидеть на полу, держа дрожащею рукой проклятую книжицу.

«Анна спала долго. Полагаю, с тех пор, как её телесное вместилище было помещено в пещеру. Признаться, я так и не понял, почему его вовсе не уничтожили. И она отказалась отвечать. Не суть важно, главное, что она очнулась ото сна. И встретила мою жену. Она предложила ей сделку. И Анна, моя Анна, согласилась. Я не хочу верить в подобное, я повторяю себе раз за разом, что душница солгала, но в глубине души знаю – нет. Анне было тяжело в Замке. И

день за днем она умирала. Душница же дала ей силы, которых так не хватало. И Анна приняла. Опасно заключать сделки с нежитью».

– Сказал человек, который сам это сделал, – проворчала демоница. А Ричард подумал и согласился.

«Так душница обрела шанс вернуться, чем и воспользовалась. Она сказала, что сроднилась с душой моей Анны. Что и та стала меняться, ибо душница пожелала обрести подругу. А вот я мешал. Я лишил их питания, а после и вовсе убил Анну. До того, как она преобразовалась».

– Знаешь, – прервала демоница. – Но я ведь видела её. Твою матушку. В зеркале. Это... это что-то да значит?

Ричард не ответил.

Он перевернул страницу. Осталось уже немного.

«Ныне Анна утверждает, что и она, и моя Анна питались душой моего сына. И эта душа повреждена настолько, что вряд ли сумеет она восстановиться. Он обречен быть слабым»

– Чушь! – демоница возмутилась. – Это... ты не слабый!

Слабый.

Просто... она не знает, каким должен быть истинный Повелитель Тьмы.

«Он не сумеет справиться ни с Проклятыми землями, ни с собственной тьмой. Мне ли не знать, сколь тяжка эта ноша. А потому я должен найти другую женщину, подходящей крови, чтобы родила она мне другого сына...»

Ричард закрыл глаза.

Как же... больно.

Одно дело знать, он никогда-то не испытывал иллюзий по поводу своей силы. Но совсем другое – читать это вот...

– Он просто идиот, – проворчала демоница.

И захотелось согласиться с нею.

Глава 45

О том, что у ведьмы лиц множество

«Была та девица собой хороша несказанно, а еще нрав имела тихий, кроткий и незлобивый. Покорна она была воле отца своего, а после и мужа. Поселилась она в тереме высоком, окруженная служанками да девками дворовыми, всякое желание её исполнить готовыми. И было у неё множество атласов да бархатов, собелей с чернобурками, камней всяческих и иных, женскому сердцу вещей милых. Ничего-то не жалел князь для своей супруги. Да только она, тихая, с каждым днем становилась еще тише. Бледнела и хирела, чем встревожила князя премного»

*Сказ о князе Горомысле и жене его,
старой прехитрой ведьме*

Ей дали напиток.

И конфету.

Липкий леденец, которого касались чужие руки, чужие пальцы, но сей факт не вызывал отвращения. Впрочем, если подумать, то после всего, что Летиция видела, испытывать отвращение перед конфетами было как-то... там, в полиции, брезгливые не выживали.

И она тоже брезгливость утратила быстро.

Голова еще кружилась.

Слегка.

Но теперь Летиция понимала, где находится. В этой вот комнате, которая и не лаборатория, и не мертвецкая. Сидит... на подоконнике. Опирается плечом на... на плечо и опирается. А кто-то её еще и придерживает.

– Ты как? – заботливо осведомилась Мудрослава.

Она... она, конечно, соперница и все-такое, но на душе стало тепло.

– Нормально. Это... это бывает, – Летиция слегка поморщилась, все-таки выказывать слабость – не лучшая идея. – Оно сил отнимает изрядно. А я и так...

Рядом сидела рыжая.

И пахло от неё потом. Не сильно. Не так, чтобы неприятно, но пахло ведь.

– Голова закружилась.

– Что ты видела?

– Это женщина, – Летиция сунула еще одну конфету, радуясь, что их в жестянке много. А ей сладкое нужно. Сейчас. – Ваш чернокнижник, безусловно, женщина. Хотя и использовал мужское обличье. Знаете, она ведь очень удивилась.

– Ты...

– Тело. Не душа. У тела есть память. Она остается, но как бы... когда тело начинает разрушаться, с ним уходит и память. Чем старше покойник, тем сложнее что-то вытащить. Мой наставник полагал, что дело в мозге, что мозг нужен вовсе не для того, чтобы выделять носовую слизь. Слишком он большой... и он исследования вел. Люди, у которых мозг поврежден, они... он рассказывал про одного конюха, которому в драке череп проломили. И тот забыл и свое имя, и все-то вовсе, сделавшись подобным дитяти.

Говорить Летиции нравилось. Пусть и о том, что отношения к делу не имело. Зато успокаивало. И сердце перестало колотиться, а то прямо через уши выпрыгивает.

– Так вот... он заметил, что мозговое вещество первым распадается. А вижу я то, что видит покойник. И... и его чувства тоже вижу. Не совсем, чтобы вижу. Путано получается. Извините.

А ведь Летиция изучала высокое искусство риторики. И даже выступала в дамском кружке герцогини. Что она там рассказывала?

Не важно. Главное, что рассказывала.

– То есть... он сперва был мужиком, – уточнила рыжая, с хрустом разгрызая конфету. – А потом вдруг раз и...

– И, – согласилась Летиция. – Это женщина. Определенно. Только... такая вот... странная, что ли?

Конфеты были кисловатыми.

– Чем? – Мудрослава тоже забралась на подоконник. Благо, подоконники были широкими и длинными, самое оно, чтобы сидеть.

– Не знаю. Не могу понять...

– Может, все-таки не женщина?

– Женщина. Это... понимаешь, во время смерти, если смерть насильственная, это как бы величайшее потрясение для любого человека. И потому, когда тело погибает, а душа не совсем еще уходит, она цепляется за это тело, но уже обретает способности души. Так вот, она видит! Истинную суть видит! Был один грабитель. Известный. В общем, он скрывался под маской и не простой, зачарованной. Эта маска и лицо прятало, и обличье меняло. Свидетели едва не дрались, как мне рассказывали, одни кричали, что он был высоким и тощим, другие – что толстым и худым. Даже дела-то сперва полагали разными, да... так вот, он оказался обычным. Средний человек, который... не так уж важно, главное, когда я спросила... жертву его... совершенно случайную, служанку, что поднялась не ко времени. Он и сзади-то напал. Потом все говорил, что она видеть его не могла. Она увидела. И его. И маску. И я увидела. Так что... это определенно женщина.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Мудрослава. – И... какая она?

– В том и дело, что... такое чувство, престранное... она такая... описать сложно. Не лицо – маска. А почему? Была бы маска, душа бы увидела и то, что под нею. Вот руки у нее красивые, белые такие. Ухоженные. Стало быть из благородных. Пальцы тонкие. Только шрам портит.

– Шрам? – встрепенулась рыжая. – Какой?

– Тоже интересный. На запястье начинается, а потом идет вверх, по тыльной стороне ладони, – Летиция прочертила пальцем, и лишь потом вспомнила, что на себе показывать чужие шрамы – дурная примета. – И погибает так. Он беленький, тонкий, будто...

– Паутинка?

– Именно.

– Яр... Яра! – рывкнула Мудрослава, отчего рыжая подскочила. Вот ведь, нельзя же так с сестрицей, пусть даже бестолковой.

– У неё такой был.

– У кого? – Летиция на всякий случай отобрала жестянку с остатками леденцов. А то этак, прыгая, вовсе недолго рассыпать.

Между прочим, она бы и вовсе поела бы охотно.

– У ведьмы... но она ведь... она ведь помогла мне! Она морок сняла!

– Сама навесила, сама и сняла, – фыркнула Мудрослава.

– Объясните?

– Да чтоб мы сами понимали.

– Ты ей...

– Нет, ничего не говорил, только... подозреваю, что если так, она сама... и знаешь, это ведь её идея.

– В смысле?

– Она сказала, что нельзя оставлять тебя без присмотра. Что... Старомысл, он воспользуется ситуацией. И ты не устоишь. А надо уберечь. Упредить. И... и стало быть, знает. Не может, не знать.

– А Старомысл?

– Думаю, давно уже нет вашего Старомысла, – заметила Летиция. И по тому, как эти двое переглянулись, поняла, что правду сказала.

– Возможно... но... зачем?

– Поймаем – спросим, – отозвалась рыжая, сползая с подоконника. – Ну? Кто со мной?

– Яра...

– Да угомонись. Надо этого найти... Повелителя. И рассказать... обо всем, – последнее она сказала с тяжким вздохом. И следом вздохнула Мудрослава Виросская, тоже сползла с подоконника, поглядела как-то виновато и сказала:

– Извини.

И Летиция встала. Не то, чтобы она покойников боится, нет, совершенно. Но оставаться одной не хотелось категорически.

Да и не разумно это, если ведьма в округе бродит.

А ведь...

Ведьма.

Старая.

Очень старая.

– Она врет, – Летиции удалось поймать нужную мысль. – Она выглядит молодой. Очень. И красивой. Но на самом деле она старая... очень и очень старая...

– Ты не представляешь, насколько, – сказали из-за двери.

А потом та открылась.

И Летиция с тоской поглядела на жестянку с карамельками. Как-то не казались они сколь бы то ни было серьезным оружием. Против ведьмы иное надо. Мощи там святых и...

И мощи не помогут.

Она вошла осторожно, бочком, придерживая юбки, которые были пышны по последней ладхемской моде. Её невысокий парик был припудрен и украшен шелковыми бабочками. Белоснежное лицо походило на маску, и черная мушка над губой лишь усиливало сходство.

– Вы... – Летиция почти не удивилась. Она давно подозревала, что именно эта матушкина подруга ведьма не только по характеру. Правда, тут же спохватилась. Одна ведьма в двух местах одновременно существовать не способна.

А почтенная вдова давно уже при дворе.

Еще до рождения Летиции место получила. И место, и мужа... муж давно уже отошел в мир иной, а место вот осталось.

– Что с настоящей стало? – поинтересовалась она, подумав, что матушка огорчится. Впрочем, одним поводом больше, одним меньше.

– Думаю, давно уже того... сожрала, – рыжая дернула плечом.

– Какие выражения, ваше величество, – с насмешкою сказала ведьма. И поглядела на Летицию. – У тебя помада размазалась. Вот, взгляни.

И зеркальце протянула.

Только от этого зеркальца Летиция отступила подальше. Не такая уж она дура, чтобы в ведьмины зеркала глядеться.

– Кто ты? – потребовала ответа Мудрослава. – И... что тебе надо?

– Ведьма, – Летиция все же взглянула.

И прищурилась.

Обличье ведьмы поплыло. Будто... будто и вправду маска, только иного нематериального свойства.

– Она... старая... очень. Притворяется молодой, но на самом деле ей даже не сто...

– Почти триста, – сказала ведьма, скидывая украденный облик.

И обернулась девицей.

Красивой.

Летиция даже ощутила укол ревности. Не бывает, чтобы вот так... в триста лет... матушке уже за сорок и у неё морщины. А у этой лицо

гладкое, белое. Черты изящные, только... только неживое оно, это лицо. И глаза мертвые.

Нехорошие глаза.

Смотрит с прищуром. С насмешкою.

– Знаешь, а потому-то твой брак и допустили, – произнесла Яра. – Ну, она-то могла прикинуться мужиком. Но прикинуться – одно, стать – другое... и я знаю тебя.

– Как не знать, государь милостивый, – ведьма издевательски поклонилась. – Когда я вас спасла.

– Спасла... Древояр женился. Еще когда. И жену свою прятал... один лишь раз на пиру она была. И я узнал. Все думал, где же я руки эти видел, такие белые, такие... ни у кого больше таких не было.

А и вправду хороши. Узкие ладони, тонкие пальцы. Вот самой Летиции руки от матушки достались, все же не хватает им толики изысканности.

– Только шрама не было. Был бы шрам, я бы сразу понял.

Она подняла ладонь.

И поглядела.

– Догадливый мальчик.

– Зато понятно, как она к Древояру... он хотя бы жив?

– Вряд ли. Слишком мало в нем осталось. Хотя силен был... и долго упрямялся. Но любое упрямство перебороть можно.

– А... Старомысл?

– Мой сродственник, но бестолковый... я ему одно говорю, а он возомнил себя самым умным. Но тоже сильный. Пригодилось. Сильный ведьмак хорошо питает, – ведьма облизала губы. – Если бы вы знали, до чего обмельчали люди за последнюю сотню лет.

– Ты убила старуху, – встрепенулась Летиция. – Я вспомнила! Я еще удивилась... такая красивая женщина и убийца!

– Что ты вообще знаешь о женщинах, девочка, – ведьма покачала головой.

– Помогите! – пискнула Мудрослава. – Что? Тут же легионеры... и вообще место это. Помогут.

– Нет, – улыбка ведьмы стала шире. – Не помогут.

– Но...

– Помогите! – вот Летиция кричать умела. Даром что ли голос развивала на уроках вокалу. Правда, стоит признать, что голос у нее

был изначально, в отличие от слуха.

Пригодилось.

– Тише, – ведьма прижала палец к губам. – Здесь никто и ничто не тронет меня. Почему? Да потому, что я хозяйка...

Она раскрыла руки.

– Я вернулась домой... мама, слышишь? Я вернулась! Я нашла способ! И я спасу тебя! Слышишь, мама?!

И голос её зазвенел. Звоном ответили стекла в окнах. А после и рассыпались. Звоном отозвалась собственная голова Летиции. Зарычала рыжая Ярослава, сделав шаг вперед. И рука её хватанула воздух.

– Забавные, но... не время, – сказала ведьма и бросила свое зеркало. А то, коснувшись пола, разлилось, расплескалось черным морем. И Летиция моргнуть не успела, как провалилась в эту черноту.

Не она одна.

Но... но провалилась же.

А откуда-то издалека донесся безумный смех ведьмы.

Вот ведь...

Рядом, громко и хрипло материлась Ярослава. Почему-то данный факт успокаивал.

Глава 46

Где многое проясняется, но все одно понятней не становится

«Подарила тогда старушка девице ленту красную для волос. Сказала, мол, заплетай в косы и не будет во всем селе девицы краше. Но помни, коль чужие руки ленты коснуться, то заберут от неё всю-то силу. Так оно и случилось. Стала сиротка волосы чесать да лентой повязывать, и стала хорошеть день ото дня. Сделалась круглолика и румяна, бровями черна, глазами лукава. Все-то парни на неё заглядывались, а паче иных – мельников сын»

Сказка о проклятом даре, хитром мельнике и сиротке Геле

– Идем, – я встала первой. – Идем отсюда... смыл тут сидеть? Среди мертвецов.

Их слишком много, чтобы я чувствовала себя спокойно. Хотя... о каком спокойствии вообще речь? Главное, что и Ричард поднялся.

– Надо...

– Наверху. Все наверху...

– Погоди. Здесь немного.

Пара страниц, но, чую, дерьма на них собралось изрядно.

«Анна постепенно завладела мной. Я даже не сразу осознал. С каждым её визитом, с каждой ночью она становилась сильнее. А я слабел. Я не замечал того. Она заморочила мне разум. Она говорила о том, что мне следует сделать. Она сумела сделать так, что на собственного сына я стал смотреть как на помеху. А однажды и вовсе всерьез задумался над тем, чтобы избавиться от него. И эта, совершенно мерзкая мысль, заставила меня очнуться. В ту же ночь я попытался изгнать Анну. Не смог. Я ослаб. Да и клятва не позволила. А она лишь смеялась и говорила, что я глупец. Как прочие. И теперь-

то всецело нахожусь в её власти. Самое страшное, что она была права. Я хотел сказать проклятому, но не сумел произнести ни слова. Мне кажется, правда, что он догадывается о чем-то, хотя и не обо всем. И глядя на мои мучения, он поинтересовался, не стоит ли им с Ричардом совершить объезд владений. Боги, с каким облегчением я разрешил ему. Они уедут и надолго, до первых морозов. А у меня будет время подумать».

Мы стоим близко.

Не так близко, чтобы совсем уж, но... ближе, чем можно. Чем стоит. И... и в голове вертится-крутится всякое.

«Анна больше не притворялась. Она приходила каждую ночь. А я понимал, что именно она разбередила ту старую рану. И еще что я виноват. Однажды я спустился в подвал. Я желал сжечь её тело, не понимая, почему этого не сделали раньше. Но оказалось, что огонь не способен причинить ему вреда. Мой клинок, однажды пробивший шкуру демона, не оставил и следа на бледной коже Анны. А она смеялась. Она говорила, что договор, заключенный с госпожой, дарует ей бессмертие»

Вот ведь... а так можно?

– Так можно? – поинтересовалась я у Ричарда.

– Нет, – тот оторвал задумчивый взгляд от страниц. – Плоть, конечно, можно преобразить, но... бессмертие? О нем и в Империи не мечтали. Ксандр и тот не вечен.

– Тогда...

– Тут скорее речь о неуязвимости плоти.

Охренеть. Существенное различие.

– Дело в том, что демоны... из числа высших, они весьма отличаются и от людей, и даже от низших демонов именно своей неуязвимостью. Существует теория, что их тела на самом деле не плоть, но воплощенная энергия, сила, и потому-то поразить её так сложно. Это как... в облако мечом тыкать, – нашелся Ричард. – Только плотное.

Облако, стало быть.

Мечом тыкать бесполезно. Огонь, как выяснилось, тоже не причиняет вреда. Зато понятно, почему покойница здесь. Если мертвое остается мертвым в пещере, то хоть какой-то шанс, что это, мать его, древнее прекрасное зло, не восстанет.

Но вот саркофаг с замками могли бы и организовать.

«Анна говорила. Теперь уже яростно. Зло. Сколько ненависти накопилось у неё. Ко всем. К отцу, который лишил Анну нормальной жизни. К чернокнижнику, что обрек её на вечный голод, а после и вовсе подчинил душу. К моему несчастному предку с его любовью. К людям. Зато теперь я знаю, что произошло тогда. Она носила дитя. Дитя, обещанное демону и способное стать ключом к его темнице. Дитя той самой крови, которая сдерживает запоры. Анна говорила, что собиралась убить и мужа, и братьев его, чтобы осталось лишь это дитя. Но тело её, измененное тьмою, и боль, и все-то ритуалы, что проводились над Анной, сыграли свою роль. Она помнила, что родила, а потом испытала преогромную ярость, с которой не сумела справиться. И душа её окончательно отделилась от тела. Более того, эта душа угодила в зеркало, словно в ловушку».

А зеркало... потерялось.

Нет, не само... тот подземный ход, который обнаружил приятель Ричарда, вел, вероятно, из замка. И во времена стародавние, может, был не настолько тайным. Чернокнижник спасся, унеся дитя... хотя, конечно, зачем оно ему? Не важно.

«Анна очнулась уже в ловушке. Она могла наблюдать за происходящим в Замке, но и только. Она бродила по зеркалам, не способная дотянуться до людей. А чернокнижник и дитя исчезли».

– И договор был нарушен, – задумчиво произнес Ричард. – Нельзя нарушать договор с демоном. Ничем хорошим это не закончится.

Я вот так сразу и поверила.

Хвост вон прижался к ноге, а я замерла.

«И все же я не могу понять, как получилось, что за столькие годы существования в плену, она не исчезла. Нежить, сколь бы ни была отлична от человека, все же имеет некие сходные черты. Она нуждается в пище, пусть даже пищей служат силы души. И заключенная в зеркале, Анна должна была бы раствориться в нем. Но не растворилась. Что причиной тому? Сделка ли, заключенная с демоном? То, что она сама ему уподобилось? Обретенная неуязвимость плоти? Не знаю».

– Все и сразу, – тихо сказала я. – И еще эта вот штука... древняя... с зеркалами. Межмирье и... она там, если верить, до сих пор жива. Демоница. И ждет. Чего?

– Меня, – спокойно ответил Ричард. – Это ведь очевидно.

Да ну?

Мне вот нисколько.

Хотя...

– Все хроники... все, что я вовсе слышал. Все это сходится в одном, – терпеливо пояснил Ричард. – Младшего бога заперли на кровь рода Архаг.

– И?

– И пока кровь жива, замок держится.

– А если...

– Если случится так, что кровь иссякнет... здесь зависит от условий первичного заклатья. Возможно, оно рассеется.

– Но, возможно, и нет?

Сложная это штука, магия.

– Вполне, – согласился Ричард. – Более того, оно может стать необратимым. Вечным.

Неожиданный поворот. Или ожидаемый? Для древнего могучего демона?

– Но...

Как-то все равно не укладывается.

– Неотвратимые заклатья наложить непросто. Я, честно, лишь читал о них. Нужна жертва. Добровольная жертва. И если речь идет о крови, то жертва всех, в ком есть эта кровь.

Добровольная.

Ага.

Вот что-то подсказывает, что не все из рода Архаг согласились бы пожертвовать собой во имя всеобщего светлого будущего.

– Поэтому и использовали подобный способ... в общем, в основном, когда проклинали кого-то. Но и то редко. Были попроще... есть мнение, что душа того, кто взывает к божественной силе, а именно она лежит в основе неотвратимых заклятий, отдает свою душу и посмертие.

Еще веселее.

– И ты...

– Мой предок не был один. Были еще двоюродные братья, дети их. И... и много кто кроме, – кажется, Ричард точно знал, в ком дело. Уж не в той ли женщине, о которой рассказывал Командор. Или,

вернее, в её ребенке? Рода Архаг... и да, наверное, я бы тоже не отдала своего ребенка в жертву за все блага мира.

Понимаю.

И...

«Анна пребывала в забвении, пока не нашлась та, кто вызвал её из забвения»

– Я.

«Моя несчастная супруга... я так оберегал её от всего, что её пугало, внушало ужас. Я пытался создать для неё безопасный мир. И потому она с легкостью поверила обещаниям чудесного зеркала. Она стала той незримой нитью, что вновь соединила Анну с миром сущим. Впустила в этот мир. Сперва, как часто сие бывает, речь шла о малой уступке, о капле крови, которое поглотило зеркало, став залогом заключенной сделки».

Ну вот сам же виноват!

Сам!

И все равно жалко их. До боли в сердце жалко. И молчу. Кусаю губы.

«Анна рассказывала... рассказывала со смехом, с издевкой, наслаждаясь моей болью. О том, как воспользовалась несведуществом моей жены. Она украдала её тело, подменив душу. И я до сих пор не знаю, получила ли моя Анна свободу. И только теперь, когда пишу эти строки, я вновь удивляюсь тому, что и мою жену звали, как это проклятое отродье. Будто недобрый знак, один из тех, которым суждено остаться непонятыми».

– Моя мать...

– Она в зеркале, – я дернула плечом. – Стало быть, мне не примерещилось. А...

– Я виноват.

– В чем?

– В том, что... я знал. Понимал. Я должен был отдать зеркало отцу. И он бы...

– Это треклятое зеркало отличается повышенной живучестью, – я знала, что вряд ли мои слова успокоят. Но и молчать было подло. – Его не уничтожили ни тот... Арван, ни его братья, хотя они точно понимали, в чем дело. Оно как-то... выжило. Спряталось. А потом нашлось. С вещами такое случается. Я знаю. И может... может совсем

не случайно твой друг отыскал тот тайный ход... как оно вообще туда попало?

Спросить?

У кого?

У усмехающейся покойницы, которая пялилась нам в спину. Неуязвимая, стало быть... не бывает такого. Я, дитя насквозь рационального мира, точно знаю, что не бывает.

Ни абсолютной силы.

Ни...

Демонов.

Ну, с демонами вопрос, конечно, но вот абсолютная сила... как показывает практика, на каждое заклятое колечко свой вулкан найдется.

«Анна сказала, что я исполню предначертанное. Что я должен вернуться в город и освободить ту, кого она именует Повелительницей. И тогда сама Анна обретет жизнь. А еще миру воздастся по заслугам. Если же я откажусь, Анна уничтожит меня так же, как и моего бедного доверчивого предка. Смерть мне не страшна. Смерть по сути избавление. Но страшно оставлять сына. Я попросил об отсрочке, сделав вид, что боюсь, что ослаблен и изможден, что душа моя пребывает полностью в её власти. И она, уверенная в своей близкой победе, отступила»

– А он...

«Я принял яд. Верное средство, которое не позволит никому и ничему завладеть моим телом. Я пишу эти строки, ибо яд и близость смерти освобождают от всех данных клятв. Я, правда, пребываю в сомнениях. Анна когда-то поклялась не причинять зла моему сыну. И поскольку она уже мертва, у неё нет лазейки, которой воспользовался я. Она вынуждена будет затаиться. Но мой сын не так силен, ко всему по-юношески порывист. С него станется искать мести, а стало быть, он нарушит этот уродливый хрупкий мир. И сам станет легкой добычей твари, которую я уже не могу назвать и душицей. Анна нечто совершенно иное, сильное и коварное, опасное. А потому я оставляю эти записи человеку надежному с тем, чтобы он сохранил их и поместил в укрытие, недоступное для нежити. И если все же мой сын отыщет их, а я смею надеяться, что рано или поздно его душа, поврежденная, все же исцелится, он проявит большее благоразумие»

Вот... вот что-то я сомневалась.

«А заодно уж простит меня за слабость. И за то, что не сумел защитить свою семью».

Последняя страница.

И строки рваные, нервные.

«Проклятый город. Закрыт. Не лезь»

Вот и все.

Еще кусок головоломки, который, правда, мало что проясняет, но...

Ричард закрыл тетрадь и прижал её к груди. Огляделся. Щека его дернулась...

– Знаешь, – сказал он. – А ведь дэр Гроббе все исполнил в точности. Здесь нет места более надежного. И более защищенного от нежити.

А у меня в голове одно крутилось.

Щучья мать...

Щучья, чтоб его... мать.

Глава 47

В которой Светозарный готовится к подвигу и встречает демона

«Уснул король, а с ним и королева, как были, на золотых тронах сидя. Уснула стража, а с ними и премудрые Советники во главе с самим Великим Старцем. Уснули фрейлины и статс-дамы, девицы и кавалеры, слуги и служанки в замке, конюхи и кони, птичницы и птицы. И не осталось ни одного существа живого, которое бы спаслось от ведьмино проклятья.

Огляделась тогда ведьма. Засмеялась зловецким смехом и, крутанувшись, обернулась прекрасною принцессой. Сняла с неё одежду, а саму, спящую, передела служанкою и на кухню сволокла. Легла ведьма в гроб хрустальный, смежила веки и принялась ждать»

«Сказка о спящей красавице»

В замке что-то изменилось.

Неуловимо.

Светозарный огляделся. Будто... будто тише стало. Хотя, конечно, и прежде было не особо-то шумно. Где-то задрожал и истаял нежный звук.

И еще один.

Светозарный положил руку на рукоять меча. Вот ведь... его собственный клинок куда как лучше. Он отцом подарен, когда тот еще надеялся, что Светозарный за ум возьмется и выберет, раз уж ему охота случилась Храму служить, путь в приличном ордене.

Меч был...

Был.

Сотворенный известным мастером. Удобный. Достойный. И... не такой. Как-то вот прежде Светозарный тоже того не понимал, а теперь вот понял.

Бестолочь.

Чья-то рука перебирала струны, выплетая престранную мелодию. Она одновременно и завораживала, и вызывала стойкое желание бежать. Прочь? Или наоборот.

– Эй... – собственный голос утонул в пустоте.

Светозарный остановился.

Ночь.

Все давно... спят?

Спят. Как брат Олаш, что вытянулся у двери. Он стоял, опираясь на древко копья, и спал. Точно спал. Его дыхание было спокойным, а на губах играла мечтательная улыбка.

– Эй, – чуть тише произнес Светозарный.

И отступил.

После решительно толкнул дверь, чтобы убедиться, что спит не только брат Олаш. Янош вытянулся на кровати, как был, в доспехе. А ведь он доспех недолго любил, постоянно ворчал, до чего неудобно в железе. Остальные...

Дышали все.

А музыка просачивалась сквозь камень, норовя заглянуть в самую душу.

Светозарный вытащил клинок. Что бы здесь ни происходило, это... это определенно не нормально. Он вышел, прикрыл дверь, надеясь лишь, что, коль люди до сих пор живы, то так оно дальше и будет. Он знал, куда надо идти.

Туда, где надрывалась лютня.

Или это не лютня?

Он и шел.

Переступил через девицу, которая заснула прямо в объятьях кавалера, в виде донельзя непотребном. Через храпящего островитянина, что сполз по стене, но секиры из рук не выпустил. Прошел мимо ладхемок, что потерялись в пышных своих платьях.

И черной груды доспехов, возле которой остановился.

Как проверить, жив ли тот, кто изначально живым не был? Артан попытался перевернуть тело Легионера, но то оказалось невероятно

тяжелым. Впрочем, доспех рассыпаться не спешил, как и оборачиваться прахом, и Артан решил, что это, в принципе, неплохо.

Должно быть.

Еще один Легионер лежал в проходе.

Пара – в пустой обеденной зале. Здесь же обнаружился и Лассар. Проклятый ступал медленно, словно в полусне. То и дело останавливаясь. И тьма его норвила выплеснуться, только вновь ручейками да каплями, пробиралась под доспех.

– Командор, – позвал Артан, но голос его оказался слаб. Музыка почти стерла его. – Что с...

– Уходи, – прогудел Лассар. – Уходи... пока можешь... как ты вообще...

А затем осел на пол.

Грудой железа.

Вот ведь. К нему Артан и подходить не стал, просто на всякий случай. Он отступил, раздумывая, есть ли смысл звать на помощь, когда откуда-то сверху на плечо рухнул попугай. Птица отряхнулась и слегка заплетающимся языком сказала:

– Сома тебе в...

А куда именно, не уточнила, глаза закатились, а лапы стиснули плечо. Пришлось попугая аккуратно отдирать и укладывать на стол.

Артан подошел к картине, которая... изменилась?

Определенно.

Нет, никуда не исчез белоснежный, вырезанный в камне, город. И ужасное чудовище, что разрушало его. Барельеф по-прежнему завораживал и...

И музыка эта.

Откуда она?

Белые линии поплыли, прямо на глазах складываясь в новую картину. Город... тот же? И тот, и другой. Полуразрушенные дома. Пустынные улицы. Сумрак... как белым можно передать сумрак?

Вуаль тумана.

И тела, что лежат на улицах... тела знакомые до того, что Артан пятится.

Брат Янош? Он в доспехе и... доспех не защитил его от тварей, что терзали тело.

Островитяне... ладхемцы... все здесь.

– Что это? – спросил Артан, а потом опомнился. Кому он задает вопросы?

Острые плети расплзались, ошестинившись шипами. Они оплетали и тела, и дома, спеша затянуть их колючей стеной.

А за ней уже высился белоснежный замок.

Белее белого.

Прекрасней всего, что когда либо видел Артан.

Он отвернулся.

– Это твой замок, – зашептала тьма в душе. – Твой и только твой... ты достоин... ты старой крови... у тебя есть корона и меч.

– Нет, – он не поддастся.

Не собирается поддаваться. Но он все же обернулся, чтобы увидеть прежнее полотно. Он даже потрогал, убеждаясь, что барельеф существует. Здесь и сейчас. Пальцы коснулись плотного слегка холодноватого камня.

А чудовище ухмыльнулось.

И...

Артан отвернулся и решительно отправился прочь. Он... он не допустит, чтобы вот так. Он должен найти того, кто играет...

Ту.

Она сидела в комнате с высокими окнами и широкими подоконниками. Окна были распахнуты и серая предрассветная мгла укутывала её ноги. И белоснежное платье, такое легкое, казалось сплетенным из этой мглы.

Как и сама она.

Дева.

Дева беломраморная. Артан замер, не рискуя движением выдать себя. Но был замечен.

– Ты пришел, – сказала дева, дернув струну. И выронила лютню, которая упала на грудь человека, только сейчас замеченного Артаном. Кажется, это кто-то из местных певцов. – Мой повелитель.

Прозвучало издевкой.

– Я пришел, – сказал Артан, и старый меч с готовностью скользнул в руку.

– Ты пришел, чтобы обидеть меня? – дева замерла.

Она была...

Прекрасна.

Пожалуй. Настолько прекрасна, насколько может быть прекрасна сама мечта. Артан же... было бы ложью сказать, что он вовсе не помышлял о женщинах. Все же орден не требует невозможного. И обеты целомудрия, если и давались, то исключительно добровольно.

А он...

Случалось в жизни. Разное. И девы тоже. Порой даже очаровательные. И красивые. И... и красота любой поблекла бы рядом с этой вот.

– Кто ты? – спросил Артан.

Корона на голове вдруг показалась невероятно тяжелой, да и меч тоже. К чему меч? Кого он боится? Женщины? Этой вот... хрупкой и нежной...

...усыпившей всех, кто был в замке?

Она двигалась, словно перетекая из одной позы в другую. И вот уже она рядом. Тонкая рука тянется. Пальцы гладят щеку Артана.

– Какой красивый мальчик... я тоже красивая?

– Очень, – не солгал Артан.

Вспомнилось вдруг... старая библиотека. И таз. Кровь. Свечи. Шепот... заклятье, что подсунула ему, бестолковому, книга.

– Ты мог бы полюбить меня.

– Пожалуй, – согласился Артан, взглядываясь в лицо, совершенное каждой чертой своей. – А ты? Ты могла бы полюбить меня?

– Пожалуй, – она засмеялась в ответ.

Ложь.

– Если ты сделаешь меня Императрицей. А ты ведь можешь...

– Могу. Наверное, – меч слегка нагрелся в руке, и вряд ли причиной тому собственное Артана тепло. Этот меч дрожал и желал...

– Чудесно... – она сама потянулась к губам, желая запечатлеть поцелуй. – Мы будем править вместе... мы будем чудесной парой... мы...

Меч сделал поворот, и голова девицы покатила по плитам пола. Она катилась и катилась, пока не остановилась, упершись в стену.

Крови не было.

Тело осело на пол и рассыпалось белым жирным пеплом.

– Надо же, – сказал Артан, поскольку тишина сделалась совершенно невыносимой. – Какая старая опытная ведьма...

Голова тоже почти истаяла, оставив желтоватый череп.

Артан же поднял лютню, покрутил в руках и, тронув струну, поморщился. Звук вышел злым, нервным. И...

И старый меч перерубил лютню тоже.

Артан подумал и согласился.

Меч, он опытный. Он лучше знает, что делать. И когда лежавший на полу человек пошевелился, Артан понял, что был прав.

Когда же человек заговорил...

– Сома тебе... – посоветовал ему Артан. – Куда-нибудь.

Как случаются катастрофы?

Незаметно.

Это я точно знала. Спускаешься вот в глубины подвальные. С благой целью открытия тайн. Задерживаешься там ненадолго. Почти устраиваешь личную жизнь, ибо было ли то влиянием демонической крови или же собственническими чувствами меня-прошлой, но я поняла, что не собираюсь уступать Ричарда. В общем... не суть важно.

Главное, что возвращаешься, новым знанием отягощенный, а тут...

Тут катастрофа.

Как еще назвать ситуацию, когда пропали все невесты.

– Я требую объяснений, – не слишком бодро произнес ладхемский посол и поморщился. Голова у него болела. И не только у него.

– Госпожа Мудрослава исчезла, – скрипучим голосом заговорил вироссец. – И не только она.

Люди загомонили, и с каждой минутой голоса их становились громче.

– Тихо, – рявкнул Командор так, что и у меня коленки подкосились. Потому и оперлась на руку Ричарда, ну, и еще как-то спокойнее, что ли.

– Моя сестра... – заговорил степняк, нервно сжимая плетку. – Нам было обещано, что девушкам не причинят вреда. Но... где она?

И не только она.

Раз, два, три, четыре и пять... пять невест, а осталась одна я несчастная. И прямо-таки шкурой ощущаю всеобщее неодобрение.

И внимание.

Пристальное-пристальное. Так смотрят, когда прикидывают, как бы половчее шкуру содрать. А я... она у меня одна. И несдирабельная.

– Я сожалею, – тихо произнес Ричард. – Что все произошло именно так. И клянусь... силой своей, жизнью своей, именем своим и первозданной Тьмой, что не причастен к случившемуся.

На его ладони появился клубок тьмы.

И люди отступили.

Все равно не верят. Даже если он собственное сердце вытащит, клянясь, что не причастен. Все одно не поверят. И хмурятся. И тянутся к оружию. Сдерживает их...

Не знаю.

Остатки разума? Или страх? Что бы это ни было, надолго не хватит. А если кто-то решит напасть, если... легионеры здесь же. Стоят у стен. Наблюдают за гостями. Они придут на помощь своему Повелителю, но но это будет означать конец всему.

– Что это было за создание, – нарушил тишину Светозарный. – То, которое я убил? Прекрасная дева, а на проверку... сперва я решил, что это ведьма. Но теперь вижу, что ошибся.

Его передернуло.

Останки существа принесли сюда же. Уродливое. Тонкое тело с какой-то чрезмерно раздутой грудной клеткой и непропорционально маленьким тазом. Длинные руки. Короткие ноги. И голова. Самое странное, что походила она скорее на голову огромной птицы, чем на человеческую.

– Полагаю, что сайрин, – Ричард убрал тьму с ладони. – Правда, очень старый... и они обычно в горах обитают.

Люди оглянулись на горы, что виднелись где-то там, в предрассветной туманной дымке. А я подавила зевок и угрызения совести. Принцессы пропали, а мне спать хочется. С другой стороны, я ведь не виновата, что они пропали. И ночь выдалась долгой.

Очень, очень долгой.

– Их создали еще в Империи. Развлечения ради. И... потом, наверное, они одичали. И вот... – Ричард замялся. – Информации немного, но сайрины могли менять облик. Они чувствовали людей, и выбирали то, что те хотели видеть. Правда, я думал, что их уже не осталось. Ошибся.

– В чем еще ты ошибся? – невежливо перебил островитянин. – И где девушки?

Где, где... я прикусила губу.

А Ричард вздохнул. Оперся на меч. И сказал:

– Полагаю, нам есть, кого спросить об этом.

Глава 48

Где мертвое восстает к жизни, а чернокнижник добивается своего

«И жили они долго и счастливо»

Нереалистичный финал сказки

Это была плохая идея.

Очень-очень и очень плохая идея.

Но я промолчала, потому что других идей, хороших, не было. Вот совсем. Я заглянула в покои ладхемок, застав рыдающих фрейлин, испуганных служанок и тихих, пытающихся быть незаметными слуг.

– Демоница! – завизжала уже знакомая мне дамочка, которая до моего появления тихо возлежала на кушетке и, судя по виду, планировала или помирать, или что-то вроде. Но увидев меня, дамочка передумала и швырнула чем-то... каким-то святым. – Это она! Она пришла пожрать нас всех! Помолимся...

Я поспешно убралась.

Ну их...

В дверь же с той стороны что-то ударило, весьма увесистое. Может, особо святой сапог или обыкновенная ваза. Проверять не хотелось.

Виросски тоже рыдали, но как-то так, сдержанно, лишь периодически подвывая, причем отчего-то хором.

В покоях степнячки царило запустение.

И только на смятой постели тихо увядала роза.

Островитяне и вовсе не пустили меня. Говорить ничего не стали, но седовласый мужик с секирой, вставший перед дверью, ясно намекал, что мне тут не рады.

Нигде не рады бедной демонице.

Да что ж это...

Тогда-то и пошла я туда, ну, к лестнице вниз, куда уже отправился Ричард с послами, легионерами и Командором.

– Мне это не нравится, – сказала я Ксандру, маячившему у раскрытых дверей. – Её нельзя оттуда выносить. Она... она такая живая...

Он не ответил.

Но выражение лица стало таким, что...

– Ты знал её. Мать Ричарда? И отца? Он говорил тебе, что нашел дневник. Или записи... и как он умер? Он написал, что принял яд. А она... она его разум забрала.

Получилось сбивчиво.

И... и вообще не знаю, имею ли я право рассказывать о таком? Тем более сейчас...

– Знал, – Ксандр провел ладонями по лицу. И выражение его сделалось таким... таким тоскливым. – С Ричардом я познакомился, когда тот был еще ребенком. И не скажу, чтобы знакомство радовало.

– Почему?

Нам ведь страшно. И мне. И ему тоже. Он мертвый, но все равно боится. А чего?

– Когда я вернулся таким, как сейчас, меня не убили. Но и нельзя сказать, чтобы приняли. Скорее уж... я стал нежитью. Полезной. Удобной. Но нежитью. Командор... он тоже был нежитью, но его опасались. И потому сослали в вечный сон. Я... не хотел такого.

– Мне жаль.

Мне и вправду жаль. Наверное, я что-то не понимаю. Я все-таки дитя другого мира, который не знает ни демонов, ни тварей. И мертвые там мертвы.

А здесь... здесь сложнее.

Но все равно.

– Ты странная. Для демона.

– Да я не демон просто... – к чему уже тайны на пустом месте. – Не полностью, во всяком случае. Ошибка в ритуале и... и я жила в другом мире. А он меня вот... и с демоном.

Я погладила хвост, что сам, утешая, ткнулся в руку.

– И получилось.

– Получилось, – вздохнул Ксандр. – Анна... знаешь, теперь я понимаю, что с ней было не все ладно. Она... она менялась. То сидела часами, уставившись в одну точку, будто не живая. То вдруг вскакивала, начинала что-то делать, суетиться. Смеялась просто так.

Тогда... честно, я подумал, что она сошла с ума. Случается. Здесь тяжело нормальным людям.

– Не заметила.

– А это не сразу... и не на всех. Люди разные. Кто-то всю жизнь проживет и не почувствует, что здесь что-то не так. Эти и селятся. А кого-то через месяц кошмары начнут изводить. Потом и вовсе... у безумия сотня лиц. Но я промолчал. Не мое дело. Я привык к тому, что очень многое здесь – не мое дело. Приглядывал вот... но не уберег. Если бы знал, от чего беречь...

Я кивнула.

– Он меня едва не убил. А потом... потом много всякого было. Но когда мне велели убраться, я кое-что понял.

Молчание.

И проход темен. Если... если я спущусь, я ведь не помешаю? Я вовсе должна была бы быть там, внизу. Но мне страшно. И стою. Слушаю Ксандра.

– Ричард пришел в себя не сразу. Точнее он приходил, но... на меня смотрел не он. Что-то другое. И это другое... пугало. Оно... она... моя суть начинала просыпаться, та, иная, которая и сделала меня нежитью. Оно требовало убить.

– Кого?

– Кого-нибудь.

– А ты...

– Знаешь, мне кажется, я тогда уже понял, что... в общем, высоко в горах есть одно место. Хижина. Я её поставил... для себя и поставил. Когда совсем тошно становилось, можно было укрыться от всех.

В первую очередь, полагаю, от заботливой родни.

Но молчу.

– Там хорошо. На пару дней пути вокруг ни поселений, ни людей вовсе. Оно... то, что было... оно цеплялось за Ричарда. И угрожало, что сожрет его душу. Умоляло. Обещало. Но потом ушло.

– И...

– И я не стал рассказывать об этом. Если бы мне задали вопрос, я вынужден был бы ответить.

Но вопросов не задавали. В самом деле, кому они нужны? Кому вовсе интересно, что думает мертвый, раздражающий своей мертвостью, родич.

– Я молчал. Обо всем. Я... когда его отец умер, я вздохнул с облегчением. Знаешь, не отпускало чувство, что и он сам стал не совсем нормален. Иногда он так смотрел на Ричарда, что я начинал бояться за него. Но с другой стороны сына он любил.

Пожалуй.

Ошибся, но...

– Правда теперь... понимаешь, дело в том... еще тогда, когда меня только призвали. С Ричардом случилось, что он что-то делал, а потом не помнил об этом. И... и как знать, ушло ли то, что поселилось в нем?

Я поежилась.

И... не нашлась с ответом.

Анна улыбалась.

Лежала и улыбалась. С издевкой, словно не сомневаясь, что все-то будет именно так, как сейчас. Но глядя на эту улыбку, Ричард вдруг понял, что женщина больше не кажется красивой. Нет, она была, несомненно, весьма собою хороша. Но разве это имеет значение?

Черты лица.

Волосы.

Тонкие белые пальцы, что сплелись на груди. Сама эта грудь, подчеркнутая тканью... за спиной кто-то сплотнул. А еще кто-то прошептал, кажется, слова молитвы.

– Я не знаю, что будет, если её вынести отсюда, – сказал Ричард. – Но здесь мы точно не получим ответа.

– Тогда... – вперед шагнул островитянин. – Чего маяться? Вынесем, и порешим.

Он с легкостью подхватил тело, которое повисло на руках. И белый саван взлетел лебединым крылом, опустился на пол. А платье сползло, обнажив длинные изящные ноги.

– Говорите, ей несколько сотен лет... – задумчиво произнес Светозарный. – Разве тело не должно было...

– Тело – должно было, но... тут есть сложности.

Светозарный кивнул. А потом зачем-то подошел к покойнице и положил ладонь на её грудь. Прислушался к чему-то. И, вытащив меч, сунул его рукоять под сплетенные руки.

– Не знаю, но мне кажется, что так будет правильно. Постарайтесь не уронить...

– Погодите, – очнулся степняк и потянул за пояс. – Если примотать, то так оно надежнее.

Пояс оказался длинным и плотным. Им меч примотали к телу. А ладхемский посол, ничего-то не говоря вслух, обернул вокруг запястий кожаный шнур, приматывая их к рукояти.

Шнур казался тонким.

Но посол сказал:

– Он достался мне в наследство от прадеда. А тот был знаком с одним святым...

И Ричард подумал, что мир на самом деле не так уж и велик, да и вряд ли в нем будет так уж много святых. Но мысли эти оставил при себе.

Шли...

Островитянин поднимался. Медленно, чуть покачиваясь. И уже там, на другой стороне, отдал свою ношу Командору.

– Знаете, – ладхемский посол в какой-то момент оказался рядом. – Ситуация весьма сложная... особенно с учетом способностей девушек.

– И?

– Мы весьма обеспокоены их благополучием. Все же, несмотря ни на что, их высочества – родные дочери. Мой господин весьма их любит. И случись что, будет огорчен.

– Мне жаль.

И чувство вины было острым. Не стоило затевать все это... демоница, невесты... как подобное вообще в голову пришло?

– Я все же надеюсь, что с их высочествами все хорошо.

– Они живы, – виросец вытащил из-под воротника склянку на нити. – Матушка её высочества была весьма одарена. Пусть она и не умела даром пользоваться, но кое-что сотворила. Пока огонь горит, её высочество жива. А стало быть, с высокой долей вероятности, и ваши высочества тоже.

– Моя сестра, – отозвался степняк. – Жива. Я чувствую её. У нас свой дар.

И прижал раскрытую ладонь к груди. А вот островитянин ничего не сказал.

Так и шли.

Вверх.

И уже там, встретившись взглядом с обеспокоенною демоницей, Ричард молча развел руками. Он ведь не хотел, чтобы так получилось. Он...

– Куда? – поинтересовался Командор.

А и вправду, куда? Ричард задумался. Поглядел на тело. Тело оставалось телом. Недвижимо. Бездыханно. С чего он вообще взял, что от него можно чего-то добиться?

– Зеркало, – демоница как-то взяла и оказалась рядом. И за руку взяла. – Она ведь там. Отдельно. А тело тут. И если... соединить?

Идея была тоже не самой здоровой. Но с другой стороны...

В лабораторию бы... но зеркало даже сдвинуть не получилось. Так. Думать надо. Если не получится отнести покойницу в лабораторию, то можно поднять кое-что из.

– Ксандр, – Ричард отряхнулся. – Черный мел. Свечи. Омелу. Лунное серебро. Все, что для вызова надо.

– Малый алтарь?

– Его тоже.

Люди слушали. И не стоит надеяться, что забудут. Не забудут. Более того, расскажут остальным, добавив от себя малость. А те другим и... слухи поползут.

Плевать.

Это будет потом.

– Пока не подготовлю ритуал, стой тут.

Надо было вообще сперва подготовить, а потом уже за телом отправляться. Все-таки он, Ричард, на диво безответственный. И показалось, что в ушах звучит скрипучий голос отца.

Потом.

Все потом.

В матушкиных покоях все также пахло лавандой. Резкий терпкий запах. Раздражающий. От него начинает болеть голова. И Ричард замирает на долю мгновенья.

Воспоминания...

Мелькают и исчезают.

– Смотри, – матушкин голос раздается издалека. – Смотри внимательно и увидишь... ты ведь хочешь узнать, что случилось с твоим другом... тогда смотри.

И чернота зеркала подрагивает. Еще немного и на нем проступят тени. Ричард увидит.

Становится страшно.

И он отворачивается, а видение ускользает. Проклятье. Нельзя верить. Душницы тем и славятся, что способны заморочить почти любого.

– Что? – демоница рядом. Она обеспокоенно заглядывает в глаза, и от нее пахнет лесным костром. – Все хорошо?

– Не особо. Пстой там.

Зеркало встало не слишком удобно. Но в принципе круг получится. И Ричард молча приступил к делу. Руки двигались сами, да и нужные руны вставляли одна за другой, послушные, как никогда.

Свечи.

Травы.

Малый алтарь.

– Дай её сюда, – сказал Ричард и Командор молча перевалил тело. Тяжелая. Вот еще одна странность. Красавица выглядела такой невероятно хрупкой, а меж тем весу имела прилично.

Ричард переступил через черту.

Тело он усадил, подперев спину стулом, так, чтобы смотрело оно на зеркало. И то заволновалось, пошло черной рябью, потом и вовсе выплонуло кусок тьмы. Тот пополз по раме, оставляя черные капли, словно кровь.

С мечом пришлось повозиться. Ричард вовсе подумал, чтобы убрать его. Все же древний артефакт с неизвестными свойствами... но оставил.

Переступил границу вновь.

Замкнул круг.

Зажег свечи.

И привычно провел ритуальным клинком по запястью. Красная кровь упала на алтарь, а губы зашевелились, произнося древнее заклятье. Мелькнула мысль, что сам по себе призыв души мало отличается от призыва демона.

Пламя свечей задрожало и вытянулось, превратившись в тонкие нити. А те потянулись выше. И еще выше. И слегка изогнулись, выпустили новые нити, создавая узорчатый купол пламени.

Зеркало заволновалось.

А вот покойница осталась неподвижна. Все-таки надо было убрать меч.

Надо было...

– Ты здесь, – спокойно сказал Ричард, когда тишина надоела. – Я чувствую тебя. Покажись.

Зеркало вспучилось пузырем, выпустив...

Мама?

– Ричард! – она была именно такой, как Ричард запомнил. Очень бледной. Очень худой. Почти прозрачной. И протянула бледные руки. – Ричард!

Призрак качнулся и...

Рассыпался, коснувшись огненной стены. Комнату сотряс крик боли. Люди... про людей он почти забыл. И про демоницу, которая держалась рядом.

Хорошо, что она рядом.

– Ричард, – призрак матери появился вновь. – Ты освободил меня! Я знала, что ты меня спасешь!

По бледной щеке сползла слезинка.

– Иди же ко мне... обними меня.

– Ты – не она, – Ричард произнес это с трудом. – Ты – не она.

– Что ты такое говоришь? Мальчик мой... он тебя все-таки изуродовал. Страшный, страшный человек... я так любила его! И что он сотворил с нами? Ты мне не веришь? Понимаю. Но я могу... я могу доказать, что я именно твоя мать. Я все знаю... все-все про тебя знаю. Помнишь, у нас был секрет?

Она прижала палец к губам. С каждым мгновением призрак обретал плоть. А вот тело так и оставалось неподвижным. И неужели он все-таки ошибся.

– Хочешь, я расскажу о нем? Но тогда узнают все... все-все. И секрет перестанет быть секретом.

– Ты можешь знать все мои секреты. Но ты – не она. Анна.

– Видишь, ты и имя мое знаешь.

– Знаю.

Призрак подошел к краю круга. Он улыбался. И да, внешнее сходство сохранялось, но и только. А еще Ричард помнил эту улыбку, слегка безумную.

– Ты – это она. Анна. Та Анна, которую когда-то давно спас чернокнижник...

– Глупость.

– А потом мой несчастный предок. Ты обманула его.

– Не только его. Вас всех! – она все-таки рассмеялась и хлопнула в ладоши. – Таких умных. Таких знающих. Таких... ослепленных своим величием!

Люди слышали?

Несомненно. Она для них и играла. Вот бледная рука коснулась огненной стены.

– Это вы виноваты... вы... во всем!

– Хватит, – спокойно сказал Ричард. – Смотри, этого ты желала? Своего тела? Ты заключила договор... с кем?

Смешок.

– Ты знаешь.

– Знаю. Что ты обещала?

– Ничего.

Так не бывает. Демоны не занимаются благотворительностью.

– И вообще, ты злой. Я не хочу с тобой разговаривать, – она отвернулась.

– А со мной? – тихо произнесла демоница. – Со мной ты разговаривать будешь? Хотя... можешь и не говорить. В конце концов, что мы теряем-то? Тело отнесем обратно в пещеру. Пусть себе и дальше лежит.

Она говорила спокойно, даже расслабленно...

– Ричард, ты говорил, что здесь еще замки есть?

– Есть.

– Входы в пещеру можно завалить, что один, что другой. Замок... пусть Легионеры присматривают. Мертвым ты навредить не способна. А живые переедут. Как тебе такой вариант?

– Не пос-с-смеешь! – душница извернулась.

– Почему же? Говорить ты не желаешь. А оставлять... пускай. Пару сотен лет еще поблуждаешь по здешним зеркалам.

– Ты не найдешь их! – теперь глаза душницы блеснули алым. – Никогда и ни за что!

– Да, – согласилась демоница. – Неудобно вышло на самом-то деле... с другой стороны, бывает. Ричард не виноват. Я тоже. Тебя мы

запрет. Компенсацию выплатим... что еще-то? Памятник поставить можем. Жертвам призрака.

– Я не призрак!

– Да неужели? Бесплотна. И не способна ни на что...

На этих словах поверхность зеркала вспучилась черным пузырем. А тот лопнул. И брызги тьмы полетели в людей, заставив тех отступить. Правда, барьер выдержал.

– Я? Я не способна?! Да ты...

– Брызгаться нехорошо, – отозвалась демоница, демонстративно стряхивая несуществующие брызги с пальцев. – Что о тебе люди-то подумают. А пугать... пугать и я могу.

Огненные крылья за спиной её развернулись. И сама демоница вспыхнула от макушки до пят. Пламя было желтым и... ласковым?

Оно сбегало по одежде, падало на пол оранжевыми каплями.

И пахло почему-то камином. Тем самым, перед которым он, Ричард, сидел рядом с матушкой.

– На самом деле, – задумчиво произнесла демоница. – Тебя и трогать нужды не было. Ты заключила договор. Обрела неуязвимость тела, но вот беда, душа от него отделилось. Так вы и жили, оно, неуязвимое, там, внизу. А ты вот здесь...

– Ты... – лицо душницы исказилось. Хотя все одно она оставалась невероятно ужасающе красивой.

– Обидненько, наверное. И чернокнижник твой ушел. Ты его так любила, – демоница опустилась на пол. Она села, скрестив ноги, и руки на них положила, хвост обернулся вокруг колен, а огненные крылья сомкнулись над головой. И пламя с них побледнело. – А он тебя бросил. Сволочь.

– Сволочь, – согласилась душница. – Все они...

– Это точно... они ведь там, принцессы? В Мертвом городе?

– Откуда...

– А где им еще быть-то? – явно удивилась демоница. – Ну не в зазеркалье же... думаю, то зеркало, которое получила ты, было способно на многое. И именно с помощью его твой чернокнижник ушел. Он и твой ребенок. Так?

– Да, – душница тоже опустилась на пол, позой повторяя демоницу. – Он сказал, что я... я должна пойти следом. Что сил хватит.

– Вы для этого всех и убили? Он? Или ты?

– Жерва. Сил было мало. А надо много.

– Она... та, с которой ты заключила сделку. Она должна была пройти через зеркало, так? И получить свободу. И для этого ты...

– Я должна была принести жертву. Своего ребенка. Ребенка с нужной кровью, – теперь душница говорила очень спокойно. – Я так устала... знаешь, это очень утомляет, постоянно убивать. Сперва... в первый раз я плохо понимала, что они делают. Отец и Нес. Был ритуал. Мне стало лучше, правда, потом я начала слабеть. Каждый день. Второй ритуал... и это ощущение, что я живу. Снова живу!

Она вновь изменилась.

Бледная девочка, такая юная, такая хрупкая.

– А потом опять слабость. И ритуал. Раз за разом...

– Но он придумал штуку с камнем?

– Да... и ритуалы стали не нужны. Только и камня хватало ненадолго. И каждый раз я думала, что... что, может, проще было бы всем, если бы я умерла? Но мне так хотелось жить! Так... и отец говорил, что это глупости, что... кто сильнее, тот и выжил. Я это ему и сказала. Потом. Позже. Понимаешь?

– Понимаю.

– А она... она предложила поменяться. Мой камень на зеркало. Сказала, что тело... тело – это мелочи, что она... она может сделать так, что тело никогда больше не будет слабым. Или больным. Или... и я согласилась! А она... она сказала, что я должна взять зеркало. Что... когда у меня появится дитя... что нужно, чтобы это дитя было той крови. Она устроит, чтобы я попала в замок. И он влюбится. В меня нельзя не влюбиться. И я сумею. Я принесу жертву. На зеркале. Тогда оно и откроется. И она получит свободу. И я... я тоже стану свободна. Свободна и неуязвима!

Глава 49

В которое в определенной мере достигается взаимопонимание

«А паче иных тварей немертвых, порождений Тьмы и Бездны, да будут прокляты те, кто вызывает их, след опасаться тех, что способны заглянуть в разум человеческий. Они-то и выискивают слабости, кои у всякого есть, дабы использовать их во поражение души. И порой, лукавы, столь умело мешают правду с вымыслом, что даже человек, того не желающий, верить начинает»

*«О тварях тьмы и бедах, ими творимых»,
трактат, писанный неизвестным монахом.*

Я смотрела на эту... эту вот... душицу. Древнее зло? Ну, не совсем, чтобы древнее, но все-таки зло. А не похожа. На зло. Сидит. И глаза полны слез. Вот только стоит ли им верить?

Хочется.

И мне даже жаль её.

Она ведь просто хотела жить. Обыкновенное такое желание. Вполне себе человеческое. А получилось... что получилось.

– Почему ты не исполнила договор?

– Не знаю. Просто... я сначала... знаешь, она ведь тоже обманула! Это не было жизнью! Все вдруг стало таким... таким ненастоящим! – она всплеснула руками. – Я ела и не чувствовала вкуса. Пила и тоже не чувствовала вкуса. Я играла в жизнь, но не жила! А еще он!

– Кто? Арван или твой чернокнижник?

– Оба. Один решил, что он самый умный. И второй не лучше... один все допекал меня своей любовью. Второй обещал, что... я ведь его любила. Раньше. До города. На самом деле любила. Я бы сделала все, что бы он ни попросил. И потом тоже... понимаешь, любовь тоже

поблекла, но я не хотела в это верить. Так ведь неправильно. Совсем-совсем неправильно. И я думала, что продолжаю любить. И делала. Для них. Потом я потерялась... а ребенок родился. Вот. Больно было. Так больно. Только боль настоящая. И тогда я поняла, что... что не могу с ним это сделать. Убить. А Нес сказал, что через зеркало можно уйти. Всем. Что-то он такое прочитал и... и был уверен, что получится. Надо только сила. Много силы. Много-много!

– И вы убили всех.

Она кивнула.

Вытянула призрачные руки и посмотрела.

– Когда они умирали, я чувствовала себя живой. И зеркало... у Несы тоже получилось. Он раз и ушел. А я... я тоже. Следом. Только...

– У тебя уже не вышло.

Точнее вышло, но частично. Душа застряла в ловушке зеркала, а тело осталось, такое вот неуязвимое. И предкам Ричарда не осталось ничего, кроме как заточить его в пещере. Думаю, они пробовали убить, да только... и записей не оставили.

Спрятали мертвеца среди мертвецов.

Умно.

– Видишь, – сказала я. – Как все просто. И ты находилась там... долго.

– Долго. Арван меня спрятал. Он понял все. Он так меня любил, глупый, глупый повелитель, – улыбка душницы была полна безумия.

А я подумала, что это логично.

– Он забрал мое зеркало. И я приходила к нему. Мы говорили. Он рисовал, рисовал все... хотел нарисовать меня такой, чтобы почти настоящей. Чтобы обмануть демона. Отдать ему рисунок, а я вот... назад бы.

План, достойный сумасшедшего. Или одержимого? Если подумать, то вполне даже логичный.

– Но у него ничего не получалось. Пришлось его убить.

– Через зеркало.

– Замок злой. Я не сразу поняла, что там, на другой стороне, он меня не видит. И что зеркал в нем много. Пряталась. Пряталась. Арван зеркало тоже укрыл. Сказал, что в особом месте, где никто и никогда его не найдет.

Ошибся.

Все люди ошибаются. Другое дело, что иные ошибки дорого обходятся. Безумный взрослый. И пара мальчишек, которые просто искали клад...

– А хочешь расскажу секрет? – душница склонила голову набок. – Честно-честно расскажу! Его!

И указала пальцем на Ричарда, который стоял за моей спиной. Я почувствовала его присутствие, и оно помогало держаться. Собственный огонь больше не обжигал, да и одежда не спешила рассыпаться пеплом.

– Нет, – я покачала головой. – Захочет, сам расскажет.

– А он не помнит, – отмахнулась душница. – Все-все позабыл... жаль... мы с ним так славно играли.

Она вдруг дернула головой и переменилась. Исчезла молодая девушка, зато появился паренек. Светловолосый, вихрастый и донельзя похожий на Ричарда.

– Помнишь меня?

– Прекрати, – я произнесла это жестко. – Если не хочешь и вправду остаться одна.

– Да ладно, – Ричард произнес это почти равнодушно. – Пусть себе. Это ведь неправильно, когда человека лишают памяти. Даже для его блага. Мой отец вот тоже не говорил, что собирается сделать... для моего же блага.

– Твой ребенок. Он стал чернокнижником, – попыталась я свернуть с неудобной темы. – Несиар его учил. Всему, что знал.

– Он дал слово. Иногда его сложно нарушить.

– А когда твой сын вырос, он отправился сюда... зачем? Чтобы освободить тебя?

– Сын? – с удивлением переспросила душница. – Какой сын? У меня родилась дочь!

А я почувствовала себя полной дурой.

Ричард почувствовал, как что-то изменилось.

Там. В круге.

И по за кругом.

– Несиар определенно был мужчиной, – сказал Светозарный, выступив из толпы людей. – Его тело опознали...

Он замолчал.

А... свечи задрожали.

Пламя.

– Дочь, дочь, дочь... моя хорошая славная девочка... очень хорошая... очень славная, – залепетала душница, и голос её, тонкий, нервный, звенел. Звон этот породил головную боль.

И страх.

– Назад, – Ричард ощутил, как стремительно иссякает сила, что держала круг. И вот, чуть мигнув, погасла первая свеча.

Медленно поднялась демоница, распахнув огненные крылья.

Открыла глаза та, что лежала в круге. Её тело выгнулось, губы раскрылись и до Ричарда донесся низкий рык. Словно отзываясь на него погасла вторая свеча.

– Девочка моя... хорошая славная девочка... я знаю! Знаю! Она так долго притворялась, что сама потеряла свое лицо. Но теперь все будет иначе... она мне поможет. Я знаю!

Душница крутанулась и исчезла, рассыпавшись туманом. Туман окутал лежащую на земле фигуру.

– Что за...

– Назад! – рев Командора заглушил голоса людей. И Ричард кивнул.

Правильно.

Живым здесь не место.

Он взял демоницу за руку и потянул на себя. За спину. Ей бы тоже уйти, но она не уйдет. Почему? Кто знает. Может, из упрямства, может, по какой другой причине.

Анна поднималась медленно.

Дернулась нога. И вторая тоже. Тело выгнулось, а руки раскрылись, пытаясь оттолкнуть рукоять старого меча. Натянулись кожаные шнуры и показалось, что они вот-вот лопнут.

Выдержали.

И женщина открыла глаза. Взгляд её был полон гнева.

– Ты... – она оскалилась, глядя на Ричарда. – Ты ничего не помнишь. Помоги мне. И я верну память. Тогда ты узнаешь правду. И наш с тобой маленький секрет.

Свечи погасли. А за спиной выросли молчаливые шеренги легионеров.

Хорошо.

Что бы здесь ни произошло, дальше тварь не выпустят. А она все же встала.

Сильная.

Сколько сожрала она? Многих... и потом затаилась. На годы. Впрочем, пару лет для нежити – это не срок.

И Ричарда бы сожрала, если бы не клятва.

– Ну же, подойди. Или боишься? – она подняла руки и шелковый пояс змеей сполз с тела. Натянулся тонкий шнурок. – Боишься, что они узнают правду? Или вон она? Ты знаешь, что нельзя верить демону? Хотя... какой из нее демон? Обычная девица, которая привторялась... обманывала.

Ричард качнул головой.

– Я знаю. Все.

– Все? Все-все-все? И то, кто на самом деле их убивал? Начиная с твоего друга? И остальных тоже...

– Прекрати, – сказала демоница, выступив вперед.

Огонь на крыльях полыхнул жаром, заставив тварь попятиться. И лопнул с тихим звоном шнурок, а громко, слишком громко, упал меч, освобождая тварь.

Та же потянулась.

– Что ты мне сделаешь? А? – поинтересовалась она. И раскрыв ладонь толкнула воздух. Удар пришелся в грудь Ричарда, откинув его в сторону. – Ничтожество! Ты всегда принадлежал мне! Слышишь? Всегда!

– Нет!

Дыхание выбило. Сердце почти остановилось. А Ричард подумал, что он был дураком, надеясь, будто сумеет справиться с древней хитрой тварью.

Пламя перед глазами взвилось стеной. Загудело. Рухнул кучей железа Легионер, но место его занял другой... их много, но Ричард должен.

Встать.

И выстоять.

Он Повелитель Тьмы. Он...

– Бездарь. Ошибка, – голос твари хлестал жестко. А сама она улыбалась. И двигалась. Так мягко. Крадучись. И когда огненный

хвост демоницы стеганул по рукам, тварь лишь рассмеялась. – И ты тоже... недодемон и последний из проклятого рода... забавно.

Стрела вошла в плечо твари, но та легким движением руки выдернула её.

Ни капли крови...

Откуда кровь у отродья тьмы?

Оскал.

И надо ударить... тело... нет, плоть – это лишь оболочка. Ричард усмехнулся. А потом поднялся, вытер кровавый нос – вечно он подводит – и сказал:

– Дочь, стало быть... может, подскажешь, где её искать?

– А ты так и не понял? – тварь остановилась, широко осклабившись.

– Поясни дураку, сделай милость...

У неё черные глаза. Тьма... та самая тьма, которая знакома с малых лет. Только сейчас она не пугала. Совершенно. И Ричард чувствовал её, слышал.

Понимал.

А она понимала Ричарда.

– Там же, – бледные губы разомкнулись. – Где и всех. Угадаешь, чье лицо она примерила на сей раз?

Тьма потянулась к Ричарду.

Коснулась его.

Впиталась в кожу. Она была такой... родной. И радовалась встрече. Тварь же не сразу поняла. Она стояла и улыбалась.

Ричарду.

И... и кажется, он мог бы вспомнить. Если бы захотел. И наверное, нужно было вспомнить. Хотя бы, чтобы понять, что произошло тогда.

Раньше.

И кто виноват.

И...

Тварь все-таки сообразила. Древней она была. Опытной. Крик её отразился в стенах. Взметнулись руки. Взлетели, смыкаясь над головой, и опали бессильно. Да и сама она рухнула на пол, чтобы рассыпаться грудой пепла. И только завоняло, резко так, мерзко.

Ричард не выдержал, чихнул.

– И-извините, – сказал он, вытирая нос рукавом. Все-таки надо что-то с этим делать.

– Да ничего, – Светозарный подал руку легионеру, помогая подняться. – А... что ты сделал?

Он подошел к телу. От твари остались иссохшие кости, слегка припорошенные пеплом. Наклонившись, Артан поднял меч, примерился и одним движением перерубил шею. Круглый череп откатился в сторону, чтобы вновь же быть разрубленным.

– Я... не очень специалист, – сказал извиняющимся тоном Светозарный. – Но так мне как-то... спокойнее, что ли.

– Тело. Её тело было неуязвимо, – Ричард почувствовал на переносице теплую руку. И крылья обняли, словно утешая. – Но не душа. А тело без души существовать не может. Душа же её давно пропиталась тьмой.

Он поднял руку, глядя на неё и тихо добавил:

– А я все-таки Повелитель Тьмы. Вот и позвал её. Тьма ушла. А то, что осталось... слишком мало осталось, чтобы удержаться.

– И... что мы дальше делать станем? – демоница убрала крылья.

А жаль.

Красивые.

Ричард вздохнул и ответил:

– Искать... и ты права, им больше негде быть, кроме как в Мертвом городе.

Вместо эпилога

Брунгильда сжимала рукоять секиры. Крепко. И стояла. На твердом. Ухало в груди сердце, но страх сменился злостью.

Попалась!

Как же...

Под ногами клубился туман. И серая муть была до боли знакомой. Куда ни глянь, всюду одно и то же, но... надо успокоиться.

Путь.

Раз уж у нее дар имеется, то самое время ему ожить.

Ну же...

В тот, прошлый раз, она отыскала дорогу, а ныне...

Где-то в тумане раздался плач.

И Брунгильда хмыкнула, пристроив секиру на плече. Бежать на помощь она не собиралась, но вот... вот под ногами сама собой вытянулась тонкая тропка. Стало быть, дар? Или еще одна ловушка. Не ступишь – не узнаешь.

Брунгильда ступила.

Первый шаг дался с трудом. Второй уже легче. Третий... и четвертый.

– Чего реवेशь? – спросила Брунгильда, увидев впереди тень. Тень была до боли знакомой. Вот она отняла руки от лица.

– Ты!

И прыгнула навстречу да так споро, что Брунгильда и секирой взмахнуть не успела. Тень, обернувшись Летицией Ладхемской повисла на шее. Правда, может, и не она.

– Боги, я так перепугалась! А мы тут... тут... и представляешь... – она что-то там говорила, а Брунгильда слушала краем уха, раздумывая, что, наверное, эта все же настоящая.

Откуда?

Да просто... чуялось так.

– И эти потерялись, – пожаловалась Летиция Ладхемская, окончательно успокаиваясь. – А еще мы не успели рассказать.

– О чем?

– О том, что чернокнижник – женщина!

– Вот... – Брунгильда огляделась. Туман не поредел, но тропа под ногами уводила куда-то вдаль. – Думаю, это самая меньшая из наших проблем. Идем.

– Куда?

– Туда, – она махнула рукой. – Раз уж дорога... глядишь, и выведет.

Вывела.

К Ариции Ладхемской, которая не рыдала, но просто сидела, то ли на камне, то ли на клочке тумана, перебирая серую муть пальцами.

– Мягкая, как шерсть, – сказала она. – А вы тут тоже...

– Тоже, – согласилась Брунгильда.

– И я вот... заблудилась.

– Ничего, как заблудились, так и найдемся... ежели все вместе.

Тропа не спешила исчезнуть. Более того, теперь она стала словно бы шире. И вовсе на дорогу походила... точно, на дорогу. Хорошую такую. На Островах таких не было. Широкая. Камнем мощеная. И столбы стоят, высоченные.

– Знаешь, – задумчиво произнесла Летиция Ладхемская. – Это все становится... пожалуй... более материальным, что ли?

Туман же побелел.

И поредел.

А дорога... любая дорога куда-нибудь да выведет. И Брунгильда бодро зашагала вперед, не оборачиваясь на хрупких ладхемок – хотя вот было в душе что-то этакое, недобренькое, что уж теперь-то они поймут. Знать бы еще что...

Теттенике сидела на обочине, задумчиво выплетая венки из неестественно огромных роз. Те щетинились шипами, но пальцы Теттенике как-то умудрялись не касаться шипов.

– Долго вы, – сказала она с упреком. И поднялась. А потом надела венок, который сомкнулся и превратился в корону.

Вот ведь.

– А эта где? – Брунгильда погладила секиру, успокаиваясь. – Мудрослава?

Теттенике молча указала вперед, туда, где сквозь зыбь тумана проступали очертания города. И не ошиблась. Мудрослава Виросская обнаружилась перед воротами. То есть, некогда это были ворота и

преогромные. Через такие и пара кораблей пройдет. А самое странное, что стояли они словно наособицу. Стены-то не было.

Стены не было, а ворота имелись.

Каменные колонны уходили куда-то ввысь, теряясь в тумане. И видно было лишь, что они где-то там есть, но где – не понятно.

А вот резьба, колонны эти украшавшая, сохранилась неплохо. Хотя тоже не понятно. Люди какие-то. Повозки. Корабли. Все и сразу.

– Ну вот! – радостно воскликнула рыжая сестрица Мудрославы, выглянув из-за колонны. – Говори...ла же, что явятся! Куда денутся.

Мудрослава вздохнула и закатила глаза.

А потом сказала:

– Где мы вообще?

Брунгильда же, коснувшись колонны, вдруг осознала, что мир вернулся. Тот, который настоящий. И это тоже было странно, но...

– Там, где и должны быть, – спокойно ответила Теттенике. – В Мертвом городе.

– Кому должны? – Летиция раздраженно смахнула с волос остатки тумана. – Я вот не помню, чтобы кому-то что-то задолжала...

Теттенике поглядела на нее с укором. А потом спросила:

– Жить хочешь?

– А выйдет?

– Не знаю, – серьезно ответила степнячка. – Но теперь у нас хотя бы появился шанс. Идем.

– Туда? – рыжая сунулась было в ворота, но была перехвачена рукой сестрицы.

– Туда, – подтвердила Теттенике. – Нас ждут... нас так давно ждут. И она устала ждать...

– Нас?

– Не только, – теперь глаза степнячки сделались черны. – Но он придет. Он не может не придти теперь.

Прозвучало как-то... не слишком обнадеживающе.

Конец второй части.